

СВЯТАЯ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦА,

СОДЕРЖАЩАЯ

ПОУЧЕНІЯ

НА

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ,

НА

КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

И

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ,

ЕВЛАМІЯ,

бывшаго Архієпископа Тобольскаго и Омскаго.

МОСКВА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
зурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Пе-
тербургъ. Мая 24 дня 1857 года.

Цензоръ

Іоаннъ Яхонтовъ.

*Постися постоми прїятными
благоугодными Господеви.*

*Иынь ближайшее намъ спасеніе ; — ночь
прейде, а день приблизися, отложимъ дѣла
телная, и облечемся во оружіе свѣта, яко во
дни благообразно да ходимъ. (Рим. 13, 11—13).*

НАПУТСТВІЕ

ВЪ СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

Преддверія отверзюшася пощенія, поприще приближается воздержанія: горящимъ усердіемъ возстанемъ, пріемлюще даръ Богоданый. (Сред. сыр. утр. пѣсн. 3-й).

Когда путешественники намѣреваются предпринять дальній, трудный и опасный путь: то обыкновенно разматриваютъ пространство подлежащаго имъ пути, опасности и труды, на немъ предстоящія, и, имѣя въ виду главную цѣль путешествія, ограждаютъ себя различными совѣтами, предостереженіями, нужными пособіями, средствами.

Чада, пекущейся о спасеніи нашемъ, св. Церкви! По гласу св. Церкви мы готовимся те-

перь вступить въ великое поприще святой четыредесятницы. И намъ нужно обратить взоръ на предлежащій путь, и, имѣя въ виду цѣль, съ какою св. Церковь, вѣрная наша наставница и руководительница къ небу, вводитъ насъ въ великій подвигъ поста,—уготовать себя, дабы вступить въ оный со вниманіемъ, шествовать бодрственно, совершить съ спасительнымъ плодомъ.

Велико предлежащее поприще и по продолжительности времени, а еще по важности духовныхъ подвиговъ, заповѣдуемыхъ намъ Церковію. Это время особенно предназначается намъ въ воспоминаніе подвиговъ Самаго Спасителя нашего, четыредесятдневнаго поста Его и спасительныхъ страданій Его, дабы и намъ, по мѣрѣ возможности подражать въ самоотверженіи Божественному Подвигположнику нашему. Такъ, —и Онъ Пресвятый—безгрѣшный, и Онъ Богъ нашъ, Господь нашъ, Знждитель нашъ постился и молился за насъ, алкалъ и жаждалъ, понесъ искушенія отъ діавола, скорбѣлъ, тужилъ, проливалъ слезы за насъ, наконецъ пострадалъ, былъ распятъ и на крестѣ истощилъ жизнь свою ради насъ. Какъ же намъ грѣшнымъ, въ самихъ себѣ носящимъ осужденіе, какъ намъ для собственнаго нашего очищенія не скорбѣть, не тужить, не положить обузданія своимъ грѣховнымъ склонностямъ, привычкамъ, пристрастіямъ, непрестанно душевныя силы наши расто-

чающимъ , тѣлесныя ослабляющимъ, достоинства духа нашего растлѣвающимъ , и насъ отъ истины и добра, отъ вѣчнаго нашего блага, — Бога непримѣтно всегда болѣе и болѣе удаляющимъ? Если и въ это, особенно освященное на душеспасительныя подвиги, время, не послѣдуемъ за Спасителемъ нашимъ путемъ креста Его, не поскорбимъ съ Нимъ , не будемъ участниками самымъ дѣломъ спасительныхъ страданій Его: то какими устами прикоснемся къ пронзеннымъ ребрамъ Его , какъ облобызасемъ живоносныя язвы Его, съ какимъ чувствомъ поклонимся страстямъ Его, какъ ощутимъ радость свѣтоноснаго воскресенія Его?

Постъ четырехдесятницы есть священное время духовныхъ подвиговъ для христіанъ. II св. Церковь такъ приучила насъ отъ юности взирать на оное, что часто мы сами этого времени ожидаемъ для исполненія благихъ нашихъ намѣреній, дабы въ это благодѣтельное и спасительное время , какъ обуреваемымъ собраться въ пристанищѣ, какъ больнымъ уврачеваться отъ ранъ, какъ блуждающимъ разыскать путь истины и утвердиться на немъ.

Потому-то св. Церковь, какъ мудрая дѣтководительница, постепенно ведя насъ къ духовному совершенству, но и вѣдая поплзновенность нашу ко грѣху , преднаписуетъ намъ особенно въ сіе время постъ, для очищенія нашего тѣла и тѣлесныхъ чувствъ, преднаписуетъ умиленную

и сокрушенную молитву, для очищенія нашего духа и внутреннихъ чувствъ, преднаписуетъ безмолвіе и уединеніе, дабы въ отрѣшеніи отъ молвы житейской безпрепятственнѣе приближаться къ Богу, наконецъ преднаписуетъ покаяніе и внѣшнее исповѣданіе грѣховъ, дабы намъ въ истинномъ раскаяніи и чистой совѣсти, сложивъ съ себя множество грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ, примириться съ Богомъ, потщиться достойно ходить предъ Нимъ во всякомъ дѣлѣ благомъ и достигать въ единъ духъ съ Господомъ чрезъ приобщеніе спасительныхъ страданій и живоноснаго воскресенія Его.

Итакъ при самомъ входѣ во святое поприще чистымъ усердіемъ уготовимъ себя къ послѣдному подвигу поста, дабы воздержаніемъ очистить и внѣшнія и внутреннія чувства наши, и будемъ просить Господа, да укрѣпитъ насъ благодатною силою своею, чтобы, сколько возможно, каждому изъ насъ уврачевать, исправить, исцѣлить въ себѣ тотъ душевный недугъ, ту немощь сердца, ту болѣзнь духа, которыя всего болѣе омрачаютъ нашъ умъ, растлѣваютъ наше сердце, и производятъ нестроеніе во всей жизни и дѣлахъ нашихъ. Съ такими расположеніями при помощи Божіей надлежитъ намъ вступить въ подлежащее поприще!

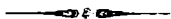
Но дабы спасительный путь воздержанія и очищенія совершать съ благодатнымъ плодомъ: то, какъ чада послушанія, отложивъ всякое не-

согласіе и немилосердіе, всякое нареканіе и прекословіе противу ближняго, тѣмъ паче всякое возношеніе и враждованіе, въ духѣ незлюбія, міра, любви вступимъ въ подлежащій подвигъ. Дѣланіе духовное, не какъ дѣло тѣлесное, и при глубокомъ уединеніи, при напряженнѣйшихъ усиленіяхъ и при внѣшнемъ мирѣ, но среди внутренней вражды и несогласія нельзя совершать благоплодно. Только въ союзѣ любви и міра можно истинно служить Богу любви и міра. Миръ и согласіе на поприщѣ погони будутъ укрѣплять насъ въ терпѣніи, облегчать въ трудахъ послушанія, утверждать въ чувствованіяхъ смиренія, будутъ питать въ насъ духъ молитвы; мы съ откровеннымъ лицемъ будемъ представлять предъ лице Господа и въ частной, — домашней, и общей молитвѣ въ храмѣ, и въ чувствѣ упованія съ дерзновеніемъ взывать къ Отцу Небесному: Отче Небесный! Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Вступимъ же радостно въ поприще погони, какъ въ поприще благодатнаго просвѣщенія ума, очищенія сердца, укрѣпленія къ добру воли, направленія господствующихъ въ насъ слабостей и пристрастій; вступимъ въ упованіи на Бога, въ глубокомъ вниманіи къ себѣ, въ благой рѣшимости духа на всякое добро предъ Богомъ; вступимъ во взаимномъ мирѣ и любви. Совершая такъ поприще святаго подвига, мы

сподобимся благодатию Христовою съ чистымъ сердцемъ срѣтить радостный день Воскресенія Христова , во внутреннемъ чувствѣ у слышать сладостный гласъ воскреснаго Господа, привѣтствовать другъ друга съ радостію воскресенія Христова, а въ глубинѣ духа ощущать начатки блаженной радости будущаго нашего воскресенія.

Настави насъ, Господи, на путь твой, и поидемъ во истинѣ твоѣ. Аминь.

ГЛАСЪ ВЗАИМНАГО ПРОЩЕНІЯ

ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТИЦУ.

*Отче Небесный! остави намъ долги наша,
якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.*

Живя въ обществѣ, какъ въ великомъ домѣ и семействѣ, и долженствуя всемирно исполнять обязанности наши къ Богу во славу Его, къ ближнимъ во благо и назиданіе ихъ, къ самимъ себѣ въ благоустройство временной жизни и вѣчнаго спасенія нашего, и потому долженствуя жить благоугодно Богу, благополезно и назидательно для ближнихъ, непорочно въ отношеніи къ самимъ себѣ, а вопреки тому, живя противно Богу, соблазнительно для ближнихъ, губительно для собственного спасенія, сколько мы нашими слабостями и пороками, нашимъ неблагочестіемъ и легкомысліемъ, нашимъ небратолюбіемъ и разсѣянностію, нашимъ своеволіемъ

и самоугожденіемъ , сколько накопиаеиъ грѣховъ ! Накопиаеиъ какъ безчисленное множество долговъ.

Чѣмъ же мы воздадииъ за оскорбленіе святоети и правды Божіей , чѣмъ удовлетворииъ за нарушение обязанности святой любви къ ближнимъ нашимъ , чѣмъ вознаградииъ опущенія , тяжкія , неоплатныя опущенія въ отношеніи къ созиданію собственнаго нашего спасенія ? Чѣмъ оплатииъ эти нравственныя,—душевные и духовныя долги наши, за неуплату которыхъ угрожаеиъ намъ преисподняя темница вѣчнаго отчужденія отъ Бога, состояніе осужденія и геенскихъ мукъ ? Ниѣтъ никакой для насъ возможности удовлетворииъ за оныя самымъ дѣломъ, дѣйствиельнымъ съ нашей стороны заглаждеиіемъ, очищеніемъ. Одно только средство: просить Отца Небеснаго простити намъ долги наши и въ милосердіи Отца Небеснаго и самимъ намъ взаимно простити другъ другу прегрѣшенія.

Встуая нынѣ въ поприще св. поста,—какъ въ поприще очищенія предъ Богомъ и примиренія другъ съ другомъ, признаеиъ себя въ смиреніи и уничиженіи неоплатными , безотвѣтными должниками предъ Богомъ, тяжкими другъ предъ другомъ; некренно неповѣдаеиъ тайныя грѣхи наши предъ Богомъ, и простимъ, возлюбленные отцы, братія и чада о Господѣ, простимъ отъ сердца другъ другу не только поцо-

щенія и оклеветанія отъ несправедливаго видѣнія, слышанія, глаголанія, принятія нами, но и всякія обиды и озлобленія. Не простимъ только себя, а будемъ самихъ себя нещадно судить, осуждать, обличать, дабы непрестанно видѣть предъ собою грѣхи наши, во всей живости чувствовать и въ болѣзненномъ сознаніи обносить оныя всюду и всегда сознавать ихъ предъ Богомъ и людьми.

Итакъ стоя на предѣлѣ святаго поста, какъ на судѣ Божіемъ, возопіемъ и будемъ въ умиленіи и сокрушеніи вопіять къ Небесному Отцу: Отче Небесный! благостию Единороднаго Сына Твоего и благодатию Пресвятаго Духа отпусти намъ безчисленные долги наши! Обратимся и другъ къ другу въ кротости и смиреніи, въ уничиженіи и самоосужденіи и испросимъ и дадимъ взаимно отъ сердца оставленіе и въ всепрощеніи речемъ всѣмъ и каждый другъ къ другу: братіе и друзи, простите мнѣ во Христѣ прегрѣшенія мои, коими я оскорбилъ васъ волею и неволею, и—Преславіи услишнѣте смиренную молитву и искреннее исповѣданіе наше, благоутробно примѣте пощеніе и говѣніе наше къ очищенію душъ и тѣлесъ нашихъ, и Своєю благодатию, милостию и человеколюбіемъ простите и помилуйте всѣхъ насъ. Аминь.

НАВЕЧЕРЕ

СВЯТЫЯ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

Прииде постъ , мати цѣломудрія , обличитель грѣховъ , проповѣдникъ покаянія. (На стих. самогл. понед. 1-й нед. поста).

Когда день склоняется къ вечеру , солнце скрывается за небосклонъ , ночныя тѣни унадаютъ на землю , дневной трудъ прекращается , шумъ умолкаетъ , все притихаетъ : тогда мы чувствуемъ присутствіе ночи и снѣшимъ на покой.

Настоящій вечеръ и вечернее молитвенное собраніе преимущественно призываютъ насъ къ тишинѣ , къ миру , къ покою ; къ тишинѣ сердца , къ миру совѣсти , къ покою въ Богѣ , къ прощенію съ ближними , и по истинѣ прекращаетъ мольбу суетности и волненіе разсѣянности , утишаетъ дневной шумъ мірскихъ заботъ

и увеселеній, и какъ предвѣстникъ общей смертной ночи, отъ тревоженія страстей вводитъ насъ въ благодѣтельное пристанище душевнаго покоя.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько въ предшествовавшее дни, или лучше, въ предшествовавшее время было между нами шума житейской молвы и разсѣянности, пышности и великолѣпія, ликованій и суетныхъ увеселеній, сколько кипѣнія страстей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько огорченій, раздраженія, ревности, зависти? Ибо чѣмъ больше мірскихъ сборницъ и увеселеній, тѣмъ больше и празднословія, а чѣмъ больше празднословія, тѣмъ больше и пересудовъ, осужденія, разногласія, слѣдовательно и раздраженія и нестроенія.

Все это да прекратитъ, по гласу св. Церкви, эта ночь, преддѣлительница свѣтлаго дня св. поста. Прекратимъ наши забавы, отвергнемъ увеселенія, оставимъ суетную заботу о убранствѣ и украшеніяхъ. Умоемъ лице наше водою умиленія, облечемся въ одежду смиренія, препояшемся бодрственностію и трезвеніемъ, мысли наши соберемъ изъ разсѣянія, сердце отвлечемъ отъ предметовъ пристрастія, волю укрѣпимъ къ отризованію чувственныхъ слабостей; обратимся къ Богу мыслями, приблизимся къ Нему расположеніями сердечными, имеемъ за Него всею вѣрою, надеждою и любовію, и— Онъ призритъ на насъ Своєю благо-

стію, пошлетъ намъ сокрушеніе и умиленіе, и дастъ предстоящее поприще совершить во благоугожденіи Ему ко очищенію душъ и тѣлесъ нашихъ.

Мы своевольно грѣхами и беззаконіями своими удалились отъ Бога; надлежитъ намъ добровольно и приблизиться покаяніемъ и исправленіемъ къ Богу, отринуть пристрастія, удаляющія насъ отъ исполненія воли Божіей, возстановить въ себѣ владычество ума, озаботиться о чистотѣ сердца, о направленіи къ добру воли и исправленіемъ приблизившись къ Богу, примириться незлобіемъ и смиреніемъ и съ ближними, примириться самоосужденіемъ и самоочищеніемъ и съ самими собою.

Какъ послѣ бурнаго плаванія въ морѣ житейскихъ страстей и суетности намѣреваясь вступить въ благотниное пристанище благоугожденія Господу, возопіемъ Ему изъ глубины сердца нашихъ: Господи, Сердцевѣдче! прости намъ прегрѣшенія наши, которыми мы оскорбили святость и благодѣтельность Твою, прости и согрѣшенія, которыми оскорбили другъ друга, и введи насъ въ миръ, незлобіи и всепрощеніи въ благотниное пристанище святыхъ четьредесятницы. Простимъ и все другъ другу отъ сердца прегрѣшенія наши! Аминь.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ

ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ПОСТА.

Свѣтло усряцимъ поста входъ, вѣрнии, и да несътуимъ, но омыимъ лица наша безстрастія водою. (Пон. 1 седми. утр. троп. пѣс. 8).

Великое предпріятіе требуетъ и великаго приготовленія; трудное дѣло требуетъ и многихъ средствъ. Предлежащее поприще св. четырьдесятиницы, на которое извела насъ нынѣ св. Церковь, какъ особенное поприще подражанія четырьдесятидневному посту Спасителя, какъ подвигъ нарочитаго очищенія души, есть подлинно подвигъ не малый, дѣло не легкое для немощи нашей. А потому св. Церковь, какъ мудрая дѣтководительница, издавеча приуготовляла насъ къ сему подвигу, приуготовляла въ тече-

пін чотирехъ мнимошеснихъ седмиць самыми поучительными примѣрами и преднаписаніями. Приготовляла насъ на смиренный путь Христовъ униженіемъ надменнаго, фарисейскаго самооправданія и оправданіемъ смиреннаго мытарева самоосужденія. Приготовляла для обращенія къ Отцу Небесному самымъ утѣшительнымъ примѣромъ обращенія блуднаго сына, по легкомыслію юношескому оставившаго домъ отеческій, распутною жизнію расточившаго все полученное имѣніе, дошедшаго до послѣдняго состоянія униженія, и, въ чувствѣ печалія о себѣ, по въ упованіи прощенія отъ Отца, опять возвратившагося въ домъ отеческій, и, по безпредѣльной благодати Отца, воспріявшаго все прежнія права, все драгоцѣнныя преимущества сына. Приготовляла къ хожденію въ страхъ и трепетъ предъ Богомъ представленіемъ предъ взоры наши страшнаго суда, имѣющаго навсегда рѣшити на блаженство или злостраданіе участь нашу по дѣламъ нашимъ. Наконецъ, дабы возбудить въ насъ печаль по Богѣ о потерянномъ нами блаженствѣ и воспламенить ревность къ возвращенію онаго, въ минувшій день пренеполняла насъ печальнѣйшимъ воспоминаніемъ о изгнаніи прародителей нашихъ изъ райа сладости за преступленіе заповѣди Божіей, коей предпочтено злохитренное обольщеніе змійное, каковое преступленіе и на насъ всехъ, потомковъ Адамовыхъ, какъ естественное наслѣдіе,

перешло и отяготѣло со всеми послѣдствіями проклятія.

Такимъ образомъ св. Церковь, пріуготовивъ насъ къ св. поприщу поста, какъ большихъ къ врачеству, какъ блуждающихъ на правую стезю, какъ обуреваемыхъ къ благотнншему пристанищу, теперь отверзла намъ дверь и входъ, поставила насъ уже на самое поприще поста, дабы вести насъ въ мирѣ къ преднамѣренному.

Чтоже? Съ какими чувствованіями, съ какими расположеніями мы должны вступить въ подлежащее намъ поприще? Съ чувствованіемъ ли скорби,—съ расположеніемъ ли унынія? Нѣтъ! Съ чувствомъ духовнаго веселія, съ расположеніемъ духовнаго радованія вступимъ въ предлагацій намъ подвигъ: свѣтло уорящимъ поста входъ.

И не оскудѣтъ въ насъ сіе чувство, если мы будемъ взирать на предлагацій намъ подвигъ, какъ на истинный путь къ духовному нашему совершенству, каковымъ и есть постный подвигъ для насъ. И что есть въ истинномъ духѣ постъ? Есть не что иное, какъ совершенное приведеніе самихъ себя въ благоустроенное состояніе, приведеніе всѣхъ силъ существа нашего въ мирное, согласное дѣйствованіе. Истинный постъ есть очищеніе тѣла, проевѣщеніе души, освященіе духа; есть покореніе чувствъ

разуму, разума духу, духа Духу Божію. Истинный постъ есть устроєніе тѣла нашего въ храмъ Божій, устроєніе души во святилище благодатныхъ даровъ Св. Духа,—истины, правды, святости; устроєніе духа во единъ духъ съ Господемъ, дабы Духъ Христовъ дѣйствовалъ въ насъ *и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи, и мы бы не кътому себѣ живи, но умершему за насъ и воскресшему.* Словомъ: истинный постъ есть благоустроєніе себя благодатнымъ воздержаніемъ и молитвеннымъ очищеніемъ въ состояніе духовнаго совершенства, гдѣ мы вводимся въ Едемъ правоты ума, чистоты сердца, непорочности жизни, гдѣ слышимъ не грозный гласъ Бога — Судіи, но сладостный гласъ Бога Отца, кроткимъ словомъ Сына и тихимъ дыханіемъ Духа Святаго влекущаго насъ въ любовь къ Себѣ, и симъ благодатнымъ влеченіемъ призывающаго насъ *работать Ему со страхомъ и радоваться съ трепетомъ.*

Любимъ ли мы жизнь? Желаемъ ли истиннаго здравія тѣла, чистоты души, освященія духа? Будемъ взирать на постъ, какъ на священное и вмѣстѣ необходимое средство для облеченія въ Богосвѣтлую одежду первобытной чистоты и непорочности, и постъ предстанетъ намъ, какъ Ангелъ свѣта, съ привѣтнымъ видомъ радости, дабы ввести насъ внутрь рая духовнаго и показать путь къ древу жизни, —

явится намъ постъ вождельнымъ, усладительнымъ для духа нашего !

Конечно не совѣмъ пріятенъ постъ для нашего вѣшняго, отъ плоти и крови рожденнаго, и по похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской живущаго и дѣйствующаго въ насъ человѣка. Постъ для воздержанія тѣла требуетъ обузданія чувствъ во вѣшнихъ наслажденіяхъ. Это тяжело для похоти плоти. Постъ для очищенія души требуетъ непрестаннаго укрощенія суетныхъ помысловъ, желаній, стремленій. Это мучительно для похоти очесъ, хотящей все видѣть, все знать, все по своему сдѣлать, и во всемъ по своему успѣть. Постъ требуетъ смирять себя во всемъ и предъ всѣмъ, всегда и вездѣ, вѣшно и внутренно, въ словахъ и мысляхъ. Это противно житейской гордости нашей. И потому постъ непріятенъ для нашего ветхаго, душевнаго человѣка.

Но для того и подвигъ, чтобы подвизаться. Для того поприще чтобы тещи; для того постъ, чтобы распинать плоть со страстями и похотями, чтобы покорить плоть разуму, разумъ очищенному, облагодатствованному духу, духъ нашъ, духу Божію и Христову. Труды пріобрѣтають покой, подвиги—славу, терпѣніе—совершенство, вѣрность въ подвигахъ — вѣнецъ отъ Христа, Его блаженное, пріискреннее общеніе и любовь. А сего что выше, сладостнѣе, вождельнѣе ?

Пріятно трудиться изъ любви для любимаго. И для любви, особенно духовной, небесной, Божественной нѣтъ ничего труднаго.

Сего-то залога любви отъ насъ трѣбуетъ, ожидаетъ, а паче проситъ любовію—Божественный любитель душъ нашихъ Христосъ !

И такъ вступимъ , по благодати Божіей, въ подвигъ поста, какъ въ подвигъ духовнаго совершенства , въ веселіи духа, и въ крѣпости любви,—въ любви къ Богу Отцу, давшему за насъ Единороднаго Сына ; въ любви къ Богу Сыну, возлюбившему насъ до смерти, смерти же крестныя, въ любви къ Богу—Духу Святому, непрестанно возбуждающему сердца наши неизглаголаннѣми воздыханіями любви , дабы свободить насъ отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ (Рим. 8, 21.). Наконецъ вступимъ въ чистой, святой, тихой, мирной любви другъ къ другу. Хорошо трудиться въ совокупной любви; легко трудиться для Бога любви во взаимной любви; утѣшительно трудиться въ единомъ духѣ любви для преспѣянія въ Божественной любви. По сему на поприщѣ мира и тишины да будетъ у насъ, по Апостолу, все въ мирѣ, незлобіи и любви. (1 Кор. 16, 14.).

Тако шествуя святымъ поприщемъ въ бодрости и собранности духа, шествуя въ мирѣ, единомысліи, и терпѣніи другъ друга любовію,

мы не только не будемъ тяготиться временемъ св. поста , но будемъ желать въ мысляхъ нашихъ, чтобы это святое время текло тихо и мирно, дабы намъ, сколько возможно, воспользоваться онымъ къ упражненію себя въ воздержаніи, кротости, незлобіи, молитвѣ, воспользоваться въ правотѣ духа и чистотѣ намѣреній и для выполненія нужныхъ и полезныхъ житейскихъ нашихъ дѣлъ и начинаній. Аминь.

ВТОРНИКЪ.

Нынѣ время дѣлательное явится; — возстанемъ убо постыщеса, принесемъ слезы умиленія,—зовуще: согрѣшихомъ паче песка морскаго: но ослаби, Содѣтелю всѣхъ (Конд. 2-й недѣли поста).

Настоящее время св. четыредесятицы по истинѣ есть самое благоприятное, самое спасительное для благодатнаго дѣланія, для очищенія душъ и тѣлесъ, для исцѣленія духовныхъ недуговъ нашихъ время; о немъ то въ полномъ смыслѣ надлежитъ сказать съ Апостоломъ: *се время благоприятно, се день спасенія* (2 Кор. 6, 2). И св. Церковь къ этому времени, какъ великому и для всѣхъ христіанъ особенному подвигу издавна насъ пріуготовляла; предъуготовляла особенно въ четыре ближайшія седмицы. Примѣромъ мытаря научала насъ мытаревою смиренной и сокрушенной молитвѣ; примѣромъ об-

ращенія блуднаго сына къ отцу преднаписывала намъ обращеніе отъ грѣховъ нашихъ къ милосердію Небеснаго Отца; представленіемъ страшнаго суда пробуждала нашу безпечность и нерадѣніе страхомъ будущаго осужденія, и окончательно приготавливала въ ближайшую седмицу воспоминаніемъ о плачевномъ паденіи нашихъ прародителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о нашемъ общемъ, всеобщемъ паденіи; послѣ чего ввела насъ въ подлежащій подвигъ поста и покаянія для очищенія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ.

Святая Церковь, наставница и руководительница наша на пути спасенія, пріучила насъ изъ дѣтства съ особеннымъ уваженіемъ взирать на постъ св. четыредесятницы, чтобы это св. время особенно проводить въ молитвѣ, покаяніи, въ отложеніи обычныхъ утѣшеній; чтобы въ это благодѣтельное время собраться изъ обуреванія житейскихъ суетъ въ себя, осмотрѣвъ грѣховныя раны, позаботиться о исцѣленіи ихъ, сознавъ наше блужденіе и по стропотнымъ стезямъ скитаніе, направить стези наши на путь правый и истинный.

И кто изъ насъ не недугуетъ, кто не блуждаетъ, кто не обуревается волнами страстей и пороковъ? Одинъ недугуетъ сребролюбіемъ, другой потопляется сладострастіемъ, тотъ низвергается гордостію, иной побѣждается гнѣвомъ, враждою, памятозлюбіемъ; а тотъ въ рабствѣ лѣности, разсѣянности, испостоянства, легко-

мыслия. Грѣхи однихъ явны, и прямо ведутъ къ осужденію, у другихъ тайны, но тѣмъ болѣе опасны, что сокровенно ископываютъ для нихъ бездну погибели.

Чтоже надлежитъ дѣлать? Надлежитъ намъ и явные и тайные недуги наши врачевать. Чѣмъ? Плачемъ, сѣтованіемъ, скорбію, самоосужденіемъ, удаленіемъ отъ того, чѣмъ довели себя до духовнаго разстройства. Подобно обратить грѣховный смѣхъ въ плачь, преступную радость въ сѣтованіе; отринувъ, удаливъ то, чѣмъ прежде себя грѣховно утѣшали и вмѣстѣ разрушали, противоположными дѣйствіями должны исправлять и возстановлять себя. Разсѣянность сдѣлала насъ легкомысленными, чувственные удовольствія поработили духъ плоти, наша невнимательность къ себѣ сдѣлала насъ слабыми въ исполненіи обязанностей нашихъ, лишила обладанія надъ собою, предала въ жертву нашего самолюбія, плотоугодія, корыстолюбія. Для уврачеванія этихъ душевныхъ недуговъ мы должны собраться въ себя, вспомнить о своемъ долгѣ и дѣлѣ, оградить всѣ чувства воздержаніемъ, отъять сладкоптаніе у нашего вкуса, сократить покой у лѣности, отвратить взоръ отъ обольщеній, слухъ отъ обаянія, приблизиться къ Богу, вперить око въ созерцаніе вездѣприсутствія Божія, слухъ преклонить въ послушаніе слову Христову, смириться предъ Богомъ, и въ страхъ Божіемъ, очистивъ руки наши отъ неправды, по-

ги отъ стропотнаго теченія, языкъ отъ многоглаголанія и осужденія, обратить руки на благотвореніе, ноги на стези спасенія, языкъ на хвалу Божию, на утвержденіе и назиданіе ближнихъ. *Шынь время дѣлательное явился; встанемъ убо постыщесея, принесемъ слезы умиленія, въ покаяніи зовуще и словомъ и дѣломъ : Милостиве помилуй насъ падшихъ.*

При вступленіи въ святое поприще , о томъ паче всего надлежитъ намъ заботиться, чтобы это священное время душевнаго врачеванія провести съ истинною духовною пользою. Но мы не можемъ провести съ духовною пользою это священное время , если , призвавъ въ помощь Господа, не укрѣнимся твердою рѣшительностію внимать себѣ, чтобы бодрѣнню, неослабѣо воздерживать себя всегда во всемъ опасномъ для внѣшней и внутренней чистоты нашей, если всемѣрно не будемъ возбуждать себя къ благоговѣнію предъ Богомъ, къ кротости и смирѣнію предъ ближними, если не будемъ ограждать себя теплою, усердною молитвою въ утро, бодрѣннымъ дѣланіемъ во дни , строгимъ испытаніемъ своего сердца и совѣсти въ ночи на ложѣ.

Пойдемъ поприщемъ поста, какъ поприщемъ благодатнаго просвѣщенія ума, очищенія сердца, укрѣпленія къ добру волѣ; пойдемъ въ твердомъ упованіи на Бога во взаимномъ мирѣ и незлобіи другъ ко другу, въ благой рѣшимости

духа всѣми мѣрами исправлять и на всякое благое дѣло уготовлять себя предъ Богомъ.

Будемъ по возможности очищать тѣло наше воздержаніемъ , душу просвѣщать молитвою и Богомысліемъ ; заключимъ чувства наши отъ всего вредоноснаго ; отверземъ для всего , что способно питать въ насъ страхъ Божій и умиленіе о грѣхахъ нашихъ; взоръ нашъ отвратимъ отъ всего соблазнительнаго , отъ всего возмутительнаго для внутренняго чувства, да зрѣть оно паче всего распятаго Господа; слухъ да оглашается токмо словомъ Божиимъ и благими вѣщаніями мира , взаимнаго назиданія , утѣшенія; языкъ нашъ да износитъ во первыхъ слово молитвы, потомъ да изрекаетъ глаголы благоговѣнія и страха Божія, глаголы здраваго разума и благаго чувства.

Такъ будемъ совершать поприще поста, чтобы, постясь тѣлесно, поститься и духовно , и, простираясь впередъ , не ослабѣвать въ духовномъ теченіи, но, по благодати Божіей, восходить отъ тѣлеснаго воздержанія къ духовному, къ подвигамъ умерщвленія плоти и распинанія страстей и похотей; и вѣруемъ, что Господь по мѣрѣ трудовъ нашихъ дастъ намъ силу, и по мѣрѣ внутренняго сѣтованія подастъ и благодатное утѣшеніе. Аминь.

СРЕДА.

Приидите, якоже Господь постомъ уби врага, симъ и мы сокрушимъ его стрѣлы и ловленія. (Вторн. 1 седми. утр. пѣс. 9).

И самъ Божественный Подвигоположникъ нашъ Иисусъ Христосъ постомъ предназначалъ великое дѣло спасенія нашего; постомъ вступилъ въ попріище спасительныхъ подвиговъ искупленія нашего; постомъ одержалъ первую побѣду надъ діаволомъ, преодолевъ три сильнѣйшія и вкупѣ дерзновеннѣйшія искушенія отъ него.

Изнуреннаго сорокодневнымъ постомъ Божественнаго Постника искушитель во первыхъ побуждалъ къ немедленному удовлетворенію томившаго Его глада, льстивымъ внушеніемъ обратить камни въ хлѣбы, и — отраженъ былъ словомъ Божиимъ, что человекъ и среди глада тѣлеснаго можетъ поддерживать жизнь свою словомъ Божиимъ. Потомъ поставивъ Подвигопо-

ложника на крыль церковномъ, искушитель по-
 нуждалъ Его броситься внизъ въ той увѣренно-
 сти, что Ангелы на рукахъ возмутъ Его, и без-
 опасно поставятъ на землѣ. И опять отраженъ
 былъ словомъ Божиимъ : *не искушиши Господа*
Бога твоего, т. е. что слово Божіе воспреща-
 етъ ожидать отъ Бога безъ нужды сверхъ-есте-
 ственной помощи. Наконецъ искушитель, въ
 мгновеніи ока показавъ Божественному Рато-
 борцу все царства земныя, обѣщалъ дать Ему
 всю славу ихъ, если онъ надни поклонится ему,
 думая, что уничиженіемъ вызоветъ Подвижника
 къ обнаруженію невѣдомой силы Его. Но мо-
 гущею отъраженъ былъ и силою духа :
прочъ сатана, и силою слова Божія, что толь-
 ко одному вышнему Богу подобаетъ рабское по-
 клоненіе и служеніе. Все сіи искушенія преодо-
 лѣлъ Спаситель, послѣ 40-дневнаго поста, сло-
 вомъ Божиимъ въ глубокомъ смиреніи, преодо-
 лѣлъ какъ человѣкъ, не показывая въ Себѣ ни-
 какого знаменія Божества, въ подтвержденіе иску-
 шаемаго человѣчества.

Если же и самъ Господь нашъ постился (Мато.
 4, 2.) сорокъ дней и сорокъ ночей, постился, и какъ совершенный человѣкъ, во сви-
 дѣтельство первобытнаго совершенства воспри-
 ятаго Имъ человѣчества; постился, и какъ Иску-
 питель нашъ, для очищенія естества нашего, дабы и намъ дать образъ посылно дѣлать то-
 же для Него, что Онъ творилъ для насъ : то

какъ не постыгаться намъ, чувственными, плотными, тѣлесными, часто въ жизни и дѣлахъ нашихъ вовсе духа немнущимъ?

Господь Иисусъ все время сорокодневнаго поста проводилъ въ пустынѣ, въ глубокой тишинѣ и уединеніи. Поучимся мы постомъ хотя състоишь и торжнщъ уединиться въ домахъ нашихъ; хотя отъ примѣтнаго разсѣянія, отъ ощутительнаго развлеченія собираться въ самихъ себя, хотя отъ явнаго разногласія, отъ открытаго прекословія устранять и умирать себя. Господь Иисусъ, какъ второй Адамъ, постомъ загладилъ невоздержаніе перваго Праотца нашего Адама, и показалъ примѣръ преодолевать воздержаніемъ самыя необходимыя потребности естества до послѣдней возможности. Посильнымъ постомъ обуздаемъ, отсѣчемъ хотя самыя грубыя требованія нашего сластолюбія и сладострастія; снимемъ съ себя хотя обременительную тяжесть плоти для подыятія низринувшаго долу духа. Господь Иисусъ въ подвигѣ поста побѣдилъ самыя тонкія искушенія духа лукаваго. Такъ и мы посильнымъ постомъ отразимъ отъ себя хотя примѣтныя наши страсти, которыми непрестанно искушая, и какъ сѣтями опутывая, врагъ нашъ восхищаетъ насъ, какъ добычу свою и предастъ въ рабство плоти и крови, въ плѣнъ тѣлнія и смерти. Господь Иисусъ, постясь какъ человекъ тѣлесно, внутренно питался глаголами, исходящими изъ устъ

Божіихъ. Поучимся постомъ слушать съ должнымъ вниманіемъ и назиданіемъ Слово Божіе; поучимся терпѣливо, кротко, смиренно, благо-разсудительно выслушивать и слово человѣческое изъ устъ человѣческихъ. Господь Іисусъ виѣшній постъ соединялъ съ внутреннимъ Богомысліемъ и непрестанною молитвою къ Богу духомъ. Мы поучимся постомъ совершать виѣшнюю молитву должнымъ образомъ, и положимъ хотя первые начатки къ обученію себя умной, внутренней молитвѣ. Когда разсыпаны были Спасителемъ всѣ искушенія діавольскія, тогда оставилъ Его діаволъ, и Ангелы приступили и стали служить Ему (Матѣ. 4, 11). Если по благодати Божіей и мы отразимъ постомъ хотя самыя открытыя, плотскія, — чувственныя нападенія на насъ духа лукаваго: то сдѣлаемся доступнѣе для міра духовнаго, и облегчимъ на себя невидимое дѣйствіе Ангеловъ. А если силою Христовою, среди неослабныхъ постныхъ подвиговъ, укрѣпимся въ преодоленіи и тонкихъ искушеній духа нечистаго, искушеній самолюбія, самообольщенія и самоугодія: то и намъ пошлетъ Господь Ангеловъ.

Возлюбленные! Св. четыредесятница великаго поста установлена св. Церковію въ благоговѣйное воспоминаніе и святое подражаніе подвиговъ четырехдесятидневнаго поста Спасителя нашего. Пойдемъ святымъ поприщемъ поста, какъ поприщемъ благодатнаго очищенія душъ и тѣ-

лесъ, имѣя предъ очами съ одной стороны великую нашу грѣховность и печистоту, съ другой труды и подвиги Божественнаго Подвигоположника нашего. Хотя тихо, хотя медленно, хотя издали, но если пойдемъ въ слѣдъ Божественнаго Крестоносца тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ Его, пойдемъ за Нимъ подобно Петру плача, подобно женамъ рыдая и сѣтуя, пойдемъ за нимъ въ сокрушеніи и умиленіи о грѣхахъ нашихъ, пойдемъ, — не оставляя Его, всегда устремляя взоръ къ Нему: то вѣруемъ, что со Иисусомъ безъ труда, не тяжело пойдемъ, и при помощи Иисуса не вотще, и не безъ плода пойдемъ.

Но послѣдуемъ сперва за Иисусомъ въ пустыню, потщемся привести себя въ тишину, уединеніе, собранность, дабы лучше видѣть темную область грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ, и среди умиленія и сокрушенія, среди слезъ и воздыханій, путемъ очистительныхъ постныхъ подвиговъ шествовать за Иисусомъ и до вертограда геосенманскихъ подвиговъ Его, гдѣ Онъ не только скорбѣлъ и тужилъ, но съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами молился за насъ. Сколько же намъ нужно, сколько намъ необходимо съ болѣзнію сердца скорбѣть, тужить, плакать со Иисусомъ ради Иисуса, во очищеніе множества грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ! И нужно и спасительно и сладостно скорбѣть со Иисусомъ и ради Иисуса.

Воззовемъ въ крѣпости умиленія и сокрушенія и устами и сердцемъ ко Іисусу, да ведетъ насъ своею благодатію поприщемъ св. поста ко очищенію душъ и тѣлесъ нашихъ, и да даруетъ намъ и святое желаніе и силу, и алкать и жажжать, и сѣтовать и скорбѣть, и лишаться и страдать ради Его и ради правды Его. Ибо вѣрно слово, что если мы, благодатію Христовою, сподобимся быть мало снго общниками страданій Его, то сподобимся, благодатію Его, быть причастниками и славы Воскресенія Его. Аминь.

ЧЕТВЕРТОГ

*Возсія весна постная, цвѣтъ покаянія; воз-
стимъ убо себе, братіе, отъ всякія скверны.
(Сред. сырн. вечер. на стих. самогл.)*

*Всѣмъ время, и время всякой вещи подъ не-
бесемъ, говоритъ мудрый Проповѣдникъ ветхо-
завѣтной Церкви, время ликовати, и время
рыдати, время убивати, время цѣлители: вре-
мя разрушати и время созидати. (Екк. 3,
3. 4.)*

Радостотворно сіяніе солнца, усладительна свѣт-
лость воздуха, пріятна теплота. Но что было
бы съ землею, что съ одушевленными и неоду-
шевленными тварями, еслибы надъ главами на-
шими постоянно блистало солнце, единообразно
продолжалась свѣтлость воздуха, неизмѣнно го-

сподствовала теплота? Мы погибли бы отъ излишества того, что въ порядкѣ вещей составляетъ великое добро. Посему нужно для благополезнаго дѣйствія естественныхъ силъ, чтобы теплота растворяема была хладомъ, сіяніе солнца закрывасмо облаками, свѣтлость воздуха пріосѣняема туманами, влажностію росы и дождей, разнообразнымъ вѣяніемъ тихихъ и бурныхъ вѣтровъ. Такъ въ мірѣ вещественномъ, такъ и въ мірѣ нравственномъ, духовномъ. Что было бы съ нашими правами, съ нашими сердцами, съ нашими душевными расположеніями, если бы вокругъ насъ являлось только празднованіе, сіяло веселіе? Послѣдовалъ бы большій безпорядокъ нравственный: мысли наши разсѣялись, душевныя расположенія омрачились, строгость правовъ оскудѣла, дѣятельность ослабѣла, обычное теченіе дѣлъ нашихъ пришло бы въ разстройство. Посему истинно слово Мудраго, что *всему время, и время всякой вещи, время ликовати и время рыдати, время погубляти и время врачевати, время раззоряти и время созидати.*

По духу христіанскаго самоотверженія, требующаго непрестаннаго распинанія своихъ страстей, намъ надлежало бы знать только одну перемѣну, перемѣну преслѣдванія въ добръ; надлежало среди виѣшняго и благопріятства и неблагопріятства знать одинъ путь, чтобы въ

неослабномъ несеніи креста своего послѣдуя за Божественнымъ Подвигъположникомъ нашимъ, восходить отъ силы въ силу, отъ воздержанія къ терпѣнію, отъ терпѣнія къ постоянному отрѣшенію, отъ житейскихъ наслажденій къ наслажденіямъ духовнымъ, невидимымъ. Но такъ-ва немоць естества нашего, что мы по внѣшнему человѣку требуемъ чувственныхъ утѣшеній. Онѣ и не воспрещены, даже позволены намъ для успокоенія и поддержанія слабыхъ силъ нашихъ. Только мы не умѣемъ пользоваться утѣшеніями. Преступая мѣру во внѣшнихъ утѣшеніяхъ, мы до излишества предаемся чувственнымъ наслажденіямъ, и увлекаясь разсѣянностію до забвенія себя, какъ многообразною тяжестію обременяемъ себя множествомъ вредныхъ привычекъ, склонностей, пристрастій; отчего жизнь наша, хотя отвнѣ является благообразною, но во внутреннемъ состояніи бываетъ исполнена нечистоты предъ Богомъ, неправды предъ людьми, неувѣрности предъ собственною нашею совѣстію. Такъ,—всего чаще отъ избытка внѣшней свободы и чувственныхъ утѣшеній жизни, мы впадаемъ въ разстройство внутреннее, и сокровенно болѣзнуемъ тяжкими, смертельными недугами въ душѣ нашей.

Чтоже надлежитъ дѣлать? Надлежитъ себя врачевать, врачевать скорбѣніемъ, сѣтованіемъ, удаленіемъ отъ того, чѣмъ довели себя до ду-

шевнаго разстройства, до безпорядка жизни и дѣлъ. И не инымъ можемъ врачевать себя способомъ отъ обладающихъ нами порочныхъ склонностей и привычекъ, какъ тѣмъ, чтобы изгонять изъ себя противное противоположнымъ, изгонять Богомыслиемъ буйные помыслы, вниманіемъ къ себѣ—разсѣянность, воздержаніемъ —излѣченность, обузданіемъ чувствъ—разслабленіе, очищеніемъ сердца—раствѣніе его.

И настоящее время св. четырехдесятницы есть самое благопріятное время для духовныхъ подвиговъ, для ратоваія противу плоти, для борьбы съ соблазнами міра, для брани съ міродержителемъ тьмы вѣка и духами злобы поднебесными. Св. четырехдесятница есть священнѣйшій для христіанина подвигъ, который онъ совершаетъ по примѣру Спасителя своего, 40 дней и 40 ночей постившагося въ уединенной пустынѣ; есть, какъ называютъ ее св. отцы, *одесѣтствованіе года*, по которому мы въ подвигахъ воздержанія и молитвы приносимъ Господу десятую часть года, подобно тому, какъ сыны Израилевы, во исполненіе заповѣди древняго закона, приносили Господу Богу въ даръ десятую часть отъ всего, сколько пригужали.

И не воспламенится ли духъ нашъ священнымъ рвеніемъ къ духовнымъ подвигамъ, когда при свѣтѣ слова Божія помыслимъ, коль легко и благонадежно ратовать подъ вожденачальствомъ

Иисуса противу невидимыхъ враговъ и ничтогъ вѣры угадать всѣ разжигныя стрѣлы ихъ? Какъ утѣшительно, шествуя за Подвигоположникомъ нашимъ путемъ очищенія, достигать въ мѣру Божественнаго уподобленія Ему! Какое блаженство при небесномъ сноборствѣ путемъ побѣды достигать внутренняго мпра, чистоты совѣсти, единенія со Христомъ, братолюбнаго общенія даже съ ненавидящими насъ! Подлинно, при благоговѣйномъ помышленіи о благодатной сладости и спасительности духовныхъ подвиговъ, духъ нашъ горитъ желаніемъ вкупѣ подвизаться со Спасителемъ нашимъ и вступить въ очистительный подвигъ противу страстей, воюющихъ на душу нашу. Но духъ бодръ, а плоть немощна. Когда приступимъ къ самымъ подвигамъ: то плоть наша, виѣнній нашъ человѣкъ скорбитъ и тяготится, ослабѣваетъ и малодушествуетъ. Посему при вступленіи въ подвигъ, намъ нужно непрестанно укрѣплять себя вниманіемъ, бодрствованіемъ, устраненіемъ отъ себя соблазновъ. Иначе на первыхъ же шагахъ пути мы можемъ уклониться отъ спасительной цѣли, измѣнить благимъ намѣреніямъ, забыть св. время, потерять духовную настроенность, обратиться на прежніе пути чувственной, небрежной, разсѣянной, неводержанной, тлѣющей въ похотѣхъ жизни. А этимъ омрачивъ свѣтопосный подвигъ духовнаго дѣланія, причинимъ печаль Духу Святому, не порадуемъ, не возве-

селимъ Спасителя нашего, и не только лишимся плодовъ духовнаго пріобрѣтенія, но и понесемъ вящшія духовныя потери. Для сего укрѣпившись въ силѣ Божіей твердою рѣшительностію, надлежитъ намъ постоянно внимать себѣ, тщательно блюстися во всемъ опасномъ для внѣшней и внутренней нашей чистоты, всемірно возбуждать въ себѣ страхъ Божій, имѣть кротость и смиреніе въ отношеніи къ ближнимъ, ограждать себя прилежною молитвою въ утро, неослабнымъ дѣланіемъ во дни, безпристрастнымъ испытаніемъ своей совѣсти по совершеніи дневныхъ дѣлъ нашихъ.

Будемъ проходить поприще поста, какъ поприще благодатнаго очищенія душъ и тѣлесъ нашихъ. Гудемъ, при помощи Божіей, упражнять тѣло наше въ послѣднемъ подвигѣ воздержанія, душу очищать молитвою, чувства содержать въ собранности, а всего паче будемъ врачевать главный нашъ недугъ и болѣзнь, обуздывать и исправлять господствующую въ себѣ страсть, какая къмъ обладастъ.

Если въ продолженіе подвига св. поста Господь поможетъ намъ, сколько возможно, растлѣнныя склонности наши обуздывать, грѣховныя привычки останозить, и, что всего паче, поможетъ Господь и главнаго душевнаго врага нашего, господствующую нашу страсть обезсилить, обуздывать, покорить страху Божію и гла-

су совѣсти: о! тогда великая милость Божія! По мѣрѣ силъ нашихъ участвуя въ подвигахъ спасительныхъ страданій Господа нашего, когда возсіяетъ радостный день воскресенія Христова, мы сподобимся во внутреннемъ чувствѣ души нашей услышать сладостный гласъ воскресшаго Господа: *радуйтесь*. Аминь.

ПЯТОУЪ.

Прииде постъ, мати цѣломудрія, обличитель грѣховъ, проповѣдникъ покаянія, жителемъ тво Ангеловъ, спасеніе чловѣковъ. (Понед. 1 сед. утр. на стих.).

Гласъ мытаря, гласъ блуднаго, гласъ разбойника, образы покаянія и умиленія, подвиговъ воздержанія и очищенія, — вотъ что́ день отъ дня предлагаетъ намъ нынѣ св. Церковь, ведя насъ поприщемъ св. чотыредесятницы; предлагаетъ постъ и покаяніе, какъ больнымъ благотное врачество; предлагаетъ расточеннымъ, разсѣяннымъ, пажившимъ духовное имѣніе спасительный способъ—притти въ себя, собраться съ мыслями, остановить потокъ суетныхъ желаній, воззрѣть окомъ здраваго разсужденія на свою жизнь, приблизиться къ Богу, подумать о душѣ, помыслить о вѣчномъ спасеніи; — вотъ какіе предметы предлагаетъ намъ нынѣ св. Церковь!

И кому не нужно подумать о себѣ? Кому не нужно выскнуть въ свое сердце? Кому не нужно помотрѣть на внутреннее состояніе своей жизни и дѣль? Живя въ мірѣ, занимаясь дѣлами житейскими, и, то по слабости, а болѣе по страстию, обременяясь нуждами тѣлесными, потребностями вѣшняго состоянія, увлекаясь благами земными, утѣшеніями временными, какъ часто забываемъ мы о душѣ, о Богѣ, о вѣчномъ спасеніи? По наружности являемся какъ христіане, а по внутреннему состоянію всего чаще не соответствуемъ святому своему званію. По вѣщности живемъ и, кажется, стараемся о благоустроеніи жизни своей и ближнихъ; а по душевному состоянію мысли наши суетны, желанія превратны, расположенія къ добру слабы, стремленія къ злу неудержимы, преткновенія и паденія непрестанны. При такомъ состояніи обременяемые отвсюду непорядками, какъ тяжкими долгами, тревожимые совѣстію, какъ строгимъ заимодавцемъ, не имѣя ни истиннаго спокойствія, ни свободы, тѣмъ менѣе дерзновенія къ Богу, мы, какъ преступные рабы, стараемся пристальнѣе помотрѣть на себя и заняться собою. Такъ болѣею частію текутъ дни наши, какъ волны въ быстринѣ рѣчной текутъ туда, куда мчитъ ихъ совокупная сила стремленія воды; куда влечетъ насъ усниваемая худыми примѣрами похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. Мы такъ живемъ, что

не обращаемъ вниманія на внутреннюю жизнь нашу; такъ дѣйствуемъ, что не судимъ о томъ, что, какъ и для чего дѣлаемъ? Или судимъ, но сужденіями нашими управляетъ не здравый умъ, не правда сердца, не чистота совѣсти, не страхъ Божій, но плотскія склонности, привычки, пристрастія, грѣховно вращающія всѣ наши мысли, желанія, дѣла и начинанія около чувственныхъ, тѣлесныхъ предметовъ и вещей.

Что есть такая жизнь? Есть теченіе впередъ, продолженіе времени вдаль, но не возрастаніе, не преспѣваніе, не восхожденіе въ совершенствахъ; а наче умаленіе, оскудѣніе въ душевныхъ силахъ и способностяхъ; есть омраченіе ума суетою, ожесточеніе сердца житейскими пристрастіями, утрата свободного произволенія, дѣлающагося въ насъ, время отъ времени, слабѣе къ добру, преклоннѣе къ злу, пристрастнѣе къ міру, холоднѣе ко Христу.

Кому же не нужно подумать о себѣ? Кому не нужно выскнуть въ свое сердце? Кому не нужно пристальнѣе посмотрѣть на внутреннее состояніе своей жизни и дѣлъ?

Нѣтъ къ намъ ближе, нѣтъ пужнѣе, нѣтъ дороже себя. Если бы насъ и многіе одобряли, но не одобряли не многіе, благомысленные, добродѣтельнѣйшіе, — это значитъ, что мы еще не хороши. А хотя бы мы были и по мнѣнію всѣхъ хороши; но, по строгому суду совѣсти, въ собственныхъ глазахъ, не хороши: то мы

точно не хороши. А если бы и во мнѣніи всѣхъ не были хороши, по передъ Богомъ, предъ своею совѣстію не были бы опорочены, оуждены: то мы бы еще не были вовсе не хороши. Внутренній, безпристрастный судъ совѣсти нашей предъ Богомъ долженъ быть для насъ свидѣтельствомъ, повѣркою, мѣрою нашего достоинства. Если мы потеряемъ себя, утратимъ достоинство своего лица, погубимъ душу свою: —этой потери ни чѣмъ уже замѣнить не можемъ. *Кая польза человѣку, аще міръ весь приобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну (какой дастъ выкупъ) за душу свою? (Матѳ. 16, 26.).*

Кому же изъ насъ не нужно подумать о себѣ, испытать, разсмотрѣть свое внутреннее состояніе, нѣтъ ли въ умѣ нашемъ мыслей, подобно тмѣ помрачающихъ въ насъ свѣтъ разума? Нѣтъ ли въ сердцѣ нашемъ расположеній, подобно тлѣтворному пламени, поядающихъ чистоту совѣсти? Нѣтъ ли въ волѣ стремленій, подобно заразѣ, ощутительно растлѣвающихъ духовное бытіе наше? *Себе искушавшъ, по слову Апостола, аще есмь въ вѣрѣ, себе искушавшъ (2 Кор. 13, 5.), на пути ли спасенія стоимъ, къ преднамѣренной ли цѣли течемъ, истинною ли жизнію живемъ?*

Какое же средство къ испытанію самихъ себя? То и есть самое вѣрное, самое спасительное средство, которое предлагаетъ намъ нынѣ

св. Церкви; это—постъ и покаяніе. Непріятны они для плотскаго нашего человѣка, но спасительны для внутренняго. Это есть врачеваніе и для тѣла, но истинное исцѣленіе для души, оживленіе для духа. Истинное покаяніе есть собранность мыслей изъ житейской разсѣянности, внутреннее испытаніе себя, своей жизни и дѣлъ предъ Богомъ, и отсель благоговѣнное помышленіе ума о Богѣ, умненное сокрушеніе сердца о грѣхахъ, очищеніе совѣсти отъ тяготящихъ ее преступленій, твердое исправленіе воли въ добръ, кратко: покаяніе есть приведеніе себя въ состояніе благаго и праваго помышленія ума, благочестиваго расположенія сердца, рѣшительнаго направленія воли къ исполненію того, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна*. Кому же не вождельны миръ съ Богомъ, чистота совѣсти, тишина духа, непорочность сердца? Кому не вождельно привести себя въ состояніе правоты во внутреннихъ расположеніяхъ, благоустроенности во вѣншемъ поведеніи, благообразія во всѣхъ словахъ и поступкахъ? И въ это райское состояніе благочинія вводитъ покаяніе. А постъ есть наставникъ покаянія; онъ предъуготовляетъ, укрѣпляетъ, очищаетъ самое покаяніе; а потому есть необходимый проводникъ на пути къ духовному совершенству. И если бы мы захотѣли олицетворить постъ, дабы яснѣе видѣть

внутреннюю доброту его, съ живѣйшимъ желаніемъ приобщиться благодатныхъ дарованій его: то узрѣли бы его въ благолѣпнѣ Ангелоподобной доброты, узрѣли бы въ благоплодіи спасительныхъ дѣлъ; узрѣли бы, что облаченіе поста составляетъ чистота, какъ виссонъ; препоясаніе, какъ златый поясъ, — воздержаніе; обуеваніе — готовность на всякое благое послушаніе; трезвеніе и миръ — внутреннее непрерывное дѣланіе, трудъ и благотвореніе — внѣшнее дѣйствіе его; въ устахъ его, какъ сладкая пища, молитва и Богомыслие, черты лица его составляетъ небесная кротость, зракъ ангельскій, исполненный благоговѣнія къ Богу, святой назидательности къ ближнимъ.

Будемъ взирать безпристрастнымъ, неовраченнымъ взоромъ на непорядки грѣховной жизни нашей, и постъ представится намъ спасительнымъ врачествомъ душевныхъ недуговъ и болѣзней нашихъ; будемъ живо чувствовать преисполняющія насъ и внутрь и внѣ несовершенства, уничижающія насъ не только предъ ближними нашими, но и въ собственныхъ нашихъ глазахъ, и постъ явится для насъ вождельнымъ наставникомъ для приведенія себя въ благое разсужденіе ума, въ правое расположеніе сердца, въ благоустроенность всехъ чувствъ, дабы намъ ходить достойно Бога въ чувства благоговѣнія, достойно ближнихъ примѣромъ жизни назидательной, достойно святаго званія христіанъ хра-

нсіємъ самихъ себя въ чистотѣ и непорочности.

Такъ бодренно, неослабно содержа постъ, какъ спасительное средство къ умудренію нашего ума, къ очищенію сердца, къ благоустроенію всѣхъ чувствъ, сподобимся благодатію Христовою совершать оный съ духовнымъ плодомъ, и, по мѣрѣ силъ пріобщившись страданій Христовыхъ, достигнуть въ радость живоноснаго воскресенія Христова. Аминь.

СУББОТА.

Постящеся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ. (Въ сред. 1 седми. вечер. самогл.).

Св. Церковь, изведши насъ на поприще поста, какъ на великій подвигъ противу плоти и крови, по мѣрѣ простиранія нашего въ шестѣхъ, только напоминаетъ намъ о томъ, чтобы мы проходили великій подвигъ въ совершенствѣ. Подлинно, постъ въ совершенствѣ его есть великій подвигъ; онъ объемлетъ собою добродѣтель воздержанія во всемъ ся пространствѣ.

Истинный постъ есть не только воздержаніе отъ брашенъ въ качествѣ и количествѣ ихъ, но воздержаніе всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ отъ прикосновенія къ непозволенному; воздержаніе внѣшняго и внутренняго ока отъ возрѣнія на предметы, противные внутренней чистотѣ; воздержаніе внѣшняго и внутренняго слуха

отъ принятія всего возмутительнаго для нашего душевнаго мира. Совершенный постъ есть непрестанное вниманіе себѣ не только въ начинаніяхъ и дѣлахъ, но и въ мысляхъ и расположеніяхъ; есть обладаніе силою Божіею надъ собою въ словѣ и въ дѣлѣ, и дѣйствованіе вѣдѣнн, и тѣлесными и духовными, силами въ совокупности во славу Божию. Таковъ постъ въ его совершенствѣ.

Какъ мы по слабости нашей большею частію изъ многаго исполняемъ только малое, изъ всего нѣкоторое, — постяся исполняемъ нѣкоторыя вѣнннн дѣйствія поста касательно воздержанія въ пицѣ питій, а прочихъ существеннѣйшихъ требованій не исполняемъ: то св. Церковь, одушевляя и вкупѣ направляя насъ въ подвигѣ поста, нѣспенно вѣщаетъ намъ: постящся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ.

Дабы въ продолженіи поприща поста неослабно подннзаться въ ономъ, какъ въ великомъ дѣлѣ христіанскаго воздержанія, съ надлежащимъ совершенствомъ, познаемъ истинное свойство и силу поста.

ЧАСТЬ I.

О ВНЕШНЕМЪ ПОСТѢ.

Первый, начинательный, предуготовительный степенъ поста есть воздержаніе отъ брашенъ, и воздержаніе въ качествѣ и количествѣ ихъ. Не легко умѣрять себя и отказывать себѣ въ такой потребности, которая составляетъ основаніе тѣлесной жизни и подкрѣпленіе силъ нашихъ. Тяготится тѣлесная природа наша, когда бываетъ обременена пищею и питіемъ. Но она также томится, когда мы отказываемъ ей въ нужномъ требованіи, и заставляемъ ее преодолевать саму себя, принуждая сносить лишніе пищи до извѣстнаго времени. Таковое упражненіе тѣлесной природы въ преодоленіи самой себя, кромѣ того, что весьма полезно для здравія тѣлеснаго, нужно для обученія ся подвигамъ духовнымъ. Чѣмъ больше наблюдается порядка и умѣренности въ употребленіи пищи и питія, тѣмъ крѣпче, благоустроеннѣе, и въ движеніяхъ легче бываетъ тѣло наше.

Но христіанину надлежитъ не только содержать тѣло свое въ благоустройствѣ, поработая и умерщвляя страсти свои, надлежитъ содѣлывать оное жилищемъ чистоты, храмомъ Св. Духа; надлежитъ содѣлывать не только орудіемъ, но содѣйственникомъ духу своему въ молитвенномъ предстоянїи предъ Богомъ, въ крестномъ послѣдованїи за Христомъ и въ достиженїи благодатнаго безстрастія чрезъ сораспятіе Ему. Какъ христіанинъ можетъ проходить подвигъ распинанія своихъ страстей, если онъ въ самомъ тѣлѣ своемъ не будетъ побѣждать потребности чувственныя! А онъ не въ состоянїи будетъ побѣждать чувственныя потребности безъ возможнаго упражненія тѣла въ постъ и воздержаніи. Упражня же тѣло свое въ подвигахъ поста, первымъ дѣйствіемъ его должно быть воздержаніе въ качествѣ и количествѣ пищи и питія.

Совершенный постъ требуетъ отъятія сладкопитанія у нашего вкуса, особенно удаленія отъ тѣхъ брашенъ, кои относятся къ услаждающимъ питаніямъ, и замѣтвляются изъ царства животныхъ, а не растеній. Св. Церковь во время постовъ воспрещаетъ намъ употребленіе брашенъ, позволяемыхъ сію въ другія времена, дабы мы, постомъ смиряя тѣло свое, укрѣпляли себя въ воздержанїи отъ тѣлесныхъ сладостей. Въ христіанинѣ не должно быть пристрастія ни къ чему чувственному. Если онъ для любви Божіей

долженъ оставлять любовь къ родителямъ, дѣтямъ и ближнимъ своимъ : то тѣмъ паче для той же любви Божіей, испытывая себя въ преодоленіи пристрастій тѣлесныхъ, долженъ оставлять на время все улаждающее чувства его, и ограничивать себя употребленіемъ самаго простаго, обыкновеннаго, даже суроваго и горькаго; дабы вмѣстѣ съ порфиропоснымъ подвижникомъ Давидомъ, который во время духовнаго сѣтованія *пепель, какъ хлѣбъ ялъ и питіе свое плачель растворялъ* (Псал. 101, 10.), всемѣрно упражнять себя въ чувствѣ и внѣшняго и внутренняго самоотверженія.

А хотя при совершеніи постаго подвига, по слабости нашего естества, а еще болѣе по различію образа нашей жизни, занятій и дѣлъ, нельзя для всѣхъ вообще назначить мѣру времени и мѣру употребленія пищи; однако же св. Церковь, предоставляя крѣпкимъ ревновать о большихъ подвигахъ, но и не позволяя слабымъ, отъ своего произволенія, предаваться лѣности, не сомнѣвается предначинывать всѣмъ постящимся общую мѣру и во времени принятія пищи, каковую во дни поста обыкновенно полагають вечеръ дня, и мѣру въ употребленіи пищи, каковою полагають самое нужное подкрѣпленіе тѣла пищею безъ услажденія и пресыщенія, дабы мы тѣлесными силами безъ слабости способны были къ исполненію дневныхъ дѣлъ званія нашего. Такъ христіанинъ въ дни поста

со страхомъ Божіимъ долженъ вкушать пищу и питіе въ мѣру, для удовлетворенія нужды, безъ услажденія чувствъ, дабы умерщвленіемъ плотской живости тѣла своего приносить Богу жертву живую, святую, благоугодную, чего требуетъ духовное служеніе Богу, и прославлять Бога расхищаніемъ страстей тѣла своего.

,

ЧАСТЬ II.

О ДУХОВНОМЪ ПОСТѢ.

По постящеся, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ. Прославляя Бога воздержаніемъ въ тѣлесѣхъ нашихъ, тѣмъ паче должны прославлять его воздержаніемъ въ дунахъ нашихъ. Постъ для тѣла есть воздержаніе отъ пищи и питія; постъ для души есть воздержаніе отъ страстей, воюющихъ на душу нашу, и поработающихъ ее власти своей. Смирять постомъ душу несравненно пужѣе, нежели тѣло. Тѣло есть орудіе, а душа есть дѣйствующая причина; и хотя тѣло есть необходимый содѣйственникъ души, но въ дѣйствіяхъ свободы и произволенія тѣло есть только исполнитель вѣлій души и движеній сердца. Между тѣмъ всѣ нечистыя помышленія и преступныя желанія происходятъ отъ души и отъ сердца. *Извнутри бо отъ сердца человека, говорятъ Спаситель, помышленія злая исходятъ: прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, татѣи, лихоимства, лукавствія, лести, студодѣянія, око лукаво, хула, гордыня, без-*

чинство. (Мар. 7, 21, 22.). Вмѣстѣ съ тѣмъ и труднѣе смирять постомъ душу, нежели тѣло. Тѣло и тѣлесныя чувства можно смирить постомъ въ краткое время; а душевныя страсти отъ юности до старости волнуются въ человѣкѣ, какъ вѣтры и волны на морѣ. Впрочемъ въ то время, когда постомъ укрощаемъ тѣлесныя наши движенія, и душевныя движенія страстей нашихъ и удобнѣе можемъ и всемѣрно должны укрощать и приводить въ послушаніе разуму.

Какъ же мы должны укрощать и покорять разуму и совѣсти страсти наши? Въ первыхъ движеніяхъ должны удерживать страсти наши вниманіемъ себѣ и здравымъ разсужденіемъ; въ продолжительныхъ дѣйствіяхъ возбуждать въ себѣ расположенія, противоположныя воюющимъ на насъ страстямъ; а при сильномъ нападеніи на насъ страстей неослабнымъ бореніемъ съ ними и всемѣрнымъ удаленіемъ отъ соблазнительныхъ случаевъ, коими всего болѣе возбуждаются въ насъ страсти.

И въпервыхъ, усматривая въ душѣ нашей возмутительныя движенія гнѣва, сладострастія, корыстолюбія, гордости и другихъ страстей, мы должны бодренно стоять на стражѣ, чтобы внимать себѣ и съ предусмотрительною дѣятельностію утишать возникающее въ насъ обуреваніе. Кромѣ любогрѣховности нашей, которая есть общая болѣзнь нашего нашего естества, мы большею частію увлекаемся страстями на-

ними отъ невниманія и неразумности. Когда отъемлемъ умный свѣтъ разсужденія въ душѣ нашей: тогда легко восхищаются и увлекаются насъ страсти. Всякая страсть есть стремительное движеніе сердца, тотчасъ слѣдующее первому впечатлѣнію пріятности или противности, которыя впрочемъ болышею частію при первомъ взглядѣ таковыми кажутся, но при обсужденіи здравымъ умомъ и добрымъ чувствомъ оказываются не таковы. Потому-то отъ сильныхъ, но не управляемыхъ здравымъ разсужденіемъ, движеній сердца нашего рождаются въ насъ нетерпѣливость, гнѣвъ, отвращеніе, презрѣніе, жестокость, и отсель вражда и всякія огорченія на ближнихъ нашихъ. Эти душевныя движенія первымъ потрясеніемъ своимъ сильно поражаютъ наши чувства. Но, по минованіи перваго впечатлѣнія, когда безпристрастно разсудимъ о причинѣ, произведшей въ насъ огорченіе, и о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы стремились къ удовлетворенію суетныхъ своихъ желаній, возбужденныхъ въ насъ влеченіемъ страстей нашихъ, сами принуждены бываемъ покрываться стыдомъ отъ собственной неразумности. И такъ, бодрствуя надъ душевными движеніями нашими, мы и при всякихъ случаяхъ, а особливо при внезапныхъ встрѣчахъ, зрѣлымъ и спокойнымъ разсужденіемъ должны испытывать свои слова и поступки, дабы по опрометчивости не впасть въ возмущеніе ду-

невное отъ той страсти, которая сильнѣе дѣйствуетъ въ насъ, а потому всего опаснѣе для насъ.

Но какъ по нашимъ склонностямъ, по нашему состоянію и званію, насъ непрерывно могутъ обуревать страсти, при благопріятномъ теченіи нашихъ дѣлъ,—лѣтвивыя, располагающія насъ къ самоугожденію; при неблагопріятномъ теченіи—мрачныя, наводящія на душу скорбь и уныніе: то, противу всегдашней болѣзни мы должны употреблять и постоянное врачество; должны питать, и непрестанно поддерживать въ себѣ мысли, чувствованія, расположенія, противоположныя обуревающимъ насъ страстямъ. Если обуреваютъ сердце наше мрачныя страсти, гнѣвъ, вражда, ненависть: то будемъ питать въ себѣ тихія чувствованія кротости, незлобія, миролюбія, каковыя намъ предписаны въ примѣрѣ Спасителя нашего, дабы и мы старались пріобрѣтать себѣ тѣже чувствованія, какія и во Іисусѣ Христѣ (Филпп. 2, 5.). Если возмущаютъ духъ нашъ сладострастіе и вообще юныя похоти и утѣхи чувственности: то, смиривъ по стомъ чувства, будемъ обуздывать вождельнія чувственные всегдашнимъ чувствомъ своей бренности, мыслию о смерти, обращающей все, лѣтящее нашей чувственностію, въ ничну червей, живымъ представленіемъ, koliko любезно Богу воздержаніе, чистота и цѣломудріе, которыми человекъ угодобляется безплотнымъ

ангеламъ, и приближается къ Богу. Если славолюбіе и любостяженіе омрачаютъ душу нашу: то будемъ разгонять мракъ душевный тѣмъ же Божественнымъ примѣромъ кротости и смиренія, нищеты и истощанія Спасителя нашего, Который, будучи великъ и богатъ, смирился до зрака раба, и обнищалъ насъ ради до пеленъ и яслей въ рожденіи, и до крестной смерти. Такъ мы должны вести мысленную брань противу мысленныхъ враговъ нашихъ, духовъ злобы—поднебесныхъ, которые, возбуждая въ насъ много различныхъ страсти, воюютъ на насъ, дабы, предавъ насъ въ рабство страстей нашихъ, изгнать изъ сердецъ нашихъ чувство страха Божія, и удаливъ насъ отъ богобоязненнаго, смиреннаго, праваго и цѣломудреннаго чувства, ввергнуть въ непорядки чувственной жизни. Ослабнымъ духовнымъ бореи́емъ должны мы отражать разжженные стрѣлы лукаваго.

Но если нападенія духа злобы сильны, преслѣдованія насъ страстями нашими непрестанны: то и мы должны еще паче облекаться во все оружія Божія, дабы противустать кознямъ лукаваго. Блюдя умъ отъ помысловъ суетныхъ, сердце отъ желаній растлѣнныхъ, волю отъ предпріятій и намѣреній душевредныхъ, должны еще всячески бѣжати себя отъ всѣхъ случаевъ, опасныхъ для внутренней и ви́шней чистоты нашей. Когда мы находимся въ состояніи дов-

ленія и ратованія отъ враговъ нашихъ : тогда всѣ соблазнительные случаи, близкіе къ возбужденію обладающей нами слабости, всемірно должны быть избѣгаемы, какъ сѣти и претыканія. Подвергать себя опаснымъ случаямъ и дѣйствіямъ есть то же, что самихъ себя вводить во искушеніе. Если же обуреванія страстей и порочныхъ привычекъ нашихъ такъ сильны, и случаи, служащіе къ возбужденію оныхъ, такъ неизбѣжны, что мы находимся въ опасности или уступить свирѣпствующему на насъ боре, или вовсе погрязнуть въ обуревающихъ насъ грѣховныхъ пристрастіяхъ : то, находясь въ опасности потопленія, подобно Петру, будемъ отъ всего сердца вопіять къ Утишающему вѣтры и волны мятежнаго сердца и воли нашей, и простирать къ Нему въ непрестанной молитвѣ руки наши, дабы Онъ десницею Своею извлекъ насъ отъ потопленія, могущественнымъ словомъ Своимъ утѣмъ наше волненіе и бурю, и водворилъ тишину помысловъ и желаній въ нашемъ умѣ и сердцѣ, и во всѣхъ расположеніяхъ души нашей.

Такъ на пути духовнаго воздержанія должны мы сражаться противу страстей нашихъ; должны очищать умъ отъ помысловъ суетныхъ непрестаннымъ, внимательнымъ саморазсужденіемъ, сердце отъ нечистыхъ желаній бодрственнымъ, безпристрастнымъ самоиспытаніемъ, волю отъ стремленій законопреступныхъ стра-

хомъ Божиимъ, и всевозможнымъ удаленіемъ отъ соблазновъ. Когда до крове станемъ, противу грѣха подвижающесе (Евр. 12, 4.): тогда воспримемъ плодъ трудовъ своихъ. Мы воззовемъ ко Господу, и Онъ приблизится къ намъ; свѣтомъ своимъ озаритъ тму нашу, теплотою согрѣетъ хладность, Божественною силою укрѣпитъ немощь нашу. По мѣрѣ очищенія вѣншихъ и внутреннихъ чувствъ нашихъ, благодатныя исцѣленія, на подобіе утренней зари, возсіяютъ въ насъ. Силою благодати озаренный умъ нашъ будетъ разсѣивать суетные помыслы, какъ мглу; орошенное чистотою сердце разжигать грѣховныя желанія, какъ призраки; укрѣпленная воля преодолевать вѣншія и внутреннія искушенія, и расторгать, какъ тенета; единственнымъ предметомъ попеченія нашего будетъ то, чтобы ходить во свѣтѣ лица Божія, не полагать ни дѣломъ, ни словомъ претыканія ближнему; хранить себя во вѣншей и внутренней непорочности предъ Богомъ и людьми, шествовать по слѣдамъ Подвигоположника нашего, и съ Нимъ по мѣрѣ силъ подвизаться и страдать, съ Нимъ и умереть страстямъ нашимъ, дабы съ Нимъ и воскреснуть въ жизнь благодати и славы. Тако постыящесе тѣлеснѣ, постымся и духовнѣ. Аминь.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеву.

Слышали ли вы, любители воздержанія, сію сладостную пѣснь, которою св. Церковь, одушевляя насъ при вступленіи въ поприще поста, изображала намъ внутреннюю силу поста? Воскреляя насъ къ богопріятному посту: «постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеву,» она въ послѣдующихъ словахъ пѣсни такъ изъясняла намъ истинное свойство поста: «истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія.» (Самогласенъ на стихов. въ понед. вечера 1-й нед. поста.). Всемѣрно стараюсь чрезъ вибниій постъ возвести насъ къ внутреннему, она другою пѣснью такъ наставляла насъ соединять тѣлесный постъ съ духовнымъ: «постящеся, братіе, те-

«лестѣ, постимся и духовнѣ: разрѣшимъ всякій
«союзъ неправды: расторгнемъ стропотная
«нуждныхъ обдоложеній, всякое снисаніе непра-
«ведное раздеремъ.» (Самогласенъ въ среду ве-
чера.)

Эту поучительную нѣсенъ о постѣ Церковь
занмѣствовала изъ богодухновенныхъ вѣщаній
благоглаголиваго Пророка Исаи. Вразумлялъ
нѣкогда Богъ чрезъ Исаію Іудеевъ въ томъ,
какъ они должны были истинно поститься. По-
стясь токмо вѣншно, со всеми наружными из-
нуреніями тѣла, но безъ внутренняго воздержанія,
Іудеи входили въ суды съ самимъ Богомъ,
и жаловались Ему на Него Самаго: *что яко по-
стихомся, и не увидѣлъ еси; смирихомъ души
наши, и не увидѣлъ еси?* Богъ отвѣтствовалъ
ронотливымъ постигкамъ чрезъ Пророка: по-
тому Я не видѣлъ и не могъ почестъ васъ по-
стигшимся, что вы во дни пощеній вашихъ о-
брѣтаете воли ваша, и вся подручныя ваша
толите. *Аще въ судьхъ и сзавьхъ поститесь,
и бѣете пястими смиреннаго: вскую Мнѣ по-
ститесь, якоже днесь, еже услышану быти
съ воплемъ гласу вашему? Не сщеваго поста
Азъ избрахъ, и дне, еже смирити чловѣку ду-
шу свою, ниже аще слячеша, яко серпъ выю
твою, и вретнице и пепель постелеши, ниже
такъ наречете постъ пріятенъ. Не уничижалъ
Господь вѣншняго поста Іудеевъ, который они
содержали строго. Но посланку постъ ихъ, кро-*

мѣ вѣнннго удрученія тѣла, не простирался на исправленіе сердца, на обузданіе воли: то опый, какъ безплодный, безжизненный, Богъ отвергалъ, а требовалъ такого поста, который бы соединенъ былъ съ исправленіемъ жизни, одушевленъ благотвореніемъ и благотѣлительно-стію къ ближнимъ. *Не такового поста избрахъ, глаголетъ Господь: но разрываю всякъ союзъ неправды, разрушаю обдожденія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляю амурицимъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видими нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племени твоего не презри.* (Иса. 58, 5—7.) Если вы такъ будете поститься, продолжаетъ Господь, то скоро каждый изъ васъ ощутитъ великую пользу отъ поста. *Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ: и предъидетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя.* (ст. 8.)

И такъ, подвижникъ поста, надобно только поститься благоугодно Богу, — скоро самъ собою послѣдуетъ для тебя плодъ отъ поста. Какой же плодъ? Спасительный, животворный: свѣтъ, жизнь, правда Божія, слава!

Дабы съ теченіемъ поста, по благодати Божіей, неослабно намъ пріобщаться подвиговъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ стяжать и спасительныя

плоды поста, *будемъ поститься постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеву.*

Въ чемъ же состоитъ постъ благоугодный Господеву, о семъ для одушевленія себя на поприщѣ поста, при настоящемъ торжествѣ православія, размыслимъ.

Постъ есть внѣшній и внутренній. Внѣшній постъ состоитъ въ воздержаніи отъ пищи и питія, въ сокращеніи тѣлеснаго покоя, въ бодрственной дѣятельности и богоугодныхъ трудахъ, вообще въ удаленіи предметовъ усладительныхъ и пріятныхъ для чувствъ нашихъ. Внутренній постъ состоитъ въ обузданіи страстей и похотей сердца нашего, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ отсѣченіи самыхъ нечистыхъ мыслей, желаній, расположеній нашихъ, дабы умъ нашъ обращенъ былъ къ Богомыслию, сердце къ умиленной молитвѣ, воля къ совершенію дѣлъ правоты и благодѣанія.

Совокупный внѣшній и внутренній постъ есть совершенный постъ, и совершенное обладаніе надъ собою, совершенное покореніе внѣшнихъ чувствъ разуму, разума и сердца внутреннему благодатному чувству, всѣхъ внутреннихъ чувствъ въ послушаніе Духу Божію. Во время пощенія нашего, чувства, разумъ и сердце наше должны быть приведены въ такое мирное состояніе, безмятежное состояніе безусловнаго повиновенія волѣ Божіей, чтобы намъ всѣмъ существомъ нашимъ работать Господеву

со страхомъ и радоваться съ трепетомъ. Вотъ постъ истинный, богопріятный.

Но какъ вдругъ нельзя подняться на высоту, надлежитъ восходить постепенно: такъ и мы не можемъ вдругъ отрѣшиться отъ чувствъ, и взойти на высоту внутреннего поста. Идѣя дѣйствицею поста, мы должны сперва покорить внѣшнія чувства разуму, а разумъ покорить господству духа, дабы духъ нашъ пріуготовить къ общенію съ Духомъ Божиимъ въ хожденіи во свѣтъ лица Божія. Потому св. Церковь и начинаеть для насъ постъ внѣшнимъ образомъ съ укрощенія внѣшнихъ чувствъ посредствомъ воздержанія отъ пищи, питія, равно отъ излишняго сна и покоя, и начинаеть съ такою строгостію, что, предписывая намъ извѣстное качество пищи, требуетъ, чтобы мы рѣшительно отказали себѣ въ употребленіи пріятныхъ для вкуса нашего брашенъ, довольствуясь самыми простыми, притомъ положили бы опредѣленную мѣру и въ самомъ количествѣ оныхъ. Снабительное установленіе, съ свойствомъ сггества нашего совершенно сообразное !

Мы—человѣки, облеченные тѣломъ, дѣйствующие на другихъ и принимающіе отъ другихъ дѣйствованіе посредствомъ чувствъ, и какъ къ добру, такъ и къ злу преимущественно располагающіеся посредствомъ чувствъ, на попріицѣ духовнаго совершенства, особенно при первыхъ начаткахъ вступленія въ сей путь, ни въ

чемъ столько не имѣемъ нужды, какъ въ благомъ управленіи тѣла и чувствъ, и правильномъ подчиненіи духу чувственныхъ потребностей, дабы чрезъ благоустроеніе тѣлеснаго существа нашего содержать въ благоустройствѣ и самый духъ нашъ. А хотя зло, противу котораго мы должны вооружаться постомъ, имѣетъ корень и основаніе свое въ нашей душѣ, въ нашемъ сердцѣ, — *изнутри бо отъ сердца человѣческа помышленія злая исходятъ, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, татьбы, лихоимства, лукавствія, лѣсть, студодѣаніе, око лукаво, хула, гордыня, безумство* (Марк. 7, 21.); но какъ въ настоящемъ растлѣнномъ состояніи нашемъ самая душа наша, погруженная въ чувственность, живостию тѣлесныхъ чувствъ еще сильнѣе располагается къ грѣховнымъ стремленіямъ: то и необходимо, для ограниченія растлѣнныхъ стремленій души, обуздывать и укрощать постомъ тѣло и чувства. Когда тѣло бываетъ очищено постомъ и бдѣніемъ, и чувства умирены трезвеніемъ: тогда и состояніе души бываетъ спокойнѣе. Возмутительные помыслы утихаютъ, взоръ души на саму себя бываетъ яснѣе, мысли чище, лѣстивыя впечатлѣнія чувствъ слабѣе, тѣло духовнымъ велѣніямъ души послушнѣе, и внутреннія чувства къ Богомыслию и къ пріятію слова Божія способнѣе. Еще и потому должны мы испытывать себя вѣншимъ постомъ и воздержаніемъ, и

удалять отъ чувствъ нашихъ предметы услажденія, дабы видѣть, не обладаютъ ли нами чувственныя прихоти въ такой силѣ, что мы безъ нихъ и обойтись не можемъ.

Никто не говоритъ, что постъ состоитъ не въ пищѣ, не въ питіи, что *брашна не поставляетъ насъ предъ Богомъ*. Повторяютъ и нынѣ, еще Апостоломъ Павломъ опровергнутое вольномысліе нѣкоторыхъ христіанъ изъ язычниковъ, мудрствовавшихъ о яденіи идолажертвеннаго такъ: *ядимъ ли мы, ничего не приобретаемъ отъ того; не ядимъ ли, ничего не теряемъ* (1 Кор. 8, 8.). Это несомнѣнно, что пища и питіе великое имѣютъ вліяніе на наше тѣло, а чрезъ тѣло и на душу; тучная пища при неумѣренномъ употребленіи утучняетъ и одѣбеляетъ тѣло, и способствуетъ къ питанію страстей; простая, умѣренная, сообщающая нужное питаніе тѣлу нашему, дѣлаетъ оное легкимъ, и къ понесенію духовныхъ подвиговъ бодрствованія и молитвы способнымъ. Если мы до того предамы угожденію чувствъ, что и въ самые дни пощенія и благоговѣнія предъ Богомъ не имѣемъ силъ отказать себѣ въ любимой пищѣ, въ любимомъ питіи и въ другихъ тѣлесныхъ наслажденіяхъ: то можемъ ли сказать, что отъ брашна мы ни приобретаемъ, ни теряемъ ничего предъ Богомъ. Не должны ли паче сознаться въ томъ, что мы, предаваясь сладкопитанію брашенъ, исполняемъ волю плоти, какъ

рабы чувственныхъ пожеланій? А будучи раба-
ми чувствъ и чувственныхъ прихотей, можемъ
ли противиться сильнѣйшимъ движеніямъ стра-
стей нашихъ? Можемъ ли противиться поры-
вамъ раздраженнаго самолюбія нашего, унижен-
ной гордости, оскорбленнаго корыстолюбія и
другихъ страстей, имѣющихъ глубокий корень
въ душѣ нашей? Пѣть. Посему, по примѣру
путешественниковъ, которые для безпрепят-
ственнаго шествія въ пути, облегчаютъ себя отъ
излишнихъ тяжестей, и мы, чрезъ воздержаніе
постомъ и бдѣніемъ, должны снять съ себя тя-
жесть обремененія пищею и питіемъ, дабы об-
легчить душевныя наши расположенія, и со
всевозможною силою, при помощи Божіей, во-
оружиться на обузданіе душевныхъ страстей
нашихъ.

Такъ! истинный поетъ, какъ пѣснословить
святая Церковь, *есть злыхъ отчужденіе, воз-*
держаніе языка, ярости отложеніе, похотей
отлученіе, оглаголанія, лжи, и клятвопреступ-
ленія. Посему и повелѣваетъ намъ Церковь съ
внѣшнимъ постомъ соединять внутренній: *по-*
стящися, братіе, тѣлеси, постимся и ду-
хови. Съ симъ намѣреніемъ и св. царь Да-
видъ смирялъ себя тѣлеснымъ постомъ, дабы
удобнѣе смирать постомъ душу и душевныхъ
враговъ, страсти, и стремленія страстей. *Азъ*
же, говоритъ онъ. внигда они стужаху ми,

облачахся во вретнице и смирахъ постомъ душу мою. (Псал. 54, 13.)

Смирять постомъ душу, — это подвигъ несравненно труднѣйшій, нежели смирять постомъ тѣло. Тѣло и внѣшнія чувства можно воздержаніемъ смирить въ нѣсколько дней, а для умирненія души и душевныхъ страстей потребны многолѣтніе подвиги.

Какъ же намъ *поститься духовно*? Такъ же, и ~~на~~ подобнымъ образомъ, какъ мы постимся и тѣлесно. Постясь тѣлесно, мы отказываемъ себѣ въ употребленіи даже нужной пищи и питія. И въ духовномъ постѣ всечески должны удерживаться отъ удовольренія тѣмъ грѣховнымъ расположеніямъ, которыя особенно господствуютъ въ душѣ нашей, и удаляться отъ всего того, что можетъ воспламенить и усилить въ насъ таковыя расположенія. Но какъ намъ невозможно устранишься отъ всѣхъ предметовъ, могущихъ служить для насъ попользовеніемъ къ преобладающимъ нами страстямъ: то мы прежде всего со всѣмъ тщаніемъ должны уготовлять себя противу опасныхъ для насъ случаевъ разсужденіемъ, озмотрительностію, терпѣніемъ; должны приготавливать себя на духовную брань съ самими собою каждый день изъ утра, и въ продолженіи дня съ постояннымъ вниманіемъ смотрѣть за измѣненіями нашего сердца, когда мы или воспламени гнѣвомъ, или предались самолюбивымъ мечтамъ, или позавидѣли чуждей

добротѣ, или уничижили и пренебрегли ближняго нашего; а по прошествіи дня отдавать совѣт-
ный отчетъ самимъ себѣ, и судить себя съ
строгимъ безпристрастіемъ въ томъ, въ чемъ
поступили противу христіанскаго благоразумія,
въ чемъ уступили стремленію страсти, въ чемъ
даже пали, и, за учиненныя паденія, нестяза-
тельно показывать себя обличеніемъ совѣсти,
и чистосердечно раскаяваться въ злѣ, — добра
же вовсе и не приписывать себѣ, а единственно
по Богу.

И такъ, любитель воздержанія, рачитель
внутренней чистоты, ты, который, имѣя попе-
ченіе о духовномъ своемъ благоустройствѣ, пи-
таешь въ себѣ священную заботу, дабы не
провести понапрасну сего св. времени, но, при
помощи Божіей, снять съ совѣсти своей грѣ-
ховную тяжесть, уврачевать сердечную язву,
исправить душевный недугъ, трезвиться и му-
жаться на поприщѣ духовнаго поста, въ по-
бѣжденіи страстей своихъ! Зная въ себѣ осо-
бенно слабую сторону, особенно бодрствуй и
вооружайся противу опасныхъ для тебя слу-
чаевъ. Вотъ ты юнъ, и, по твоей юности,
чувствуешь на себя льстивыя нападенія сладо-
страстнаго влеченія, невольно увлекающія тебя
къ непослуженнымъ мыслямъ, чувствованіямъ,
расположеніямъ: смотри, всяцѣмъ храненіемъ
блуди сердце твое отъ раздражительныхъ вне-
шнихъ вѣщій; особенно убѣгай той встрѣчи, ко-

торая всего опаснѣе для душевной чистоты твоей; убѣгай, хотя бы мысль твоя оправдывала сію встрѣчу благою цѣлію, даже видомъ благочестія. Если же неизбежна для тебя сія опасная встрѣча, то, проходя мимо, прсклони тѣлесный взоръ долу, а мысленное око вознеси съ молитвою горѣ къ Богу о укрѣпленіи тебя противу искусительнаго помысла, и такимъ образомъ всегда сражайся съ стремленіемъ твоихъ чувствъ и чувственныхъ влеченій. А твоя обыкновенная слабость есть вспычивость, горячность, опрометчивость права: о! несчастная слабость, тобою самимъ оплакиваемая, и всѣ твои добрыя свойства превращающая; слабость, источникъ собственныхъ твоихъ огорченій, источникъ домашнихъ возмущеній, и главная причина обуревающихъ тебя нестроеній. Если она до того возобладала тобою, что ты не въ состояніи выдержать и слабого прикосновенія противности и прекословія тебѣ: то всемірно убѣгай отъ предметовъ, обыкновенно раздувающихъ въ тебѣ гнѣвный пламень. Поставь себѣ за правило — не быть слишкомъ взыскательнымъ и строгимъ въ несправностяхъ и проступкахъ ближнихъ, домашнихъ, подчиненныхъ твоихъ, за которые ты обыкновенно воспламеняешься гнѣвомъ на нихъ; а когда, при раздраженіи отъ нихъ, движеніе гнѣва начнетъ мутить духъ твой: то, съ какою бы ни было тяжестію, старайся остановить сердце твое,

удержать языкъ, укротить встревоженную мысль; умолчи, претерпи, искушеніе пройдетъ, и ты впредь, при Божіей помощи, сдѣлаешься сильнѣе противъ обдержавшей тебя немощи. А вотъ тебя омрачаетъ уничиженная слабость нетрезвости, тобою обладаетъ пагубная склонность къ пересудамъ и осмѣянію ближнихъ твоихъ. И здѣсь надобно вооружиться терпѣніемъ и бодрствованіемъ надъ собою, и убѣгать отъ предметовъ искушеній. И страсть нетрезвости, и страсть къ пересудамъ — любятъ содружество, собесѣдованіе. Посему ты, который чувствуешь въ себѣ понозловеніе къ омрачающему тебя веселію, бѣги, какъ огня, того опаснаго содруга, который часто возжигалъ въ тебѣ пламень пагубной жажды; а ты, который непрестанно грѣшишь и падаешь отъ неукротимости языка твоего, бѣги, какъ адекаго запыленія, того погубительнаго собесѣдованія, которое обыкновенно обращаетъ и мысль, и слово твое на ближнихъ, и содѣлываетъ ихъ предметомъ твоихъ несправедливыхъ сужденій и осужденій. Словомъ: какая бы страсть, и въ какой бы степени, ни обладала къмъ, одно для всѣхъ насъ правило въ постныхъ—духовныхъ подвигахъ, правило, вѣковыми опытами великихъ подвижниковъ благочестія подтвержденное, правило: *терпѣть, молчать, бѣжать*; *терпѣть*, — со всею твердостію противиться лѣстивымъ нападѣніямъ и пріятныхъ, и непріятныхъ искуше-

ній; *молчать*, — не внимать ни внутреннимъ, ни вѣншимъ смущающимъ насъ внушеніямъ, но среди всѣхъ искусовыхъ прираженій неподвижно пребывать въ самихъ себѣ; наконецъ *бѣжать*, — бѣжать, какъ уклоненіемъ отъ самыхъ мѣстъ и предметовъ, могущихъ служить поводомъ къ разстройству душевному, такъ всего болѣе отклоненіемъ самыхъ мыслей, желаній, словъ отъ предметовъ, могущихъ внести въ душу нашу мутныя расположенія, и обращеніемъ оныхъ къ предметамъ, способнымъ поселить въ душѣ нашей свѣтъ и миръ.

Такъ, подвижники воздержанія, упражняясь въ тѣлесномъ постѣ должны мы подвизаться въ духовномъ постѣ противу страстей нашихъ! Тысящекратно мы падемъ въ семь подвиговъ, тысящекратно будемъ увлечены страстями нашими: но не будемъ унывать, а каждый разъ немедленно возставать, и, въ надеждѣ на помощь Божию, съ болѣею твердостью продолжать борьбу съ страстями нашими.

Когда, при содѣйствіи Духа, способствующаго намъ въ немощахъ нашихъ, вѣрно и съ посильнымъ тщаніемъ будемъ подвизаться надъ исправленіемъ нашего сердца, надъ очищеніемъ самыхъ тонкихъ грѣховныхъ нашихъ мыслей и расположеній, и, не смотря на многократное преодоленіе отъ нихъ, неослабно будемъ возставать и сражаться съ ними :о! тогда, по вѣрному слову Господа, не уклонитъ и на насъ

совершится обѣтованіе Божіе; воспримемъ и мы благодатный плодъ трудовъ нашихъ, — возрастимъ души дарованія; *разверзется внутренний свѣтъ нашъ*, разверзется умъ для помысловъ благихъ и правыхъ, разверзется сердце для желаній святыхъ и благочестивыхъ, разверзется чувство для сокрушенія и умиленія, разверзется все существо души для благоговѣнія и страха Божія; тогда и исцѣленія страстей нашихъ возсіяютъ, предъидеть предъ нами правда Божія, и благоволеніе Божіе обыметъ насъ. По мѣрѣ очистительныхъ болѣзней въ сердцѣ нашемъ благодатныя утѣшенія возвѣстятъ душу нашу, и мы ощутиимъ внутри себя небесный миръ, *превосходящій всякъ умъ*, съ коимъ вмѣстѣ умиряется и вѣншній наши чувства, и вся жизнь наша.

Тако постимся постомъ пріятнымъ, благо-
угоднымъ Господеву! Аминь.

ВЕСЕЛА

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Недѣля православія, какъ называется первый воскресный день св. великаго поста, есть такое торжество, которымъ св. Церковь воспомянуетъ древнее торжество христіанскаго благочестія, когда оно, послѣ жестокихъ гоненій и послѣ паденія долговременно смущавшей умы иконоборной ереси, въ новой славѣ возблестало на 7-мъ вселенскомъ, 2-мъ никейскомъ Соборѣ (въ 788-мъ году).

Виновникомъ иконоборной ереси былъ византійскій императоръ Левъ Исаврянинъ. Заразившись ученіемъ нѣкаго Еврея, онъ отвергъ всякое уваженіе къ св. иконамъ, считая оныя ничего незначущимъ изображеніемъ, и даже нарушеніемъ 2-й заповѣди, и потому требовалъ отъ святѣйшаго патріарха Германа, чтобы иконы или поставлены были въ хра-

махъ на такой высотѣ, гдѣ бы не могли быть досязаемы, а лучше вовсе были вынесены изъ храмовъ, дабы, какъ говорилъ онъ въ посмѣяніи, св. иконы, если онѣ суть истинныя изображенія Святыхъ, лобызаніемъ нечистыхъ устъ не были оскверяемы.

Странное заблужденіе! Возстали на иконы, возстали по истеченіи 7-ми христіанскихъ вѣковъ, въ продолженіе которыхъ церковь Христова благоукрашалась иконами, и какъ святынею, и какъ знаменіемъ силы Божіей, чудесно отъ многихъ иконъ въ различныхъ силахъ и дѣйствіяхъ являвшейся.

И чего не было говорено, чего не было писано въ защищеніе св. иконъ противу иконоборцевъ! Было говорено и писано, что иконы почитаются не за украшеніе, не за вещество, не за искусственное и художественное изображеніе, поелику всякая драгоценность на иконахъ есть ничто иное, какъ свидѣтельство достоинства изображаемаго лица и усердія изображающихъ, и приносится въ честь и славу изображеннаго; что иконы чествуются, какъ изображеніе Божественныхъ и священныхъ лицъ, каковы суть: изображеніе Бога Отца, *Ветхаго деньми*, изображеніе воплощеннаго Сына Божія, Богочеловѣка, Матери Божіей, Присподѣбны Маріи, св. Ангеловъ, окружающихъ престолъ Вышняго и посылаемыхъ на землю для служенія призываемыхъ къ наслѣдованію спа-

сенія, также изображенія святыхъ Угодниковъ Божіихъ. Кто же не воздастъ чести, кто въ благоговѣніи не поклонится лицу Божію, лицу Матери Божіей, изображенію лицъ Угодниковъ Христа Спасителя, подражателю Божественной жизни и дѣйствию Его? Кто не поклонится, когда это несомнѣнная истина, что честь, воздаваемая изображенію лица, восходитъ къ самому Первообразу, къ самому живому, всевидящему и всевѣдущему Богу, къ святымъ Божіимъ, живущимъ и дѣйствующимъ въ Богѣ, прославившимъ Бога и прославленнымъ отъ Бога; почему, кто не воздастъ чести образу, безчеститъ самыхъ тѣхъ, которые изображены на образѣ; что намъ, которые сами составляемъ образъ Божій, и живемъ и мыслимъ и дѣйствуемъ въ мірѣ образовъ, и одушевлять себя къ благочестію исполнѣ невозможно безъ начертаній и образовъ; что истинный, живой образъ есть выраженіе внутренней силы и свойствъ своего первообраза; а начертанный на веществѣ, священный или Божественный образъ есть нетое или сходное подобіе своему первообразу, и со стороны чествующаго, составляетъ выраженіе чести и благоговѣнія къ достоинству и величію изображаемаго. Ничто не убѣждало ослѣпленныхъ иконоборцевъ. Св. иконы были изметаемы изъ храмовъ, вланимы по презрѣннымъ мѣстамъ, попираемы, сожигаемы, и всякому уничиженію подвергаемы;

вмѣстѣ съ тѣмъ и почитатели св. иконъ подвергаемы были поношенію, изгнанію, пыткамъ, мученію и даже мучительной смерти.

Какое же было торжество Церкви, какое утѣшеніе вѣрнымъ, когда благочестивая царица Ирина, воспріявши скинстръ съ сыномъ своимъ Константиномъ, созвала 7-й вселенскій Соборъ! На семъ святомъ Соборѣ, бывшемъ въ концѣ VIII-го столѣтія по Р. Х., подобающее св. иконамъ почтеніе во всемъ христіанскомъ мірѣ, на востокъ и западъ, югъ и сѣверѣ, было утверждено и восстановлено.

Но таково тлѣтворное сѣмя ереси; оно еще въ продолженіи полувѣка, сначала тайно, потомъ опять со всею свирѣпостію, какъ заразительная болѣзнь, исторгшись, открылась въ двухъ особенно иконоборцахъ: Львѣ Исаврѣ и Осеофиѣ; и уже около половины IX-го столѣтія, при благочестивой царицѣ Осодорѣ и сынѣ ея Михаилѣ, и при святѣйшемъ патріархѣ Меоодіѣ поражена въ самомъ корнѣ. Благочестивая царица Осодора, и собственнымъ чувствомъ благовѣрія движимая, и страшною смертію мужа своего, Осеофила-иконоборца, и внушеніями всехъ благочестивыхъ убѣжденная, возвративъ съ торжествомъ честь св. иконамъ, св. церкви подобающее благолѣніе, а страдавшимъ за св. иконы свободу и облегченіе, вкупѣ съ святѣйшимъ патріархомъ, по соборному опредѣленію, первую недѣлю поста установила временемъ

торжества православія. А для сего, при всеобщемъ собраніи и священнаго чина и царскаго свиклита и всего благовѣрнаго народа, съ великою честію внесены были въ церковь св. иконы, потомъ благоговѣнно обносимы вѣнъ, и, по совершеніи Божественной литургіи, всенародно въ церкви провозглашены были благословенія ревнителямъ и поборникамъ святыни и благолѣпія церкви Божіей, а гонителямъ православія—клятвы и отверженія. Тоже ежегодно творить и на будущіе вѣки, тогда же было непреложно узаконено и предано.

Сей-то гласъ благословенія и клятвы оттолѣ до нынѣ слышится въ Церкви, которая, какъ великій домъ, какъ великое семейство Христова, твердо и неизмѣнно содержитъ и хранитъ все то, что издревле приняла и учредила, и послѣдующимъ вѣкамъ, какъ достойніе и стяжаніе Христова, предала и заповѣдала. Посему молитвами и благословеніемъ воздая должное предъ Богомъ защитникамъ вѣры, особенно послужившимъ и служащимъ Богу спобореніемъ о благочестіи, а гонителей вѣры и благочестія предавъ суду Божию, дастъ всѣмъ ясно и видѣть и слышать и разумѣть, что возстающіе на вѣру и на святость благочестія Церкви противятся Богу, и Его праведному суду поднадаютъ. И вотъ, еще здѣсь на землѣ, во времени слышимые страшные угрозы вѣчнаго суда да научатъ и вразумятъ cadaго не ка-

саться того, что выше его, не изъезжать того, что крепче его (Сир. 3, 21.), не предлагать предълюбовь отцевъ (Прит. 22, 28.), не хулить истины Божіей, не быть мудрымъ о себѣ (Прит. 3, 7.), не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовать въ цѣломудріи, коемуждо яко же Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры (Рим. 12, 3.).

Итакъ, воспоминая пылъ древнее торжество православія св. Церкви, которымъ возстановлено и даровано Церкви видимое благолѣпіе, осіявающее храмы Божіи въ украшеніи св. иконъ, въ чинѣ священнослуженія, въ благообразіи обрядовъ, и всего, что вѣщаетъ нашимъ чувствамъ, и чрезъ чувства движетъ къ благоговѣнію наши мысли и расположенія, прежде всего и паче всего воздадимъ славу и благодареніе Господу, по благодти своей тако устроившему о спасеніи нашемъ. Возблагодаримъ отъ всего сердца премилосердаго Бога, продолжающаго къ намъ древнія свои милости, и дающаго миръ во дни наши, когда Церковь наслаждается благодтишіемъ, и православіе цвѣтетъ и распространяется. И священнолѣпнымъ служеніемъ принося благодареніе Господу, будемъ не только содержать и чтить свято все преданное намъ св. Церковію, но будемъ и жителъствовать такъ, какъ пріяли, и дѣйствовать, какъ вѣруемъ; тогда спасемся.

А дабы вѣра наша была плодоносна и въ

насъ самихъ, и растима въ ближнихъ нашихъ, то, по состоянію и званію, по степени духовнаго разумѣнія и силы вѣры, будемъ при благопріятномъ случаѣ и чуждающихся св. Церкви вразумлять и располагать къ общенію съ святою Церковію. Святою нашею вѣрою назидая себе, и сами себе въ любви Божіей соблюдая, будемъ приводить въ чувство вѣры и благочестія и заблуждающихъ: иныхъ благимъ и кроткимъ разсужденіемъ, а иныхъ силою обличеній и страхомъ суда Божія отъ явной гибели спасать.

Могущему же сохранить насъ безъ грѣха и безъ скверны, и поставить предъ славою своею непорочны въ радости, Единому Премудрому Богу и Спасу нашему, Іисусомъ Христомъ Господомъ нашимъ, слава и величіе, держава и власть прежде вѣхъ вѣкъ и нынѣ, и во вся вѣки. (Іуд. 20—25.). Аминь.

С Л О В О .

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

*Пречистому Твоему образу покланяемся ,
Благій !*

Совершаемая нынѣ Церковію недѣля православія такъ названа по совершившемся нѣкогда въ сію недѣлю, послѣ изложенія иконоборной ереси, торжественному возстановленію чтенія святыхъ иконъ , . коими оттолѣ во всемъ благолѣпніи украсилась и доселѣ украшается святая Церковь.

Православіе, какъ правая вѣра, правос исповѣданіе вѣры, по своему значенію, объемлетъ внутреннюю и внѣшнюю сторону благочестія. По преимуществу Церковію почитено симъ наименованіемъ торжество возстановленія свят. иконъ, которыми православная вѣра внутреннюю лѣпоту святыни своей явила во внѣш-

пемъ благолѣпіи благочестія. И по достоинству св. Церковь почтила чествованіе св. иконъ наименованіемъ православія. Съ возстановленіемъ чествованія св. иконъ, утвердилась и вся внѣшняя сторона благочестія, въ которую духъ и тайпы вѣры внутренняго богослуженія облечены, какъ въ свое тѣло, олицетворены для нашего взора, изображены для внѣшнихъ чувствъ въ свойственномъ видѣ.

Если бы въ храмахъ Божіихъ не было священныхъ образовъ, не было бы и свѣщи и кадила; то не было бы благоговѣйнаго поклоненія и служенія предъ святыми иконами. А безъ сего въ самыхъ храмахъ Божіихъ какая была бы скудость, какое лишеніе для нашего духовнаго назиданія? Нѣтъ предъ очами нашими священнаго образа, нѣтъ и возбужденія благоговѣнія къ святынѣ. Не горитъ свѣща предъ божественнымъ изображеніемъ, нѣтъ и въ сердцѣ нашемъ горенія къ Изображенному. Не приносится кадило Богу въ волю благоуханія, и для насъ нѣтъ ощутительнаго знаменія къ молитвенному возношенію мыслей нашихъ къ Богу. Нѣтъ молитвеннаго преклоненія долу: нѣтъ и побужденія къ изліянію смиреннаго предъ величіемъ Божіимъ чувства. Какъ дуца наша облечена тѣломъ, является и дѣйствуетъ чрезъ тѣло: такъ и духъ вѣры знаменуется во внѣшнихъ обрядахъ, какъ облаченіяхъ внутренней святыни. Внѣшними священ-

пыми знаменіями духъ нашъ живѣе возбуждается къ благоговѣнію предъ Богомъ, удобнѣе возводится къ созерцацію таинъ небесныхъ, глубже проникается внутреннимъ духомъ богослуженія.

Хотя мы, какъ чада православныя Церкви, отъ младенчества напоены благоговѣйнымъ чувствомъ чествованія святыхъ иконъ, но, для большаго утвержденія въ сѣмъ чувствѣ, рассмотримъ во славу православія, на чемъ основывается чествованіе святыхъ иконъ?

ЧАСТЬ I.

ОСНОВАНІЯ КЪ ЧЕСТВОВАНІЮ СВ. ИКОНЪ.

Что есть икона? Икона есть священное изображеніе Бога, Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ, служащее для возбужденія въ насъ чувства присутствія Божія, и непрерывнаго напоминанія о Богѣ, о Божіихъ къ намъ 'благодѣяніяхъ, о подвигахъ и дѣяніяхъ Святыхъ Божіихъ, совершенныхъ нами во славу Божию.

Воспрещается ли второю заповѣдію чествованіе и поклоненіе святыхъ иконъ, какъ заблуждали и заблуждаютъ неправославно мыслящіе? Возможно ли, чтобы великое дѣло благочестія, столь живо возбуждающее въ насъ чувство присутствія Божія и поставляющее насъ въ только ощутительной близости съ землею и небесною святынею, могло быть воспрещено заповѣдію Божіею? Не самъ ли Богъ, Который заповѣдалъ: *не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подѣ*

землю; да не поклонишася имъ, ни послужиши имъ (Исх. 20, 4. 5.), не Самъ ли повелѣлъ Моисею устроить скинію по образу, показанному на горѣ (Исх. 25, 40.), содѣлать въ ней особеннымъ мѣстомъ Своего присутствія очистилище, приосвящаемое двумя Херувимами (Исх. 25, 18—26.), и вообще учредить въ скиніи образное служеніе? Второю заповѣдію не воспрещается дѣлать изображенія божественныхъ предметовъ и священныхъ вещей, а воспрещается дѣлать, для благоговѣйнаго чествованія, изображенія существъ и вещей, видимыхъ на небеси, на землѣ, въ водахъ и подъ землею, которыя дѣйствіемъ своимъ возбуждаютъ въ насъ особенное чувство удивленія къ ихъ силѣ, красотѣ, благотворительности; таковы небесныя свѣтила, солнце, луна, звѣзды и многія земныя вещи и существа, которыя разнообразнымъ дѣйствіемъ пользы и добра могутъ производить въ насъ особенное чувство уваженія къ нимъ. Пынь, когда вся земля исполнена вѣдѣнія Господня (Исаіа 11, 9.) ; когда мы только изъ бытописаній знаемъ, что у язычниковъ, не вѣдущихъ Бога, были и суть и на землѣ и на небеси глаголеміи боги мнози, и господіе мнози; но у насъ единый Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и мы у Него: и Единый Господь Іисусъ Христосъ, имъ же вся и мы тѣмъ (1 Кор. 8, 5. 6.), пынь въ намъ вторая заповѣдь закона въ буквальномъ смыслѣ не имѣетъ при-

мѣненія. Для насъ всякія изображенія не только земныхъ, но и небесныхъ вещей, поставляемыя на мѣстѣ святѣ, но не имѣющія отношенія къ благодатному царству Христову и слѣдовательно не заключающія въ себѣ священнаго значенія, служатъ только обыкновеннымъ украшеніемъ.

Не таковы были тѣ, которымъ законополагаемъ былъ законъ и дана заповѣдь противъ идолопоклонства; не таковы были Евреи не только времени Моисея, но и послѣдующихъ временъ. Народъ чувственный, при ограниченности духовнаго разумѣнія, не способенъ былъ понимать Бога—духа и вездѣ присутствіе Божіе, не способенъ былъ и отъ образа вещей восходить мыслию къ первообразу всѣхъ вещей—Богу; но болѣе или менѣе къ образу привязывалъ и присутствіе самаго Божества. Отсѣлѣ, смѣшивая тварь съ Творцемъ, и твари, веществу воздавая поклоненіе, какъ Богу, народъ Еврейскій всего чаще впадалъ въ идолопоклонство язычниковъ, которыми былъ окруженъ. Посему для Еврейскаго народа нужна была заповѣдь, воспрещающая идоловъ и идолопоклонство.

Что же есть идолъ? Въ противоположность иконѣ, какъ изображенію живаго Бога и Святыхъ Божіихъ, живущихъ въ Богѣ, идолъ есть изображеніе дѣйствительнаго или вымышленнаго существа, дѣйствительной или вымыш-

ленной вещи, которымъ, вопреки ихъ естественному достоинству, воздается священное чествованіе и боголѣпное поклоненіе. Вообще идоломъ что-либо назывзается не по веществу и не по изображенію, но по употребленію и по цѣли употребленія. Изображеніе простой—естественной, или вымышленной вещи, поставленное на простомъ мѣстѣ не есть идолъ, а просто изображеніе; поставленное на священномъ мѣстѣ есть идолъ. Смыъ объясняется и свойство духовнаго идолослуженія, когда мы людямъ недостойнымъ, вещамъ суетнымъ, а не рѣдко и постыднымъ, воздаемъ несоразмѣрную любовь и уваженіе, когда напр. на смертнаго человѣка надѣемся съ забвеніемъ Бога, и наче на человѣкѣ, нежели въ Богѣ утверждаемъ крѣпость мыщцы своея; когда злату, суетнымъ забавамъ, предметамъ честолюбія, сластолюбія жертвуемъ нашею жизнью, крѣпостию силъ и всею своею любовію. Таковыя предметы суть идолы, и раболѣпство имъ есть духовное идолослуженіе. Въ семъ отношеніи вторая заповѣдь о непоклоненіи идоламъ, кромѣ Бога, и къ каждому изъ насъ вѣщаетъ: *не сотвори себѣ кумира*; не сотвори себѣ кумира ни изъ человѣковъ, ни изъ вещей пристрастіемъ, рабскою привязанностію, грѣховнымъ порабощеніемъ; никакую вещь, никакого человѣка, ничто и никого въ мірѣ не люби наче Бога.

Не опровергается ли чествованіе святыхъ иконъ симъ обличительнымъ у Исаи Пророка вопрошеніемъ о несообразности изображать Безпредѣльнаго въ подобіи образа тѣснаго чловѣка: *кому уподобисте Господа, и коему подобію уподобисте Его?* (Исаи 40, 18.) и у Апостола опымъ вразумленіемъ: *родъ суще Божій, не должны есмь пещевати подобно быти Божество злату, или серебру, или камени художнѣ начертану и смысленію чловѣчу.* (Дѣян. 17, 29.)? Итъ! И пророческое обличеніе и апостольское вразумленіе относится къ поклонникамъ бездушныхъ идоловъ, а не къ богочтецамъ Господа Вседержителя, все сотворившаго и все оживляющаго. Богъ самъ въ себѣ, въ безпредѣльномъ существѣ Его неизобразимъ. Но тотъ же неизобразимый, неописанный Богъ благоволилъ являться Аврааму въ образѣ мужа (Быт. 18, 1. 2. 22.), Иакову чловѣкообразно утверждающимся на лѣбвицѣ, простирающейся между землею и небомъ (Быт. 28, 12. 15.), Моисею глаголавшимъ въ купинѣ и на горѣ лицомъ къ лицу (Исх. 3, 2. 4. 33, 15.), Исаи, сѣдящимъ на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ (Исаи 6, 1.), Іезекіілю носимымъ на четырехъ животныхъ, въ подобіи чловѣка (Іез. 1, 5. 26.), Данилу на облакахъ во образѣ ветхаго деньми (Дан. 7, 15.). Но особеннымъ, неказаннымъ по благодти, явленіемъ Богъ-Слово явился въ воплощеніи, ко-

торое было и основаніемъ и осуществленіемъ
всѣхъ ветхозавѣтныхъ богоявленій, и въ кото-
ромъ Безконечный и Непостижимый, для воз-
можнаго приближенія себя къ человѣкамъ, Самъ
низвелъ себя въ образъ смертнаго человѣка, и,
содѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ, жилъ
на землѣ, какъ человѣкъ, обращался съ чело-
вѣками, чудодѣйствовалъ, пострадалъ, былъ
распятъ, умеръ, воскресъ, вознесся съ плотію
на небо. Отселѣ въ Божественной жизни Своей
столько же оставилъ намъ священныхъ обра-
зовъ, сколько совершилъ божественныхъ дѣлъ,
столько священныхъ предметовъ для благого-
вѣнія, сколько въ тайнѣ искупленія явилъ намъ
тайнъ для нашего спасенія. Иконы же Святыхъ
суть изображенія друзей Христовыхъ, исти-
ныхъ послѣдователей Его, исполнителей Св.
воли и подражателей совершенствъ Его, съ
Нимъ страдавшихъ и подвизавшихся, съ Нимъ
и прославленныхъ. Посему, гдѣ образъ пре-
святыя—живоначальная Троицы, гдѣ образъ
Іисуса Христа Спасителя, тамъ достойно и
праведно быть и образамъ спасенныхъ и про-
славленныхъ Христомъ. *Идѣ же бо Царевѣ при-
шествіе, тамо и чинъ приходитъ.* (*). Посему
святые иконы, изображая намъ многоразлич-
ныя благодѣянія Божіи, многоразличные под-
виги добродѣтели Святыхъ Божіихъ, суть тоже,

(*) Стих. на ятїи Богоявл.

что божественныя начертанія священнаго писанія, для простаго oka и чувства еще яснѣе говорящія, нежели священныя письмена слова Божія, которыя, хотя сами по себѣ ясны, но по духовной глубинѣ часто для простаго понятія недоступны. Въ семъ отношеніи святыя иконы составляютъ неотъемлемую принадлежность и священное украшеніе св. храмовъ. Но будучи представленіемъ лика Бога и Святыхъ Божіихъ, св. иконы составляютъ предметъ нашего благоговѣнія и поклоненія.

И вотъ основаніе, почему мы предъ священными изображеніями, представляемыми на веществѣ и облакаемыми златомъ, серебромъ, и каменіемъ многоцѣннымъ, возжигаемъ свѣтильники, воскуряемъ ошніамъ, совершаемъ благоговѣйное поклоненіе и служеніе. Все это дѣлаемъ на томъ основаніи, что честь, по слову Василія Великаго, воздаваемая образу, восходитъ къ первообразу, — къ тому лицу, которое изображено и чтится въ изображеніи. Въ св. иконахъ мы чтимъ не мертвое изображеніе, тѣмъ паче не вещество, но изображенное лице, которое поелику есть живо и дѣйствительно: то и образу воздается одинаковая честь съ первообразомъ. Поклоняясь образу Спасителя, мы въ образѣ чтимъ самаго изображеннаго Спасителя, и наше поклоненіе восходитъ горѣ къ престолу величества, гдѣ Онъ сѣдитъ одесную Бога Отца. Такъ св. Церковь издревле взирала

на св. иконы. Сходство подражательнаго образа съ изображаемымъ, говоритъ 7-й вселенскій Соборъ, состоитъ въ лицѣ; но подражательный образъ не имѣетъ собственнаго лица, а носитъ на себѣ лице первообраза, того, кто изображенъ. Посему, лобызая икону Спасителя, Богоматери или иного Святаго, мы лобызаемъ не вещество, а изображенное на веществѣ лице. И если на иконѣ, предъ которою кланяемся, зракъ лица изгладится, то одному веществу безъ изображенія лица мы уже болѣе не кланяемся (*).

Вотъ сколько священно и благочестно поклоненіе святымъ иконамъ !

(*) См. Всеоружіе догматическое гл. 22. лист. 151.

ЧАСТЬ II.

ЦѢЛЬ ЧЕСТВОВАНІЯ СВ. ИКОНЪ.

Тѣмъ ли должно кончиться все дѣло благочестія о почитаніи св. иконъ, чтобы только покланяться пречистому образу Спасителя, и благоговѣнно чтить иконы Святыхъ Божіихъ, по достоинству ихъ? Мы неотмѣнно должны чтить св. иконы и покланяться имъ. Но также неотмѣнно должны и воображаться во образъ Спасителя нашего, яко нашъ первообразъ, — воображаться и въ образъ Святыхъ Божіихъ, яко въ подобіе Христова, и нашихъ наставниковъ въ томъ, чтобы вообразился въ насъ Христосъ. Такъ мы, — воображающіеся въ образъ Христа, мы сами что иное составляемъ, какъ не образъ славы Божіей? Составляемъ образъ славы Божіей, но, увы, образъ не подобный своему Первообразу, лишенный славы Божіей, образъ потлѣнный страстьми, затмившійся въ свѣтлыхъ чертахъ богоподобія. Для того Сынъ Божій, Слово Упостасное образъ приносящ-

ныя славы Отція, сіяніе совершенствъ Его и явился въ образѣ смертнаго человѣка, въ зракѣ раба, въ подобіи плоти грѣха, чтобы возставить въ насъ падшій и истлѣвшій страстьми образъ Божій, возсіять истину Божию въ умѣ, возжечь любовь къ добру въ сердцѣ, укрѣпить правоту въ волѣ, чтобы привести эти черты Божественнаго Образа въ совокупное явленіе въ лицѣ человѣка, привести согласнымъ дѣйствіемъ души и тѣла въ живое подобіе мудрости, добротою, святостию.

Итакъ, взирая на вещественный образъ Христа Спасителя, на рукописанные образы святыхъ Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ, будемъ помышлять, что мы, каждый въ лицѣ своемъ, представляемъ нерукотворенный образъ и подобіе Божіе; представляемъ образъ Божій въ духовномъ свойствѣ и разумныхъ силахъ души нашей; представляемъ подобіе Божіе, когда самымъ дѣломъ являемъ въ себѣ духовныя свойства, божественную истину въ умѣ, любовь къ добру въ сердцѣ, стремленіе ко всякому добру въ волѣ, являемъ въ себѣ, — въ нашемъ лицѣ, въ семъ образѣ внутренняго нашего человѣка, въ сей совокупности духовнаго и тѣлеснаго нашего существа, внутренняго и вѣншнаго нашего дѣйствованія. Когда очи наши по умному зрѣнію видятъ истину, языкъ по внутреннему слову изрекаетъ миръ и благословеніе, уста отъ сердца износятъ благодареніе, когда

ушеса внутреннимъ слухомъ внимають милость и правоту: тогда и руки наши бываютъ простерты на благотвореніе, и ноги скоры тещи по заповѣдямъ Божиимъ, и вся жизнь наша устроится благообразно по волѣ Божіей; тогда мы являемъ въ себѣ не только образъ, но и подобіе Божіе. Для того-то вочеловѣченіемъ и вообразился во все существо наше Христосъ, дабы Духомъ Своимъ вообразиться и дѣйствительно жить и въ душахъ и въ тѣлесахъ нашихъ. Будемъ всемѣрно воображаться во Христа, и въ лицѣ своемъ, какъ въ живомъ образѣ Его, прославлять Его и въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ, *яже суть Божія* (1 Кор. 6; 20.).

Такъ отъ видимаго образа Христа Спасителя и Святыхъ Божіихъ будемъ полагать восхожденіе въ сердцѣ къ невидимому, духовному образу Ихъ и благодатно воображаться въ оный нашимъ умомъ, сердцемъ, волею, всемъ существомъ и всею жизнію.

Спасителю нашъ, создавый насъ въ твореніи и возсозидающій въ новотвореніи по образу и подобію Твоему! Мы со всею любовію покланяемся пречистому образу Твоему, въ который благоволилъ Ты вочеловѣчиться ради нашего спасенія; покланяемся и лицамъ Святыхъ Твоихъ, вообразившихся во образъ Твой святой и Тобою прославленныхъ. Научи насъ, Благій, воображаться въ Тебя, и помоги Твоею благодатію по мѣрѣ силъ нашихъ упо-

доблаться Тебѣ, да пресбразуясь во внутреннемъ чловѣкѣ нашимъ обновленіемъ духа и ума, преобразуясь и во вѣннемъ чловѣкѣ умерщвленіемъ страстей и очищеніемъ всѣхъ чувствъ, сподобимся осіятися свѣтомъ лица Твоего. Аминь.

СЛОВО И

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

Пынь благочестія свѣтлость всѣмъ распрострѣся..... просвѣщающа сердца благочестивыхъ. Приидите— вси припадемъ, благочестиво-мудренно честнымъ иконамъ Христовымъ поклоняющеся, православніи! (Стих. 1 на малой вечер. 1 нед. св. поста).

Недѣля православія, которая усвоена первому воскресному дню поста, и которую мы пынь по благодѣи Божіей совершаемъ, установлена собственно въ память торжества возстановленія св. иконъ, на чествованіе которыхъ въ VIII-мъ и IX-мъ вѣкахъ вооружались не только ослѣпленные лжемудрованіемъ учителя, но и начальники народа, носившіе имя христіанъ. Дважды съ жестокостію возникавшая иконоборная ересь

дважды была и поражена, въ VIII-мъ вѣкѣ была низложена 2-мъ никейскимъ, — 7-мъ вселенскимъ Соборомъ; въ половинѣ IX-го вѣка, по разсвирѣпеніи вновь, опять была поражена при благочестивой царицѣ Осодорѣ боголѣпнымъ возстановленіемъ чествованія св. иконъ, по каковому случаю учреждено и торжество православія, какъ неразрушимый памятникъ торжества правости вѣры надъ неправовѣріемъ.

Это подлинно было омраченіе отъ духа тьмы, которое затмѣвало очевидную истину въ глазахъ гонителей св. иконъ. Не только для чадъ православныя Церкви, но и для всякаго здравомыслящаго ясно, что изображенія Бога, Ангеловъ и Святыхъ Божіихъ для того пишутся, для того въ соотвѣтственныхъ святыняхъ ихъ мѣстахъ поставляются, чтобы напоминать намъ о Богѣ, о Божіихъ благодѣяніяхъ, о подвигахъ и дѣйствіяхъ Святыхъ Божіихъ, которыя они совершили во славу Божію для содѣланія спасенія своего, въ назиданіи ближайшихъ и отдаленныхъ потомковъ вѣры и благочестія ихъ; кратко: — для того мы поставляемъ въ храмахъ и домахъ нашихъ, на вратахъ входовъ и исходовъ нашихъ изображенія Бога и Святыхъ Божіихъ, тщательно украшаемъ ихъ, возжигаемъ предъ ними свѣтильники и благоговѣнно покланяемся имъ, дабы приблизить къ своему понятію Божество и имѣть предъ очами дѣйст-

венное побужденіе и умомъ и сердцемъ нашимъ быть всегда въ близости къ Богу.

Итакъ , достойно было торжествовать св. Церкви возстановленіе святыхъ иконъ, какъ великую побѣду благовѣрія надъ зловѣріемъ. Воспріявъ святыхъ иконы, Церковь Христова украсилась небоподобнымъ , для внѣшняго чувства уладительнымъ , для внутренняго назидательнымъ благолѣпіемъ.

Какъ съ утвержденіемъ чествованія св. иконъ утвердилась вся внѣшняя сторона благочестивыхъ обрядовъ и установленій св. Церкви: то торжество православія, одушевляясь внутреннею силою вѣры , особенно ограждаетъ внѣшнюю сторону христіанскаго благочестія , благочестивые обряды и установленія, какъ-то : чествованіе св. празднествъ, храненіе постовъ, и другія къ онымъ относящіяся.

Если бы низложена была внѣшняя, обрядовая сторона благочестія въ Церкви Христовой: то, не говоря о прочемъ , самая Божественная Евхаристія много бы могла утратить священно-таинственной силы и важности своей во внѣшнихъ видахъ тѣла и крови Христовой; съ тѣмъ вмѣстѣ для дѣятельной жизни сколько бы мы лишились благочестивыхъ установленій, святыхъ обычаевъ , душеспасительныхъ преданій , относящихся къ поддержанію поведенія нашего въ христіанской жизни и правахъ? Святая Церковь, какъ попечительная мать, ограждая насъ

святыми своими установленіями въ христіанскомъ благоповеденіи, всегда съ настоятельною заботливостію требуетъ отъ насъ, чтобы мы для преслѣбанія въ христіанскомъ воздержаніи неопустительно хранили установленные посты и въ извѣстные, по своей важности, дни положенное различіе въ качествѣ пищи и питія; чтобы для содержанія себя въ молитвенномъ расположеніи и духовной радости читали праждаства Господни и освящали оныя неопустительнымъ ходженіемъ въ храмы Божіи для молитвы, вознося оную къ Богу чрезъ Святыхъ Его, какъ ходатаевъ нашихъ предъ Богомъ, чтобы послѣдныя дѣлали приношенія къ олтарю Господню въ ходатайственную жертву за живыхъ и умершихъ сродниковъ и благотворителей нашихъ.

Что же? соблюдаемъ ли мы эти спасительныя установленія самымъ дѣломъ? Не надлежитъ ли намъ сказать, что мы слабы и небрежны въ исполненіи оныхъ? Сколько мы невоздержны въ сладкопитаніи лстящими вкусу нашему брашнами? Плотяность наша, если бы не была обуздываема законоположеніями Церкви, готова была бы уничтожить посты и установленія о различіи яствъ.

Сколько мы пристрастны и къ наслажденію чувственными увеселеніями и утѣхами! Разсѣянность наша готова была бы всякое время обратить въ дни и вечера веселія и забавы, и

многіе, отвергнувъ страхъ Божій, священное время навечерій великихъ праздниковъ вмѣсто молитвеннаго бдѣнія, проводятъ не только въ пустыхъ, но предосудительныхъ, раззорительныхъ играхъ. Увлекаемые легкомысліемъ и пристрастіемъ къ забавамъ праздности и корысти, не работаютъ ли таковыя мамонѣ, богу чрева, забывая служеніе Богу милости и щедротъ?

И въ дни празднествъ, нарочито посвященныхъ Богу, какъ мы холодны къ богослуженію! Подъ разными предлогами домашнихъ недосуговъ и не терпящихъ отлагательства дѣлъ, или уклоняемся отъ богослуженія, или, пришедши къ богослуженію, скучаемъ и тяготимся продолжительностію онаго, — выставляя усталость и утомленіе. Чтò мы доказываемъ этимъ? Доказываемъ то, что мы для житейскихъ выгодъ, для забавъ, для самоугожденія ничего не жалѣемъ, — ни времени, ни издержекъ, ни силъ, а для Іисуса и для служенія Ему не хотимъ провести и нѣсколько минутъ въ благоговѣйной собранности.

Вообще мы живемъ такъ безпечно, что мало думаемъ о будущей жизни, занимаемся отъ утра до вечера, отъ лѣтъ молодости до старости суетами, какъ бы вся жизнь наша оканчивалась временемъ нашего пребыванія на землѣ. Отъ каковой безпечности многіе изъ насъ въ совершенной неготовности и умирають. Такъ мы

живемъ слабо и при духовномъ огражденіи, когда, назидаемые спасительнымъ ученіемъ слова Божія и закоположеніями святой Церкви, не престанно получаемъ дѣятельное наставленіе о приуготовленіи себя къ смерти чрезъ совершаемое св. Церковію поминовеніе усопшихъ. Что же было бы, если бы это священное установленіе, которое, при совершеніи его, и насъ самихъ какъ бы переноситъ изъ жизни за предѣлы гроба, не обуздывало нашей чувственности и не пробуждало отъ безнечности? И такъ эти священныя установленія Церкви въ ученіи благочестія впечатлѣваютъ чувство благоговѣнія къ неприкосновенности истинъ и святости таинствъ вѣры; а въ примѣненіи къ дѣятельности составляютъ приспособленный къ общей духовной потребности путь, которымъ св. Церковь ведетъ чада своихъ къ выполненію высокихъ заповѣдей небеснаго Законоположника своего и, по слѣдамъ Божественной жизни Его, къ преслѣзанію въ вѣрѣ и благочестіи.

Чада православія! Возблагодаримъ Господа за Его безпредѣльную благодать и благопримысленіе о соблюденіи Церкви Своей въ чистотѣ и непоколебимости, въ мирѣ и благодѣи, каковымъ мы въ нѣдрахъ православныя Церкви и царства во дни наши наслаждаемся подъ христоролюбивою державою. Въ засвидѣтельствовавшіи живаго чувства непрерывной благодарности нашей, будемъ, сколько возможно, какъ послуш-

ные рабы, служить Господу нашему вѣрою и любовію; какъ чада православія, будемъ всемѣрно бности законоположенія Матери нашей, св. Церкви, чтить Святыхъ Божіихъ, призывать молитвенную помощь ихъ и покланяться святымъ изображеніямъ ихъ, хранить св. посты для очищенія души и тѣлесъ нашихъ, почитать праздники Божіи и освящать оныя достойнымъ препровожденіемъ въ чистотѣ, воздержаніи и добротвореніи, -- въ этой истинной радости и веселіи о Господѣ; будемъ молитвенно помнить усопшихъ нашихъ и, творя память о очищеніи грѣховъ ихъ предъ Господомъ, памятовать и о собственной кончинѣ нашей и благо-временно приготовляться къ оной, чрезъ отрѣшеніе отъ нашихъ пристрастій и привязанностей; будемъ въ простотѣ послушанія хранить и другіе христіанскіе обычаи и преданія, коими, какъ спасительными средствами, питается наше благоговѣніе къ Богу, блюдется чистота духа, охраняется строгость нравовъ и непорочность вѣнннннго поведенія.

А дабы дѣятельно исполнять все сіе, будемъ молить Отца свѣтовъ, призвавшаго въ царство Сына любви Своея, чтобы, благоволивъ намъ родиться и совершать поприще жизни въ недрахъ православной Церкви, далъ благодать Свою, какъ вѣрнымъ чадамъ, благочестно хранить все законоположенія ея, коими она возвращаетъ и содѣлываетъ въ насъ благоплоднымъ слово Хри-

ство. Будемъ молить Господа, Искупителя и Спасителя Церкви Своей, чтобы даровалъ намъ Божественною силою Духа Своего, какъ про-
 воздѣть жизнь въ послушаніи Церкви Его, такъ и скончать теченіе свое въ ся матернемъ попеченіи, скончать въ истинномъ исповѣданіи грѣховъ нашихъ, въ благоговѣйномъ приобщеніи пречистаго тѣла и крови Его, и въ благочестномъ напутствіи мертвыхъ остатковъ нашихъ погребальнымъ пѣніемъ и молитвою, и когда уже бреннымъ тѣломъ нашимъ будемъ тлѣть и покониться въ пѣдрахъ земли, и тогда гласомъ св. Церкви Твоей, Тріупостасный Боже, да поминается молитвенно память наша о оставленіи грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ и о вчиненіи дѣлъ нашихъ въ обители свѣта и живота, иже Ты присѣщаешь свѣтомъ лица Твоего и поконись вся отъ вѣка въ вѣръ и благочестіи скончавшіяся. Аминь.

СЛОВО III

ВЪ НЕДѢЛЮ ПРАВОСЛАВІЯ.

о

власти, данной Иисусомъ Христомъ Церкви отлучать
отъ общенія съ нею непокоряющихся уставамъ ея.

*Аще и Церковь преслушаетъ , буди тебѣ
якоже язычникъ и мытарь. (Матѣ. 18, 17.).*

Недѣля православія есть въ собственномъ
смыслѣ торжество православной вѣры и Церкви.
Св. Церковь, по совершенномъ возстановленіи
св. иконъ , законоположеніемъ отцевъ седьмаго
вселенскаго Собора , утвердила и приняла въ
неизмѣнное храненіе то, что утверждено и при-
нято прежними вселенскими и помѣстными Со-
борами. Напротивъ отринула и запретила все
то, что ими запрещено и отвергнуто. Держа
древнсе священнос установленіе, св. Церковь и

нынѣ, при совершеніи торжества православія, коинко величественнымъ, тоинко и страшнымъ дѣйствіемъ являетъ силу и славу свою: являетъ славу въ торжествѣ содержимой ею божественной вѣры непоколебимо отъ внѣшнихъ враговъ; являетъ силу въ прославленіи благочестивыхъ поборниковъ, и въ осужденіи открытыхъ враговъ Божіихъ и своихъ. Какъ истолковательница непреложныхъ судебъ Вышняго среди живущихъ на земли, по данной ей отъ Господа власти, возвыщается, для вразумленія живущихъ, высекимъ проповѣдываніемъ, суды милости и правды Господней о умершихъ. Тѣхъ, которые въ Господѣ и въ державѣ крѣпости Его были и суть поборниками божественной вѣры, она торжественно и нынѣ восхваляетъ и ублажаетъ; а тѣхъ, которые испроверженіемъ и разрушеніемъ божественной вѣры явили себя открытыми врагами и гонителями оной, подвергаетъ осужденію. Но въ тоже время матерински соболѣзнуя о блуждающихъ по многоразличнымъ распутіямъ ересей и расколовъ, пламенно молить Человѣколюбца, да обратитъ блуждающихъ къ познанію истины и соединитъ ихъ во едино благословенное стадо Свое.

Здѣсь-то, благопослушныя чада Церкви, еще паче одушевимся благоговѣніемъ къ общей Матери нашей, домостроительницѣ Христовой, Церкви и къ святымъ законоположеніямъ ея. Церкви отъ самаго Христа даны ключи царствія,

власть отверзати послушнымъ врата царствія, а для непослушныхъ и противящихся затворять; при пераскаянности же и вовсе заключать двери общаго упованія спасенія. Отсель и мы поздніе, но вѣрные послушатели догматовъ Церкви и неуклонные послѣдователи установленій древнихъ вселенскихъ отцевъ и учителей, устами ихъ повторяемъ въ утвержденіе непреложности истины ученія и постановленій Церкви: *ихже проклятiю предаша, и мы проклинаемъ; ихже изверженiю, и мы извергаемъ; ихже запрещенiю, и мы запрещаемъ, и ихже отлученiю, и мы отлучаемъ.* (1-е прав. 7-го вселен. Соб.). Эту великую власть Господь далъ Церкви не на раззореніе, а на созиданіе.

Дабы намъ, какъ чадамъ послушанія, еще нѣче утвердиться въ послушаніи святой Церкви: изслѣдуемъ во славу православныя Церкви основанія и силу власти, данной Господомъ Иисусомъ Христомъ Церкви на непокоряющихся уставамъ ся.

ЧАСТЬ I.

ИИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ УЧРЕЖДЕНО ВЪ ЦЕРКВИ ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Церковь, какъ общество неповѣдующихъ единую вѣру и стремящихся къ одному духовному совершенству въ вѣрѣ и благочестіи, состоитъ подъ невидимою Главою. Эта Божественная Глава, Спаситель тѣла, есть Господь Іисусъ. Какъ Знждитель и Законодатель, верховный Царь и Судія Церкви Своей, Онъ далъ ей божественные законы Свои, далъ и свойственное правленіе и судъ. Внутреннее управленіе Церкви совершаетъ Духъ святой, дѣйствующій вся во всѣхъ (1 Кор. 12, 6). Внешнее правленіе Церкви составляютъ тѣ, которымъ ввѣрены словеса Божіи и тайны вѣры для созиданія тѣла Христова. Таковы были первые самовидцы и слуги Слова, св. Апостолы, коимъ глаголы живота вѣчнаго и ключи царствія ввѣрены были непосредственно отъ самаго Христа, Знждителя и Законоположника Церкви. Таковы послѣ Апо-

столовъ преемники ихъ служенія, православныя пастыри и учителя, въ непрерывномъ порядкѣ преемства отъ времени Апостоловъ даже доселѣ другъ за другомъ слѣдующіе, и тоже благовѣствованіе Христово проповѣдующіе, тѣ-же тайны Христовы священнодѣйствующіе; по сему они такіе-же, только послѣдовательно другъ другу преемствующіе, слуги и свидѣтели Слова. И такъ священство, священнопастырство и учительство, коимъ ввѣрено строеніе таинъ и назиданіе членовъ Церкви, составляютъ духовное правительство Церкви Христовой. Оно есть сословіе вѣрныхъ человѣковъ, которые, бывъ воспитаны, наставлены и утверждены въ ученіи истинной вѣры и благочестія, кромѣ собственнаго внутренняго благоговѣнія къ тайнамъ вѣры и попеченія о назиданіи себя во благочестіи, подъ особою клятвою воспріяли другъ отъ друга, какъ небесное сокровище, тайны вѣры, ученіе благочестія и законоположенія Церкви для неизмѣннаго храненія, совершенія и преподаванія оныхъ другимъ въ чистой совѣсти. Это сословіе вѣрныхъ, въ ученіи вѣры и благочестія испытанныхъ и утвержденныхъ человѣковъ, есть священное званіе служителей Церкви Христовой, которые именуются въ словѣ Божіемъ посланниками (2 Кор. 5, 20) и проповѣдниками воли Божіей (1 Тим. 2, 7), стражами (Іез. 33, 7) и приставниками дома Господня, слугами и домостроителями Христовыми (1 Кор.

4, 1), именуются свѣтомъ міра, солію земли (Мат. 5, 13. 14), споспѣшниками и домашними Христовыми (—10, 25). Имъ преданы словеса жизни, вѣрено служеніе (2 Кор. 4, 1) церкви, открыты тайны Христовы, имъ даны и ключи царствія — отверзать двери спасенія для жслающихъ входить, и затворять для тѣхъ, которые не только сами не входятъ, но отмещуть и хулятъ путь спасенія.

ЧАСТЬ II.

ЦЕРКВИ ДАНА ВЛАСТЬ а.) СПАСИТЕЛЬНО СОЗДАТЬ
ВО ЕДИНО ТѢЛО ПОСЛУШНЫХЪ.

Сколько необходимо Правительство въ Церкви Христовой, столько же необходимо для онаго и употребленіе правъ власти духовной на созиданіе Церкви Христовой. Церковь есть общество. А общество не можетъ существовать благоустроенно, если члены онаго не будутъ выполнять тѣхъ законовъ, на которыхъ утверждается благоустройство общества. Посему члены Церкви обязываются къ исполненію законовъ, предписываемыхъ имъ Церковію, а Правительство церковное, по силѣ власти, данной ему отъ Божественной Главы и Верховнаго Законодателя—Христа, имѣя право требовать повиновенія отъ членовъ, въ случаѣ неповиновенія, имѣетъ власть неповинующихъ подвергать дѣйствіямъ духовнаго суда и наказанія. Но Церковь есть общество великое. Она заключаетъ въ себѣ людей всѣхъ временъ, всѣхъ мѣстъ, всѣхъ странъ и народовъ. Потому въ Церкви,

какъ въ великомъ дому, есть сосуды златыя и сребренныя, есть деревянныя и глиняныя, есть сосуды въ честь и не въ честь (2 Тим. 2, 20); въ Церкви, какъ на просторномъ полѣ, подлѣ пшеницы и другихъ благихъ насажденій растутъ плевелы, терны, волчцы; всемірною проповѣдію Церкви, какъ великимъ неводомъ, вверженнымъ въ море, уловляется все, что ни попадется, всякаго рода рыбы, и добрыя и худыя (Мат. 13, 4. 7. 48. 50.). Посему нужно, чтобы приставники великаго дома—Церкви, отдѣляя сосуды драгоцѣнные отъ недрагоцѣнныхъ и простыхъ, первые хранили, а послѣдніе очищали, и неоптребныя извергали. Нужно, чтобы дѣлатели на полѣ Церкви Христовой бдили, дабы пшеница вовсе не была подавлена плевелами, а для сего, по требованію необходимости, тщательно отдѣляли отъ пшеницы; нужно, чтобы ловцы дунѣи человѣческихъ, ввергая спасительную—словесную мрежу, — для сохраненія добраго лова, извергали вонъ изъ мрежи Церкви вредныхъ чудовищъ.

**б.) УДАЛЯТЬ ОТЪ ОБЩЕНІЯ СВОЕГО
НЕПОСЛУШНЫХЪ.**

Такъ порядокъ духовнаго благоустройства требуетъ, чтобы добрые были предохраняемы отъ гибельнаго дѣйствія злыхъ, а злые и вред-

ные всемірно были устранены отъ общества добрыхъ. И Божественный Законоположникъ и Судія,—Христосъ далъ Правительству Церкви Своєю право власти, даже вовсе отсѣкать заразительныхъ членовъ отъ Церкви. Такъ Онъ, разрѣшая важный вопросъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, когда бы кто оказался въ христіанскомъ обществѣ съ нетерпимымъ порокомъ, научаетъ употреблять къ уврачеванію зла сперва частно братское увѣщаніе: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единымъ; аще тебе послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего*. Затѣмъ, въ случаѣ непослушанія, повелѣваетъ употреблять открытое вразумленіе при свидѣтеляхъ: *аще ли тебе не послушаетъ, пойми съ собою наки единаго или два: да при устѣхъ двухъ, или трѣхъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголѣ*. Наконецъ, если и это средство окажется бездѣйственнымъ, повелѣваетъ употребить рѣшительную мѣру противу неуправляющагося, объявить о его образѣ мыслей и расположеніяхъ Правительству церковному: *аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь Церкви: аще же и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Матт. 18, 15—17). Въ этомъ обстоятельствѣ особенно заслуживаютъ замѣчаніе грѣхъ брата, и послѣднее наказаніе согрѣшающаго, въ случаѣ преслушанія самой Церкви. *Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой*.

Очевидно здѣсь разумѣется грѣхъ тяжкій, соблазнительный, опасный, но не такой грѣхъ, который бы подлежалъ дѣйствию закона и суда гражданскаго, потому что Иисусъ Христосъ не входилъ въ разбираніе дѣлъ и преступленій гражданскихъ. Опять не разумѣется чрезъ грѣхъ личная, жестокая обида и оскорбленіе; личные обиды каждому изъ насъ вѣрно сносить великодушно; но разумѣется возмутительный для совѣсти грѣхъ, обнаруженный братомъ; разумѣется или опасное заблужденіе ума противу вѣры, или тяжкая неправда сердца противу благочестія. Потому-то какъ въ дѣлѣ, касающемся не временной, а вѣчной участи ближняго, и дается каждому право обличить брата. Этотъ грѣхъ, какъ недугъ ума, какъ зараза сердца, болѣе вреденъ и губителенъ согрѣшающему, нежели тому, кто знаетъ о немъ. Однакожь онъ такъ важенъ, что нельзя оставить въ немъ ближняго безъ нарушенія обязанности братолюбія, безъ того, чтобы, оставивъ заблуждающаго явной гибели, чрезъ него не дать заразѣ распространиться и на другихъ. Потому вѣрно обличить согрѣшающаго сперва въ духѣ братской любви наединѣ, потомъ уже при свидѣтеляхъ, а за тѣмъ несправляющагося вѣрно предоставить суду Правительства Церкви, которое въ свою чреду употребляетъ подобную же постепенность въ своихъ вразумленіяхъ согрѣшающему. И когда вразумляемый

окажется упорнымъ презрителемъ внушеній самаго Правительства Церкви, тогда вѣльно почитать такового, какъ мытаря и язычника: *буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.*

Какое же это дѣйствіе суда, и какое состояніе осужденія? Это наказательное дѣйствіе суда Церкви, состоящее въ особенномъ отлученіи отъ Церкви. Мытари у Иудеевъ почитались открытыми, позорными беззаконниками, а язычники почитались нечистыми, какъ народъ удалившійся отъ Бога, которымъ нѣтъ части въ жребіи избранныхъ Божіихъ, и которые, какъ псы, должны быть отчуждены отъ трапезы чадъ Божіихъ. Посему того, кто и послѣ суда Церкви остается неисправленнымъ, почитать мытаремъ и язычникомъ, есть тоже, что почитать такового не христіанскомъ, не сыномъ Церкви, не благомыслящимъ, но совратившимся съ пути истины и правды, зловернымъ, злочестивымъ, заразительнымъ и потому опаснымъ для общенія съ вѣрными и истинными чадами православныя Церкви. Въ слѣдствіе того обличенный, осужденный и оказавшійся нераскаяннымъ, общимъ опредѣленіемъ Церкви отсѣкается отъ союза тѣла Церкви. *Аще и Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.*

И такъ правительственной Церкви, Собору предостоятелей, пастырей и учителей, яко верховному судилищу Христову на землѣ, кромѣ

меньшихъ исправительныхъ наказаній, какъ-то: низверженія съ церковныхъ степеней, запрещенія въ священнодѣйствіи, отлученія отъ употребленія таинствъ и лишенія другихъ христіанскихъ преимуществъ, дана отъ Христа и Апостоловъ власть отлучать, отсѣкать отъ общенія и союза Церкви *во первыхъ* учителей зловредныхъ заблужденій, коими потрясаются основанія вѣры и благочестія, потому что еретика-человѣка, послѣ перваго и втораго вразумленія, велѣно удаляться, какъ такого, который развратился, не боязненно грѣшитъ и самъ въ себѣ носитъ осужденіе (1 Тим. 5, 10.); *во вторыхъ* нововводителей пагубныхъ ересей и расколовъ, коими раздирается единство тѣла Церкви Христовой, и неутвержденные въ вѣрѣ увлекаются на многоразличныя распутія заблужденій, какъ овцы вѣи двора Христова, и предаются въ жертву мысленнымъ волкамъ; *въ третьихъ* униженныхъ тяжкія преступленія къ соблазну и развращенію многихъ, и, не смотря на сдѣланныя имъ вразумленія, не подающихъ надежды раскаянія. Таковы изчисляемы св. Апостоломъ Павломъ, непомѣрные сластолюбцы, духовные подолослужители, сквернители, лихоимцы, которые открыто провождаемою беззаконною жизнію сами себя исключаютъ отъ наслѣдія Царства небеснаго (1 Кор. 6, 9.).

ЧАСТЬ III.

НЕОБХОДИМО ЦЕРКВИ УПОТРЕБЛЯТЬ ДАННУЮ ВЛАСТЬ НА НЕПОСЛУШНЫХЪ.

Церковь, какъ сѣрдоболющая мать, неохотно, даже съ скорбію приступаетъ къ печальному дѣйствию открытаго обличенія и осужденія, тѣмъ паче отсѣченія членовъ отъ общаго состава тѣла. Подобно упоминаемому въ притчѣ виноградарю, она даже умоляетъ Божественнаго Господина винограда, на требованіе Его о посѣяніи безплоднаго древа, чтобы Онъ по долготерпѣнію Своему позволилъ еще употребить послѣднія мѣры испытанія, не принесетъ ли неплодное древо плода (Лук. 13, 7—9). Впрочемъ когда налѣжить опасность, что гніющіе члены и изсохшіе вѣтви могутъ заражать здоровые члены и погублять плодоносныя вѣтви; то Церковь, хотя со скорбію сердца, употребляетъ болѣзненное врачество. Исполняя повелѣніе Господа, чтобы не давать святаго псамъ, и не метать бисера предъ свинѣями (Матѳ. 7, 6.),

она отлучаетъ явныхъ грѣшниковъ отъ пріобщенія св. таинъ. Соблюдая апостольскую заповѣдь,—не принимать въ домъ сѣятелей ересей, какъ лестныхъ духовъ, и дружелюбно не привѣтствовать (2 Іоан. 10.), отлучается отъ всякаго брата безчинно ходящаго (2 Сол. 5, 6), и съ открытыми развратителями не сообщается (—14), и сама отъ пераскаившихъ отлучается и отлучаетъ таковыхъ отъ вѣрныхъ для постыженія и исправленія ихъ. Содержа твердо апостольское завѣщаніе, тѣхъ, которые иначе проповѣдуютъ, нежелая какъ благовѣствовали Апостолы (Гал. 1, 8.), и которые не любятъ Господа Іисуса, а ненавидятъ, предастъ анаемѣ (1 Кор. 16, 22.)

И законная мѣра строгости въ употребленіи церковныхъ наказаній необходима. Если соблазны въ вѣрѣ и христіанскихъ правахъ не будутъ удерживаемы судомъ истины и праведною мѣрою наказаній: то онѣ будутъ являться открыто, небаянно. Тогда слабые умножатъ преткновенія, твердые и благомыслящіе, при бездѣйствіи служителей Церкви къ охраненію ихъ отъ соблазновъ, поколеблются; своевольные, на равнѣ съ вѣрными пріемля отпущеніе грѣховъ и общеніе св. таинъ, содѣлаются дерзновеннѣе, невѣрные и пновѣрные, видя посреди Церкви въ вѣрующихъ смѣшеніе свѣта и тьмы, добра и зла безъ духовнаго разсужденія и безъ различительнаго суда и осуж-

денія, устраниаяся отъ Церкви, зломыслящіе даже возмутъ случай хулить Христа и Церковь, якобы Христосъ и Церковь имѣють общеніе съ неправдою и беззаконіемъ (2 Кор. 6, 7.). И сама Церковь излишнимъ послабленіемъ можетъ навлести на себя праведный гнѣвъ Божій. Если она одинаково будетъ смотрѣть и на благочестиваго христіанина и на злочестиваго развратителя вѣры и благочестія: то равнодушіемъ своимъ можетъ пріобщиться чужимъ грѣхамъ, и подвергнуться гнѣву Божию, какъ подвергся некогда гнѣву Божию весь Израиль за преступленіе Ахарово (Ис. Нав. 7.). А когда Церковь праведнымъ судомъ будетъ являть чловѣческіе грѣхи и беззаконія, и праведною мѣрою наказанія возмѣрять преступленія противу вѣры и благочестія: тогда, при охраненіи чистоты вѣры и христіанскихъ правовъ, будутъ охраняться въ христіанахъ страхъ Божій и благоговѣніе къ тайнамъ вѣры; при открытомъ обличеніи и судѣ непослушныхъ, непотерявшіе послушанія будутъ имѣть страхъ (1 Тим. 5, 20.), а вѣрные и благопослушные паче одушевятся къ преспѣянію въ вѣрѣ и благочестіи и къ святой ревности блюсти древнее отеческое православіе во всей чистотѣ.

Итакъ Церковь, имѣя право и обязанность благословлять и ублажать вѣрныхъ и благослужащихъ Господеву, имѣетъ также непрерываемое право, власть и обязанность противниковъ вѣры судить, преступниковъ противу вѣры и

благочестія обличать и наказывать, а пераска-
янныхъ соблазнительей и упорныхъ враговъ во-
все отсѣкать отъ союза вѣрныхъ, и предавать
ихъ суду Божию. Тотъ, Который есть Владыка
живота и смерти, Законодатель и Судія всѣхъ
тварей, Который содержитъ въ десницѣ судъ
и правду всея земли, живить и мертвить, спа-
саетъ и погубляетъ, возводитъ и низводитъ,
убожить и богатить, возвышаетъ и смиряетъ,
Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа,
Сый благословенный во вѣки, Церкви Своей,
какъ общинцѣ свѣта Его, какъ раздаятельницѣ
благъ и даровъ Его, далъ право и власть бла-
гословлять благословляющихъ Его, и прокли-
нать проклинающихъ святыню и тайны спасе-
нія Его, преданныя ей, какъ тайноводительницѣ
на пути спасенія.

Да слышать сіе тѣ, которые, увлекаея тщет-
ными нововведеніями и суетными мнѣніями,
отваживаются отверзать уста свои на хуленіе
Церкви, возставать противу священныхъ правъ
власти ея и произносить поношеніе на бого-
учрежденные уставы ея и на хранящихъ оныя.
Да слышать поносители таинствъ и священно-
дѣйствій Церкви, подъ видомъ внутренняго
служенія Богу, позволяющіе себѣ уклоняться
отъ исповѣданія грѣховъ, отъ приобщенія тѣла
Христового, отъ храненія постовъ и прочихъ
благочестивыхъ установленій Церкви; да слы-
шать оставляющіе храмы Господни и общее

моленіе и служеніе Богу съ вѣрными, и по своему мысленно особо собирающіеся, и своевольно составляющіе свои молитвенныя собранія; да слышать пренебрегающіе богоучрежденную церковную власть, и вмѣстѣ съ тѣмъ священную предержащую власть, и самомнѣнно восхищающіе себя непринадлежащую власть духовную. Противаясь Церкви и уставамъ ея, они очевидно подвергаютъ себя суду Божію, такъ какъ осуждающій ихъ судъ Церкви есть судъ Божій. Хотя рѣшительный судъ человѣческихъ дѣяній принадлежитъ Единому Богу, и Церковь, произнося судъ и отлучая отъ общенія своего, не столько изрекаетъ конечное осужденіе, сколько свидѣтельствуется тѣмъ, какъ страшно и ужасно состояніе тѣхъ, которыхъ, на основаніи Слова Божія, отчуждаетъ она отъ союза своего. Но какъ это страшное отчужденіе дѣлаетъ православная Церковь на непреложномъ основаніи Слова Божія: то отчужденные и тѣ, которые нераскаянностію подвергаютъ себя открыто отчужденію Церкви, остаются въ состояніи явной опасности вѣчнаго осужденія и гибели. *Аминь глаголю вамъ, сказалъ Спаситель въ лицѣ Апостоловъ веѣмъ пресмпикамъ Апостоловъ, пастырямъ Церкви: аминь глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесахъ.* (Мат. 18, 18.). Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЕДѢЛО 2-Ю ПОСТА.

Тебѣ глаголю : возстани , возми одръ твой , и иди въ домъ твой. (Мар. 2, 11.).

Нынѣ чтенное Евангеліе представляетъ намъ исцѣленіе Спасителемъ разслабленнаго жидомъ, который не владѣя членами, какъ живый мертвецъ, былъ принесенъ четырьмя человекъ и чрезъ кровлю дома на одръ свѣшенъ предъ Спасителя.

Съ чего начинается Небесный Врачъ исцѣленіе этого во всемъ тѣлесномъ составѣ разслабленнаго? Начинаетъ съ исцѣленія душевнаго разслабленія : *чадо, отпущаются тебѣ грѣхи твои.* Разслабленный, въ продолженіи тяжкаго тѣлеснаго недуга, вѣроятно созналъ душевное свое разслабленіе, и содѣлался способнымъ приять врачебную силу милосердія Божія. Поче-

му Врачъ души и тѣлеси и обращается къ нему: *надо, отпущаются тебѣ грѣхи твои.* Вотъ, какъ бы такъ говорилъ Спаситель, причиною твоей немощи были твои грѣхи, но ты возчувствовалъ душевное свое расслабленіе, обратился къ Богу: посему отпущаются тебѣ грѣхи твои, — главная вина твоей немощи; съ чѣмъ вмѣстѣ отъелается отъ тебя тѣлесное расслабленіе и возвращается тебѣ здравіе: *возстани, и возьми одръ твой и ходи.*

Оставляя за тѣмъ безполезный для нашего назиданія ропотъ фарисеевъ на Спасителя за отпущеніе грѣховъ расслабленному, спросимъ: для чего св. Церковь во вторую седмицу поста предлагаетъ намъ повѣствованіе о исцѣленіи Спасителемъ расслабленнаго и душою и тѣломъ, который исцѣленъ былъ прежде отъ душевнаго, потомъ уже и отъ тѣлеснаго расслабленія? Для того, что мы нынѣ въ св. сорокадесятницу, хотя всеъ врачуемся душевно; но многіе имѣемъ нужду врачеваться и тѣлесно. Между тѣмъ примѣръ нынѣ упоминаемаго расслабленнаго вразумляетъ насъ, что болѣзни тѣлесныя бываютъ слѣдствіемъ болѣзней душевныхъ. Итакъ въ приключающихся болѣзняхъ тѣлесныхъ необходимо предварительно врачевать душу отъ грѣховъ, потомъ уже тѣло отъ болѣзней.

ЧАСТЬ I.

НАДЛЕЖИТЪ СПЕРВА ВРАЧЕВАТЬ ДУШУ ОТЪ ГРѢХОВЪ, ПОТОМЪ ТѢЛО ОТЪ ВОЛѢЗНЕЙ.

Такъ ли мы поступаемъ? Бережемъ ли паче всего душевное здравіе, печемся ли о немъ предпочтительно предъ тѣлеснымъ, какъ о существенной причинѣ, отъ которой зависитъ тѣлесное здравіе? Не оставляемъ ли напротивъ въ пренебреженіи душу, не заботимся ли болѣе о тѣлѣ и о благосостояніи тѣлеснаго здравія нашего? Какъ внѣшняя жизнь, временныя блага, чувственныя наслажденія всего болѣе насъ занимаютъ, такъ и попеченіе наше всего болѣе устремлено на тѣло и на тѣлесныя потребности. Тѣло мы стараемся питать, одѣвать, украшать, отъ всякаго вреда оберегать: постигла болѣзнь, — призываемъ врачей, и для возстановленія здоровья употребляемъ все способы, не щадя не только никакихъ издержекъ, но въ опасныхъ случаяхъ рѣшаемся даже на язвы, жженіе, отсѣченіе членовъ и на другія мучительныя страданія, толь-

ко бы поддержать и продолжить тѣлесную жизнь. Такъ мы печемся о сохраненіи тѣлеснаго здоровья нашего въ приключающихся болѣзняхъ.

Тоже бываетъ и тогда, когда угрожаетъ смертная опасность жизни. Съ неописанною заботливостію самыя первыя, самыя поспѣшныя, рѣшительныя беремъ средства противу свирѣпствующей тѣлесной болѣзни, какова бы она ни была: тутъ и врачи и врачества, тутъ и совѣты и всевозможныя пособія. Не многимъ благомыслящимъ приходитъ на мысль позаботиться о приуготовленіи опасно больного къ духовному врачеству, къ исповѣди и приобщенію, опасаются потревожить больного страхомъ смерти; эти духовныя пособія присужаютъ по неволѣ уже тогда, когда по всемъ признакамъ видятъ больного безнадежнымъ для жизни. Что же? Какъ въ такомъ состояніи прилагаются духовныя пособія больному? Достойно жалости употребленіе нами въ болѣзненномъ состояніи духовныхъ средствъ! Часто бываетъ: больного исповѣдуютъ, а онъ едва слышитъ и понимаетъ; его приобщаютъ, а приобщаемый едва переводитъ дыханіе, едва имѣетъ употребленіе чувствъ. Премилосердый Господи! Какъ бы ни велика была Твоя милость, какъ бы ни живоносны были Твои таинства, но что онѣ могутъ сдѣлать при всей дѣйствительности своей, когда полагаютъ оныя въ онѣмѣвающія чувства, когда питаютъ оными охлаждающее тѣло, когда вли-

ваютъ жизнь Твою въ мертвѣющее сердце? Это значитъ тоже, что сѣять благодѣющее сѣмя на засохшую, каменную землю, возжигать огонь жизни въ мертвости чувствъ, источать росу благодатную въ оледѣвшее сердце.

Не такъ надлежитъ намъ поступать не только въ болѣзняхъ опасныхъ, предсмертныхъ, но и легкихъ, удобопызлѣчимыхъ. Надлежитъ приниматься сперва за врачеваніе души нашей чрезъ очищеніе отъ грѣховъ—исповѣдію и покаяніемъ, чрезъ уврачеваніе сердечныхъ немоцей небеснымъ брашномъ тѣла и крови Христовой, чрезъ освященіе всѣхъ чувствъ слесвященіемъ, а потомъ уже употреблять съ благословенія Божія и средства врачеванія тѣлеснаго. Не душа ли больше тѣла? Не духъ ли оживляетъ плоть, которая ни мыслить, ни желать, ни безъ управленія души дѣйствовать не можетъ? Не душа ли есть свѣтильникъ тѣла? Если око души нашей, умъ, свѣтло, здраво мыслить и разсуждастъ, если сердце наше право предъ Богомъ, желанія сердца направлены къ творенію заповѣдей Божіихъ: тогда и начинанія наши бываютъ успѣшны, и дѣла въ благословеніи и послѣдствія дѣлъ благодѣльны. Иначе, если око наше завистливо, любострастно, гордо и корыстолюбиво, а сердце питаетъ въ себѣ всѣ эти страсти, и зависть и любострастіе и гордость и корыстолюбіе; тогда и сужденія наши бываютъ пристрастны, и расположенія

раствѣны, и начинанія превратны, дѣла и пользы ближнихъ и собственному нашему благу вредны, а воля Божіей противны; отсель и вся жизнь наша бываетъ уничижена. При такомъ неустроенномъ, мятежномъ теченіи жизни можетъ ли быть мирною и кончина? Да уврачу-етъ насъ Господь отъ жизни неисправленной, безпечной, да предохранитъ мѣрами благости отъ кончины нераскаянной, грѣховной !

ЧАСТЬ II.

**ЗДРАВАЯ, НЕПОРОЧНАЯ ДУША ЕСТЬ ИСТОЧНИКЪ
ЗДРАВІЯ ТѢЛА.**

Что въ душѣ источникъ жизни, здравія, веселія, это можемъ мы видѣть изъ собственнаго своего опыта, если Господь не лишилъ насъ своей милости. Приведемъ себѣ на мысль то состояніе, когда Господь посылалъ намъ благодать пришествіи искреннее покаяніе предъ духовнымъ отцемъ своимъ, — что мы тогда чувствовали? О! чувствовали во всемъ существѣ токъ жизни, свободу, утѣшеніе, радость и веселіе духа. Что это значитъ? То, что, благодатию Христовою, было тогда снято съ насъ тяготѣвшее на насъ бремя грѣховъ нашихъ; что мы чувствовали дарованную намъ Спасителемъ чистоту, чувствовали себя въ близости къ Богу, въ мирѣ съ ближними, въ мирѣ съ собственною совѣстію нашею, и намъ было легко: мы ощущали въ сердцѣ покой, свободу, веселость; взоръ нашъ съ свѣтлою слезою простирался къ Богу, мы

готовы были въ ту минуту всеми мѣрами служить ближнимъ нашимъ, горѣли желаніемъ и сами себя поставить на всегданный подвигъ благоугожденія Господу чистотою, воздержаніемъ, терпѣніемъ и всеми тѣми расположеніями, каковыми благодать Божія наполняетъ очищенные сердца.

Но когда исповѣдь наша бываетъ холодна, лицеѣрна, поверхностна, послѣ такой исповѣди, какъ были умомъ мрачны, сердцемъ тяжки, какъ были, подобно узникамъ, связаны, такъ съ тою же тягестію, съ тою же связанностію мыслей, расположеній и дѣйствій и остаемся. Это отъ того, что мы поверхностною нашею исповѣдію не разрѣшали внутренняго союза съ неправдою; оставаясь по прежнему подъ игомъ грѣха, оставались въ плѣну страстей нашихъ.

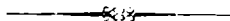
Совершая нынѣ поприще поста для очищенія душъ и тѣлесъ, особенно въ настоящее святое время духовнаго врачеванія, попечемся о уврачеваніи духовнаго ослабленія души нашей, попечемся тѣмъ болѣе, чтобы, давая усиливаться и застарѣвать душевнымъ болѣзнямъ нашимъ, не дойти намъ до неслѣльнаго грѣховнаго ослабленія, котораго слѣдствіемъ бываетъ мысленная слѣпота ума, окамененіе сердца, совершенная бездѣйственность для добра воли, отсель возникаетъ господство страстей, какъ смертельныхъ болѣзней и рабство грѣху, отъ чего все душевныя чувства охладѣваютъ для истин-

наго и праваго служенія Богу, ближнимъ, собственному спасенію, — и человекъ умираетъ для духовной жизни.

Обратимся истиннымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ грѣховъ нашихъ къ Божественному Врачу Иисусу, дабы Онъ благодатию Своею исцѣлилъ насъ отъ обдерживающаго насъ грѣховнаго разслабленія. Если мы не имѣемъ добровольнаго, сердечнаго расположенія обратиться къ Божественному Врачу, пусть невольно понесутъ, повлекутъ насъ къ Нему эти четыре проводника: страхъ погрязнуть въ беззаконіяхъ, боязнь погубить безвременно тѣлесное здравіе и самую жизнь, ужасъ умереть въ нераскаяніи и трепеть снизойти нераскаянною смертію въ преисподнюю вѣчнаго осужденія. Соберемъ все силы, чтобы возстать съ одра грѣховнаго разслабленія.

Небесный Врачъ нынѣ особенно вызываетъ каждому изъ насъ : *возмани, возми одръ твой и иди въ домъ твой*; ты возстань отъ самообольщенія, смиреня предъ Господомъ, и Господь дастъ тебѣ благодать; ты возстань съ Заххемъ отъ сребролюбія, и возвѣстится душевному дому твоему спасеніе; ты возстань съ блуднымъ сыномъ и съ женою грѣшницею отъ сладострастія, и приѣмешь отъ Отца Небеснаго первую одежду чистоты, услышишь отпущеніе грѣховъ, токмо не согрѣшай къ тому; ты возстань отъ невоздержанія и нетрезвенности, ты отъ

лѣности и разсѣянiя, и уиіешься отъ тука Дома Божiя, уиіешься во спасеніе отъ чашн тѣла и крови Христовой, и за бодрственнѣй трудъ сподобишься воспріять похвалу благаго раба. Всѣ возстанемъ, и каждый возьмемъ одръ свой, *возмемъ одръ*,—обдержажiя насъ грѣховныя привычки, пристрастiя, порочныя расположенiя и дѣйствiя, возьмемъ эту расслабляющую насъ тяжесть твердою рѣшимостію, въ силѣ Божіей, возьмемъ для исправленiя, очищенiя и заглажденiя; *и идемъ въ домъ свой*, идемъ въ домъ души нашей благимъ разсужденіемъ и собранностію, идемъ въ домъ совѣсти самонспытаніемъ и блюденіемъ себя въ страхѣ Божіемъ, отсель идемъ благими мыслями, твердыми расположенiями, богоугодными дѣйствiями въ домъ царства небеснаго, дабы, пришедши туда благочестивою жизнию и христіанскою кончиною, сподобиться обитать во свѣтѣ Святыхъ, въ жилищѣ нескончаемой жизни, неувядаемаго здравiя и присноцвѣтущей красоты. Аминь.

ВЕСЕЛА

**О ПОКЛОНЕНІИ ЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕ-
СТУ ВЪ 3-Ю НЕДѢЛЮ СВ. ВЕЛИК. ПОСТА.**

Святая Церковь, совершая нынѣ торжественное поклоненіе животворящему кресту Господню, воззываетъ всѣхъ насъ почитать съ благоговѣніемъ устами и сердцемъ, преклоненіемъ колѣнъ и поверженіемъ всего тѣла долу, крестъ Христовъ, какъ спасительное оружіе мира, — оружіе непобѣдимыя побѣды, на немъ же Христосъ, Царь славы волею руцѣ распростеръ, вознесъ насъ на первое блаженство. Благоговѣйное поклоненіе кресту Господню, совершаемое въ срединѣ св. сорокастницы въ третью седмицу поста, установлено св. Церковію отъ древнихъ временъ.

Почему же св. Церковію въ срединѣ св. сорокастницы съ такою торжественностію совершается поклоненіе животворящему кресту, въ честь Распятаго на крестѣ, обратимъ благоговѣйный взоръ на причину такового установленія.

И всегда, а особенно въ сіе время св. Церковь представляетъ намъ крестъ Христовъ, какъ силу для укрѣпленія, какъ утѣшеніе для ободренія, какъ знаменіе побѣды для духовнаго торжества на совершаемомъ поприщѣ поста.

1., Св. Церковь представляетъ намъ нынѣ крестъ Христовъ, какъ силу для укрѣпленія.

Четырехдесятидневный постъ св. Церковь установила въ подражаніе четырехдесятидневному посту Спасителя, дабы и мы, по мѣрѣ силъ нашихъ, подвизались вкупѣ съ Подвигоположникомъ нашимъ подвигомъ поста. Но немощная плоть наша, при внѣшнихъ лишеніяхъ, ощущая изнеможеніе, исполняется чувствомъ унынія. Итакъ, для воскресенія духа нашего и для укрѣпленія немощной плоти въ подвигѣ воздержанія, св. Церковь, какъ мудрая дѣтководительница, представляетъ предъ взоры наши животворящій крестъ. Въ семъ спасительномъ орудіи страданій Господа нашего преднаписуя намъ сокращенію всѣ подвиги, подъятыя за насъ Спасителемъ нашимъ, тщится укрѣпить нашу немощь, подвигнуть къ терпѣнію, и превозможенію трудностей духъ нашъ. И подлинно, если Господь нашъ ради нашего спасенія подъялъ толкія страданія: то мы ли, взирая на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса, не подвигнемся священной ревностію хотя нѣсколько потерпѣть ради собственнаго своего спасенія? Если Сынъ Вышняго, Богочеловѣкъ - Господь Иисусъ

ради грѣшниковъ и отъ грѣшниковъ претерпѣлъ безчисленныя страданія: то мы ли будемъ унывать въ подвигѣ со страстьми и похотьми, мы ли не будемъ сподвизаться Ходатаю спасенія нашего противу собственнаго грѣха нашего (Евр. 12, 3. 4.)? Когда мы живо представимъ скорби и болѣзни нашего Спасителя, то наши скорби и болѣзни въ собственныхъ глазахъ нашихъ явятся намъ ничтожными; а когда подумаемъ, что и Сынъ Божій, для насъ человѣковъ и для нашего спасенія, содѣлавшись человекомъ, вошелъ въ небесную славу не иначе, какъ страданіями, то и мы одушевимся твердою надеждою, что если, по благодати Спасителя нашего, будемъ съ Нимъ страдать, то вкушѣмъ съ Нимъ и прославимся.

2., Св. Церковь представляетъ намъ нынѣ ~~крестъ~~ Христовъ, какъ утѣшеніе для улажденія горестей постнаго поприща.

Четырехдесятидневный постъ представляетъ собою образъ четырехдесятидневнаго странствованія Израильтянъ въ пустынѣ. Какъ тамъ для плотскаго Израіля были, такъ и здѣсь для плотскаго нашего человѣка на скорбномъ пути очистительнаго шествія есть горькіе источники, истекающіе отъ скорби постнаго поприща. Посему, какъ Боговодимый вождь Израіля, Моисей, по переходѣ съ народомъ Божиимъ чрезъ Чермное море и по трехдневномъ шествіи безводною пустынею, достигши до горькихъ водъ

Мерры, самыя сїи горькія воды претворилъ для жаждущаго народа въ сладкія посредствомъ показаннаго Богомъ древа, вложивъ оное въ горькій источникъ: такъ и св. Церковь, по трехсѣдмичномъ шествиіи путемъ св. поста, во утоленіе скорби поста, влагаєть въ горькій источникъ нашихъ плотскихъ мыслей, чувствованій, расположеній животворящее древо креста Господня, улаждаєть имъ горечь чувственности нашей, ободряя насъ, что крестные подвиги имѣють внутреннее утѣшеніе, что чѣмъ кто болѣе вкуситъ духовной горечи самоотверженія, тѣмъ исполнится обильнѣйшей сладости духовнаго животворенія; что какъ Израилѣтянамъ послѣ водъ Мерры ниспослано было небесное брашно, ниспосланъ былъ хлѣбъ ангельскій, манна; такъ и послѣ горькихъ водъ покаянія Христосъ даруетъ алчущимъ и жаждущимъ правды насыщеніе духовное, даруетъ сладостное чувство мира, утѣшительное предвкушеніе небесной славы и радость о Душѣ Святѣ.

3., Святая Церковь представляетъ намъ нынѣ крестъ Христовъ, какъ знаменіе побѣды для духовнаго торжества.

Богумудро св. Церковію установлено празднованіе креста по срединѣ чetyредесятницы, дабы подвижники воздержанія по срединѣ духовнаго поприща, взирая на крестъ, какъ на спасительное знаменіе побѣды, обрѣтали въ немъ

новое подкрѣпленіе силамъ , новое ободреніе духу.

Какое же является въ крестѣ еще новое подкрѣпленіе нашему безплію, для воскреленія духа нашего къ Христоподражательнымъ подвигамъ ?

Крестъ Христовъ , какъ побѣдное знаменіе, явственнo воззываетъ всѣхъ подвижниковъ воздержанія къ торжеству и славѣ. Сіе божественное знаменіе всемірной побѣды, возносимое предъ нами, служитъ для насъ провозвѣстникомъ того, что грядетъ, что шествуетъ въ слѣдъ за нимъ и Самъ Избавитель нашъ, Самъ Побѣдитель враговъ нашихъ. Какъ побѣдоносный царь, шествующій со славою побѣды, прежде принествія своего, предпосылаетъ знаменія своей побѣды, за тѣмъ и самъ приходитъ со славою , дабы вмѣстѣ съ избавленнымъ народомъ своимъ , вмѣстѣ съ соучастниками подвиговъ своихъ насладиться радостію и веселіемъ торжества. Подобнымъ образомъ Царь славы, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, одержавъ побѣду надъ всемірнымъ врагомъ, и своимъ воскреленіемъ испровергнувъ смерть и адъ, предпосылаетъ скипетръ свой, животворящій крестъ, дабы мы, при видѣ побѣднаго знаменія, уготовились достойно принять и самаго Побѣдителя, за побѣду надъ врагами нашими благодарно прославить Его, и вкупѣ съ Нимъ раздѣлить спасительные плоды побѣды Его.

Посему какъ древо жизни таинственно было насаждено посреда́ земнаго рая: такъ и крестное древо, какъ истинное древо жизни, таинственно Церковно насаждено посреда́ умнаго рая, посреда́ св. четьредесятницы, въ подкрѣпленіе нашей немощи, въ поощреніе къ подвигамъ, въ знаменіе побѣды и въ надежду спасенія. Мы не умѣли въ праотцахъ нашихъ въ райскомъ состояніи вкушать сладость древа животнаго и блаженствовать. Итакъ вотъ на землѣ изгнанія научимся вкушать спасительную горечь креста; на землѣ странствованія потщимся силою Умершаго на крестѣ мало по малу возвращать потерянную жизнь и блаженство. Въ раю сладости древо было источникомъ жизни нашей; но деревомъ потеряли мы и жизнь. Деревомъ же самоумерщвленія потщимся пакы возвратити себѣ жизнь; деревомъ креста срасниваясь и умирая со Христомъ, убьемъ насъ убившаго. Вкушающіе спасительную горечь отъ древа крестнаго не къ тому умираютъ, но исцѣлѣваются и оживотворяются во спасеніе.

Поклонимся убо животворящему кресту; почитимъ его и устами нашими; прославимъ его и въ тѣлѣ нашемъ и въ духѣ нашемъ. Почтимъ крестъ Христовъ устами въ благоговѣйномъ лобзаніи; прославимъ въ тѣлѣ нашемъ смиреннымъ поверженіемъ предъ нимъ, а паче ношеніемъ крестныхъ язвъ умерщвленія на тѣлѣ нашемъ. Прославимъ Его въ духѣ нашемъ воображеніемъ въ умѣ и сердцѣ страданій распен-

шагося за насъ на крестѣ Господа, а паче распинаніемъ на крестѣ всего ветхаго чловѣка нашего.

Силою креста Твоего, Господи Іисусе Христе, Спасителю нашѣ, яви намъ помощь въ немощахъ нашихъ, воздвигни насъ отъ грѣховнаго расслабленія, утврди въ послѣдованіи Тебѣ путемъ самоотверженія, оживотвори мертвенность нашу, востави насъ и спаси! Аминь.

С Л О В О І

ВЪ КРЕСТОПОКЛОННУЮ НЕДѢЛЮ СВ. ПОСТА.

Взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса, иже вмѣсто подлежащія Ему радости претерпѣ крестъ,— да не стужаете, душами своими ослабляеми. Евр. 12, 2. 3.

Святая Церковь, ведя насъ поприщемъ поста среди умиленнаго богослуженія и молитвъ, нынѣ — въ средннѣ поприща, въ третію седмицу воздвигаетъ предъ очами нашими св. крестъ, какъ сильнѣйшее побужденіе къ неослабному продолженію постнаго шествія въ покаяніи о грѣхахъ.

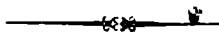
Подлинно, воздвигаемый нынѣ для благоговѣйнаго поклоненія святыи крестъ, по намѣренію Церкви, воздвигается, какъ сила Божія для укрѣпленія, какъ утѣшеніе для ободренія, какъ

знаменіе побѣды для ободренія насъ къ духовнымъ подвигамъ. Шествующіе поприщемъ поста уподобляются путешественникамъ, совершающимъ долгій и трудный путь; уподобляются дѣлателямъ на полѣ среди дневнаго зноя и тяготы; уподобляются воинамъ, ратующимъ противу духовныхъ враговъ. Нуженъ путешественнику жезлъ и вообще для облегченія шествія, а особенно для подкрѣпленія въ прехожденіи по труднымъ мѣстамъ. Необходимъ и для духовнаго путника воздержанія жезлъ крѣпости, — крестъ Христовъ, которымъ вообще взирая на Подвигоположника своего укрѣпляетъ себя въ шествіи, а въ трудныхъ обстояніяхъ единственно поддерживаетъ себя отъ нападенія силою креста. Дѣлающимъ на пивѣ среди дневнаго зноя и тяготы древесная тѣнь представляетъ прохладу отъ зноя и успокоеніе отъ тяготы. И содѣлывающимъ среди постныхъ подвиговъ свое спасеніе сѣнь креста, сѣнь благодатнаго мира и утѣшенія, улаживаетъ тяжесть скорби и томленіе внутренней борьбы. Воинамъ не только присутствіе царя, но и одно зрѣлище предшествующаго предъ ними побѣднаго царскаго знаменія придастъ бодрость и надежду къ побѣдѣ и торжеству. И духовнымъ воинамъ, постомъ и молитвою ратующимъ противу невидимыхъ враговъ спасенія своего, дастъ крѣпость къ подвигамъ возносимый торжественно крестъ, какъ побѣдное Царя Христа надъ діаволомъ зна-

меніе, въ которомъ Онъ и намъ даровалъ оружіе испобѣдимое на враги.

Такъ св. Церковь, на срединѣ поприща одушевляя насъ къ неослабному продолженію подвига поста, къ священниотанственнымъ побужденіямъ о послѣдованіи за Подвигоположникомъ нашимъ путемъ креста, присовокупляетъ и собственный Его примѣръ и повелѣніе : *аще кто хочетъ по мнѣ ити , да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ.* (Мар. 8, 34.).

Дабы въ сіе святое время укрѣпить себя къ шествію за Спасителемъ нашимъ путемъ самоотверженія и креста: то воззримъ благоговѣйнымъ окомъ вѣры: 1., какъ Самъ Спаситель смирилъ себя ради насъ? 2., какъ понесъ крестъ Свой и совершилъ дѣло спасенія нашего ?

ЧАСТЬ I.

КАКЪ СПАСИТЕЛЬ СМЕРИЛЪ СЕБЯ РАДИ НАСЪ ?

Дабы понять, чего требуетъ отъ насъ наше самоотверженіе: то приблизимъ къ нашему разумѣнію, какъ смирилъ себя ради насъ Спаситель нашъ? Непостижимо, несповѣдимо смиреніе Спасителя нашего ради насъ. Это есть истощаніе Божества до уничиженнѣйшаго состоянія человѣчества. Единородный Сынъ Божій, сіяніе славы Отца, правда и святость вѣчная, Богъ, ненавидящій беззаконія, для искупленія нашего облекся въ подобострастное намъ естество и, содѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ, кромѣ грѣха, воспріялъ грѣхи всего міра, виновность и казни всѣхъ человѣковъ. Посему въ вочеловѣченіи Онъ сокрылъ славу своего Божества, отложилъ силу своего всемогущества, снисшелъ неприступною святостію своею къ нашей грѣховности и содѣлался смиреннѣйшимъ въ жизни и уничиженнѣйшимъ въ смерти паче всѣхъ человѣковъ. Какъ же уничижилъ себя Спаситель нашъ ради насъ?

Послѣнку мы изъ богоподобнаго совершенства ниспали до пренеподобнаго ада, содѣлались сообщниками діавола, плѣшниками грѣха и смерти, и участію нашею была токмо нескончаемая казнь за нарушеніе непреложнаго закона Божія: то Сынъ Божій, для выполненія безконечнаго за насъ долга правосудію Божию, всего отрекся для насъ, чтобы все пріобрѣсть намъ.

И вотъ Единородный Сынъ Божій оставляетъ престолъ несповѣдимаго величествія Своего, снисходитъ на землю, обремененную беззаконіями: прежде всѣхъ вѣкъ въ неприступной славѣ Рожденный отъ Отца, раждается отъ Матери въ бѣдномъ вертепѣ; Сынъ Вышняго дѣлается сыномъ человѣческимъ; сіяніе славы Отчія облакается брэнною плотію; Безпредѣльный повивается пеленами и заключается въ предѣлы времени; Владыка вѣческихъ воспріимлетъ зракъ раба, Безпредѣльный въ совершенствахъ растетъ въ младенчествѣ среди немощей, въ отрочествѣ среди глубокаго повиновенія родителямъ, въ юности среди трудовъ древодѣлія; и когда, окончивъ предуготовительный возрастъ, пошелъ на спасеніе людей своихъ, то пошелъ въ кротости и смиреніи, какъ благопослушный рабъ, чтобы служить во благо всѣмъ, пошелъ съ полною преданностію воли Своей въ волю Небеснаго Отца. *Рѣхъ, вѣщахъ Онъ не словами только, но паче силою воли, готовностію любви, рѣхъ: се иду, еже сотворити волю твою,*

Боже, восхотѣхъ, и законъ Твой посреди чрева моего (Пс. 59, 7. 8.). Такъ Сынъ Божій, богатъ сый, обнищалъ ради насъ.

Послѣ сего найдемъ ли мы у себя что либо столь великое, многоцѣнное и достополюбимое, что бы могло быть сравнено съ тѣмъ, отъ чего отрекся ради насъ Сынъ Божій, и отъ чего бы не надлежало намъ отречься для Него? Честъ ли это и достоинства? Богатство ли и наслажденія? Друзья ли и ближніе? Но что наша честь и достоинства въ сравненіи съ величіемъ Единороднаго Сына Божія? Что богатство и наслажденія въ сравненіи съ полнотою блаженства Того, Который есть сіяніе славы Огня? Что наша честь—эта молва человѣческихъ похвалъ, часто при первомъ шумѣ исчезающая въ воздушномъ пространствѣ мнѣній человѣческихъ? Что наши достоинства — эта наружная высота, которая сама по себѣ нисколько насъ не возвышаетъ, а всего чаще оставляетъ съ тѣми же, если не съ горшими слабостями? Что наше богатство, наслажденія? Наше богатство составляютъ такія же скоропреходящія вещи, какъ и прочія малоцѣнныя, а наши наслажденія такую имѣютъ горькую примѣсь, что если мы не будемъ безпорочно пользоваться ими, онѣ превращаются въ отраву для насъ. Что и наши ближніе и друзья? Часто и друзья измѣняютъ намъ, и ближніе отдаляются отъ насъ. Но положимъ, что родители достойны всей любви

нашей, какъ ближайшіе представители попечительной о насъ благодати Божіей; пусть дороги для насъ друзья и братья, какъ сообщники нашей жизни и дѣль, и содѣйственники нашего благополучія. Но и это все—даяніе благодати Божіей; и если Господь возьметъ самыхъ близкихъ у насъ, мы должны благодушно разстаться и съ ними для Него.

Но намъ надлежитъ отречься не отъ вѣнчанныхъ только благъ,—надлежитъ отречься и отъ самихъ себя, отречься не только отъ своей грѣховной воли и нечистаго самолюбія нашего во всѣхъ видахъ его, но даже отъ минимыхъ своихъ добродѣтелей и совершенствъ, дабы сколько нибудь въ самоотверженіи уподобиться Христу. И какъ намъ не отвергаться самихъ себя, внутренно? Разсматривая свои склонности и расположенія, жизнь и дѣйствія, мы, по свидѣтельству и слова Божія и собственнаго опыта, носимъ въ себѣ прирожденную, собственною нашею превратною дѣятельностію увеличенную и непрестанно увеличиваемую грѣховную нечистоту; носимъ омраченіе въ умѣ, растлѣніе въ сердцѣ, противленіе добру въ волѣ. Отселе, при омраченіи нашего ума, при порабощеніи сердца отъ страстей, дѣйствующихъ въ членахъ нашихъ, языкъ нашъ готовъ сооплетать поношеніе, взоры обращены на уловленіе, чтобы обольщать и обольщаться, руки простерты на корысть, ноги скоры тещи на стропот-

ныя стези, жизнь наша течетъ въ суетѣ, дурныя дѣла наши нечисты предъ Богомъ, и мы, безъ благодатнаго водительства Церкви Христовой, не только далеки отъ сообщенія съ Богомъ, но и помыслить сами по-себѣ право добраго не можемъ. Въ насъ нѣтъ, мы и не должны видѣть въ себѣ никакихъ добрыхъ качествъ, коимъ паче никакой истинной добродѣтели. Что есть въ насъ добраго, — это принадлежитъ единственно Богу; что есть худаго, порочнаго, — это принадлежитъ намъ.

Итакъ чтобы быть достойными послѣдователями Спасителя нашего, надлежитъ намъ въ самомъ сердцѣ отвергнуться плотской любви къ самому для насъ близкому, а имѣть ко всему токмо любовь чистую, которая бы составляла одно съ любовію къ Богу, и протекала изъ нея, какъ струя изъ своего потока. *Аще кто грядетъ ко Мнѣ, говоритъ Господь, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ.* (Лук. 14. 26.). Не того требуетъ отъ насъ Господь, чтобы мы возненавидѣли тѣхъ, съ которыми Самъ Онъ соединилъ насъ крѣпкимъ союзомъ любви, это особенное выраженіе означаетъ то, чтобы мы ни къ чему изъ земнаго, сколько бы то ни было для насъ любезно, не имѣли чрезмѣрной привязанности, и къ самымъ для насъ близкимъ въ такомъ содержали себя расположеніи, чтобы при

востребованіи ихъ отъ насъ, или насъ отъ нихъ, тотчасъ готовы были оставить ихъ и принести любовь ихъ въ жертву повиновенія воли Божіей. Такъ, всякъ отъ васъ, заключаетъ Спаситель заповѣдь Свою о самоотверженіи, *иже не отречется всего ильнїя своего, всего, что ни имѣетъ у себя особенно близкаго, дорогаго, не можетъ быти Мой ученикъ* (ст. 33.).

ЧАСТЬ II

КАКЪ ХРИСТОСЪ НЕСЪ КРЕСТЪ СВОЙ ДЛЯ СПАСЕНІЯ НАШЕГО ?

Посмотримъ далѣе , какъ Спаситель нашъ , отрекшись величія Божества до состоянія уничиженнаго раба, несъ великій крестъ свой для содѣланія спасенія нашего, по волѣ небснаго Отца.

Крестъ Спасителя нашего простирается отъ Внолесемской пещеры до Голгооы, отъ яслей до распятія, отъ пленъ до гроба. Апостолъ всю жизнь Спасителя называетъ единымъ послушаніемъ. *Смирилъ себе, послушивъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 8.). Но истинъ, все Божественное служеніе Спасителя было однимъ подвигомъ безпредѣльнаго послушанія волѣ небснаго Отца. Какъ началъ служеніе свое торжественнымъ свидѣтельствомъ, что Онъ сошелъ съ неба не для того, чтобы творить волю Свою, но волю пославшаго Его Отца (Іоан. 6, 38), такъ и кончилъ безпредѣльною преданностію въ волю Отца. *Отче Мой,*

молился Онъ въ кровавомъ потѣ, готовясь испить послѣднюю чашу страданій за весь міръ, *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидеть отъ Мене чаша сія: обаче не яко же Азъ хочу, но яко же Ты* (Мат. 26, 39.).

И вотъ какъ въ безпредѣльной преданности волѣ Отца проходилъ Онъ великій подвигъ служенія Своего, составлявшій непрерывный подвигъ креста. Выдержавъ сорокадневный постъ въ пустынѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ три сильнѣйшихъ искушенія отъ сатаны, и послѣ того, насыщая тысячи мужей и женъ хлѣбами, Самъ многократно алкалъ и жаждалъ; проходя грады и веси для благовѣствованія Евангелія, терпѣлъ изнеможеніе отъ труда. Имѣя множество учениковъ, которые въ великомъ числѣ всюду сопровождали Его, Самъ не имѣлъ постоянного виталища, гдѣ бы могъ спокойно главу приклонить (Мат. 8, 20.); отъ исполненія воли небеснаго Отца, чтобы проповѣдуя небесное ученіе наставлять невѣдущихъ, выискивать заблудшихъ, врачевать недугующихъ, не удерживали Его ни невѣріе учениковъ, соблазнявшихся ученіемъ Его, ни злословія фарисеевъ, называвшихъ Его даже Веельзеуломъ, ни козни, соплетасмыя отъ враговъ на уловленіе Его въ словахъ и дѣлахъ, ни метанія камней, ни другія покушенія на убіеніе Его; отъ всѣхъ злоумышленій Онъ съ терпѣніемъ и крѣпостію уклонялся, непрестанно дѣлая Божественное дѣло

посланичества Своего до тѣхъ поръ, пока не пришелъ послѣдній часъ Его.

Что же сказать о послѣднемъ часѣ Его? Этотъ часъ былъ ужасенъ: Самъ Божественный мужъ Божественной крѣпости, при одномъ представленіи о приближеніи сего приходилъ въ такую скорбь и смущеніе, что по человѣчеству даже просилъ Отца небеснаго о избавленіи отъ часа того, если бы это не былъ часъ спасенія міра. *Нынѣ душа моя возмутися*, говорилъ Онъ, *какъ человѣкъ, въ душевномъ волненіи, и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего: но сего ради придохъ на часъ сей* (Іоан. 12, 27.). И кто могъ вынести этотъ страшный часъ, этотъ ужасный подвигъ, кромѣ Богочеловѣка? На Немъ, какъ на всемірной жертвѣ, отяготѣли всѣ грѣхи, всѣ беззаконія, всѣ пороки и преступленія всего рода человѣческаго; отяготѣли содѣянные грѣхи минувшихъ родовъ, отяготѣли содѣваемые грѣхи настоящихъ родовъ, еще жесточе тяготѣли грѣхи и беззаконія будущихъ христіанскихъ, Имъ искупленныхъ и Святымъ именемъ Его имѣвшихъ недостойно украшаться родовъ. Какое море нечистотъ, какая бездна сквернъ, какой океанъ злодѣяній и непотребствъ! Посему какое тяготѣніе безпредѣльнаго гнѣва Божія, и какія геенскія, неисповѣдимыя мученія прозали, томилъ, терзали непорочную, святѣйшую душу всемірнаго Страдальца! Подлинно это была година и область темная на

Иисусъ—Богочеловѣкъ (Лук. 22, 55.). Отъ тягости сихъ безконечныхъ мученій Божественнаго правосудія, всемірный Страдалецъ двукратно воззопѣлъ гласомъ, поколебавшимъ землю и основанія пренеподней: *Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ* (Матт. 27, 46.). Какая сила могла воспріять, какое могущество понести, какая святость довольны были очистити грѣхи и наказанія всего міра, еслибы это не страдала правда вѣчная, не терпѣла сила всемогущая, не истощалась въ искупительныхъ страданіяхъ жизнь безконечная, жизнь Того, Кто могъ положить и пакнъ воспріять душу Свою, (Іоан. 10, 18.), и въ Которомъ князь тьмы ничего не могъ обрѣсти для торжества своего! (14, 50.).

Но страшный часъ безпредѣльныхъ мученій и тяготѣнія гнѣва Божія на всемірномъ Крестопосѣ былъ часъ нашего избавленія, спасенія, нашего утѣшенія, жизни и блаженства !

Слава Тебѣ Божественному Крестопосцу, до самаго дна испившему горькую чашу гнѣва Божія за насъ !

ЧАСТЬ III.

КАКЪ МЫ ДОЛЖНЫ НЕСТИ ВНУТРЕННІЙ И ВНѢШНІЙ КРЕСТЪ СВОЙ?

Помышляя о Божественномъ самоотверженіи и тяжести всемірнаго крестопошенія Совершителя спасенія нашего и представляя безпредѣльныя, и вѣщныя , а паче внутреннія страданія за насъ и отъ насъ грѣшниковъ , что речемъ о себѣ? Какъ мы очищаемъ себя предъ Богомъ? Сообразуемся ли хотя въ какой либо мѣрѣ въ несеніи креста своего со Спасителемъ нашимъ, Который оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его (1 Петр. 2, 21.)? Намъ каждый день вѣрно брать крестъ свой. (Лук. 9, 23.). Несемъ ли мы крестъ свой? Смиряемся ли предъ Богомъ и людьми , содержимъ ли себя въ борьбѣ со своими грѣховными мыслями, расположеніями? Вооружаемся ли каждый день на свои любимыя страсти , обуздываемъ ли порочныя привычки, отсѣкаемъ ли нечистыя склонности? Вмѣстѣ съ тѣмъ сокращаемъ ли свой покой ,

ограничиваемъ ли наслажденія, умѣряемъ ли хотя излишнее употребленіе пищи и питія? Усугубляемъ ли благополезные труды, бодрственность, молитву; становимся ли въ начинаніяхъ нашихъ богобоязливѣе, въ жизни благочестивѣе, въ дѣлахъ общеполезнѣе, въ обращеніи со всѣми и каждымъ разсудительнѣе, добрѣе, назидательнѣе?

Если мы несемъ въ какой либо мѣрѣ внутренній крестъ умерщвленія страстей и очищенія себя для Бога: то, чувствуя, какъ малы и ничтожны внѣшніе наши кресты въ сравненіи съ крестомъ Спасителя нашего, и вѣдая спасительную цѣль, съ какою возлагаются на насъ, будемъ нести оныя съ неослабною твердостію и упованіемъ на Бога. Божественный Крестоносецъ страдалъ за насъ во очищеніе неправдъ нашихъ. Мы страдаемъ заслуженно, какъ достойные страданій во очищеніе нашихъ нечистотъ. Тяготятъ ли насъ внѣшнія болѣзни, лишенія, униженія? Преслѣдуютъ ли гоненія, безславіе, неудачи? Это суть удары, которыми благость Божія бьетъ насъ внѣшно, чтобы исцѣлить внутренно: болѣзнями тѣла возбуждаетъ насъ къ врачеванію души, внѣшними лишеніями обличаетъ въ утратѣ благодатныхъ даровъ; униженіемъ являетъ духовное наше ниспаденіе, гоненіями вразумляетъ насъ въ невѣрности нашей къ Богу, безславіемъ—въ нарушеніи благихъ своихъ обѣщаній, неудачами въ преврат-

ной уклончивости нашей отъ путей Господнихъ, благихъ и правыхъ.

Примѣняя внѣшнія скорби къ нашимъ внутреннимъ недугамъ, такъ должны понимать и съ такимъ расположеніемъ принимать постигающія насъ противности жизни, что это суть болѣзненные врачества, прилагасмыя всевѣдущею премудростію къ явнымъ и тайнымъ душевнымъ болѣзнямъ нашимъ, дабы привести насъ въ чувство своей грѣховности, обратить къ покаянію, утвердить въ намѣреніи исправить жизнь нашу дѣятельнымъ исполненіемъ обязанностей званія нашего по духу закона Христова, восже не къ тому человѣческому похотемъ, по славу Божію, благу ближнихъ, собственному спасенію жить прочее во плоти время. *Иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Марк. 8, 34.).

Господи, Іисусе Христе, явивый намъ Божественнымъ примѣромъ Твоимъ путь креста и самоотверженія, какъ единственный путь спасенія! Научи насъ такъ отвергаться себя ради Тебя, какъ Ты отвергся Божественной славы Твоей ради насъ. Укрѣпи силою Твоею въ несеніи малаго креста нашего ко очищенію страстей нашихъ, какъ Ты великій крестъ Твой въ Божественной крѣпости несъ къ очищенію грѣховъ всего міра. Особенно въ сѣи священные дни подражанія страстямъ Твоимъ дай намъ силу идти крестнымъ путемъ скорбей Твоихъ,

дабы въ сіе очистительное время печали о грѣхахъ ни о чемъ болѣе не мыслить намъ, какъ о великости спасительнаго истощанія Твоего ради насъ, ни въ чемъ болѣе не упражняться, какъ въ посильномъ несеніи креста своего, дабы онымъ распяться растлѣвающимъ насъ страстямъ и умереть умерщвляющимъ насъ грѣховнымъ дѣламъ, а воскреснуть для Тебя—Живодавца въ жизнь благодати и правды. Аминь.

СЛОВО II

ВЪ НЕДѢЛО КРЕСТОПОКЛОНИУЮ.

Иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ. (Марк. 8, 34.).

Святая Церковь, въ продолженіе всей святой сорокадневницы, преднаписуетъ намъ крестныя подвиги Спасителя нашего; а въ среднѣхъ поприща поста особенно возбуждая насъ къ послѣдованію за Подвигоположникомъ нашимъ путемъ креста, и самый животворящій крестъ торжественно возноситъ предъ нами для поклоненія. Возбуждая насъ къ благоговѣйному поклоненію животворящему кресту, съ преклоненіемъ выи и колѣнъ нашихъ долу, св. Церковь чрезъ сіе преднаписуетъ намъ внутреннее поклоненіе безпредѣльною любовію и преданностію

распещемуся за насъ Христу—Господу, Царю славы, Который, всею любовію истощивъ Себе на крестѣ для спасенія нашего, вознесъ насъ на первое блаженство.

Сообразуясь съ богомудрымъ намѣреніемъ св. Церкви въ установленіи торжественнаго поклоненія животворящему кресту, одушевимся крестною силою въ неослабномъ шествіи за Спасителемъ нашимъ путемъ креста. Крестъ Христовъ и всегда, а особенно въ сіе время составляетъ для насъ спасительное *побужденіе, утѣшеніе и укрѣпленіе* къ неослабному послѣдованію за Христомъ очистительными подвигами.

ЧАСТЬ I.

**КРЕСТЬ ХРИСТОВЪ СОСТАВЛЯЕТЪ ПОБУЖДЕНІЕ,
УТѢШЕНІЕ, УКРѢПЛЕНІЕ ВЪ ПОСЛѢДОВАНІИ ЗА
ХРИСТОМЪ.**

1) Крестъ Христовъ составляетъ для насъ побужденіе къ послѣдованію за Христомъ.

Совершеніемъ сорокодневнаго поста, въ подражаніе сорокодневному посту Спасителя нашего, св. Церковь обучаетъ насъ особенно послѣдованію за Подвижникомъ нашимъ путемъ постныхъ подвиговъ, и для побужденія нашего къ неослабному шествію належащемъ поприщѣ, представляетъ очамъ нашимъ животворящій крестъ, изображающій намъ болѣзни и страданія Господа нашего. Дѣйствительно, если Господь нашъ,—Владыка твари и Царь славы, для спасенія нашего Себя умалилъ, смирилъ, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же вѣстныя (Фил. 2, 6 — 8): то какъ намъ, по естеству чадамъ гнѣва и осужденія, всемѣрно не понудить себя въ послѣдованіи за

Христомъ для собственнаго спасенія? Если Спаситель нашъ, Единородный Сынъ небеснаго Отца, страданіями научился послушанію (Евр. 5, 8), то какъ намъ, непотребнымъ рабамъ, для собственнаго блага не обучать себя терпѣнію и послушанію, которыя суть собственное дѣло рабовъ? Если Начальникъ вѣры и Совершитель спасенія нашего, Господь небесе и земли, ради нашей славы и блаженства, вмѣсто предлагающія Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе (Евр. 12, 2), и Праведникъ пострадалъ за насъ неправедныхъ, дабы привести насъ къ Богу (1 Петр. 3, 18), то мы ли безотвѣтные, помышляя о Господѣ нашемъ, претерпѣвшемъ отъ грѣшниковъ таковое на себѣ поруганіе, будемъ стужать и ослабѣвать душами нашими, и не станемъ паче, сколько можемъ, противу собственнаго грѣха подвизаться? Такъ, при помышленіи о безпредѣльных скорбяхъ и страданіяхъ Господа, все скорби наши, по собственному суду нашему, являются ничего незначащими. Взвѣсивъ на примѣръ Подвигопожника нашего, мы несравненно съ большимъ терпѣніемъ побуждаемся проходить подвигъ очищенія нашего.

2.) Побуждая насъ къ очистительнымъ подвигамъ, святая Церковь тѣмъ же крестомъ Христовымъ улаживаетъ для насъ горечь скорбныхъ подвиговъ.

Совершая сорокадневное поприще по-

ста, также какъ и все поприще жизни нашей, мы уподобляемся Израильтянамъ, совершавшимъ сорокалѣтнее странствованіе въ пустынь. Какъ тамъ на пути очистительнаго странствованія были, такъ и здѣсь на пути очистительныхъ подвиговъ воздержанія противу плоти и крови есть и для духа безводныя мѣста духовной сухости, тѣмъ паче для слабой плоти есть знойныя мѣста чувственнаго разжесія, есть горькіе источники скорби и упынія. Но какъ Боговодимый вождь Израіля—Моисей, перешедши чрезъ Черное море, по трехдневномъ шествіи безводною пустынею съ жаждущимъ народомъ, остановившись при горькихъ водахъ Мерры, претворилъ горечь ихъ въ сладость, вложивъ въ источникъ показанное Богомъ древо: такъ и богомудрая руководительница наша,—Церковь, по трехнедельномъ шествіи путемъ поста, влагая въ горькій источникъ нашихъ плотскихъ расположеній очистительную силу креста, улаживаетъ горечь подвиговъ силою внутренней сладости оныхъ. Израильтяне при дальнѣйшемъ благодунномъ шествіи пустынею обрѣтають дванадцать источниковъ живыхъ водъ и семьдесятъ финиковыхъ дровъ, обремененныхъ сладкими плодами (Исх. 15, 17.). Сіе знаменуетъ, что крестные подвиги имѣють внутреннюю силу утѣшенія; что печаль, яже по Бозѣ, содѣлываетъ недовѣдомое веселіе, что лишениемъ вѣнчаній утѣшеній стяжывается

богатство внутреннихъ приобретений, — свѣтлость ума, чистота сердца, благоплодіе жизни, — что чѣмъ кто больше вкуситъ вѣнней горечи самоотверженія, тѣмъ обильнѣйшей исполнится сладости духовнаго оживотворенія; что какъ Израильтянамъ послѣ горькихъ водъ Мерры была послана манна, небесное брашно, хлѣбъ ангельскій: такъ и послѣ горькихъ водъ покаянія Христосъ Господь духовно алчущимъ и жаждущимъ даруетъ благодатное насыщеніе, даруетъ чувство правды, сладость душевнаго мира, радость о Дусѣ Святѣ.

3) А хотя бы чувство утѣшительной силы креста по скудости нашихъ подвиговъ и не было въ насъ раскрыто: впрочемъ являемый торжественно крестъ Христовъ, какъ знаменіе побѣды и залогъ послѣдующаго торжества, служитъ намъ новымъ благодатнымъ подкрѣпленіемъ на пути духовной брани для полученія вѣнца побѣды. Страданіями совершился Начальникъ спасенія нашего (Евр. 2, 10.), страданіями вошелъ въ славу Свою (Лук. 24, 26.), за пріятіе смерти славою и честию увѣнчанъ: и мы, если со Христомъ умремъ, то со Христомъ и оживемъ (2 Тим. 2, 11.); если со Христомъ терпимъ, со Христомъ и воцаримся; если со Христомъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся (Рим. 8, 17.). На крестѣ Христосъ, — Царь нашъ одержалъ побѣду надъ грѣхомъ, смертію и адомъ: и мы при видѣ побѣднаго скиптра

Царя славы, радостнымъ окомъ взирая на мздовоздаяніе, какъ воины, должны бодренно тещи во слѣдъ Вождя спасенія нашего, мужественно дерзать противу мысленныхъ враговъ до крове, дабы пріобрѣсть плоды побѣды, — общеніе съ Богомъ, миръ съ ближними, покой чистой совѣсти въ самихъ себѣ, и внийти въ радость Господа нашего.

Такъ древо креста, какъ древо посреди умнаго рая, посреди святыхъ четырехдесятицы, таинственно водружено Церковію для возбужденія насъ къ подвигамъ въ шествіи къ духовному совершенству, дабы мы крестомъ, какъ единственнымъ послѣ паденія путемъ спасенія, не ослабно текли за Подвигоположникомъ нашимъ къ возвращенію потерянной нами райской жизни и блаженства.

ЧАСТЬ II.

**НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ ХРИСТИАНИНУ НЕСТИ
КРЕСТЬ СВОЙ ВЪ СЛѢДЪ ХРИСТА.**

И вотъ св. Церковь, вознося предъ нами крестъ Христовъ , какъ единственное знаменіе спасенія , преднаписуетъ намъ общую великую заповѣдь, что необходимо всѣмъ и каждому изъ насъ дѣлательно взять и нести въ жизни своей крестъ Христовъ , по непреложному слову Его: *иже хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по- Мнѣ грядетъ.* Не на произволъ оставляетъ насъ Христосъ идти за Нимъ путемъ креста. Пѣтъ! *Яже вамъ глаголю, говоритъ Онъ, всѣмъ глаголю.* (Мар. 13, 57.). Многіе изъ христіанъ не несутъ креста Христова, и неидутъ за Христомъ; но таковымъ Онъ даетъ разумѣть: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, несть Мене достоинъ* (Мат. 10, 58.); *и иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 27.).

Посему когда говоритъ Спаситель: *кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, потребуеъ безусловно, что кто не всеу хочетъ носить имя христіанина, или хочетъ быть не полухристіаниномъ,—имѣть видъ благочестія безъ силы,* но быть истиннымъ ученикомъ и послѣдователемъ Его, чтобы очищать умъ отъ нечистыхъ помысловъ, волю отъ растлѣнныхъ желаній, чтобы стяжевать душу свою въ терніи, быть мертвымъ грѣху, живымъ для Бога, — чтобы тѣло свое содѣлывать сосудомъ чистоты, а уды—удами Христовыми, тотъ непремѣнно долженъ *отвергнуться себя: долженъ, отринувъ превратное самолюбіе, совершенно смирить себя; долженъ взять крестъ свой, рѣшиться на все страданія, дабы распять плоть со страстями и похотями; долженъ ити за Христомъ, — не искать воли своея, но воли небеснаго Отца, не искать дольняго, не искать сокровищъ на земли (Мат. 6, 19), но искать прежде всего царствія Божія и правды Его (Мат. 6, 33.), искать вышнихъ, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя. (Кол. 3, 1.).*

Итакъ, христіанинъ, въ крестѣ твое спасеніе, въ немъ жизнь, въ немъ защита отъ враговъ: въ крестѣ сила души, въ крестѣ радость духа, въ крестѣ верхъ добродѣтели, въ крестѣ совершенство святости. Нѣтъ ни спасенія, ни надежды жизни вѣчныя безъ креста.

Возьми крестъ твой, христіанинъ, и послѣдуй

за Господомъ Иисусомъ, и ты придешь къ жизни вѣчной. Нѣтъ другаго пути къ жизни и къ истинному внутреннему покою, кромѣ пути святаго креста и ежедневнаго умерщвленія. Песи убо все скорби и противности въ жизни общественной, въ жизни домашней, въ собственномъ твоёмъ состояніи, въ скудости душевныхъ, въ помощи и болѣзненности тѣлесныхъ силъ.

Ступай, куда хочешь, ници, гдѣ угодно, не найдешь ни горѣ пути возвышеніе, ни долу пути безопасіе, какъ путь святаго креста. Располагай и учреждай все по твоимъ желаніямъ и видамъ: ничего не найдешь, кромѣ того, что тебѣ надобно терпѣть и сносить волею или неволею, и такимъ образомъ вездѣ найдешь ты крестъ.

Крестъ, то есть: скорби, противности, неудовольствія житейскія, вездѣ для тебя поставленъ и вездѣ тебя ожидаетъ. Ты не можешь миновать его, куда бы ты ни пошелъ: ибо вездѣ ты будешь съ собою, съ своими слабостями, недостатками, погрѣшностями, неудачами, и всегда найдешь самого себя, какъ челоуѣка немощнаго, несовершеннаго, даже преступнаго.

Если ты будешь носить крестъ охотно, крестъ самъ носить тебя будетъ и приведетъ къ желаемой цѣли, гдѣ ты будешь выше твоихъ скорбей и страданій, хотя бы здѣсь не кончился твой скорби. Если ты будешь носить

крестъ неволєю , жаловаться на неудачу , уны-
вать въ противоположностяхъ , сѣтовать на свое состо-
яніе: тогда крестъ будетъ тяготить тебя; ты
самъ сдѣлаешь бремя твое тяжкимъ и при
всемъ томъ тебѣ должно будетъ носить его.
Если ты отвергнешь одинъ крестъ , захочешь
уклониться отъ труднаго назначенія , пере-
менить тяжкую участь , измѣнить соединное съ
твоимъ состояніемъ дѣло, служеніе, отношеніе:
то безъ сомнѣнія найдешь другой крестъ , най-
дешь другія трудности , противоположности , не-
пріятности и, можетъ быть, тягчайшія.

Не думай, что ты одинъ избѣгнешь того,
чего никто изъ смертныхъ избѣжать не могъ.
Кто изъ Святыхъ Божіихъ жилъ въ мірѣ безъ
креста, безъ трудностей и огорченій?

Господь нашъ Іисусъ Христосъ во все про-
долженіе земной жизни Своей не былъ ни одного
часа безъ скорби и лишенія: *Лиси язвины*
имуть, и птицы небесныя гнѣзда: сынъ же
человѣческій не имать гдѣ главы поклонити
(Лук. 8, 58.), говоритъ Онъ Самъ о Себѣ. Какъ
же мы станемъ искать другаго пути къ покою,
кромѣ показаннаго намъ Спасителемъ крестнаго
пути терпѣнія и несенія скорбей. Нѣтъ! да не
будетъ намъ хвалиться чѣмъ инымъ, какъ ток-
мо крестомъ Господа нашего Іисуса Христа,
которымъ міръ для насъ долженъ быть распятъ,
а мы для міра (гл. 6, 14.).

Почтимъ убо , благоговѣйные поклонники

креста, крестъ Христовъ всею полнотою любви и благоговѣнія нашего; почитимъ его всеми чувствами нашими; почитимъ и въ тѣлесахъ и душахъ нашихъ. Почтимъ его устами въ благоговѣйномъ лобзаніи, языкомъ въ пѣсенномъ благохваленіи, словомъ, во впечатлѣніи слова крестнаго въ слово наше; почитимъ его въ тѣлесахъ нашихъ смиреннымъ поклоненіемъ и пожатіемъ долу предъ нимъ, а паче умерщвленіемъ тѣла грѣховнаго силою его. Прославимъ его въ душахъ нашихъ воображеніемъ въ умѣ и сердцѣ нашемъ страданій распятаго за насъ на крестѣ Господа, а паче распинаніемъ всего ветхаго нашего человѣка на внутреннемъ крестѣ самоотверженія.

Если мы такъ будемъ чтить крестъ Христовъ, такъ будемъ прославлять его, такъ укрѣпляться имъ въ послѣдованіи и внѣшнюю и внутреннюю жизнь за Христомъ: то Господь Іисусъ, пригвоздившійся за насъ на крестѣ, крестною силою сохранитъ насъ отъ покушеній лукаваго, укрѣпитъ непреткновенно перейти очистительное поприще носта, сподобитъ въ радостномъ умилѣніи поклониться Божественнымъ страстямъ и живоносному воскресенію Его, воздвигнетъ и насъ крестомъ къ благодатному нашему воскресенію отъ мертвыхъ дѣлъ, дабы и ходить предъ Нимъ и служить Ему путемъ истины, правды и святости во все дни живота нашего. Аминь.

С Л О В О

ВЪ 4-Ю НЕДѢЛЮ ПОСТА.

Сей родъ ни чимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ. (Мар. 9, 29.).

Спаситель въ нынѣ чтенномъ Евангеліи показываесть намъ способъ, какъ изгонять злыхъ духовъ, а также исцѣлять себя и другихъ отъ разныхъ болѣзней. Этотъ способъ, --молитва и постъ.

Нѣкоторый отецъ привелъ къ Іисусу Христу сына, одержимаго злымъ духомъ. Злой духъ, возобладавъ несчастнымъ юношею, лишилъ его слуха, связалъ языкъ, сдѣлалъ его глухимъ и нѣмымъ; въ каждое новомѣсячіе схватывалъ его, и въ это время терзаемый падалъ на землю, валялся, непускалъ пѣну, скрежеталъ зубами, впадалъ въ оцѣпенѣніе, или въ бѣшенствѣ бросался въ огонь, въ воду, и если бы не былъ удерживаемъ, давно бы погубилъ себя.

Въ отсутствіи Спасителя, отецъ обратился къ ученикамъ Его и просилъ, чтобы они изгнали изъ сына его духа нечистаго. Ученики употребляли съ своей стороны данныя имъ способы, — призывали имя Божіе и имя Христово для изгнанія бѣса; но ничего не могли сдѣлать; бѣсъ не выходилъ. Пришелъ Самъ Учитель; отецъ, описавъ несчастное положеніе сына, заключилъ тѣмъ, что ученики по просьбѣ его пытались изгнать бѣса, но не могли. По требованію Спасителя представленъ предъ Него бѣсповатый сынъ; маловѣрный отецъ словомъ Спасителя приведенъ въ живое чувство вѣры. Когда не оставалось препятствія къ спасительному дѣйствію Божественнаго врача, Онъ повелѣлъ духу нечистому выйти изъ отрока, и отрокъ сдѣлался здоровъ, сталъ слышать и говорить.

Оставшіеся наединѣ, ученики спрашивали Учителя, почему они не могли выгнать бѣса изъ отрока? Спаситель отвѣтствовалъ имъ: *сей родъ бѣсовъ не можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.*

Какъ молитва и постъ даютъ силу изгонять духовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ врачевать глухоту, нѣмоту и бѣшенство: то стоитъ нашего вниманія раземотрѣть: какъ молитва и постъ производятъ такія чудныя дѣйствія въ уврачеваніи тяжкихъ душевныхъ болѣзней?

ЧАСТЬ I.

**ЧТО ЕСТЬ ДУХЪ НѢМЫЙ И ГЛУХІЙ, — ДУХОВНАЯ
НѢМОТА И ГЛУХОТА ?**

Въ бѣспомомъ отрокѣ мы примѣчаемъ двоякую болѣзнь, тѣлесную и душевную. Отрокъ на каждый новый мѣсяцъ былъ схватываемъ неустержимою силою недуга, повергаемъ на землю, терзаемъ, и въ этомъ мучительномъ состояніи испускалъ изо рта пѣну, скрежеталъ зубами, наконецъ впадалъ въ безчувствіе, покрывался блѣдностію и былъ какъ мертвый. Въ этихъ мучительныхъ дѣйствіяхъ видна тѣлесная болѣзнь.

Но въ отрокѣ дѣйствовалъ духъ, — духъ нѣмый и глухій, который связывалъ языкъ нѣмотою; — отрокъ не могъ ничего сказать, не могъ обнаружить своего мучительнаго состоянія, выразить своихъ болѣзненныхъ чувствованій; связывалъ слухъ глухотою; — отрокъ не могъ ничего слышать, не могъ слышать и нѣжнаго голоса состраданія, отсель не могъ принимать

никакого утѣшенія отъ самаго близкаго, сердечнаго соучастія. Въ этомъ положеніи самая душа въ одержимомъ была лишена способо́въ дѣйствовать. Бѣснуемый имѣлъ употребленіе глазъ, смотрѣлъ, но, не имѣя употребленія языка и слуха, не могши ничего ни сказать, ни услышать, видѣлъ разныя дѣйствія и вещи, какъ призраки, не понимая причины ихъ. Жалкое состояніе! Чрезъ связанныя чувства слуха и языка самая душа была связана въ тѣлѣ, и погружена въ бездѣйственность. Это состояніе болѣзни—духовное.

Господь благодію Своею хранитъ насъ отъ обладанія бѣсовскаго въ тѣлѣ; но свободны ли мы отъ обладанія духа нѣма и глуха въ душѣ нашей,—утверждать никонимъ образомъ не смѣемъ. Напротивъ многіе въ душѣ обладаемы духомъ нѣмымъ и глухимъ. Что же означаетъ дѣйствіе духа нѣмаго и глухаго въ примѣненіи къ душѣ нашей? Означаетъ обладаніе души нашей отъ сильныхъ страстей, дѣлающихъ насъ духовно нѣмыми и глухими. Какія страсти дѣлаютъ человѣка духовно нѣмымъ и глухимъ? И вообще, главная, господствующая въ каждомъ страсть есть тотъ духъ нѣмый и глухій, который дѣлаетъ человѣка неспособнымъ ни для сообщенія добрыхъ мыслей и расположеній, ни для принятія полезныхъ совѣтовъ и наставленій. Но есть особенно страсти такого рода: таковъ некомѣрный гнѣвъ, такова необычно-

венная гордость, таково необузданное сладострастіе. Эти страсти, особенно въ сильной степени, таковы, что, оставляя человѣку глаза, чтобы безсмысленно смотрѣть, безразсудно видѣть, видѣть предметы своихъ страстей для насыщенія оными, дѣлаютъ неспособнымъ ни самаго вѣщать что либо благоговѣйное въ отношеніи къ Богу, полезное для ближнихъ, спасительное для самого себя, тѣмъ болѣе неспособнымъ ничего подобнаго слышать и принимать къ сердцу отъ самихъ близкихъ, благонамѣренныхъ.

Посмотримъ на воспламененнаго гнѣвомъ: не схватываетъ ли его духъ выпыльчивостію, не терзаетъ ли кипѣніемъ ярости, не источаетъ ли изъ устъ его пѣну, — язвительныя укоризны, поношенія, ругательства? Разгнѣванный—часто и вѣщанія слова отъ удручающей ярости правильно произносить не можетъ, кольми паче не способенъ бываетъ ни сказать кроткое, назидательное, ни слышать доброе, наставительное. Таковъ же духъ пѣмый и глухій и въ недугующемъ гордостію. Гордый много и далеко видитъ для своихъ цѣлей, но пѣтъ у него вѣщаній кротости и благоразсудительности о пользѣ ближнихъ; а чтобы слышать наставительныя рѣчи отъ другихъ, для этого онъ совершенно глухъ, и затыкаетъ уши.

Такой же духъ пѣмый и глухій и въ обладаемыхъ сладострастіемъ. Тутъ пѣтъ ни языка

для сообщенія, ни слуха для принятія добраго, праваго, богобоязливаго; для предметовъ духовныхъ, разумныхъ, святыхъ языкъ сладострастный нѣмъ, равно и слухъ для принятія внущеній о чистотѣ, вразумленія о непорочности, наставленій о цѣломудріи вовсе загражденъ. А когда нападетъ эта безумная страсть на человека: то въ пылу стремленія ея онъ готовъ и въ огонь и воду, только бы достигнуть цѣли неистовыхъ желаній.

Вотъ въ насъ духи нѣмые и глухіе, — это преобладающія нами страсти, которыя оставляютъ намъ тѣлесные глаза, чтобы видѣть предметы страстей нашихъ, и средства къ удовлетворенію онымъ, впрочемъ дѣлаютъ насъ нѣмыми и глухими для всего истинно богоугоднаго, благополезнаго, душеспасительнаго.

ЧАСТЬ II.

КАКЪ ВРАЧУЕТЪ ДУХОВНУЮ НѢМОТУ И ГЛУХОТУ МОЛИТВА?

Какъ же молитва и постъ, указанныя Спасителемъ, врачуютъ душевные недуги, изгоняютъ изъ одержимыхъ духовную нѣмоту и глухоту? Спаситель полагаетъ напередъ молитву, какъ сильнѣйшее духовное средство для очищенія души отъ страстей, потомъ постъ, вспомоствующее средство, но и молитву и постъ полагаетъ, какъ средства необходимыя: *сей родъ ни чимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ.*

Первое и главное средство для уврачеванія душевныхъ болѣзней есть молитва: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою.* Хотя страсти имѣютъ предрасположеніе въ сложеніи тѣла, возбужденіе въ обстоятельствахъ нашей жизни; но корень и начало имѣютъ въ душѣ: *изнутри,*

отъ сердца исходятъ помышленія злыя (Мар. 7, 21.). Въ душѣ образуются первыя возмутительныя мысли; мысли, усиливаемыя чувственными пожеланіями, переходятъ въ сильныя стремленія; стремленія, выходя изъ предѣловъ разумнаго управленія, перерождаются въ страстные расположенія, которыя, какъ тяжкія душевныя болѣзни, дѣлаютъ человека страждущимъ, лишаютъ разумнаго самообладанія и, какъ своего плѣнника, влечутъ по распутіямъ, ввергаютъ въ огонь и воду, во всякія очевидныя опасности. Куда же обуреваемому страстями, какъ потопляемому волнами, или какъ въ сраженіи пронзаемому стрѣлами, куда обратиться о избавленіи и спасеніи, какъ не къ Богу, — благодѣтельному пристанищу и крѣпкой защитѣ, съ молитвою?

Движеніе буйства, влеченіе неистовыхъ желаній, стремленіе непотребныхъ начинаній, — все это душевное волненіе болѣе или менѣе утихаетъ въ молитвѣ предъ Богомъ. Богъ есть всепросвѣщающій свѣтъ, есть святѣйшая правда и благодѣтельность, есть животворящая сила. Посему, когда въ умиленіи поставимъ себя предъ всевидящимъ Свѣтомъ, Который зритъ всѣ наши тайны, въ смиреніи повергнемся предъ святѣйшею правдою и благодѣтельностью съ нашими нечистотами, съ плачемъ имеемъ за милосердіе всемогущества нашимъ безсиліемъ: тогда окружающая насъ духовная тьма разсѣется, грѣхов-

ная лестъ въ своемъ безобразіи явится, и отъ прикосновенія къ силѣ Божіей ощутишь въ себѣ отраду и укрѣпленье. И возможно ли отъ приближенія къ свѣту не осіяться, отъ дѣйствія теплоты не согрѣться, отъ огражденія себя силою свыше не укрѣпиться? Такъ, въ Богѣ наше врачество отъ ранъ сердечныхъ, въ Немъ упокоеніе отъ тревоженій мысленныхъ, въ Немъ огражденіе для нашей удобопреклонности къ грѣху. Богъ посылаетъ намъ свѣтъ, разгоняющій мысленное омраченіе, изливаясь умиленіе въ хладное сердце наше, поддерживаетъ насъ, когда колеблемся, возставляетъ, когда падаемъ, даетъ чувство оплакивать горькими слезами паденіе и утверждаетъ стопы наши на пути исправленія. Но чѣмъ можемъ привлечь на грѣховную тьму нашу свѣтъ свыше? Смиренною молитвою. Чѣмъ низвести на нечистоту нашу всеосвящающую святость Божію? Сокрушенною молитвою. Чѣмъ можемъ воспріять изъ Божественныхъ сокровищъ благодатную силу для укрѣпленія нашего безплія? Горячею, покаянною молитвою. Молитва, молитва умиленная, сокрушенная есть въ насъ тоже, что дѣтскій вопль, который слышитъ милосердное сердце Отца небеснаго, трогается благоутробіемъ и всегда даетъ намъ столько, сколько сообразно Его премудрости и благости дать, и сколько мы способны по нашему недостоинству пріять и удержать. Только по на-

ней слабости и разсѣянности не будемъ прерывать молитвеннаго обращенія къ Богу. Хотя бы мы по нашей любогрѣховности, тысящекратно самымъ жалкимъ образомъ пали, но и тысящекратно въ сокрушеніи будемъ обращаться къ Вѣдущему немощи нашего сестства, и горькимъ раскаяніемъ неукоснительно будемъ возставать и поспѣшно исправляться, мы не лишимся очистительной благодати и врачующей силы Посѣтителя душъ нашихъ. Только никогда, какъ бы ни были обуреваемы, какъ бы ни были низлагаемы страстями нашими, никогда не удалимъ сокрушенной мысли нашей отъ Бога, не отвратимъ кающагося чувства отъ благодати Его, не ослабимъ въ рѣшимости нашей возстать и исправиться въ силѣ Божіей, и—Господь благодати и щедротъ не отыметъ отъ немощи нашей врачующей, исцѣляющей и укрѣпляющей силы Своей!

Такъ молитва, вознося насъ къ Богу, источнику свѣта, чистоты и благодатной крѣпости, составляетъ духовное просвѣщеніе нашего ума, очищеніе сердца, воскршеніе духа; посему составляетъ благодатную силу для обузданія страстей, этихъ порожденій духовъ тьмы, и благодатное врачеваніе для душевныхъ недуговъ. И чего не можетъ сдѣлать непрестанная, въ духѣ и силѣ совершаемая молитва, молитва, какъ непрестанное взираніе на Бога, и зрѣніе предъ собою Бога, — какъ дѣятельное хожденіе и со-

пробываніе съ Богомъ, — какъ сердечное бесѣ-
дованіе и соображеніе съ Нимъ? Такая молитва,
просвѣтляя сердце, просвѣщаетъ и лице, а не
рѣдко и все существо чловѣка.

Ч А С Т Ъ ІІІ.

КАКЪ ВРАЧУЕТЪ ДУХОВНЫЕ НЕДУГИ ПОСТЬ?

Но для совершеннаго обузданія воюющихъ на душу страстей, и уврачеванія этихъ душевныхъ недуговъ необходимо соединять съ молитвою постъ: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ.*

Необходимо соединять съ молитвою постъ, какъ единственное средство привести и содержать въ благоустроенномъ состояніи тѣло. Постъ, непосредственно относясь къ тѣлу, чрезъ благоустроеніе тѣла служить, какъ вспомошествоующее врачество, къ уврачеванію и душевныхъ болѣзней. Страсти, хотя имѣютъ корень свой въ душѣ, но онѣ обнаруживаются чрезъ тѣлесныя чувства, питаются и поддерживаются въ тѣлѣ, и по различнымъ свойствамъ тѣла получаютъ различное дѣйствіе, силу, господство. Самъ духъ нашъ обитаетъ въ тѣлѣ, какъ въ своемъ жилищѣ, которое раздѣляетъ съ нимъ всѣ житейскія радости и скорби; облеченъ тѣломъ, какъ своею естественною одеждою, такою одеждою,

которая выражаетъ внутреннія свойства и расположенія облеченнаго ею духа; совокупно дѣйствуетъ съ тѣломъ, какъ своимъ орудіемъ, орудіемъ живымъ, которое столько же выполняетъ велѣнія духа, сколько и само по естественному союзу и потребностямъ часто съ непреоборимою силою дѣйствуетъ на душу какъ сообщникъ ея, какъ внѣшній человѣкъ, составляющій единое, нераздѣльное лице съ внутреннимъ.

Поэтому нужно, чтобы, при воскресеніи духа молитвою, тѣло не только ему не препятствовало, но содѣйствовало и помогало. А тѣло не можетъ помогать духу, если не будетъ укрощено, утончено, очищено постомъ. Не нужно говорить о томъ, какое препятствіе полагаетъ духу въ молитвенномъ дѣйствіи тѣло, не очищенное, не благоустроенное постомъ и воздержаніемъ; тѣло и одною брѣнностію своею отягощаетъ душу (Пр. Сол. 9, 15.), коими нѣче обильно упитанное брашномъ и питіемъ составляетъ тяжесть, которая влечетъ духъ къ землѣ, — оковы, которые связываютъ духъ для высшей дѣятельности, — темницу, въ которой духъ теряетъ благодатный свѣтъ, свободу, радость. Тѣло, упитываемое удовлетвореніемъ похотей, есть печистое обиталище темныхъ духовъ, въ особенности сладострастія, сластолюбія, плотоугодія. Поэтому тѣло, для просвѣтительной, цѣльбоносной во спасеніе молитвы, должно быть очищено постомъ, и *вильшились*, — неслабымъ воз-

держаніемъ въ пищѣ и питіи, обузданіемъ чувствъ отъ разсѣнія, упражненіемъ въ трудѣ и бодрствѣнности, и еще паче *внутреннимъ*, — строгимъ воздержаніемъ внутреннихъ чувствъ отъ всего грѣховнаго, — языка отъ бесѣдъ душевредныхъ, глазъ отъ взоровъ печальныхъ, слуха отъ внушеній льстивыхъ, рукъ отъ начинаній преступныхъ, ногъ отъ теченія беззаконнаго, и содержаніемъ ума и сердца въ постоянной собранности богомыслия и благорасположенія.

Подвизающемуся на пути духовнаго исцѣленія надлежитъ ограничивать тѣло не только въ нужной пищѣ, питіи и прочихъ утѣшеніяхъ, и упражнять его постояннымъ трудомъ и бодрствованіемъ, но и пріобучать и къ высшимъ подвигамъ: распинать его со страстями, удручать пошеніемъ язвъ Христовыхъ, содержать въ такой алчбѣ и жадѣ, чтобы не единымъ хлѣбомъ питаться, но и глаголомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ, чтобы пить не только отъ воды, послѣ которой опять жаждемъ, но и отъ воды, пія которую не вжаждемся во вѣки.

Истинный, врачевный, исцѣляющій постъ, какъ содѣйственникъ и помощникъ молитвы, вѣликимъ воздержаніемъ чувствъ приведетъ въ благоустроенное состояніе тѣло, а внутреннимъ, распинательнымъ воздержаніемъ похотей, содѣлаетъ жилищемъ Духа Св., гдѣ безиренатственно будетъ совершаться молитвенное по-

клоненіе и служеніе Богу, гдѣ и самое тѣло содѣлается жертвою живою, непорочною, благоугодною Господу.

И о! если бы Господь даровалъ намъ благодать соединить въ какой либо мѣрѣ молитву и постъ во внутренней жизни нашей! Тогда при умирении и вѣншихъ и внутреннихъ чувствъ, подлинно по слову Пророка, разверзся бы, какъ утренняя заря, свѣтъ пани, исцѣленія наши скоро возсіяли, предшествовало бы намъ благословеніе Божіе и слава Господня сопрождала насъ. Тогда только бы воззвали, Господь услышалъ бы насъ, и когда бы еще говорили, Онъ отозвался бы благовольтельнымъ пріемиемъ (Исаи 58, 8. 9.); молитва составляла бы мысленныя крылѣ, на которыхъ душа наша непрестанно возлетала бы къ Богу, а постъ, утончая и просвѣтляя тѣло, способствовалъ бы свободному возношенію ума и сердца къ Богу. При непосредственномъ созерцаніи Бога и хожденіи въ присутствіи Его всегдашней молитвою, какъ мгла разсѣивалась бы мрачныя помыслы, какъ злосмрадный дымъ,—нечистыя желанія, а при блюденіи тѣла въ чистотѣ, чувствъ въ собранности, всѣхъ силъ въ благоустроенной дѣятельности, сами собою устранялись бы болѣзнь тѣлесныя.

Чудны совокупныя дѣйствія поста и молитвы въ духовномъ преобразованіи всего существа человѣческаго! Моисей молитвою и по-

стомъ до того просіялъ, что Израильтяне не могли смотрѣть на лице его, какъ на сіяющее солнце; пламенный въ молитвѣ и дивный въ постѣ Ісій съ тѣломъ на огненной колесницѣ взять былъ на небо; три вавилонскіе юноши, укрѣпленные молитвою и постомъ, не только пребыли невредимы въ пещи, седмерицею разженной, но во всепождающемъ пламени, какъ въ росоносной сѣни, весело возсылали хвалебныя пѣсни Богу!

Чада святая Церкви, врачующей нынѣ св. постомъ и молитвою души наши во спасеніе, а тѣlesa во здравіе! Нынѣ, въ святое время поста и молитвы, поучимся посильно упражняться въ постѣ и молитвѣ, и очищать, просвѣтлять молитву постомъ, а постъ освящать и оживлять молитвою, и мы получимъ отъ Господа богатный миръ, утѣшеніе, крѣпость въ нашемъ духѣ, получимъ здравіе, бодрственность, благоустроенность въ тѣлѣ, и, по благодати Духа святаго, сподобимся совершить душеполезную сорокадневницу во спасеніе душъ и здравіе тѣлесъ. Аминь.

С Л О В О 1.

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДНИЦЫ.

Радуйся благодатная: Господь съ тобою.
(Лук. 1. 28.).

Еще въ первый разъ на земли чрезъ небеснаго благовѣстника слышится привѣтствіе радости. Не только изъ женъ, но никто изъ великихъ предъ Богомъ мужей не былъ доселѣ привѣтствованъ гласомъ небесной радости. Много было у Бога въ ветхомъ заветѣ вѣрныхъ рабовъ, даже друзей и мужей по сердцу: угодилъ Богу Ной (Быт. 6, 9.); Авраамъ нарѣченъ другомъ Божиимъ (Іак. 2, 25.); Моисей былъ вѣрный слуга во всемъ дому Божию (Евр. 3, 5.); Давидъ былъ мужъ по сердцу Божию (Дѣян. 13, 22.); каждый изъ нихъ много слышалъ отъ Бога благословеній, много испыталъ милостей. Но ни одинъ при самыхъ утѣшительныхъ изъ-

явленіяхъ Божія благоволенія не былъ утѣшенъ привѣтствіемъ радости. А въ Пазаретѣ Дѣва, обрученная мужу, привѣтствуется отъ небеснаго посланника гласомъ радости и въ привѣтственномъ гласѣ нарицается новымъ, только же радостотворнымъ наименованіемъ благодатныя: *радуйся, благодатная: Господь съ тобою.*

Подлинно это новое наименованіе, которое никому особенно не было доселѣ такъ усвояемо, не только въ законѣ Моисеевѣ, но ни въ пророческихъ прореченіяхъ, ни въ пѣснопѣніяхъ Церкви ветхозавѣтныя.

Что же значить наименованіе: *благодатная*? Благодатная, наименованіе koliko для слышанія сладостное, только же и по силѣ своей многознаменательное, есть тоже, что исполненная Божественнаго благоволенія, такъ исполненная, что отъ изобилія свыше изліянныхъ на нее даровъ, она сама составляетъ для насъ даръ, составляетъ явленіе небеснаго къ намъ благоволенія, какъ виновница дарованія намъ Божественныхъ благъ. Такъ и Архангелъ изъясняетъ наименованіе благодатныя, когда говоритъ: *радуйся, благодатная: Господь съ тобою,*—съ тобою, благодатная, вѣщаетъ Архангелъ, Господь вѣдѣтъ своимъ благоволеніемъ, какое только возможно для человѣка. Согласно съ симъ и Святая Церковь, немолчная воснѣвательница добротъ Богоневѣсты, въ воснѣваемой въ сіе время сладкой пѣсни своей изъясняетъ силу наименованія благодатныя, — что благодатная, какъ

великій даръ, составляетъ предметъ всемірной радости неба и земли: о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь: Ангельскій соборъ и человѣческій родъ !

И такова есть подлинно Богоблагодатная Марія, сподобившаяся быть Матерію Бога—Слова, питательницею Жизнодавца, престоломъ Царя славы, чертогомъ Вседержителя, словеснымъ раемъ, сокровищницею жизни и спасенія, сладостию Ангеловъ, радостию человѣковъ !

Христіане! Радость благовѣщенія есть радость всемірная. Она возвѣщена Благодатной: но для того, дабы чрезъ нее все мы были общниками благодати. Благословенная въ женахъ содѣлалась Матерією благодати, дабы мы отъ Рожденнаго ею пріяли благодать возблагодарить, и содѣлались чадами благодати. Посему съ Благодатною все мы намъ возвѣщается радость о дарованіи намъ свыше благодати. И все мы, яко сынове Божіи во Христѣ Іисусѣ (Гал. 5, 6.) облагодатствованы.

Какія же свойства облагодатствованныхъ, благопотребно разсмотримъ въ честь Благодатныя, дабы видѣть, истинныя ли мы чада благодати, и не обретаются ли кто внѣ благодати ?

Если благодатныя свойства, знаменующія чадъ благодати, станемъ разсматривать въ самой Благодатной, то въ семъ умномъ раю найдемъ все дары и плоды Духа благодати, найдемъ *любь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Гал. 5,

22, 23.); найдемъ ангельскую чистоту, небесную премудрость и доброту, кратко:—найдемъ богосвѣтлый ликъ небесныхъ, неизглаженныхъ добродѣтелей. Ибо съ нею Господь! Оставляя особенныя, обозначимъ для себя самыя главные благодатныя свойства.

Какъ мы называемъ то состояніе воздуха, когда ощущаемъ и пріятность свѣта и благотворность теплоты, и благоухающую свѣжесть воздуха, вливающія во всѣ чувства наши какъ бы новыя силы и жизнь? Называемъ благораствореніемъ. Итакъ въ благораствореніи главные стихіи суть свѣтъ и теплота, и совершенное благораствореніе есть совершенная соразмѣрность свѣта и теплоты, которыя, въ удобопроницательной тонкости своей извлекая изъ земныхъ произрастеній чистѣйшую влагу, исполняютъ воздухъ усладительнымъ благовоніемъ.

Что благораствореніе воздуха въ поднебесной, то самое совокупность благодатныхъ свойствъ въ нашей жизни. Это есть духовное благораствореніе свѣта и теплоты, производящее волю благихъ дѣлъ.

ЧАСТЬ I.

ПЕРВОЕ БЛАГОДАТНОЕ СВОЙСТВО — СВѢТЪ РАЗУМА.

Самое первое, начальное изъ благодатныхъ свойствъ есть умный свѣтъ.

Безъ свѣта нѣтъ въ поднебесной радости. Безъ свѣта нѣтъ и въ душѣ нашей благодати. Видимый міръ,—сія полнота естественныхъ красоть, начался сотвореніемъ свѣта: *рече Богъ: да будетъ свѣтъ. и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 5.), дабы во свѣтѣ видимы и славимы были дивныя дѣла Божіи. II благодатный міръ начался возсіяніемъ свѣта: *яко Богъ рекъ изъ тмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ къ просвѣщенію разума славы Божіи о лицѣ Иисуса Христовъ* (2 Кор. 4, 6.). Безъ свѣта не растутъ, не прозябаютъ земныя растенія. II безъ умнаго свѣта не возрастутъ въ душѣ дарованія. *Всякъ, иже не научится правдѣ на земли, истины не сотворитъ* (Иса. 26, 10.). Свѣтъ даетъ всякому бытію жизнь, силу, дѣйствіе, красоту. II душевнымъ способностямъ умный свѣтъ

дасть силу, дѣйствіе, совершенство. Итакъ самое первое благодатное свойство есть свѣтъ, свѣтъ разумѣнія Божественной истины и правды въ насъ и дѣлахъ нашихъ.

Благодатный свѣтъ начинается въ насъ съ познанія первообразнаго Свѣта, — Бога, идетъ чрезъ познаніе насъ самихъ, подобныхъ намъ челоѣковъ, окружающихъ насъ существъ, сопряженныхъ съ нашимъ бытіемъ различными отношеніями, и лѣствицею тварей опять восходитъ къ яснѣйшему созерцанію Творца. Переходя въ самопознаніе и полагая начатки, къ дѣятельному умудренію насъ во спасеніе, благодатный свѣтъ начинаетъ въ насъ внутреннее дѣйствіе озареніемъ грѣховной тьмы невѣденія и страстей нашихъ, просіяваетъ мало по малу, какъ въ лучахъ, въ заботливыхъ помысленіяхъ о стяжаніи всего, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна* (Фил. 4, 8.). Когда сіи помысленія будутъ наставлять насъ на дѣла правоты и непорочности, а взирающихъ на явленіе ихъ, какъ на явленіе въ насъ Божественнаго свѣта, будутъ возбуждать къ прославленію Свѣтодавца: то это есть утѣшительное знаменіе явленія въ насъ свѣта благодати (Мат. 5, 16.).

Но какъ намъ, ходящимъ во тьмѣ невѣденія и страстей, достигнуть того, чтобы сіять въ насъ свѣтъ благодатный? Какъ возсіяваетъ самый лучезарный день? Возсіяваетъ постепенно: начи-

настаетъ разсвѣтомъ, разгоняющимъ мало по малу густоту тьмы, предъуготовляется зарею предшествующею возсіянію солнца, и самыя первыя лучи восходящаго солнца распространяются постепенно. Если и мы хотя по единой нити, по одному зерну, по единой малой крупицѣ будемъ собирать лучи истины; хотя тихо, медленно, но не останавливаясь, будемъ простираться всегда впередъ путемъ самопознанія: и мы мало по малу будемъ переходить отъ темныхъ стезей блужденія къ хожденію во свѣтъ лица Божія.

Какъ убѣляются, утончшаются, дѣлаются свѣтлыми самыя темныя, самыя грубыя вещества? Утончшаются и свѣтлѣютъ постепенно чрезъ прилежное отребленіе очищеніемъ, изможеніемъ, переплавленіемъ. Если и мы, при свѣтильникѣ слова Божія, будемъ, какъ злато огнемъ, испытывать внимательнымъ разсужденіемъ, совѣтованіемъ, взаимными внушеніями, наставленіями все наши мысли, чувствованія, расположенія: то, сколько бы ни велика была духовная тьма наша, Богъ рекъ изъ тьмы свѣту возсіати, озаритъ и наши сердца, дабы просвѣтитъ познаніемъ славы Божіей о Іисусѣ Христѣ; возсіяетъ въ насъ благодатное свойство, — умный свой свѣтъ.

ЧАСТЬ II.

ВТОРОЕ БЛАГОДАТНОЕ СВОЙСТВО — ТЕПЛОТА ЛЮБВИ.

Но полный, истинный свѣтъ свѣтитъ и грѣть. Свѣтъ, который свѣтитъ, но не грѣтъ, есть свѣтъ несовершенный, безжизненный. Солнце само въ себѣ всегда свѣтитъ и грѣтъ. Однакожь и оно, когда удаляется отъ земли, только свѣтитъ, а не грѣтъ. Тогда господствуетъ хладъ и вся природа погружается въ мертвенность и бездѣйствіе. Но когда, постепенно приближаясь къ намъ, въ надлежащей соразмѣрности изливаетъ на землю свѣтъ и теплоту; тогда попеременно является у насъ цвѣтущая весна, плодоносное лѣто, изобилующая плодами осень. Такъ и въ духовномъ мірѣ одинъ свѣтъ вѣдѣнія, безъ теплоты сердечной, есть свѣтъ хладный, безжизненный, мертвый.

Какая же это теплота? Духовная теплота; другая существенная стихія благодатной жизни есть любовь. Подлинно любовь есть благодатная теплота и источникъ жизни. Когда она,

растворенная вѣрою и благочестіемъ, открывается въ дѣйствіи, тогда въ человѣкѣ, какъ въ древѣ, посаженномъ при исходящихъ водахъ, является благоустроенность, какъ зеленѣющее листвіе; слово разума и мудрости, какъ благоухающій цвѣтъ; дѣла кротости, воздержанія, терпѣнія, благотворительности и на всякое благоугодіе готовности, какъ пріятный, питательный плодъ. И сколь добра и свята любовь! Безъ любви и ангельскіе языки не благоглаголивы, и вѣденіе вѣхъ таинъ, вся премудрости бесполезно; и самые великіе труды, самые усиленные подвиги безплодны (1 Кор. 13, 15.). А любовь есть союзъ, полнота совершенства (Кол. 3, 14.). Потому-то и Богъ Отецъ именуется Богомъ любви (1 Иоан. 4, 8.), и Богъ Сынъ именуется Сыномъ любви (Кол. 1, 15.), и Богъ Духъ Св. именуется утѣшительнымъ Духомъ любви (2 Тим. 1, 7.). Любовь есть по преимуществу благодать!

Какъ же намъ, тяжкосердымъ, нелюбообидительнымъ, немиролюбивымъ, стяжать въ себѣ благодатное свойство любви? Страннымъ покажется средство къ пріобрѣтенію любви, когда скажемъ, что это средство есть ненависть къ самимъ себѣ, т. е. къ нашему самолюбію, обольщающему насъ мнимыми нашими совершенствами. Однакожь скажемъ справедливо. Чѣмъ меньше будемъ видѣть себя, чѣмъ меньше будемъ находить себя, чѣмъ меньше будемъ зашматываться

собою, тѣмъ лучше можемъ видѣть, лучше обрѣтать, лучше взыскивать и Бога нашимъ благоговѣніемъ, и ближнихъ нашихъ благорасположеніемъ, и самихъ себя благоустроеніемъ во спасеніе; лучше будемъ видѣть слабости свои, лучше извѣщать недостатки другихъ, лучше чувствовать и понимать цѣль своего бытія—жить для Бога и для Бога всѣми силами служить во благо ближнимъ нашимъ. Посему кротость, смиреніе, благопослушаніе, терпѣніе, готовность жертвовать собою общему благу ближнихъ нашихъ, вотъ благодатный союзъ, благодатные цвѣты, изъ которыхъ связуется вѣнецъ благодатей любви.

Сін свойства, и въ отдѣльности каждое само по себѣ, насъ плѣняющія, въ совокупности суть совершенное проявленіе духа благодати и любви. Онѣ пріобрѣтаются постепенно одно за другимъ, пріобрѣтаются рачителями благодатной жизни въ тишинѣ духа, во вниманіи себѣ, путемъ скорбей и вѣдѣній, обрѣтающихъ насъ на пути жизни, а еще паче внутреннихъ, происходящихъ отъ умерщвленія страстей, и по мѣрѣ сосредоточенія душевныхъ силъ постепенно переходятъ въ одно расположеніе чистой, благотворной, назидательной любви, также какъ разсѣянные лучи солнца, бывъ собраны и сосредоточены чрезъ выпуклое стекло, производятъ огонь и пламень. По отверженіи самоугоды, по обузданіи своенравія, по умерщвленіи

склонностей чувственности, сихъ порожденій самолюбія, наше растлѣнное самолюбіе, очища-
ясь опытами самоотверженія, постепенно пре-
образуется въ расположеніе чистой любви, любви
къ Богу и ближнимъ, къ Богу, какъ источнику
всѣхъ совершенствъ, къ ближнимъ, какъ чадамъ
Божіимъ, созданнымъ и возсозидаемымъ по об-
разу Божію, дабы въ Богѣ и для Бога вкупѣ
съ ними совершенствоваться. Посему чистая лю-
бовь, пропеходя изъ самоотверженія, какъ кор-
ня, и проявляясь въ расположеніяхъ кротости,
послушанія, смиренія, терпѣнія, какъ въ вѣт-
вяхъ, возрастаетъ въ сокрушенномъ и умилен-
номъ сердцѣ въ древо жизни, которое и увесе-
ляетъ пріятностію вида, и улаждаетъ благо-
уханіемъ, и питаетъ сладостію плодовъ.

ЧАСТЬ III.

ТРЕТІЕ ВЛАГОДАТНОЕ СВОЙСТВО — МУДРОСТЬ И НАЗНАЧАТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ПОВЕДЕНІИ.

Такъ ! совершенная любовь , какъ совокупность вѣденія и благочестія , какъ союзъ добродѣтелей, есть совершенная благодать. Но для достиженія совершенства благодати любви необходимо нужно еще свойство, которое бы въ дѣйствіяхъ любви соразмѣряло доброту и правоту; нужно совершительное свойство, чтобы дѣйствія наши имѣли духовную благообразность, имѣли то привлекательное выраженіе, которое въ благодатной стѣнѣ жизни составляетъ благоуханіе. *Яко Христово благоуханіе есмь Богови* (2 Кор. 2, 15.).

Какое же это свойство, которое должно нашимъ дѣйствіямъ давать благообразность, пахнать ихъ, какъ вонсю духовною ? Это христіанская мудрость, мудрость такъ располагать свои дѣйствія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, чтобы воздавать каждому свое; это христіанское

благоразуміе приличными средствами и отклонять отъ себя опасныя для внутренней чистоты случаи, и непрестанно укрѣплять въ себѣ благочестивыя расположенія, и, сколько возможно, другихъ назидать примѣромъ благочестія, по крайней мѣрѣ не раззорять, дабы по возможности быть всеѣмъ вся (1 Кор. 9, 22.), дабы всячески кого либо употребить, по крайней мѣрѣ ни кому не быть претыканіемъ въ соблазнъ. Потому-то Спаситель въ лицѣ Апостоловъ заповѣдалъ всеѣмъ быть мудрыми, какъ змѣи, и цѣлыми, какъ голуби. *Будите мудры, — яко змѣя, и цѣлы, яко голубіе* (Мат. 10, 16.). Потому и Апостолъ завѣщаваетъ всеѣмъ быть мудрыми на добро, а простыми на зло (Рим. 16, 19.). А для сего онъ же завѣщаваетъ намъ поступать благоразумно, не какъ немудрымъ, но какъ премудрымъ, и разумѣвать, что есть воля Божія. *Блюдите, како опасно ходите, не яко же не мудры, но яко же премудры, и разумывайте, что есть воля Божія* (Еф. 5, 15, 17.).

Что соль въ пищѣ, то христіанская мудрость и благоразуміе въ жизни и дѣлахъ (Мат. 5, 15.). Потому и повелѣно Спасителемъ все, — всякое доброе дѣло огнемъ очищать и всякую жертву солюю осолять; повелѣно намъ имѣть соль въ себѣ т. е. мудрость, и миръ имѣть между собою. *Имъйте соль въ себѣ, и миръ имъйте между собою* (Мар. 9, 49, 50.). Отъ про-

стоты можно вовсе истлѣть, можно погубить великія сокровища ума и сердца (2 Кор. 11, 5.). Но мужъ мудрый, духомъ христіанскаго благоразумія водящійся, во всѣхъ путяхъ своихъ ходитъ безпреткновенно, надѣяся въ мирѣ; все испытываетъ, но одно доброе избираетъ и творитъ (1 Сол. 5, 20.). Господь на всѣхъ путяхъ утверждаетъ ногу его отъ посползновенія (Прит. 5, 23 — 25, 26.). Слово его всегда во благодати, солю мудрости растворено (Кол. 4, 6.), благоразсмотрительно всегда обращено къ назиданію въ вѣрѣ, къ утѣшенію слышащихъ (Еф. 4, 29.). Тщяся совершать доброе предъ всѣми (Рим. 12, 17.), онъ тщится быть безпреткновеннымъ даже и для Іудея, и для Еллина, а кольми паче для Церкви Божіей. Не щя своей пользы, тщится единственно угождать всѣмъ, да спасутся (1 Кор. 10, 32, 33.). А потому человѣку, въ мудрости исправляющему пути свои, и Богъ даруетъ благодать, и предъ людьми онъ обрѣтаетъ благодать, и на такомъ въ полной мѣрѣ исполняется то, что сказано мудрымъ въ похвалу благодати: *лучше имя доброе, неже богатство много, паче же сребра и злата благодать благая* (Прит. 23, 1.).

Что мы говоримъ тогда, когда смотримъ на вертоградъ, красующійся множествомъ разныхъ деревьевъ, обремененныхъ плодами; когда смотримъ на поле, покрытое тучною жатвою всякаго ро-

да классовъ ; когда видимъ сокровищницу, исполненную всякихъ благъ жизни? Говоримъ однимъ словомъ : какая благодать ! Вотъ ясное изображеніе благодатныхъ свойствъ, когда въ одной нераздѣльной совокупности являются въ человѣкѣ и дѣйствуютъ—свѣтъ истины въ умѣ, теплота любви въ сердцѣ, сила мудрости въ духѣ ! Если мы имѣемъ хотя начатки благодати Духа : то воздадимъ благодареніе Благодатно Богу, и поревнуемъ наче расти и преуспѣвать въ благодати и предъ Богомъ и человѣками. Если же мы хотя и не лишены вовсе благодати, но она такъ въ насъ слаба, такъ скудна, что свѣтъ спасительнаго самопознанія еще не озаряетъ ума нашего, теплота любви еще не согрѣвала сердца нашего, а мудрость вовсе и не приѣзжала на духъ нашъ : то возскорбимъ о нашей безблагодатности, и въ глубокомъ чувствѣ духовной бѣдности и лишенія обратимся всею душею и всѣмъ сердцемъ къ богатому благодати Отцу, къ исполненному благодати Сыну и къ неоскудному раздаятелю благодати Духу Святому, да Трисіянный свѣтъ, Тріипостасная премудрость и Любовь просвѣтитъ нашъ мрачный умъ, согрѣетъ хладное сердце, вразумитъ наше неразуміе и умудритъ буйство.

Воззовемъ всѣ и къ Благодатной : Благодатная ! мы воспѣваемъ благодать Твою. Облагодати нашъ умъ, облагодати наше сердце, облагодати всѣ силы нашего духа !

Если и мы по благодатному ходатайству Твоему, любовію Отца, благодатию Сына и умудреніемъ Духа Святаго будемъ и мыслить, и желать, и дѣйствовать о благодати : тогда и мы въ радости и веселіи со Архангеломъ Тебѣ воспоемъ: радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою. Аминь.

СЛОВО II

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ БОГОРОДИЦЫ.

Отнынѣ ублажатъ мя вси роди (Лук. 1, 48.).

Такъ возвеличенная отъ Елисаветы названіемъ матери Господа, и тогда же въ благодарственной пѣсни возвеличившая Господа за благоволительное призрѣніе на смиреніе ея, Благodatная въ полномъ изліяніи небесной радости сама повѣдала будущее величіе, — всеродную славу свою: *отнынѣ ублажатъ мя вси роди.*

Велика честь быть матерію царя земнаго, родительницею властелина человѣковъ, питательницею повелителя народовъ. Но быть матерію Бога, родительницею Творца человѣковъ, питательницею Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, это честь и величіе не земное, а небесное, Божественное. И таковой чести, такового величія сподобилась смиренная Дѣва.

Что же? смиренная Марія нимаго не измѣнила своему смиренію и тогда, когда, по видимому, сама повѣдала о своемъ величїи,—что будетъ ублажаема всеми родами. За что она должна существовать быть ублажаема? За то, что сподобилась Божественной чести быть Матерію Господа своего. Честь несравненная! *Но честь царева, честь Божія судъ любитъ* (Псал. 98, 4.). И смиренная Марія въ Божественной чести зрѣла особенную, сердцу Ея всего болѣе сродную, истинно блаженную радость,—ту радость, что она, содѣлавшись Матерію кроткаго Царя-Господа, и вкупѣ благаго Искупителя грѣшныхъ и бѣдствующихъ человѣковъ, будетъ всемъ въ напастяхъ испрашивать небесныхъ милостей и щедротъ у Сына и Бога своего, и будетъ имѣть все возможные способы къ тому, чтобы являть благодѣаніе бѣдствующимъ въ злослосіяхъ, боримымъ искушеніями, обуреваемымъ соблазнами; а посему въ самой славѣ и величїи будетъ имѣть Божественное наслажденіе—соскорбѣть скорбящимъ, соболѣзновать болѣзнуюющимъ, сострадать страждущимъ и быть радостію не радующихся только, но радостію печальныхъ, утѣшеніемъ плачущихъ, отрадою безотрадныхъ.

Вотъ такая Божественная радость преисполняла душу Богорадованная Дѣвы, когда она, величая возвеличившаго Ее Господа, смиренномудренно исповѣдала и свое величіе въ имѣю-

щихъ ублажать Ее родахъ! *Се бо отнынь ублажать мя вси роди.*

Истинно,—Матерь Божія есть умная, сердечная *радость*, радость и всѣхъ духовно радующихся и всѣхъ духовно *скорбящихъ*.

Кто изъ прибѣгающихъ съ теплою вѣрою и сердечною любовію подъ кровъ Ея не получалъ отъ нея дѣйствительнаго утѣшенія, отрады, заступленія?

Чему и всѣхъ насъ научаетъ примѣромъ Своимъ Матерь благодати,—радость радующихся и утѣшеніе всѣхъ скорбящихъ? Научаетъ тому, чтобы и мы по мѣрѣ силъ нашихъ, по состоянію и званію, старались быть радостію и утѣшеніемъ и вообще для ближнихъ нашихъ, а особенно для тѣхъ, которые Божественнымъ промысломъ поставлены въ ближайшемъ къ намъ отношеніи жизни и дѣль.

Будемъ всемѣрно стараться быть виною не скорби и сѣтованія, но радости и утѣшенія для ближнихъ нашихъ.

Какъ можемъ быть такою благовонною виною? Можемъ и должны быть радостію и утѣшеніемъ для ближнихъ нашихъ, во первыхъ словомъ, а еще болѣе дѣломъ, вообще же добрымъ, —благодѣтельнымъ расположеніемъ.

ЧАСТЬ I.

**МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УТѢШЕНІЕМЪ ДЛЯ БЛИЖНИХЪ —
СЛОВОМЪ.**

Во первыхъ мы должны быть утѣшеніемъ и благословеніемъ для ближнихъ нашихъ *словомъ*.

Слово есть первое орудіе проявленія всего благаго. Богъ рекъ, и все пришло въ бытіе; повелѣлъ, и все создалось; создалъ, и все содержитъ глаголомъ силы Своея. И въ нашемъ общественномъ и правственномъ мірѣ все происходитъ и совершается словомъ, словомъ совѣта, повелѣнія, суда, словомъ вразумленія, внушенія, наставленія. Посему и каждого слово, какъ дыханіе всеизгидительнаго Слова, всѣми мѣрами должно быть направлено ко благу.

Имѣя главнымъ предметомъ своимъ хвалу и благословеніе Виновника всѣхъ благъ, — Бога, слово наше, происходя изъ здраваго разсужденія ума, отъ добраго чувства сердца, отъ благаго намѣренія воли, должно изрѣкать всегда и всѣмъ то, что свойственно и прилично; долж-

но выражать въ обыкновенномъ обхожденіи благопривѣтливость, пріязнь; въ житейскихъ дѣлахъ потребный совѣтъ, вразумленіе; въ обязанностяхъ благодатной жизни—духовное назиданіе, дабы невѣдущій получалъ отъ насъ кроткое вразумленіе, заблуждающій—наставленіе, сомнящійся—успокоеніе, скорбящій—утѣшеніе, болѣзнующій—подкрѣпленіе. Посему и необходимо, чтобы слово наше, какъ заповѣдуетъ Апостолъ, было всегда *во благодати*, было солию благоразумія растворено, дабы намъ знать, какъ въ разныхъ случаяхъ кому говорить, какъ отвѣчать (Кол. 4, 6.).

И если мы по нашей духовной скудости не можемъ всегда вѣщать ближнимъ нашимъ слово нужное, полезное, назидательное; то всемѣрно будемъ нецнись о томъ, чтобы по нашему легкомыслію отнюдь не исходило изъ устъ нашихъ слово раззорительное, жестокое и извительное, лживое и обольсительное. Злорѣчіемъ языка обнаруживая въ себѣ мрачное чувство, суровый нравъ, строитивое сердце, мы оскорбляемъ своихъ домашнихъ, раздражаемъ постороннихъ, тяготимъ подчиненныхъ, огорчаемъ равныхъ, противляемъ высшихъ и во всякомъ случаѣ унижаемъ самихъ себя. Посему же и за всякое праздное слово должны будемъ отдать слово въ день судный: то при нашей строитивости, непрестанно говоря ближнимъ и о ближнихъ нашихъ слова оскорбительныя, поспешныя, для чувства возмутительныя, какому множеству под-

вергаемъ себя гесенъ? И потомъ есть о чемъ просить намъ Господа, чтобы Онъ положилъ храненіе устамъ нашимъ и дверь огражденія о устнахъ нашихъ, и не уклонилъ сердца нашего въ словеса лукавствія. Блаженъ человекъ, который устрояетъ словеса свои разсудительно. Кто въ словѣ не согрѣшаетъ, тотъ, по слову Апостола Іакова, *совершенъ человекъ, можетъ и все тѣло существа своего обуздать* (Іак. 3, 2.). Кольми же паче тотъ совершенъ, котораго слово всегда въ благодати, какъ потокъ чистый, прежде всего источаетъ хвалу и благословеніе имени Божія, а о имени Божіемъ во благовремя изливаетъ благопотребный совѣтъ, наставленіе, утѣшеніе ближнимъ своимъ. Подлинно — много мы согрѣшаемъ, много дѣлаемъ зла и себѣ и ближнимъ, когда дѣлаемъ слово наше не вѣстникомъ мира и благословенія, но орудіемъ хулы, осужденія, клеветы; когда часто въ одно и тоже время языкомъ нашимъ и благословляемъ Бога и Отца, и клянемъ человекъ, братію нашу, созданныхъ по образу Божію. Не должно быть такъ, братія мои, кротко и трогательно увѣщаваешь насъ Апостолъ, не должно изъ одного и того же источника устъ нашихъ исходить сладкое и горькое, благословеніе и клятва, добро и зло (Іак. 3, 9--11.). Нѣтъ; да не исходитъ слово *гнѣво* изъ устъ нашихъ, а только полезное для взаимнаго назиданія въ вѣрѣ и благоустроеніи жизни, дабы оно доставляло бла-

годать слышащимъ (Ефес. 4, 29.), дабы впечатлѣвало въ слухъ и сердце здравыя мысли, добрыя чувствованія, благія намѣренія.

Таково было благодатное слово Благословенныя въ женахъ, слово кроткое, смиренное, непорочное назиданія. Слова, сказанныя Ею Архангелу: *се раба Господня, буди ми по глаголу твоему*, и произнесенныя въ пѣсни Господу: *яко призрѣ на смиреніе рабы Своея*, представляютъ намъ образецъ смиренномудрой бесѣды Ея; Она обыкновенно и предъ Богомъ и людьми такъ чувствовала, такъ говорила: я раба Господня, по волѣ Божіей на все готова, какъ Господу угодно, предаю себя святой волѣ Его. Такъ и мы будемъ и чувствовать, и говорить; и слово наше будетъ во благодати, будетъ служить во благо для ближнихъ нашихъ.

ЧАСТЬ II.

**МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УТѢШЕНІЕМЪ ДЛЯ БЛИЖНИХЪ
НАШИХЪ—ДѢЛОМЪ.**

Но мы особенно должны быть утѣшеніемъ для ближнихъ нашихъ *дѣломъ*; дѣломъ милосердія, призрѣнія, благотворенія и всѣмъ, а особенно бѣдствующимъ, скорбящимъ, озлобленнымъ, лишеннымъ милости Божіей и въ Богѣ отъ насъ человеколюбной,—христіанской милости требующимъ. Соотвѣтственно степени нашей власти и могущества, соразмѣрно достоянію вѣншихъ благъ, и обладанію духовныхъ даровъ, требуется отъ насъ благотвореніе ближнимъ нашимъ, дабы служить другъ другу; а особенно требующимъ тѣмъ благомъ, какой кто отъ благодати Божіей получилъ. Ты превознесенъ могуществомъ, въ рукахъ твоихъ жребіи счастья многихъ, отъ устъ твоихъ исходитъ правда и судъ; суди людей въ правдѣ, угнетеннымъ правосудно, смири клеветника, избавь безпомощнаго отъ сильнаго, отъ лихвы и отъ неправды избавь души ихъ, и будутъ ублажать тебя. Ты обладаешь сокрови-

щами, обиліе и богатство въ дому твоємъ, благая прензвиваются окрестъ тебя: вѣдай, что тебѣ, какъ приставнику надъ имѣніемъ верховнаго Дому-владыки, оставленъ сестъ нищій; сирому ты буди помощникъ, не затвори дома твоего отъ странна, отъ крупницъ, падающихъ съ богатаго стола твоего, не удаляй убога, и помолятся о тебѣ вышну, и всякой день будутъ благословлять тебя. Ты обладаешь дарованіями духовной мудрости и разума для водительства душъ; будь око слѣпымъ невѣденіемъ, свѣтъ омраченнымъ заблужденіями; будь нога хромымъ грѣховными преткновеніями, подпора падающимъ въ искушенія, неси благодушно немощи немощныхъ и слабости слабыхъ, обличи, запрети, вразуми, но со всякимъ долготерпѣніемъ, назидательностію, любовію и сердоболіемъ, и вѣдай, что, спасая души отъ смерти, спасая себя и другихъ, ты и на земли пріобрѣтешь честь вѣрнаго раба и друга Божія, а по смерти сподобишься вѣнца небеснаго.

Если же намъ не предоставлено служить во благо другихъ могуществомъ власти, раздаяніемъ благъ ви́шнихъ и даровъ духовныхъ; если смиренная наша доля поставляетъ насъ въ зависмости, въ подчиненіи, въ послушаніи, въ скудости и лищеніи, потщимся заслуживать благодать и благоволеніе безропотнымъ послушаніемъ, кроткимъ терпѣніемъ, невозмущаемымъ

благодушіємъ, незлобивымъ перенесеніемъ самыхъ озлобленій. Это опытная истина, что благотворительность и для упорныхъ умовъ, для враждебныхъ сердець, по слову Апостола, имѣетъ силу углія огненнаго (Рим. 12, 20.), которое, и въ самыхъ злобствующихъ пожигая мысли мрачныя, чувствованія жестокія, расположенія непріязненныя, переплавляетъ оныя въ мысли кроткія, въ чувствованія мирныя, въ расположенія благотворительныя. Но да вѣдаемъ, что и кроткое послушаніе, благопокорное выполненіе дѣлъ и обязанностей смиреннаго званія и состоянія своего есть своего рода добродѣяніе, которое, какъ угліе огненное, можетъ расплавить для умягченія самая жестокія расположенія. Кроткія свойства христіанскаго послушанія пріобрѣтають одобреніе, уваженіе, любовь не только у благихъ и кроткихъ, но и у строптивыхъ. Безусловная покорность, безропотное повиновеніе и терпѣніе есть истинное добродѣяніе. Дѣйствуя кротко, послушно, вѣрно и нескрешно, мы можемъ умягчить и жестокія сердца и суровыя расположенія. *И кто озлобитъ васъ, одушевляетъ насъ къ благодѣланію самымъ утѣшительнымъ вразумленіемъ Св. Апостоль Петръ, и кто озлобитъ васъ, сиче благому подобницы будете* (1 Пет. 3, 15.). Любятъ благодѣтельнаго начальника, добраго попечительнаго господина, благоразумнаго, стропительнаго правителя. Но и кто не любитъ вѣр-

наго пристаивика, кроткаго домочадца, усерднаго раба, послушнаго подчиненнаго?

Такъ благословенная въ женахъ, Благодатная Марія не могущеюствомъ вѣшняго дѣйствія на участь людей, не благодѣянїями посредствомъ вещественныхъ благъ, не блистательными талантами содѣлалась благодатною предъ Богомъ и благословенною въ родѣ человѣческомъ; содѣлалась смиреннѣйшею, втайнѣ сокровеннѣйшею, по въ высокой силѣ духа совершаемыми добродѣтелями, содѣлалась безпредѣльнымъ повиновенїемъ волѣ Божіей и непоколебимымъ терпѣнїемъ въ искушенїяхъ. *И раба Господня, Господь призрѣвъ на смиренїе рабы Своея*, такъ Она съ преданностію въ волю Божию говорила, такъ смиренно мыслила о Себѣ предъ Богомъ, такъ и поступала въ самыхъ тяжкихъ искушенїяхъ. Въ Голгооскомъ стоянїи при крестѣ, по словамъ Сумеона, оружіе всѣхъ болѣзней пронзѣло душу ея. Но стоя при распятомъ, въ мучительныхъ болѣзняхъ умирающемъ Сынѣ, хотя сама сраенишалась и умирала съ нимъ, однако стояла въ безмолвной горести, вполне преданная въ волю Божию. Послику же, подобно Божественному Сыну Своему, была смиренна предъ Богомъ и благопослушлива до креста и распятїя Сына Своего: то и Отецъ Небесный превознесъ Ее выше чиновъ ангельскихъ, даровавъ Ей достоинство Матери Божіей и небесную благодать, — быть ходатанцею рода христіанскаго.

ЧАСТЬ III.

**ДОЛЖНЫ БЫТЬ УТѢШЕНІЕМЪ ДЛЯ БЛИЗКИХЪ —
ДОВРЫМЪ РАСПОЛОЖЕНІЕМЪ.**

И мы въ терпѣніи и смиренной покорности
служа Господу, будемъ праволюбно служить
ближнимъ нашимъ тѣмъ даромъ, тѣмъ дѣломъ,
тѣмъ служеніемъ, какое кто получилъ отъ Бога
на пути жизни благодатной, общественной,
частной; будемъ въ употребленіи даровъ и дѣй-
ствій служенія нашего милосерды, какъ и Отецъ
нашъ Небесный милосердъ есть; будемъ крот-
ки, незлобивы, какъ кротокъ Спаситель нашъ,
Агнецъ незлобивый, и будетъ мздою нашею ис-
тинная благодать предъ Богомъ и людьми,
и мы будемъ сынами Вышняго; ибо Огнь благъ
и къ неблагодарнымъ и злымъ (Лук. 6, 35,
36.). Будемъ всемирно возгрѣвать, укрѣплять
въ себѣ общее благодатное расположеніе ко
всѣмъ людямъ, какъ къ братьямъ нашимъ о
Христѣ и чадамъ Небеснаго Отца, какъ къ со-
членамъ единого благодатнаго тѣла Христова и

сообщникамъ. даровъ единого Духа Святаго, которыхъ въ истинной любви должны мы и словомъ и дѣломъ созидать во Христа, какъ и самихъ себя. Особенно же будемъ имѣть сострадательность къ скорбящей, болѣзнуюющей, лишенной, равно какъ къ заблуждающей и согрѣшающей братіи нашей, хотя бы часто не въ нашей состояло власти оказать имъ виѣшнее облегченіе. Куда не можетъ простираться благое наше дѣло, туда да простирается слово; а куда не можетъ простираться благое наше слово, туда да простираются благія наши расположенія. Наше дѣло постоянно устремлять мысли наши къ добру, непрестанно возобновлять желанія успѣвать въ добрѣ, неослабно укрѣплять себя въ расположеніи дѣлать другимъ добро. Тотъ, Который дастъ намъ хотѣти, дастъ намъ и исполнити, и *начный дѣло благо въ насъ*, чтобы по возможности, *всѣмъ быть всѣчески* во благо, и совершитъ е (Фил. 1, 6.).

Се бо отнынь ублажатъ мя вси роди. Преблагословенная Дѣво Богородице, Мати Слова и Живота, словесный раю умныхъ добротъ, достойно блажимая всѣми родами! Сотвори, Ходатайце, всесильными Твоими молитвами, дабы мы, если еще не научились быть благими въ дѣлѣ, тщились быть непреткновенными въ словѣ; а если еще безблагодатны, погрѣшительны и въ словѣ; то сотвори, Благая, благодатию Сына Твоего, да горимъ непрестаннымъ желаніемъ

содѣлаться благоразумными въ словѣ, благими и правыми въ дѣлѣ, и всемѣрно тщимся благодатнымъ словомъ и благодѣтельнымъ дѣломъ служить къ славѣ Божіей во благо ближнихъ, дабы и въ семь вѣкъ на правой земли живыхъ заслужить намъ между ближними нашими благую память, — память для молитвеннаго поминовенія насъ по смерти предъ Богомъ. Аминь.

СЛОВО III

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Радуйся, Благодатная, Господь съ тобою.
Лук. 1, 28.

Такъ привѣтствуетъ Архангелъ Гавріиль пресвятую Дѣву, благовѣствуя ей о Божественномъ воплощеніи отъ нея сына Вышняго. Привѣтствіе чудное, благовѣстіе великое! Смиренной Дѣвѣ возвѣщается такое высокое избраніе, какое ни одна изъ женъ не имѣла и не можетъ имѣть; возвѣщается избраніе быть Матерію Сына Божія, Спасителя міра. Посему Богоизбранная привѣтствуется отъ Архангела вовсе не обыкновенно радостію: *радуйся*,—какъ доселѣ не только ни одна изъ святыхъ женъ, но и ни одинъ изъ ветхозавѣтныхъ великихъ мужей не былъ привѣтствованъ; привѣтствуется радосто-

творнымъ наименованіемъ *благодатная*, и съ тѣмъ вмѣстѣ особенною милостію и благоволеніемъ Отца небеснаго: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою, обрѣла бо еси благодать у Бога*. Отсель Церковь въ духѣ Архангельскаго привѣтствія въ пѣсняхъ имепуетъ Богорадованную *пріятелище радости*, которой одной, по достоинству, надлежитъ радоваться: *радости пріятелище!* Тебѣ подобаетъ радоватися *единъй*.

Что же? Благодатная Дѣва, обрадованная Марія, всю ли жизнь проводила въ благодатной радости? Благословенная въ женахъ всю жизнь свою отъ благодатнаго рожденія до безсмертнаго преставленія проводила въ прензобильной благодати Божіей, но не всегда въ радости: проводила и среди тяжкихъ скорбей. Подлинно никто изъ земнородныхъ не имѣлъ на землѣ столь чистыхъ, высокихъ, небесныхъ радостей, какъ Матерь Господа. Но можно сказать, никто не имѣлъ и столько тяжкихъ, глубокихъ горестей, какъ Матерь Иисусова. Дѣва, имѣвшая превыше ангельской чистоту, вслѣдъ за Архангельскимъ благовѣстіемъ о безсѣменномъ зачатіи Сына Вышняго, подпадаетъ тяжкому подозрѣнію со стороны непорочнаго обручника; тотчасъ по рожденіи благословеннаго Сына, спасаясь съ Нимъ бѣгствомъ отъ убійственной жестокости Ирода въ Египетъ, испытыываетъ нужды двухъ-годичнаго странствованія. Когда

Сынъ ея возрасталъ, она жила съ Нимъ въ Назаретъ въ скудости, трудами древодѣланія Иосифа. А когда вступилъ въ подвигъ великаго служенія Своего, то раздѣляла съ Нимъ не столько славу, сколько поношеніе и уничиженіе Его. Но въ скорби, оттолѣ одиѣ за другими въ большой силѣ слѣдовавній, были только приготовленіемъ къ тѣмъ великимъ скорбямъ, горестъ которыхъ во всей полнотѣ исполнила сладчайшая Матерь, когда стояла при крестѣ единороднаго Сына своего. Тогда-то, по предреченію Сусеона, оружіе всѣхъ горестей произило душу ея (2, 55.). По тогда-то благословенная Марія и сдѣлалась общею Матерію нашимъ, содѣлалась радостію не только благодатно радующихся, но паче радостію скорбящихъ, Утѣшительницею плачущихъ, Заступницею гонимыхъ, Покровительницею обидимыхъ, Предстательницею сирыхъ и безпомощныхъ.

Божественный Сынъ ея, какъ Самъ проходилъ крестный путь служенія Своего среди знаменій обитавшаго въ Немъ Божества и среди глубокаго уничиженія подобострастнаго намъ человѣчества, такъ и благословенную Матерь Свою премудро велъ путемъ жизни,—при внутреннихъ утѣшеніяхъ постоянно крестомъ ограждать ангельскую чистоту Ея.

Не такъ ли и всѣхъ насъ ведетъ Господь путемъ жизни? Скорби наши облегчаетъ утѣшеніями, а утѣшенія растворяетъ скорбями, дабы

мы вовсе не предались грѣховной безпечности. Посему сколько бы безопасна ни казалась участь наша, намъ всегда надлежитъ быть готовыми на злоключенія, какъ переходящимъ по средѣ многоразличныхъ сѣтей и окруженнымъ отсюду опасностями; и хотя въ словѣ Божіемъ повелѣно и надлежитъ намъ *всегда радоваться о Господѣ*, (Фил. 3, 1. 4, 4.) но радоваться со страхомъ, дабы всегда быть готовыми къ встрѣчѣ и благодушному перенесенію противностей.

Какъ же мы можемъ и должны быть всегда готовы къ бодрствешіюму принятію находящихъ и благодушному перенесенію постигающихъ насъ скорбей, о семъ, въ честь Утѣшительницы скорбящихъ и Предстательницы бѣдствующихъ, предложимъ слово.

Дабы сколько возможно сохранять намъ мирное расположеніе духа въ находящихъ и быть благодушными въ постигающихъ насъ скорбяхъ, во первыхъ надлежитъ намъ непрестанно готовить себя къ скорбямъ; во вторыхъ пріучать себя къ скорбямъ; въ третьихъ благодушно терпѣть свои и съ искреннимъ участіемъ раздѣлять скорби другихъ.

**ДЛЯ БЛАГОДУШНАГО ПЕРЕНЕСЕНІЯ СКОРБЕЙ
НАДЛЕЖИТЪ: 1.) ПРИГOTOВЛЯТЬ СЕБЯ КЪ
СКОРБЯМЪ.**

Итъ на земли такой счастливой участи, та-

кого благополучнаго теченія дѣлъ, чтобы мы могли быть безопасны отъ внѣшнихъ или внутреннихъ скорбей. Вотъ мы теперь наслаждаемся здравіемъ, миромъ, благопоспѣшествомъ въ дѣлахъ; наслаждаемся даже спокойствіемъ совѣсти, не сознавая, по видимому, въ себѣ тяжкихъ преступленій противу закона Божія, хотя всего труднѣе можно сказать намъ это о себѣ. При всемъ томъ мы непрестанно должны быть готовы къ встрѣчѣ противностей, которыя по волѣ Божіей, по нашей непредъусмотрительности, по стеченію неблагопріятныхъ случаевъ, или ожидаютъ насъ впереди, или уже постигаютъ, какъ послѣдствія прежнихъ нашихъ погрѣшностей и навітовъ отъ неблагопріятствующихъ намъ людей. Мы не знаемъ, что будетъ съ нами впереди, что породить для насъ не только наступающій день, но и находящій часъ. Не видимъ ли предъ собою непрестанныхъ опытовъ, что кто утромъ былъ въ цвѣтущемъ здоровьѣ, тотъ къ вечеру постигася бользнію, кто постигася бользнію въ вечеру, оканчивалъ жизнь къ утру; кто недавно изобиловалъ богатствомъ, тотъ вдругъ отъ одного несчастнаго случая лишился всего достоянія; кто, какъ благораствореннымъ воздухомъ, дышалъ вѣявшимъ на него отвсюду благопріятствомъ, тотъ внезапно подвергался клеветѣ и ненависти ближнихъ. Колѣко же мы должны быть готовы ко всякимъ противнымъ пере-

намъ, огорченіямъ, лишеніямъ, униженіямъ, дабы не смущаясь, тѣмъ паче не упадая въ духъ, могли встрѣчать различныя противности. Предъусмотрѣнные удары, если не могутъ быть отвращены, то съ большею твердостію могутъ быть встрѣчены и съ меньшею болѣзнію приняты. Приготовленіе себя къ непріятнымъ приключеніямъ будетъ пріучать насъ къ мѣрамъ благоразумія и осторожности, будетъ научать насъ смотрѣть на образъ міра, какъ на непрестанную переменчивость вещей, среди которой и сами ожидая могущихъ насъ постигнуть превратностей, мы ни къ какому предпріятію безъ тщательнаго соображенія предъидущихъ и послѣдующихъ обстоятельствъ, безъ должнаго разсмотрѣнія причинъ и послѣдствій, не будемъ приступать. Съ предъусмотрительностію располагая поступки свои, мы ничего не будемъ имѣть ни нечаяннаго, ни необычайнаго; посему и непріятности, если не будемъ встрѣчать спокойно, то будемъ встрѣчать съ меньшимъ смущеніемъ; вообще будемъ учиться пріобрѣтать блага безъ пристрастія, пользоваться ими безъ привязанности, раставаться съ ними безъ жалости.

2.) ПРИУЧАТЬ СЕБЯ КЪ СКОРБЯМЪ.

Но чтобы дѣйствительно пріготовить себя къ скорбямъ и лишеніямъ, надобно самымъ

дѣломъ пріучаться къ нимъ постепенно; а мы можемъ и будемъ пріучаться къ скорбямъ и лишеніямъ, если будемъ пріучать себя всегда что либо убавлять отъ нашего веселія, отъ нашихъ наслажденій, отъ нашего покоя, а къ нашимъ полезнымъ занятіямъ и трудамъ всегда что нибудь прибавлять. Посему поставляя себѣ правиломъ: сколько возможно ограничивать себя въ пріятномъ, и усугублять въ себѣ ревность къ упражненію въ добромъ и полезномъ, будемъ оставлять покой, трапезу, станемъ прерывать самыя невинныя удовольствія, когда, повлеченію чувственности, могли бы продолжить оныя. Напротивъ къ добрымъ дѣйствіямъ будемъ прибавлять вновь какое либо добро. По требованію долга неупустительно исполняя повелѣнное, будемъ присевокуплять что либо по доброй волѣ и сверхъ повелѣннаго; принимая огорченія съ кротостію, будемъ стараться принимать и съ благожеланіемъ, и за причиняемое зло платить добромъ. Вотъ средство и при удовольствіи умѣть нести нужду, соблюдать умѣренность, содержать себя въ смиреніи. Такъ Авраамъ приготовилъ себя къ принесенію въ жертву однороднаго своего Исаака, Іовъ къ безропотному лишенію всѣхъ благъ, три юноши въ Вавилонѣ къ разженной седмерицею пещи. И мы не иначе можемъ приготовить себя къ скорбямъ, неразлучнымъ съ земною жизнію, какъ чрезъ добровольное отъятіе у себя утѣ-

шеній и чрезъ внутреннее самоотверженіе. Угодно ли будетъ благости Божіей испытать насъ скорбями, или пощадить нашу немощь отъ тяжелыхъ искушеній, во всякомъ случаѣ для насъ необходимо терпѣніе. Начальникъ вѣры и Совершитель спасенія нашего хочетъ, чтобы мы, воиствуя подъ знаменіемъ креста Его, и неослабно подвизаясь на подлежащемъ поприщѣ для наслѣдія вѣчныхъ благъ, постепенно отрѣшались отъ дольныхъ пристрастій, жили въ преданности волѣ Божіей, какъ страшники, не имѣющіе здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскующіе, ни къ чему земному не прилѣпляли пристрастно сердець своихъ; чтобы и плачущіе, по слову Апостола, были какъ неплачущіе, и радующіеся, какъ нерадующіеся; и купующіе, какъ некупующіе, и пользующіеся благами міра сего, какъ не пользующіеся (1 Кор. 7, 29—31.). Въ томъ и состоитъ самоотверженіе, чтобы укрѣпляясь благодатною силою, отказывать себѣ сперва въ излишнемъ, потомъ въ ненужномъ, дагѣ такъ ограничивать себя и въ самомъ нужномъ, чтобы, имѣя пищу и одѣяніе, симъ и довольными быть (1 Тим. 6, 8.).

3.) **БЛАГОДУШНО ТЕРПѢТЬ СВОИ И РАЗДѢЛЯТЬ
СКОРБИ ДРУГИХЪ.**

Но и на этомъ не надлежитъ останавливаться,

а упражнять себя больше въ христіанскомъ терпѣніи и пріобучать къ безболѣзненности и любостраданію, чтобы безъ смущенія, спокойно, даже съ радостію принимать всякія искушенія, какъ наставляетъ насъ св. Апостоль Іаковъ: *всяку радость импйте, братія моя, егда въ искушенія впадаете различна* (Іак. 1, 2.). Безъ сего, какъ мы, по заповѣди Христовой, можемъ благословлять кденущихъ насъ, благодворить ненавидящихъ насъ, молиться за обижających и гонящихъ насъ? Кольми паче въ состояніи ли будемъ, безъ предварительнаго обученія себя незлобію, ударившему насъ въ десную ланиту обратить и другую, и съ принудившимъ насъ идти поприще, охотно идти два? Такъ, въ крѣпкомъ терпѣніи имѣемъ мы потребу и въ терпѣніи должны стяжевать души наши, *да волю Божию сотворше*, примемъ *облтованіе* (Евр. 10, 36.).

Но чтобы въ силѣ Христовой пріучаться къ чувствованіямъ любостраданія, то, упражняя себя въ добровольныхъ и невольныхъ скорбяхъ, должны раздѣлять искреннимъ соучастіемъ и скорби другихъ, должны посѣщать, по слову Апостольскому, *сырыхъ и вдовицъ въ скорбяхъ ихъ* (Іак. 1, 27.) и *плакать съ плачущими* (Римл. 12, 15.). Подлинно *благо*, по наставленію Екклесіаста, *ходить въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. 7, 3.). Соскорбя скорбящимъ, сострадая страждущимъ, призирая

на узниковъ, какъ съ ними связанные, и на страждущихъ, какъ и сами подверженные страданіямъ, мы во первыхъ исполняемъ долгъ человеколюбія, заповѣдающій намъ по возможности, благотворить бѣдствующимъ, каковое дѣло милосердія, какъ сказалъ о семъ Самъ Божественный Судія, на последнемъ судѣ будетъ имѣть мздовоздаяніе много. *Приидите*, скажетъ Господь на последнемъ судѣ человеколюбивымъ и сострадательнымъ, *приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взлѣкахся бо и дасти Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя, страненъ бѣхъ и введосте Мене: нагъ и одѣясте Мя; болѣнъ и поспѣисте Мене: въ темнищѣ бѣхъ, и приидосте ко Ми.* (Мато. 25, 34—36.). Далѣе въ силѣ благодатнаго утѣшенія, облегчая участь бѣдствующихъ, мы радостною мыслію о благодати Божіей можемъ озарить омраченныхъ умомъ, сладкимъ чувствомъ вѣривлить отраду въ сердца безотрадныхъ, могущественною силою упованія поднять къ надеждѣ упавшихъ духомъ. А это, составляя истинное дѣло благодатнаго утѣшенія для благотворимыхъ, составляетъ и истинное услажденіе для благоудѣющихъ. Что можетъ быть сладостиѣе для сердца нашего, какъ дѣла благотворенія? Оказывая благотвореніе бѣднымъ, утѣшеніе печальнымъ, облегченіе страждущимъ, въ первыхъ мы подражаемъ милосердію Отца небес-

наго, Который солнце Свое сіяетъ на добрыхъ и злыхъ, изливаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (Матѣ. 5, 45.); во вторыхъ снѣгъ средствомъ всего лучше очищаемъ наши грѣховныя слабости и сердечныя нечистоты предъ Богомъ. *Дадите*, говоритъ Спаситель, *милостиню отъ сущихъ вамъ*, подайте милостиню, по достатку вашему, *и се вся чиста вамъ будутъ* (Лук. 11, 41.), и вы ощутите въ сердцѣ отраду отъ тяготящихъ совѣсть вашу грѣховъ, потому что дающему дается, прощающему прощается, и милующему является милость. А притомъ сколько получимъ побужденій къ благодаренію Богу, къ кротости предъ ближними, къ благодушному терпѣнію собственныхъ нуждъ, когда представимъ безчисленное множество бѣдъ и бѣдствующихъ, нуждъ и нуждающихся, страданій и страждущихъ, между тѣмъ какъ мы сами, по благодати Божіей, бывъ избавлены и даже не причастны таковыхъ страданій, обрѣтаемся въ мирѣ, живемъ въ довольствѣ?

Радующіеся о Благодатной благодатною радостію! Извѣстно, что день Благовѣщенія благодатной Дѣвѣ о неизглаголанной радости воплощенія отъ нея Спасителя міра, и вкупѣ день благовѣщенія всѣмъ земнороднымъ о началѣ общаго спасенія, только радостный день посвященъ (*) нами дѣйствию благодѣянія бѣд-

(*) Съ 1845 года день Благовѣщенія Вологодскимъ Попе-

нымъ и сирымъ рода нашего, болѣзненнымъ и престарѣлымъ служителямъ олтаря, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Сообразно переменчивой нашей жизни долженствуя, по слышашому наставленію, быть готовымъ къ встрѣчѣ скорбей, для сего добровольно приучать себя къ скорбямъ, и благодушно переносить посылаемыя на насъ свыше скорби, будемъ самымъ дѣломъ раздѣлять и скорби ближнихъ нашихъ, чающихъ отъ насъ утѣшенія и помощи; означимъ благодатный день Благовѣщенія о началѣ нашего спасенія отъ вѣчныхъ страданій посильнымъ участіемъ въ явленіи благотворенія бѣднымъ и престарѣлымъ служителямъ олтаря, вдовамъ и сиротамъ служившихъ нѣкогда въ священномъ чинѣ и молившихся Господу о спасеніи братій своей, и радостный день Благовѣщенія, по благодати Спасителя и предстательству благословенныя Матери Его, уготовить намъ свѣтлый день чистой, святой, невозмущаемой радости Христова воскресенія. Аминь.

чительствомъ усвоенъ для годичнаго отчета и благотвори-
тельного Собранія.

С Л О В О I V

ВЪ ДЕНЬ БЛАГОВѢЩЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ
БОГОРОДИЦЫ.

Духъ святой найдетъ на Тя, и сила Вышняго осенитъ Тя (Лук. 1, 35.).

Такъ отвѣтствовалъ Архангелъ на недоумѣніе пресвятой Дѣвы о возможности для нея быть Матерію Сына, Который сестъ Сынъ Вышняго, и при дѣвственномъ обѣтѣ, по которому она навсегда посвятила себя чистотою Богу: *како будетъ сіе ильже мужа не знаю? Духъ святой найдетъ на Тя и сила Вышняго осенитъ Тя*; Благодатная! какъ бы такъ вѣщаль Архангелъ, эта самая дѣвственность и дѣласть возможнымъ, по благоволенію небеснаго Отца, рожденіе отъ Тебя Божественнаго Сына. Плотскія дѣти раждаются отъ плоти, но Сынъ небеснаго Отца, Который имѣетъ родиться отъ

Тебя, прежде вѣкъ неизглаголанно рожденный отъ Отца, родится въ Тебѣ силою и дѣйствіемъ Святаго Духа. Сыну Божію, Который во-человѣченіемъ раждается для искупленія раждающихся въ грѣховномъ растлѣніи, невозможно иначе и родиться, какъ отъ Дѣвы. Дѣва, чистая Дѣва, какъ умная лѣствица для снисхожденія Сына Божія съ небеси, какъ благодатная дверь для вшествія Его въ міръ во спасеніе міра, можетъ быть только достойною матерію Его. Преестествоннымъ воплощеніемъ благоизволяя вселиться въ Тебя, какъ въ пречистый храмъ Свой, Онъ еще паче освятитъ, возвеличитъ Тебя. Освященная Духомъ Святымъ и пріосѣщенная силою Вышняго, Ты неслыханно родишь преестественнаго Сына, и по рожденіи пребудешь безневѣстною Дѣвою. И такъ дѣвственность Твоя, Непорочная, — этотъ небесный даръ, это Ангельское достоиніе, содѣлываетъ возможнымъ безсѣмное воплощеніе въ Тебѣ Сына Божія отъ Духа Святаго. *Духъ Святой найдетъ на Тя, и сила Вышняго осенитъ Тя.*

Христіане, рожденные благодатно отъ воды и Духа, дабы вообразиться во Христа и быть едины духъ съ Господемъ ! Дѣвственность пресвятыя Дѣвы, при ея безпредѣльной преданности Богу, содѣлала ее Матерію Бога Слова. Преимущество единственное, также какъ и непорочность Пресвятыя есть безпримѣрная. По христіанскому званію нашему, все мы чада

Божіи во Христѣ Иисусѣ и предназначены быть святыми и непорочными, какъ Онъ святъ (1 Петр. 1, 16.) и непороченъ есть (1 Иоан. 3, 5.), Призвавшій насъ изъ тьмы въ чудный Свой свѣтъ. Посему чистота и непорочность есть необходимая для насъ потребность, чтобы намъ быть чадами благодати и славы во Христѣ Иисусѣ.

Въ честь пресвятыя Дѣвы, общей Матери христіанъ, явившей намъ, чадамъ своимъ, примѣръ дѣвственной чистоты, поучимся соблюденію возможной по нашему состоянію чистоты, чтобы намъ быть достойными благодатнаго званія и избранія нашего.

ЧАСТЬ I.

ОБЩЕЕ СВОЙСТВО ХРИСТИАНСКОЙ ЧИСТОТЫ.

Воля Божія о насъ во Христѣ Иисусѣ есть святость наша, дабы мы старались *каждый содержать сосудъ свой въ святости и чести* (1 Сол. 4, 4.). Во Христѣ Иисусѣ мы призваны къ толстой чистотѣ и святости, что въ таинственной купели крещенія, по слову Апостола, *всѣ обручены духовно единому мужу, единому Жениху, Господу нашему Иисусу Христу, Которому и должны представить себя дѣвою чистою* (2 Кор. 11, 2.).

Это общее и для всѣхъ насъ необходимое обрученіе есть въ высочайшемъ степени духовная чистота и требуетъ отъ насъ такого цѣломудреннаго расположенія духа, по которому мы, горя безпредѣльною любовію къ Божественному Жениху душъ нашихъ,—Христу, Ему единому должны приносить все существо наше,—душу, тѣло и всю жизнь нашу въ жертву живую, святую, угодную и совершенную. По

сему общему обрученію Христу, всѣ мы, христіане, и дѣвы и дѣвственники, и посягшіе и оженившіеся и обязавшіеся житейскими узами и свободные отъ оныхъ, не связывая себя никакими житейскими пристрастіями, должны совершенно принадлежать единому Христу, съ тою токмо разностію, что посвятившіе себя дѣвству обѣтомъ, и по тѣлу и по духу должны единственно принадлежать единому Господу, а сущіи въ сожитіи должны, какъ вступать въ священный союзъ не по страсти, а о Господѣ, такъ и употреблять права святаго союза свято, и не творить *плоти угодія въ похоти*. Для христіанина неизмѣннымъ правиломъ всѣхъ поступковъ и дѣйствій должно быть сіе правило, чтобы ничего не дѣлать по страсти. Иначе и то, что само по себѣ безгрѣшно и позволено, становится грѣхомъ и преступленіемъ, когда творится въ угожденіе *плоти въ похоти*. Не роскошный только нарушаетъ предѣлы умѣренности, но и кто самыми обыкновенными яствами пресыщается до обремененія. Посему отъ всѣхъ насъ, христіане, въ своей мѣрѣ и своимъ образомъ требуется непремѣнная чистота и непорочность предъ Богомъ: ибо всѣмъ и каждому изъ насъ заповѣдано *не похощеши* (Рим. 15, 9.), всѣмъ вообще воспрещено взирать на *чуждыя лица съ похотѣніемъ* (Мат. 5, 28.), всѣмъ безъ исключенія повелѣно *растопить плоть со страстями и похотями* (Гал.

5, 24.), и имѣющимъ женъ быть, какъ не имѣющимъ (1 Кор. 7, 29.). А потому истинная чистота, и дѣвственная, и супружеская, различествуя степенями, — одна, какъ большая, высшая, духовнѣйшая, — другая, меньшая, низшая, степень чистоты, въ существѣ своемъ приводятся къ единству. Посему все вѣрные, и живущіе въ дѣвствѣ, и живущіе въ супружествѣ, при одинаковомъ благодатномъ избраніи, должны стремиться быть едины духъ съ Господемъ; и какъ тѣла христіанъ суть члены тѣла Христова и храмы живущаго въ нихъ Духа святаго; то все должны прославлять Бога въ душахъ и тѣлесахъ своихъ возможною чистотою и непорочною (1 Кор. 6, 17. 19, 20.). Слѣдовательно и чистый тѣломъ, но растлѣнный душею, не есть еще дѣвственникъ. А и живущій свято въ благословенномъ супружествѣ не будетъ исключенъ изъ блаженнаго лика чистыхъ и непорочныхъ въ пути Господнемъ, если только силою христіанскаго самоотверженія предохранить себя отъ плотоугодія.

ЧАСТЬ II.

СРЕДСТВА КЪ СОВЛЮДЕНІЮ ЧИСТОТЫ.

Посему веѣмъ намъ, христіане, безъ различія состояній и званій, предстонтъ подвигъ чистоты и непорочности,—подвигъ не легкій, въ которомъ, какъ говоритъ одинъ церковный учитель, война непрерывная, а побѣда рѣдная. Ибо чистота и цѣломудріе есть самый тонкій—духовный цвѣтъ, который всего боѣе подверженъ опасности поврежденія извнутри отъ страстной плоти, извнѣ отъ непрестаннаго вліянія чувственныхъ прелестей, а особенно отъ льстивыхъ искушеній духа нечистаго, которому всего противнѣе то, когда видитъ, что чловѣки, облеченные удобоползновенною плотію, крѣпко сражаются съ страстями, отжениаютъ отъ себя похоти, умерщвляютъ пожеланія. Отселе веѣми мѣрами сплится разжигать стрѣлы свои извнутри огнемъ пожеланій, отзвѣ призраками обольщеній. Но чѣмъ больше отвсюду

предстоитъ опасностей для благодатной чистоты нашей, тѣмъ съ большимъ тщаніемъ должны мы блюсти и внутреннюю и вѣншнюю чистоту нашу: должны блюсти чистоту внутреннюю: всѣ нечистые помыслы и воображенія, всѣ плотскія желанія и воспоминанія, всѣ сластолюбивыя побужденія и стремленія непрестанно обуздывать, укрощать, удалять. Должны блюсти чистоту вѣншнюю: — въ такой благоустроенности содержать тѣло и всѣ вѣншія чувства, чтобы не позволять себѣ ни въ словахъ, ни во взорахъ никакого нецѣломудреннаго движенія и мановенія, которыми бы и сами мы могли располагаться и другихъ располагать къ чувственнымъ влеченіямъ и разженіямъ.

И такъ, любители христіанской чистоты и непорочности, особенно вы, которые, по вашимъ лѣтамъ и состоянію, поставяетесь въ сильнѣйшую борьбу съ нападеніями духа лести-ваге, оградивъ себя помощію Божіею и споборствомъ Святыхъ Божіихъ, будемъ съ благою рѣшимостію каждый день въ духовномъ всеоружіи исходить на подвигъ защищенія чистоты своєї. Вѣдая свое состояніе, зная опасности и преткновенія, особенно же слабую сторону, гдѣ всего легче можемъ поползнуться отъ зачинателя, будемъ благовременно уготовлять себя противу опасностей видимыхъ, уклоняться отъ искушеній тайныхъ, разумѣвать коварныя умыш-

ленія, мужественно отражать внезапныя нападенія. Охраняя чистоту внутреннюю, будемъ низлагать льстивое пареніе помысловъ живымъ представленіемъ зловредности оныхъ, а всегдашнюю собранностію, трезвеніемъ, пеутомымъ трудолюбіемъ, при которомъ бы не оставалось у насъ времени для вредной праздности, дѣлать оныя вовсе бездѣйственными. Оберегая чистоту вѣншнюю, будемъ предѣотвращать тонкія прикосновенія лести внимательнымъ блюденіемъ вѣншнихъ чувствъ,—очесъ отъ разсѣяннаго взиранія,—слуха отъ бесѣдъ праздныхъ, языка отъ рѣчей суетныхъ; открытыя приращенія будемъ отражать собранностію вѣншнаго поведенія и строгою недоступностію чувствъ; а въ случаѣ опасности немедленно удаляться въ безопасное убѣжище и сердца и мѣста, и тамъ въ молитвенномъ расположеніи духа укрываться подъ сѣнію креста и язвъ распятаго Спасителя, и молить Его, дабы Онъ, оградивъ насъ отъ искушеній, повелѣлъ всемогущимъ словомъ Своимъ умолкнуть въ насъ и внутреннему волненію.

Намъ не довольно очистить себя отъ тяжелой, открытой нечистоты; нечего и льстить себя подверженнымъ грубой плотяности (1 Кор. 6, 9. 10.): *плоть и кровь царствія Божія наслѣдiti не могутъ* (15, 50.). Надобно привести себя въ состояніе безстрастія, чтобы ни въ чемъ не поступать по рвенію и тщеславію

(Фил. 2, 2.), не творить плоти угодія въ похоти (Рим. 13, 14.), отрещись тайныхъ срама, не ходитъ въ лукавствіи (2 Кор. 6, 2.), поступать по чувству долга, добра, правоты, подвизаться непорочну совѣсть имѣть всегда предъ Богомъ и челоуѣками (Дѣян. 24, 16.), и имѣя единого Бога и началомъ и побужденіемъ и концемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, всегда все и дѣлать и говорить отъ чистоты, яко отъ Бога, предъ Богомъ, во Христѣ (2 Кор. 2, 17.).

ЧАСТЬ III.

ПЛОДЫ НЕОСЛАВНАГО ВЛЮДЕНІЯ ЧИСТОТЫ.

Не вдругъ мы перейдемъ изъ мрака естественной нечистоты и растлѣнія во свѣтъ благодатной чистоты и цѣломудрія. Много и долго надобно трудиться и бодрствовать, алкать и жажжать, изнемогать и бѣдствовать; надобно смирить, поработить, умертвить постоми и воздержаніемъ самое тѣло, дабы распять плоть со страстями и похотями, и все существо преобразовать для истлѣнія. Но когда непрестаннымъ умерщвленіемъ и виѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ будемъ постоянно подвизаться о соблюденіи и внутренней и виѣшней чистоты: тогда, по дѣйствию благодѣи Божіей, произойдетъ спасительная перемена въ существѣ нашемъ: просвѣтятся наши мысли, очистятся расположенія; умъ различными бореціями возвысится надъ страстями, духъ безпрепятственно будетъ стремиться къ Богомыслию, впу-

трепнія чувства разверзутся для мысленнаго видѣнія небесныя доброты и всеуцѣство наше исполнится миромъ и радостію, каковыя непрестанно будетъ источать для насъ чистота сердечная. При постепенномъ преобразованіи духа въ боголѣпный образъ чистоты и святости, вмѣстѣ съ онымъ и самое тѣло чрезъ отребленіе въ ономъ всего плотскаго и чувственнаго, постепенно будетъ преобразовываться во образъ безсмертія, и чистотою, какъ животворною силою, пріуготовляться къ состоянію тѣла духовнаго. И если при неослабныхъ подвигахъ очищенія пребудемъ до смерти вѣрными Господу; то смерть для насъ будетъ токмо отложеніемъ тлѣннаго. *Духъ, совлекишся тлѣнія, возвратится къ Богу, Который далъ его* (Евкл. 12, 7.), а тѣло, осѣмѣнное начатками нетлѣнія, возвратится въ землю, дабы нѣкогда творческою силою переродиться въ тѣло духовное, и изъ тѣла уничиженнаго мгновенно преобразиться въ тѣло славное.

Коль же высокое состояніе блаженства на небеси ожидаетъ дѣвственниковъ и всѣхъ въ непорочности тѣснымъ путемъ шествующихъ за Христомъ, о семъ повѣдаетъ намъ въ своемъ откровеніи дѣвственникъ и другъ Христовъ Іоаннъ Богословъ: *слышахъ, говоритъ онъ, гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ и яко гласъ грома велика: и гласъ слышахъ чудецъ чудующихъ въ гусли своя и поющихъ яко плнь*

нову предъ престоломъ и предъ четыри животными и старцы и никтоже можаще навъкнути пѣсни, токмо сѣи (Апок. 14, 2. 5. 4.). Кто же сѣи неподражаемые пѣвцы? Сѣи суть дѣвственницы, извѣствусть Тайнозритель, тѣ, которые очистиши ризы свои въ крови Агнчей, и, убѣлившись, въ чистотѣ и непорочности послѣдовали пречистому Агнцу-Христу.

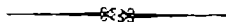
Христіане, — уневѣщенные Жениху Христу! Да восхитить насъ блаженное состояніе дѣвственности и чистоты! Будемъ взирать на путь неслѣннаго теченія дѣвственниковъ, взирать и на Христоподобный примѣръ Божественныя Чиноначальницы дѣвъ, Препепорочныя Дѣвы, ублажаемыя нынѣ въ всерадостнымъ благовѣщеніи Ея о пресестественномъ дѣвственномъ зачатіи сѣю Сына Божія. Она, отъ племѣ посвященная Богу, трехлѣтнею введена во Святое Святыхъ; была Дѣвою въ юности, ибо не вѣдала мужа ни мыслію, ни желаніемъ; была Дѣвою въ зачатіи, ибо зачала отъ Духа Святаго; была Дѣвою по рождествѣ, ибо родившійся изъ нея Сынъ Вышняго не вредилъ ключей дѣвства въ рождествѣ Своемъ; была Дѣвою во всей жизни своей, ибо была совершенною подражательницею Божественной чистоты Сына своего, Косму срашпшлась не только тогда, когда стояла при крестѣ Его, но, исполненная любовію къ Нему, всегда носила въ сердцѣ своемъ оружіе крестныхъ скорбей, и, опыми непрестанно возвышаясь къ

Богopodobной чистотѣ, возвыенлась превыше чистоты Ангельской. Посему, по блаженномъ успеніи, какъ пренепорочная душа ея руками Божественнаго Сына ея вознесена была въ небесную славу: такъ и Богопріемное тѣло ея, какъ непричастное никакому грѣховному тлѣнію, не могло быть держимо отъ тлѣнія, но по трехдневномъ пребываніи во гробѣ, воскресло силою тридневно Воскреснаго и со славою взято на небо.

Потщимся и мы изъ всей жизни своей славать пѣснь чистоты и непорочности Божественному Жениху душъ нашихъ, — Христу, и всевозможнымъ очищеніемъ духа, души и тѣла содѣлаться достойными того, чтобы иѣкогда въ царствѣ славы обрѣтись, если не въ Богосвѣтломъ ликѣ оныхъ неподражаемыхъ пѣвцевъ, то обрѣтись достойными слышать и способными понимать сладостный гласъ небеснаго пѣнія ихъ.

Пренепорочная Дѣво, присподѣвственная Мати живота! Мы чувствуемъ для себя необходимость чистоты предъ Божественнымъ Сыномъ Твоимъ. Въ стремленіи духа, желали бы, совлекишесь тлѣннаго, облещися въ одежду, убѣленную для насъ заслугами Искупителя нашего; но, отягчаемые бременемъ тѣломъ, низлагаемся плотскими похотѣніями. Низведи, непреложное въ предстательствахъ упованіе, низведи на насъ неусыпными Твоими молитвами силу Сына

Твоего, да, ограждаемые Ею, будемъ тщиться
 очищать сосудъ свой отъ прираженія плотскихъ
 сквернъ. А въ день страшнаго откровенія,
 когда вся тайная тьмы приведены будутъ во
 свѣтъ, да покроешь насъ нечистоты пресвѣт-
 лая одежда безконечныхъ заслугъ Божествен-
 наго Сына Твоего, и по Твоему предстательству,
 да сподобимся вкупѣ съ Тобою стать одесную
 Царя Господа и вмѣстѣ съ мудрыми дѣвами
 въ радости быть введенными во храмъ Царевъ.
 Аминь.

С Л О В О

ВЪ 5-Ю НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Учителю! хоцева, да, еже аще просива, сотвориши нама. (Мар. 10, 55.).

Не сообразно съ истиннымъ благочестіемъ предварять чловѣку своимъ хотѣніемъ волю Божию, къ которой онъ долженъ благоговѣнно обращаться даже и въ начинаніяхъ добра (Кол. 5, 17.). Впрочемъ какъ поставленный Творцемъ въ рукѣ собственнаго Своего произволенія (Слр. 15, 14.), одаренный разумомъ и свободою, чловѣкъ воленъ желать и некать всего, что не противно волѣ Божіей. Посему и Божественный Учитель въ нынѣ чтенномъ Евангеліи на простое желаніе учениковъ Своихъ, Іакова и Іоанна: *Учителю хоцева, да, еже аще просива, сотвориши нама*, отвѣтствуетъ готовностію исполненія: *что хоцета, да сотворю вама.*

Послѣ же желаніе учениковъ оказалось не сообразно и съ Божественнымъ домостроительствомъ спасенія не совмѣстно: то Спаситель, послѣ благоволительнаго выслушанія желанія учениковъ, по обнаруженіи ими самолюбиваго прошенія, съ упрекомъ отпрнулъ оное: *не вѣста, чего просятъ*.

И мы можемъ изнѣвать предъ Господомъ желанія наши. Онъ готовъ исполнить оныя. И чего не сдѣластъ для насъ Небесный Отецъ, несравненно болѣе некуційся о насъ, нежели мать о изчадіи чрева своего, если только желанія наши и началомъ и концемъ своимъ имѣютъ святую волю Его? Но не предваряемъ ли мы и въ предметахъ желаній и въ образѣ исполненія оныхъ превратною волею нашею святую волю Божию? По примѣру впадшихъ единожды въ челоуѣческую слабость, учениковъ Христовыхъ, не говоримъ ли мы въ различныхъ обстоятельствахъ жизни своевольными намѣреніями и начинаніями: *хотѣмъ*, или, какъ обличаетъ Апостолъ Іаковъ самонадѣяность нашу: *поидемъ, сотворимъ*, вмѣсто того, чтобы со смиренною преданностію сердца говорить: если Господу угодно будетъ, и Онъ благопослѣдитъ: то предпримемъ и сдѣлаемъ предприемлемое? (Іак. 4, 13, 15.). Посему не каждое ли своевольное желаніе и предпріятіе наше встрѣчается съ сѣмъ праведнымъ упрекомъ: *не вѣсте, чего хотите, и что предприимете?*

Дабы наше своеволие, долготерпѣніемъ Божіимъ попускаемое, не обратилось намъ и во временную, а паче въ вѣчную пагубу, поучимся первѣйшей обязанности нашей, совершенно покорять волю свою волѣ Божіей, какъ возможнымъ исполненіемъ закона Божія, такъ и преданностію волѣ Божіей въ путяхъ жизни нашей.

ЧАСТЬ I.

О ПОКОРЕНІИ ВОЛИ НАШЕЙ ВОЛѢ БОЖІЕЙ ИСПОЛНЕНІЕМЪ ЗАКОНА БОЖІЯ.

Странно, кажется, и подумать, чтобы тварь, способная понимать совершенную зависимость отъ Творца, не являла оной въ дѣйствіи, чтобы рабъ, чувствующій безусловную необходимость повиновенія, не благоговѣлъ предъ волею всевластнаго Господа своего. Но таковъ человѣкъ въ отношеніи къ Богу! Тотъ же человѣкъ, въ порядкѣ подчиненности подобнымъ ему, тщится показывать готовность повиновенія даже съ предупрежденіемъ воли повелѣвающаго; а въ порядкѣ безусловной зависимости отъ Господа забываетъ о покорности. Страхъ и награды временной жизни дѣйствуютъ на побужденіе воли нашей; а страхъ невозвратной гибели отъ противленія волѣ Божіей и безконечная награда за повиновеніе оной мало дѣйствуютъ на превратную волю нашу. Столько-то мы неправо поступаемъ, при разематриваніи слу-

женія нашего для чловѣковъ и служенія для Бога! Но ежели очи рабовъ устремлены на руки господъ: то не должны ли очи, сердце и все существо наше быть устремлены къ волѣ Господа господствующихъ? Всегданнее благоугожденіе Ему есть непререкаемая наша обязанность, сопряженная съ чувствованіемъ нашего бытія, нашего блаженства, нашего званія, какъ христіанъ.

Если мы внимательно разсмотримъ бытіе наше, то въ немъ отъ движенія до мысли, отъ хотѣнія до дѣйствія, отъ черна власа до бѣла, все есть даръ Зиждителя, и потому съ чувствомъ любви и благодарности должно быть приносимо Ему же въ даръ. И для того ли безпредѣльною благодію изведены мы изъ ничтожества и поставлены среди видимаго творенія, чтобы, при дарованной свободѣ, своевольно жить для себя, а не для благоугожденія Господу? Что бы съ нами было, если бы Господь, несповѣдимый въ благодіи, равно и въ судахъ правды Своея, за своевольное противленіе величію Его, поражалъ насъ жезломъ правды Своея? Но Богъ есть Отецъ милосердія и щедротъ: наше своеволие Онъ побѣждаетъ долготерпѣніемъ, наше жестокосердіе умягчаетъ Своею благодію. И мы не рабы, блудомыя подъ строгимъ приставничествомъ закона, но чада благодатной свободы, въ сердца коихъ чрезъ Единороднаго Сына вполнѣ излита любовь Отца,

послать Духъ сыноположенія. Сею-то любовью и духомъ сыноположенія Отець Небесный влечетъ насъ къ совершенному повиновенію Ему. Та же любовь, тотъ же духъ сыноположенія, которымъ мы съ дерзновеніемъ вопіемъ къ Отцу Небесному: *Авва!* должны и насъ одушевлять къ совершенному исполненію воли Его.

И что есть воля Отца Небеснаго въ отношеніи къ существенному благу нашему? Есть непреложный законъ духовнаго бытія нашего, основаніе разумно-свободной дѣятельности нашей. Всеблагій, при вдохновеніи жизни (Быт. 2, 7.), какъ высшее свойство Божественнаго образа Своего, впечатлѣль въ насъ свободу, и съ ней стремленіе къ совершенству, поставивъ цѣлю Самаго Себя, какъ высочайшее совершенство: по сему тогда мы и блаженны, когда воля наша бываетъ соединена съ волею Божіею, составляющею источникъ нашего блаженства. Злоупотребленіемъ свободы удалившись отъ Бога, мы не иначе можемъ достигнуть въ состояніе первоначальнаго блаженнаго единенія съ Богомъ, какъ чрезъ покореніе воли своей волѣ Отца Небеснаго.

Что же есть грѣховная воля наша? Есть вмѣстѣ съ естественными желаніями, нечистыхъ похотѣній, поражающихъ множество заботъ и попеченій, при самой благовидности всегда обращающихъ насъ къ исканію чувственныхъ благъ. Уклонившись отъ святой и совершенной воли

Божіей, воля наша, обладаемая господствующими въ мірѣ страстями, похотию плоти, похотию очесъ и гордости житейской, увлекается всякимъ вѣтромъ льщенія и суеты. И вотъ источникъ нашихъ бѣдствій! *Откуда брани и свары въ васъ?* спрашиваетъ св. Апостолъ Іаковъ, и отвѣтствуетъ: *не отсюду ли, отъ страстей вашихъ, воюющихъ во удѣлахъ вашихъ?* (4, 1.). Дѣйствительно мы, по превратной волѣ своей, желаемъ, ищемъ, домогаемся, и ничего твердаго не приобретаемъ: поелику не у Бога просимъ, не по волѣ Его взыскуемъ, но самовольно начертываемъ пути жизни и распоряжаемся своею участію. Послѣдуя своей превратной волѣ, можемъ ли мы приблизиться къ цѣли небснаго званія нашего?

Небесное званіе наше, для достиженія котораго мы должны шествовать за Спасителемъ нашимъ, и отъ Него, какъ главы своей, воспринимать хотѣніе и дѣйствіе, непременно требуетъ отъ насъ, чтобы мы возненавидѣли не только плотскія склопности и порочныя расположенія, это *стяжаніе* и *сродство* (Лук. 14, 26.) растлѣнной природы, *но самую душу свою, самую жизнь, омрачаемую тонкимъ самолюбіемъ*, не только въ чести и обиліи, но и въ уничиженіи и скудости, не только въ дѣлахъ житейскихъ, но и на пути благоугожденія Богу; изгнали изъ сердца всѣ стремленія, не одушевляемыя любовію къ Богу и ближнимъ. Въ хри-

стіаннѣ воля Божія, какъ внутренняя сила, должна возбуждать сердце, располагать мысли, направлять стремленія, веѣмъ его начинаніямъ предходить и послѣдовать, кратко: быть его волею такъ, чтобы Сынъ благодати, забывъ Себя, оставивъ Свою волю, весь и во всемъ зависѣлъ отъ воли Отца Небеснаго. Этого требуетъ высочайшая любовь къ Богу, которая должна быть правиломъ веѣхъ дѣйствій нашихъ, чтобы *любить Господа Бога отъ всего сердца нашего, отъ всея души, всею крѣпостію и всею помышленіемъ нашимъ* (Мар. 22, 37.). Посему надлежитъ намъ исполнять волю Божию, по чистому расположенію благоугождать Богу. Безъ сего внѣшнее исполненіе заповѣдей есть не что иное, какъ дѣйствіе лицемерія. Творили дѣла закона и фарисеи: и однакожь были похожи на повапленные гробы. Смирненнымъ сознаніемъ своего растлѣнія надлежитъ обуздывать своеволіе, непрестаннымъ испытаніемъ сердца въ самомъ основаніи излагать грѣховное самолюбіе. Для сего молитва о испрошеніи благословенія Божія должна пачинать, любовь къ славѣ Божіей продолжать, желаніе благоугождать волѣ Божіей оканчивать каждое дѣло наше.

ЧАСТЬ II.

О ПРЕДАНИИ ВОЛИ НАШЕЙ ВЪ ВОЛЮ ВОЖІЮ НА ПУТИ ЖИЗНИ.

Отринувъ свосвоіе, будемъ въ совершенной покорности волѣ Отца Небеснаго принимать и все случающееся на пути жизни отъ руки Божіей. И можно ли иначе располагать собою при попечительности о насъ Божіей, по которой у Небеснаго Промыслителя не только стези жизни, но и власы главы нашея изочтены суть (Мат. 10, 30.)? Мы должны быть въ десницѣ Божіей, какъ брѣніе въ рукѣ художника, дабы единственно Святая воля Божія производила въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе. Неослабно дѣйствуя въ исполненіи обязанностей нашихъ, мы не должны простираť заботливаго взора о обезпеченіи отдаленной участи своей и суетною многопопечительностію устранять себя отъ премудраго управленія Вѣдущаго по совѣту воли Своей устроить истинное благо наше. *Вѣсть*

Отецъ Небесный, чего мы требуемъ (Мат. 6, 8.) и дать съ вѣрою просящимъ у Него. Наше дѣло все *завтрешнее* (Мат. 6, 34.), все отдаленное предавать волѣ Божіей. Съ жезломъ непоколебимаго упованія мы безтрепетно поидемъ и посредѣ сѣни смертныя. Въ ударахъ злополучій съ бладушіемъ обрѣтемъ или врачевство грѣховныхъ недуговъ нашихъ, или познаемъ благоую десницу, предохраняющую насъ отъ грѣховъ болѣзненнымъ прикосновеніемъ. Въ счастіи будемъ зрѣть дары Благодѣющаго намъ, и приносить сердце въ даръ Благодѣтелю. Во всѣхъ случаяхъ припѣляться Господу: вотъ что да будетъ единственнымъ благомъ нашимъ. Таковы были всѣ чада Отца небеснаго, жившіе въ преданности волѣ Его. Они радовались въ страданіяхъ, находили удовольствіе въ тѣснотахъ, *ничего не имѣя, все содержали* (2 Кор. 6, 10.); для нихъ было *еже жити Христосъ, а еже умрети пріобрѣтеніе* (Фил. 1, 21.). Не побуждаемся ли мы къ преданію себя въ волю Отца небеснаго, когда ежедневно молимся Ему: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, тако и на земли?*

Какъ чадамъ свободы, благодатию Христовою избѣгшимъ *похотныя тли* (Петр. 2, 5.), намъ ничего не достаетъ къ тому, чтобы теци путемъ благоугожденія Господу. Въ извиненіе грѣховной слабости мы не можемъ ссылаться на

духовную немощь, а должны оплакивать безотвѣтную нашу безпечность, что, вѣдая неминуемую гибель своеволю и животъ въ исполненіи воли Божіей (Псал. 29, 6.), любимъ зло и уклоняемся отъ добра. При нашей естественной немощи къ добру, все однакоже намъ даровано потребное къ жизни и благочестію, чрезъ познаніе Призвавшаго насъ благодію (2 Пет. 1, 5.) изъ грѣховной тьмы въ свѣтъ благоугожденія Ему. А для подкрѣпленія нашего на пути совершеннаго благоугожденія Отцу небесному предшествуетъ намъ примѣромъ Своимъ Божественный Подвигоположникъ спасенія нашего. Чтò была вся жизнь Его, какъ не одно повинновеніе и преданность волѣ Отца небеснаго, коими заглаждая наше неповиновеніе, являлъ намъ образъ совершеннѣйшей преданности волѣ Отца Своего? Отъ яслей Внолесекихъ до Геосиманіи, отъ Геосиманіи до Голгофы, отъ Голгофы до гроба—единое Его было хотѣніе: *не яко же Азъ хочу, но яко же Ты, Отче* (Мат. 26, 59.). И вотъ нынѣ чтенное Евангеліе представляетъ Его восходящимъ въ Иерусалимъ, чтобы изъ одной безпредѣльной преданности волѣ Отца Своего быть предану и осуждену на смерть, поругану, и поносно умерщвлену для спасенія нашего. Послѣдуемъ хотя издалека въ слѣдъ за Подвигоположникомъ нашимъ отверженіемъ воли своей; имеемъ, придерживая преданностію волѣ Отца небеснаго, хотя

края креста Спасителя нашего; соединимся вкупѣ съ Божественнымъ Страдальцемъ на крестѣ твердымъ хотѣніемъ исполнять волю небеснаго Отца; умремъ со Христомъ своею волю нашему, да со Христомъ и воскресемъ въ новую жизнь благоугожденія Святой воли Отца небеснаго. Аминь.

С Л О В О

НА ОКОПЧАНІЕ СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦЫ.

Душеполезную совершивше четыредесятницу и святую седмицу страсти Твоя просимъ видѣти, Человѣколюбче: еже прославити въ ней величїя Твоя , и неизреченное насъ ради смотрѣніе Твое. (Въ пят. вечер. нед. вайї ст. 1.).

Что чувствуетъ путешественникъ, который, идучи въ страну отечественную, совершилъ долгій и трудный путь, преплылъ великую, непрестанно волнующуюся пучину, прошелъ обширную, безводную пустыню, что чувствуетъ такой путешественникъ, стоя на предѣлѣ родной земли, входя въ прістанище благотворное, достигая мирнаго крова успокоенія? Безъ сомнѣнія чувствуетъ радость, веселіе: понесенные имъ тяжкіе труды веселятъ его, подъятыя великія опасности радуютъ, претерѣнныя нужды утѣшаютъ.

Такимъ ли чувствомъ исполняемся мы, совершивши великое поприще поста, преплывши великую воздержанія пучину? Безъ сомнѣнія тѣ изъ насъ радуются духомъ, которые совершили поприще поста, какъ неослабные постники, преплыли пучину воздержанія, какъ бодренные воздержники, прошли сухую, безводную пустыню умерщвленія своихъ страстей, какъ мужественные подвижники. Труды, подъятыя для обузданія страстей, пріятны; борьба, употребленная для утишенія тревоженія похотей, утѣшительна; болѣзни, понесенныя для умерщвленія ветхаго человѣка, и для оживленія новаго въ правдѣ и святости, уладительны. Онѣ сами по себѣ, по тайному благодатному дѣйствію награждаютъ подвижниковъ внутреннею радостію, которую изрекаетъ Духъ Святый въ ихъ чистой совѣсти, въ ихъ правомъ сердцѣ.

Но много ли между нами подвижниковъ воздержанія, которые такъ текли, что обуздывали постомъ тѣло, очищали бодрствованіемъ душу, возносили молитвою къ Подвигоположнику умъ и сердце, и отъ Него принимали просвѣщеніе и укрѣпленіе? Не болѣе ли такихъ слабыхъ и небрежныхъ, которые покоились, когда надлежало трудиться, предавались наслажденіямъ, когда слѣдовало изнурять себя духовно, позволяли себѣ вѣнныя утѣшенія, когда нужно было работать Господу распинаніемъ плоти?

Нечего и говорить о тѣхъ, которые и въ св. дни поста не отказывали себѣ ни въ чемъ пріятномъ для чувствъ своихъ. Для тѣхъ, которые не текли поприщемъ воздержанія, не обуздывали страстей своихъ, для тѣхъ не было и св. čtyрдесятиницы; они и сами должны въ скорбномъ чувствѣ сознаться, что опустили это святое время по нерадѣнію.

Не горько ли, не болѣзненно ли тѣмъ изъ насъ, которые, при вступленіи въ поприще čtyрдесятиницы, сознавая въ себѣ обдержанія различныя слабости, и обуревающія житейскія пристрастія, располагались въ мысляхъ своихъ тещи посылно путемъ воздержанія, и при руководствѣ св. Церкви, для исправленія своихъ грѣховныхъ привычекъ, полагали твердое намѣреніе испытать себя въ постѣ и молитвѣ, въ обузданіи вѣншихъ и внутреннихъ чувствъ, наконецъ въ чистомъ покаяніи и неповѣданіи грѣховъ своихъ приблизиться всею душою и всѣмъ сердцемъ къ Богу? И что же? вмѣсто всего сего мы провели святую čtyрдесятиницу, какъ обыкновенное время: не постылись вѣнше, не воздержались внутренно, не скорбѣли съ мытаремъ, не каялись съ блуднымъ сыномъ въ тяжкихъ — тайныхъ и явныхъ грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ нашихъ; потому и не ощущаемъ ни въ тѣлѣ нашемъ мира, ни въ душѣ чистоты, ни въ умѣ Богомыслия, ни въ волѣ стремленія къ угожденію Богу, не чувствуемъ въ себѣ и

радости спасенія. Видимъ себя такими же, по окончаніи четыредесятницы, какими и вступили въ оную, видимъ столько же слабыми въ сердцѣ, разсѣянными въ мысляхъ, и совершенно ничего не находимъ обновленнаго благодатию въ душѣ нашей. Можно ли же намъ не сътовать на себя, не осуждать своей слабости, не оплакивать грѣховной безпечности? Мы поставлены были на пути очищенія и ни мало не позаботились о своемъ очищеніи; обрѣтались въ духовной лечебницѣ, и ничего изъ множества болѣзней не уврачевали; введены были въ святилище для угожденія Богу во спасеніе души, и ничего богоугоднаго не сдѣлали; погрязаемъ въ нечистотахъ: когда очистимся? Вовсе оставили тѣсный путь къ царству небесному: когда взыщемъ оный? Отвсюду объаты душевными болѣзнями: когда станемъ врачевать оныя? какъ это легко было дѣлать во время благодѣтельное, при попечительномъ руководствѣ святой Церкви, и какъ все это несравненно труднѣе въ другое время, когда отвсюду различные предметы влекутъ насъ къ невольной разсѣянности, привязываютъ къ суетамъ, погружаютъ въ мору житейскихъ попеченій.

При скорбномъ чувствѣ утраченнаго благоприятнаго времени для душевнаго врачеванія, что подлежитъ дѣлать тѣмъ изъ насъ, которые живо понимаемъ эту важную потерю? Осудимъ свою невѣрность собственнымъ своимъ распо-

ложеньямъ, обличимъ свое легкомысліе въ предпочтеніи ничтожныхъ утѣшеній духовнымъ пріобрѣтеніямъ чистоты ума и сердца, для благоугожденія Богу; возскорбимъ о своемъ небреженіи въ опущеніи св. времени для духовнаго нашего исправленія; и съ этою сердечною скорбію вступимъ въ окончательную стадію св. сорокаднницы, въ страстную седмицу. Въ заключительной пѣсни о совершеніи душеполезныхъ сорокаднницы, св. Церковь проситъ Господа Іисуса о томъ, чтобы Онъ сподобилъ насъ видѣть святую седмицу страсти Его, дабы прославить въ ней величія Его и неизреченное о насъ смотрѣніе.

Итакъ остается еще намъ для восполненія безплодно - проведенной св. сорокаднницы, остается еще одно важное поприще седмицы страстей Христовыхъ. Если мы соберемся въ нашихъ мысляхъ, сосредоточимся въ чувствѣ, будемъ имѣть очи видѣть, уши слышать и сердце разумѣть: то и въ одну великую седмицу страстей Господнихъ много трогательнаго увидимъ, много поучительнаго услышимъ, много умиленнаго къ нашему исправленію впечатлѣмъ въ наше сердце. Что трогательнѣе для христіанскаго чувства послѣднихъ дней земной жизни Спасителя нашего? Эти дни Божественнаго приготовленія Его къ искупительнымъ страданіямъ за насъ суть дни самые благопріятные для нашего очищенія и исправленія. Что поу-

чительнѣе послѣднихъ бесѣдъ Его въ храмѣ іерусалимскомъ , и вообще всѣхъ священныхъ Евангелій, благочестно прочитываемыхъ въ церкви въ сіи священные дни, дабы наипаче, напоятъ, пренеполнить насъ въ сіи Христонображательные дни духомъ Христовымъ , и всѣми мѣрами возбудить сподвизаться Христу ? Что умиленнѣе для самыхъ хладныхъ и одесѣлѣвшихъ разсѣянностію сердець, какъ не послѣдняя вечеря любви, и величайшія подвѣтыя, Спасителемъ насъ ради, страданія?

Поспѣшимъ собраться умиленіемъ въ мысляхъ нашихъ; потщимся въ богомыслии ума, въ благоговѣніи сердца, въ сокрушеніи чувствъ провести великую седмицу страстей Христовыхъ, и елико, елико возможно, со Христомъ всѣмъ расположеніемъ страдать, со Христомъ вѣрою и любовію привоздиться ко кресту; со Христомъ всѣмъ упованіемъ заключиться въ гробъ, и мы по благодати Спасителя нашего, петцы окончимъ великое поприще христіанскихъ подвиговъ ; не безъ уврачеванія оставимъ благодатную лечебницу , не въ сквернѣ нераскаянности и безпечности изыдемъ изъ очистительнаго святилища свѣтопоснаго времени.

Щедролюбивъ и великодаровитъ Владыка , Христосъ Господь; вѣдаетъ вознаградить и позднее, но бодренное, усердное исправленіе; и въ единонадесятый часъ съ готовностію, съ горячимъ расположеніемъ приходящихъ принимаетъ,

какъ и приходящихъ въ третій и девятый часъ. И мы если опустили благовременность третьяго и девятого часа для духовнаго дѣланія, придемъ хотя въ едионадесятый часъ къ Господу нашему, но придемъ съ горячностію, и отъ челоуѣколюбиваго Господа не будемъ отвергнуты, но примемъ динарій, увидемъ съ дѣлавшими отъ ранняго утра въ радость воскресенія Его.

Господи, Спасителю нашъ! и мы, недостойно проведеніе душеполезную четыредесятницу, молимъ Тебя, Челоуѣколюбче, даруй намъ съ душевною пользою совершить святую седмицу страстей Твоихъ, чтобы увидѣть въ сердцѣ и духѣ нашемъ величія Твоя, и прославить болезненнымъ сердцемъ, благоговѣйнымъ чувствомъ и дѣятельною волею неизреченное Твое о насъ смотрѣніе. Аминь.

СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА

СЪ

ЛАЗАРЕВОЮ СУББОТОЮ

И

НЕДЕЛЕЮ ВАИЙ,

ИЛИ

ПОУЧЕНИЯ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

СТРАСТНЫЯ СЕДМИЦЫ.

Взирающе на Начальника вѣры и Совершителя
Исуса, Иже вмѣсто предлагающа Емудости пре-
терпѣ крестъ, осрамотѣ не радивъ,—помыслите та-
ковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на Себѣ пре-
кословіе, да не стужаете, душами своими ослабляемъ.
Не у до крове стаете, противу грѣха подвизающе-
ся. (Евр. 12, 2—4.).

СУББОТА ЛАЗАРЕВА.

О ВОСКРЕСЕНІИ ЛАЗАРЯ.

Гласомъ великимъ воззва (Иисусъ): Лазаре, гряди вонъ. И изыде умерый. (Іоан. 2, 43, 44.).

Воскресеніе Лазаря, благочестивому воспоминанію котораго посвященъ настоящій день, со всею подробностію описанное Евангелистомъ Іоанномъ, есть величайшее чудо всемогущества Спасителя. Христосъ, Сынъ Божій, Искупитель и Спаситель міра, заключая, такъ сказать, этимъ чудомъ знаменательнѣйшія чудеса Своей земной жизни, во всей полнотѣ показали, что Онъ, какъ Владыка живота и смерти, и до живоноснаго Своего воскресенія имѣлъ во власти Своей ключи ада и смерти (Апок. 1, 18.). Почему всемогущимъ гласомъ Своимъ и воззвалъ изъ области смерти уже четыре дни тлѣвнаго во гробѣ Лазаря. Отсель и св. Церковь сіе чудное произшествіе, составляющее залогъ и пред-

обрученіе общаго всемірнаго воскресенія, почитила особеннымъ празднествомъ, каковымъ и есть настоящая суббота, день Лазарева воскресенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ день сей есть и предпразднственный день торжественнаго вшествія Христова во Іерусалимъ, и по самому ознаменовавшему оный происшествію служитъ предъуготовленіемъ славнаго вшествія Христова во Іерусалимъ. Воскресеніе Христомъ Лазаря возвеличило славу Его предъ народомъ, изъ котораго многіе были очевидными свидѣтелями сего чуда; и сія слава, пренполнивъ народъ благоговѣніемъ къ Іисусу, уготовила Ему торжественное вшествіе во Іерусалимъ.

Въ ознаменованіе предпразднственного торжества входа Спасителя во Іерусалимъ, предложимъ краткое повѣствованіе о воскресеніи Лазаря, предъуготовившемъ торжественное вшествіе Христово во Іерусалимъ.

Другъ Христовъ Лазарь, родомъ Еврей, по образу ученія и жизни фарисей, былъ изъ числа тѣхъ немногихъ Израилѣтянъ, которые, непрестанно служа Богу день и ночь (Дѣян. 26, 7.), въ тишинѣ духа, но въ пламенномъ желаніи сердца ожидали утѣхи Израилевы (Лук. 2, 25.). Вносія, мѣсто рожденія и жительства Лазаря, была въ предмѣстіи Іерусалима въ разстояніи пятнадцати стадій (около трехъ верстъ), отъ чего Христосъ, часто приходя во Іеруса-

лимъ, не проходилъ и Виноаніи, гдѣ имѣлъ Онъ истинныхъ друзей. Подробности жизни Лазаря священными повѣствователями умолчаны. Но нельзя умолчать, нельзя не подивиться, какъ Лазарь удостоился толь великой чести, что содѣлался другомъ Самаго Сына Божія, Искупителя и Спасителя міра. Не трудно по видимому было въ духѣ вѣры и любви сдѣлаться другомъ Друга всѣхъ человѣковъ, другомъ Того, Который самъ искалъ ищущихъ Его и предварялъ приближеніемъ приближающихся къ Нему. Но здѣсь разумѣется не дружество благодати, приемлющее мытарей и грѣшниковъ (Мато. 11, 19.). Лазарь былъ въ собственномъ смыслѣ другомъ Христовымъ—такъ, что въ Евангеліи неключительно Лазарю усволяется названіе друга Христова. *Лазарь другъ нашъ успе* (2, 11.), такъ называетъ Лазаря Самъ Спаситель,—называетъ Своимъ и общимъ всѣхъ учениковъ своихъ другомъ: *Лазарь другъ нашъ успе*.

Послѣдуя преданію и отчасти евангельскому сказанію (Мато. 26, 6.), нѣтъ ничего противнаго думать, что Лазарь былъ сынъ Симона прокаженного, того самаго, который у Евангелиста Луки (7, 36.) называется Симономъ фарисеемъ, и который принималъ въ домъ свой для угощенія Іисуса. Можно полагать, что этотъ Симонъ прокаженный—фарисей былъ исцѣленъ Іисусомъ и отъ проказы тѣлесной (ст. 22.) и отъ проказы душевной, отъ гордости и самомнѣнія (39.)

и, сдѣлавшись ученикомъ Иисусовымъ, частовременно принималъ Иисуса въ домъ свой, слушалъ Его ученіе какъ о другихъ предметахъ спасенія, такъ особенно о воскресеніи мертвыхъ. Отчего все семейство Симоново могло расположиться благоговѣніемъ и любовію ко Иисусу, Божественному Учителю; а по смерти Симона Мароа, старшая дочь изъ дѣтей его, по примѣру отца, могла принимать въ домъ свой Иисуса (Лук. 10, 58.), какъ Сына Божія; за тѣмъ и Марія, по примѣру кающейся жены, бывшему при отцѣ ея (57.), помазала Иисуса муромъ, а Господь въ подтвержденіе ученія Своего о воскресеніи мертвыхъ, которое преподавалъ Симону, воскресилъ Лазаря.

Какъ бы ни было, по основаніемъ дружества обыкновенно бываетъ сходство нравовъ. Тоже сходство нравовъ соединило друзей, Богочеловѣка и праведнаго человѣка. Началомъ дружества было то, что Лазарь съ своими сестрами, которыя подобно ему въ вѣрѣ и благочестіи чаяли утѣхи Израилевы и обрѣли оную въ Господѣ Иисусѣ, — благоговѣя къ Нему, какъ къ Сыну Божію и Спасителю міра, часто съ своими сестрами принималъ Иисуса въ домъ свой, какъ Божественнаго Учителя, и угощаль, какъ небеснаго Гостя. Сіе явствуется изъ повѣствованія Евангелиста Луки, который говоритъ: *виде Иисусъ въ весь ипкую, жена же ипкая именемъ Марса пріятъ Его въ домъ свой.* Это Мар-

оа сестра Лазаря. Изъ самой жалобы, принесенной при семъ посѣщеніи Спасителю Марою на Марію въ томъ, что она оставила се служить въ приготовленіи угощенія для такого вожделѣннаго посѣтителя, видно, что это не первый былъ приемъ сестрами въ домъ свой Іисуса. Отсѣлъ-то Мароа, по любви и преданности къ Господу, не усумнилась жаловаться Ему на сестру; а Господь, по той же любви и довѣренности къ Мароѣ, сдѣлавъ ей самое тонкое и вмѣстѣ исполненное любви вразумленіе, что *она заботится и молвитъ о многихъ*, одобрилъ Марію, которая также безъ сомнѣнія не въ первый разъ показывала такую ревность и усердіе къ слушанію ученія Христова. И такъ благочестивое семейство, съ благоговѣніемъ приемля въ домъ свой небеснаго Гостя, угощало Его и бранномъ тѣлеснымъ, паче же угощало любовію духа;—а Божественный Посѣтитель, воздая имъ за любовь Божественною любовію, питалъ ихъ въ духѣ и силѣ хлѣбомъ небеснымъ, глаголами жпвота вѣчнаго. Слушая ученіе Божественнаго Учителя, и слушая со всемъ усердіемъ и расположеніемъ, какъ показываетъ примѣръ Маріи, которая, сидя при ногу Іисусову, слушала ученіе Его,—они совершенно познали во Христѣ утѣху Израилеву, Мессію, Сына Божія, Богочеловѣка. Чтò самое Мароа ясно неповѣдала при многочисленномъ собраніи Иудеевъ, присутствовавшихъ при воскресеніи Лазаря.

ря: *ей Господи! азъ въровахъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Божій, иже въ міръ грядый* (27.). Спаситель, обрѣтши весь домъ вѣрнымъ, возлюбилъ Божественною любовію не только Лазаря, но и сестръ его Мароу и Марію; какъ о томъ свидѣтельствуется возлюбленный ученикъ Христовъ, *любляше же Иисусъ Мароу и сестру ея и Лазаря* (4.). Не нужно говорить о томъ, что они все достойны были любви Его. Сердцевѣдецъ зналъ, каковы были эти вѣрные человеки, зналъ внутреннее расположеніе ихъ, видѣлъ ихъ твердую вѣру, горячую любовь и преданность къ Нему, которыя достойны были ихъ, какъ истинныхъ Израилтянъ, и не требовалъ, чтобы кто свидѣтельствовалъ Ему о сихъ вѣрныхъ людяхъ.

Оставляя сладостныя подробности Божественнаго дружества; — коснемся кратко того, какъ былъ воскрешенъ Лазарь Божественнымъ Другомъ его — Христомъ. Лазарь сдѣлался тяжело боленъ; сестры посылаютъ къ Господу съ извѣщеніемъ о болѣзни друга Его. *Господи! се, егоже любиши, боленъ*. Господь, удаляясь отъ ненависти книжниковъ и фарисеевъ, которые уже составили совѣтъ противъ Него и обнародовали опредѣленіе на послѣдователей Его, что *если кто исповѣсть Его Христомъ, т. е. Мессіею, Сыномъ Божиимъ, отлученъ будетъ отъ общины* (Іоан. 9, 22.), находился въ то время по другую сторону Іордана въ разстояніи отъ Ви-

оаніи не менѣе двухъ дней пути. Получивъ извѣстіе, Онъ еще два дни промедилъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ, и въ сіе время другъ Его умеръ. Господь узнастъ о смерти друга Своего по Божественному всевѣденію; говоритъ ученикамъ: *Лазарь, другъ нашъ, усне, и не смѣннѣи иди туда, дабы тѣмъ открытіе въ послѣдній разъ показать Божественную Свою силу и могущество ожесточеннымъ въ невѣріи фарисеямъ чрезъ воскресеніе четверодневно умершаго, и явить истину небеснаго Своего посланничества.* Возвѣщая ученикамъ Своимъ о смерти Лазаря, Онъ смерть друга Своего называлъ сномъ; а они, принявъ это за естественный сонъ, приняли и за добрый знакъ къ выздоровленію. *Господи! аще усне, спасенъ будетъ* (12.). Послѣ сего Онъ имъ прямо сказать, что *Лазарь, другъ нашъ, умеръ, и радуясь васъ ради, да въруете, яко не бѣхъ тамо: но идемъ къ нему* (14. 15.). И пошелъ совершить послѣднее на землѣ славнѣйшее чудо, чудо воскресенія четверодневнаго мертвеца, за которымъ вскорѣ послѣдовало пребожественное чудо собственнаго Его тридневнаго воскресенія изъ мертвыхъ. Когда подходилъ къ мѣсту жительства, плачущія сестры, одна послѣ другой встрѣчая Его, говорили Ему: *Господи! аще бы Ты былъ здѣ, не бы братъ нашъ умеръ* (21. 32.). Господи! Мы знаемъ, что во вселенной все послушно, все покорно Тебѣ. Ты могуществомъ своимъ утишаешь вѣт-

ры, украцаешъ волны морекія, возставаешъ больныхъ и воскресаешъ мертвыхъ, *аще бы Ты былъ здѣ, не бы братъ нашъ умеръ. Но и нынѣ вѣрны, яко велики аще просиши отъ Бога, дастъ Тебѣ Богъ* (22.). Спаситель, тронутый слезами и моленіями сестръ о братѣ, Самъ возмущенъ духомъ, прослезился о немъ, и имѣя Божественное намѣреніе воскресить друга Своего, но сокрывая оное, по видимому токмо въ чувствѣ соболѣзнованія говоритъ къ сестрамъ: *гдѣ положите его* (54.). Пришедши на мѣсто погребенія Лазаря, прежде совершенія чуда, возсылаетъ молитву къ Отцу Своему; но молитвѣ обращается къ бездыханному, и уже волю тлѣнія и разрушенія издававшему тѣлу, и могущественнымъ гласомъ: *Лазаре гряди вонъ*, воззвавъ душу изъ пѣдръ пренеподней, возвращаетъ въ бездыханное тѣло Лазаря. Услышавъ гласъ Сына Божія, умершій, четыре уже дни бывшій въ пѣдрахъ земли, вышелъ изъ гроба *обязанъ руками и ногами укроемъ, и лице его укроемъ* (44.).

Народъ, пораженный удивленіемъ, воздалъ славу сотворшему дивное чудо, и тогда же многіе изъ присутствовавшихъ Иудеевъ увѣровали во Христа, яко Сына Божія и Спасителя міра. Напротивъ того фарисей, давно искавшіе смерти Божественнаго Праведника, не терпя слышать славы о чудесахъ Христовыхъ, большею восплали яростію на Іисуса, и, какъ перѣд-

ко въ ожесточенныхъ великое добро усиливается только дѣйствіе зла, то и сіе чудо рѣшительно подвинуло ихъ составить богоубійственный совѣтъ на Іисуса, что самое Святой Евангелистъ замѣчая, какъ дѣйствіе изступленной злобы, говоритъ: *отъ тогоже дне созыцаши, да убіютъ Его* (Іоан. 11, 53.). Но какъ еще не пришелъ часъ смерти Его: то Онъ удаляется въ городъ Ефремъ. И тамъ, какъ всемірный жертвенный Агнецъ, Самъ вольнымъ хотѣніемъ готовялъ Себя на заколеніе для спасенія человѣческаго.

Заклучимъ повѣствованіе о чудесномъ воскресеніи друга Христова Лазаря утѣнительною для всехъ друзей Христовыхъ истиною. Все вѣрные, все друзья Христовы да удостовѣрятся къ утѣшенію своему, что друзья Христовы, подобно Лазарю, не умрутъ, но уснутъ мирнымъ сномъ; или, если подобно Лазарю умрутъ, то какъ сей, такъ и они, по глаголу Божественнаго Друга своего, въ послѣдній день во гласъ Архангеловъ и въ трубѣ Божіи оживутъ. Аминь.

ВЕСЕДА

0

**О ПОМАЗАНІИ ІИСУСА МАРІЕЮ , СЕСТРОЮ ЛАЗАРЯ ,
НА ВЕЧЕРИ ВЪ ВІѠАНІИ.**

*Не дѣйте ея: да въ день погребенія моего
соблюдетъ е (Іоан. 12, 17.).*

Все возвыщало, что съ великимъ Учителемъ, Пророкомъ и Царемъ Израилевымъ, Христомъ Іисусомъ должноствовало послѣдовать необыкновенное и при томъ страшное произшествіе. Чѣмъ болѣе возрастала любовь и уваженіе въ народѣ къ Іисусу, тѣмъ болѣе ожесточалась зависть и злоба въ фарисеяхъ противу Іисуса. Но воскресеніи Спасителемъ Лазаря, совершившемся при множествѣ народа, сами фарисеи, признавая важность и великость чуда, встревожены были мыслію, что, если они не предпримутъ рѣшительныхъ мѣръ противу Іисуса, то народъ весь увѣруетъ въ Него, какъ въ обѣтованнаго Мессію, отъ чего, по ихъ мнѣнію,

могло произойти общенародное смятеніе и возмущеніе противъ Римлянъ. Хотя выставляемое начальниками іудейскими народное смятеніе было только предлогъ: но они съ дня воскресенія Лазаря положили: непременно общественнымъ судомъ предать смерти Іисуса, и потому дали повелѣніе, что какъ скоро кто узнастъ, гдѣ Онъ находится, тотчасъ объявить бы о томъ, дабы взять Его. Ученики давно видѣли угрожающую Учителю ихъ опасность, отъ которой и себя не считали свободными (11, 16.). Самъ Іисусъ не ходилъ въ это время между Іудеями открыто, но обращался съ учениками въ пустынномъ мѣстѣ близъ города Ефрема. Изъ сего-то пустыннаго мѣста Онъ посѣтилъ еще Виноцію и своихъ друзей, Лазаря и сестръ его, безъ сомнѣнія въ павечеріи дня торжественнаго внѣшствія во Іерусалимъ, и посѣтилъ не просто, но по предваренію, отчего и приготовлена была для Него вечера. Другъ всѣхъ челоѣковъ, а особенно Другъ любящихъ Его, хотѣлъ проститься съ Своими друзьями непримѣтно для нихъ самихъ, и въ послѣдніе дни пребыванія на землѣ провести нѣсколько часовъ въ мирномъ кругѣ любящихъ Его, дабы они, не зная сами, проводили Его на предлежащій Ему подвигъ страданія.

Это провожденіе составляла вечера, можетъ быть, не великолѣпная, но исполненная любви и сердечнаго наслажденія. Вотъ какъ ученикъ

любви описываетъ намъ сію вечерю : *прежде шести дней пасхи прииде Иисусъ въ Вѣоанію, идѣже бѣ Лазарь умершій, егоже воскреси отъ мертвыхъ. Сотвориши же Ему вечерю ту.* Кто сотворилъ Ему вечерю? Сотворили тѣ, которые любили Иисуса,—какъ Учителя и Господа своего, и которыхъ любилъ Иисусъ, какъ друзей Своихъ, сотворили вечерю Лазарь и сестры его Мароа и Марія. Разумѣли ли друзья Иисусовы, когда въ совокупной любви творили учрежденіе Божественному другу своему, разумѣли ли, что провождаютъ Его на смертный подвигъ? Не довольно разумѣли, но въ любви все такъ устроили, чего требовало послѣднее время исхода Иисусова. И посмотримъ, какъ друзья Иисусовы угощаютъ Божественнаго друга своего. Мароа, по обыкновенію своему, занимается приготовленіемъ и служеніемъ при вечери; *и Мароа служаше.* Лазарь, воскресеніемъ своимъ изъ мертвыхъ представлявшій и для себя и для другихъ чудо любви къ нему Иисусовой, въ чувствѣ новой, безпредѣльной любви и благодарности раздѣлялъ вечерю съ Божественнымъ Другомъ своимъ,—*Лазарь единъ бѣ отъ возлежащихъ съ Иимъ.* Что же Марія? Пламенная въ любви къ Иисусу Марія, и теперь, какъ и прежде при угощеніи же Иисуса, оставивъ все попеченіе о угощеніи сестръ, сама сѣдши при ногу Иисусову, слушала слово Его; Марія и теперь являетъ чудо любви ко Иисусу. Она бе-

реть алебастровый сосудъ самаго чистаго, самаго драгоценнаго пардоваго мұра, сокрушаетъ сосудъ, возливаетъ мұро на ноги Иисусовы, оттираетъ ноги власами своими; и послѣку возмла на ноги цѣлый сосудъ: то отъ множества изліяннаго мұра весь домъ исполнился крѣпкимъ благовошнымъ запахомъ. *Марія же пріемши літру мұра парда чистіка многоцѣнна, помаза позь Иисусовъ, и отре власы своими позь Его: храмина же исполнися отъ вони масти благовошныя.*

Что же? Какъ оцѣнили сіе дѣйствіе любви Маріиной къ Иисусу видѣвшіе? Видѣвшіе даже и не похвалили, а еще похулили за это Марію. И вотъ отъ чего. Первый сталъ цѣнить сіе неоцѣненное дѣйствіе человѣческаго цѣною злата и сребра сребролюбивый Іуда: *чесо ради мұро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пенязъ и дано нищимъ?* Къ нему по простодушію пристали пѣкоторые ученики: *видѣше же ученицы его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сія мұрная бысть (Матт. 26, 8.)? Можаше бо сіе мұро продано быти вѣще трехъ сотъ пенязъ и датися нищимъ: и прещаху ей (Мар. 14, 5.), ронтали на нсе.* Что же на сіе Тотъ, Который дѣйствіе любви, унижаемое ложнымъ нищелюбіемъ Іуды, понималъ и принималъ въ полной любви, Который читалъ внутренніе помыслы смущавшихъ и смущавшихся,

при томъ зрѣлъ и отдаленное будущее, что на сіе Иисусъ? *Идѣйте ея, оставьте ее: упрекаетъ Онъ сокровенно сребролюбца, удерживаетъ отъ ронота простодушныхъ, успокоиваетъ самую изливающуюся съ мѣромъ въ любви Марію, идѣйте ея, дѣло бо добро содѣла о Мнѣ: нищія бо всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате. Она это соблюла на день погребенія Моего.* Спаситель и не говоритъ о томъ, какую любовь, какое благоговѣніе, какую преданность явила къ Нему Марія! Онъ очевидны были сами по себѣ, если бы Іуда не помѣшалъ видѣть ихъ. Онъ примѣняетъ только дѣйствіе Маріи къ послѣдующему своему состоянію, что оно служитъ Его погребальнымъ приуготовленіемъ, которое, Марія не вѣдая, въ усердіи своемъ такъ благовременно устроила Ему: *оставьте ее: добро дѣло содѣла о Мнѣ: возліявши бо сія миро сіе на тѣло Мое, на погребеніе Мя сотвори* (Матт. 26, 12.). За симъ уже показывается и то, какого достоинства дѣло содѣлала Марія: *Аминь глаголю вамъ; идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется, и еже сотвори сія, въ память ея.*

Такъ Иисусъ благоволительнымъ присутствіемъ Своимъ съ учениками на вечери, приготовленной Лазаремъ и сестрами его, показалъ вообще любовь Свою къ нимъ, какъ друзьямъ Своимъ, предъ самою кончиною Своею, а осо-

беннымъ свидѣтельствомъ о пламенномъ усердіи и любви Маріи, помазавшей Его на погребеніе, показалъ то Божественное благоволеніе, что Онъ любящихъ и прославляющихъ Его прославляетъ для славы Божіей и для подражанія въ благочестіи и на земли. Аминь.

НЕДѢЛЯ ВАЙЪ.

О ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ВШЕСТВІИ

ИСУСА ХРИСТА ВО ІЕРУСАЛИМЪ.

Радуйся змло дици Сіоня. Се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ (Зах. 9, 9. Мато. 21, 5.).

Постоящее празднество, недѣля вайъ, воспріяло наименованіе свое отъ торжественной встрѣчи Спасителя съ вайями, зеленѣющими древесными вѣтвями, при вшествіи Его во Іерусалимъ. Святая Церковь, усугубляя для чадъ Своихъ торжество славнаго вшествія Спасителя во Іерусалимъ, предваряетъ оное другимъ торжествомъ о чудесномъ воскресеніи изъ мертвыхъ Лазаря. Препровождая Спасителя на крестную смерть для совершенія общаго всѣхъ воскресенія отъ духовной смерти, она прежде торжествуетъ воскресеніе Лазаря, друга Христова, какъ опытное удостовѣреніе въ общемъ всѣхъ воскресеніи по кончинѣ міра. Эти священнѣйшія

произшествія, исполненныя Божественной сла-
дости и утѣшенія, и по времени и по своему
спасительному дѣйствію неразрывно между со-
бою связуются. Воскрешеніе Христомъ друга
Своего возвеличиваетъ славу Его предъ наро-
домъ. А слава воскрешенія Лазаря, препол-
нивъ народъ, во множествѣ собравшійся на
праздникъ пасхи во Иерусалимъ, благоговѣніемъ
къ Іисусу, уготовила Ему славное срътеніе и
торжественное внѣствіе во Иерусалимъ. *Сего
ради и сръте Его народъ*, замѣчаетъ Еванге-
листъ, *яко слышаша Его сіе сотвориша знаменіе.*
(Іоан. 12, 18.). Въ ознаменованіе настоящаго
торжества, послѣ повѣствованія о воскрешеніи
Лазаря, предложимъ повѣствованіе о торжест-
венномъ внѣствіи Спасителя во Иерусалимъ.

Шествуя во Иерусалимъ на конечный подви-
гъ для совершенія великаго дѣла искупленія, Гос-
подь не доходя до Иерусалима, остановился въ
Вноаніи. Здѣсь на вечери, уготованной любо-
вію и преданностію друзей, сестра Лазарева
Марія, движимая благоговѣніемъ и благодарно-
стію къ Благодѣтелю, возмываетъ на главу Его
многоцѣнный сосудъ съ благовонными мастьми.
Народъ, который въ безчисленномъ множествѣ
отсеюду шелъ во Иерусалимъ на праздникъ пас-
хи, услышавъ о приходѣ Іисуса въ Вноанію, во
множествѣ посѣпннлъ и туда, дабы видѣть не
только Іисуса, но и Лазаря. А распаляемые за-

вистію фарисеи положили убить и самого Лазаря.

Возліяніємъ мура на позѣ (Іоан. 12, 5.) и главу (Матѣ. 26, 7.) отъ Маріи, приуготовленный къ живоносному страданію и погребенію, въ слѣдующій день Христось, Царь Израилевъ, шествуетъ во Іерусалимъ пріяти царство, но царство не міра сего, а царство духовное, дабы воцариться въ душахъ и сердцахъ человѣческихъ истиною, правдою, миромъ, святостію. Господь, предприѣмая это послѣднее, по особенному Божественному намѣренію, во исполненіе пророчества, совершаемое шествіе во Іерусалимъ, куда Онъ дѣйствительно шествовалъ, какъ Царь Израилевъ, воспріять крестомъ и воскресеніемъ царство всемірное, благодатное, и Самъ уготовляетъ средства къ царственному своему шествію. Онъ посылаетъ двухъ учениковъ въ ближайшую весь,—эта весь Вносфагія,—привести оттуда для предприѣмаемаго шествія осли и жребя, которые стояли уже готовыми, бывъ привязаны въ извѣстномъ мѣстѣ хозяиномъ, (смотрительно къ тому предрасположеннымъ) (Матѣ. 21.). Ученики, по повелѣнію Господа, привели ослицу и жребя, накрыли ихъ одеждами своими и посадили Его на нихъ. И вотъ по пророчеству Захаріи, шествуетъ Царь Праведный, Царь-Спаситель — въ кротости, сѣдя на подъяремникѣ и жребцѣ юномъ (Зах. 9, 9.), или, какъ яснѣе говорится у Евангелистовъ,

попеременно возѣдя на ослицѣ (Мато. 21, 5. 7.) и на жребяти осли (Іоан. 12, 15.). Ослица означала народъ Іудейскій, давно уже носившій ярмо закона, а жребя осле означало язычниковъ, которыхъ Спаситель векорѣ имѣлъ призвать изъ невѣрія въ вѣру, изъ нихъ собрать и основать Свою Церковь, и на нихъ духовно возѣдать словомъ вѣры, правдою Евангелія и водительствою Духа Своего, дабы всѣхъ приводить во единый народъ и во едино благодатное царство, въ Церковь Свою.

Шествіе Христово во Іерусалимъ при возѣданіи на ослицѣ и жребяти осли, хотя было знаменіемъ славы и власти, но славы и власти тихой, кроткой, миролюбивой, какъ некогда Судии Израилевы, возѣдя на ослѣхъ бѣлыхъ (Суд. 5.), проходили по всей землѣ обѣтованной, дабы правдою и истиною судить и умиротворять народъ Божій. Посему и знаменательное шествіе Спасителя было образомъ того, что сей Царь душъ и сердець шель не удивить наружною славою, не изумить блескомъ вѣшняго величія, шель не грозно на конехъ и колесницахъ, чтобы удаляли и разгоняли отъ пути шествія Его народъ. Нѣтъ! Онъ шель такъ, чтобы всѣ могли приближаться къ Нему, дабы и Ему Самому къ каждому изъ приближающихся, приблизиться, приблизиться внутренно, пріискренно благодатною силою Своею, приблизиться и воцариться въ сердцѣ каждого дѣйствіемъ Сво-

его Божественнаго искупленія и пріобрѣтенной искупленіемъ правды и освященія. Вотъ почему какъ радостнѣйшая, утѣшительнѣйшая вѣсть и возвѣщается дщери Сіоной, возвѣщается во первыхъ Церкви вообще, потомъ въ частности всякой душѣ грѣхами озлобленной и ради неправдъ своихъ скорбящей: *не бойся дщи Сіоня: се Царь твой грядетъ съди на жребяти осли* (Іоан. 12, 15.), возвѣщается потому, что Христосъ, Царь Израилевъ грядетъ въ кротости и правдѣ, грядетъ миловать и спасать.

Соотвѣтственная учинена была и встрѣча кроткому Царю. Учинена была встрѣча и торжественная, а нече некрепкая, сердечная, исполненная любви и усердія. Ученики, возложивъ одежды свои на ослицу и жребя, попеременно посаждали Его на нихъ, а множество народа постилали ризы своя по пути, другіе рѣзали съ деревь вѣтви и постилали по пути, всѣ же предшествовавшіе и слѣдовавшіе за Нимъ единогласно зывали: *осанна сыну Давидову, благословенъ грядый во имя Господне: осанна въ вышнихъ* (Матт. 21, 7—9.). Торжественною встрѣчею народъ выражалъ общее чувство любви къ Іисусу, Божественному Учителю и Пророку, къ небесному Благотворителю, содѣлавшему между ними только дивныхъ, великихъ, благодѣтельныхъ чудесъ. Постилая одежды, они съ одеждами постилали сердца свои, въ знаменіе преданности своей. Срѣтая Его съ ваіями,

съ зеленѣющими вѣтвями деревьевъ, этою че-
стію, которая обыкновенно была воздаваема по-
бѣдителямъ, невольно выражали то высокое чув-
ство, что, дѣйствуя такою силою, каковую до-
селе являли въ нихъ Иисусъ, хотя это не сила
оружія и меча, но сила кротости, правды и бла-
гости, Онъ побѣдитъ враговъ Своихъ и спасетъ
народъ Свой. А потому все единогласно воскли-
цали: *осанна сыну Давидову*, осанна кроткому,
благословенному Сыну кроткаго, благочестиваго
праотца, восклицали гласомъ, выразившимъ при-
вѣтствіе торжества, мира, спасенія и всехъ
благъ. Только суетумудрые и высокомерные фа-
рисеи не принимали участія въ общей радости.
Не терпя слышать хваленій шествующему во
имя Господне, они въ негодованіи готовы бы-
ли воспретить хвалебныя восклицанія въ честь
Господа даже невиннымъ дѣтямъ; но дѣти дви-
жимы были къ хваленію Господа не просто дѣт-
скимъ чувствомъ по общему гласу восклицно-
веній, а силою Духа Святаго, во исполненіе
гласа пророческаго: *изъ устъ младенцевъ и сеу-
щихъ совершилъ еси хвалу* (Мато. 21, 16.), такъ
что, по слову самаго благохвалимаго и воздви-
гавшаго ихъ къ благохваленію, если бы они
умолчали, *каменіе возопіяло бы* (Іук. 19, 40.).
Только жалко невѣріе и ожесточеніе! Оно само
себя лишаетъ радости и утѣшенія!

Христіане! Мы знаемъ, что Господь Иисусъ,
и только смиренно и только славно шествовав-

шій во Іерусалимъ, шествовалъ воцариться не въ чувственномъ Іерусалимѣ надъ плотскимъ Израилемъ;—нѣтъ! Плотскимъ Израилемъ Онъ векорѣ былъ отверженъ, осужденъ и преданъ попокойной смерти, какъ злодѣй; но шествовалъ воцариться въ духовномъ Іерусалимѣ, во всемъ мірѣ надъ душами человѣческими. Убо Тотъ, Который есть *вчера и днесь, Той же и вовлкъ* (Евр. 13, 8.), и нынѣ духовно грядетъ къ намъ, яко царь и Спаситель нашъ. Посему какъ вообще Церковь, такъ въ особенности каждая вѣрующая душа, яко область Бога и Христа, и приуготовляется нынѣ съ тою же торжественностію радостнымъ гласомъ пророческимъ къ принятію грядущаго на спасеніе людей Своихъ Господа: *радуйся зело дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Іерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаей, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жеребца юна* (Зах. 9, 9.). И мы, когда являемъ нынѣ внѣшнія знаменія благоговѣйной радости, приедемъ въ руки ваія и гласомъ пѣсенныхъ хвалений привѣтствуемъ и встрѣчаемъ мысленно грядущаго къ намъ Спаса-Господа, что иное свидѣтельствуемъ, какъ не готовность нашу принять Спасителя нашего въ сердца наши, дабы Онъ дѣйствіемъ благодати Своея пришелъ къ намъ и явилъ въ насъ благословенное царство Свое?

А ищущій спасенія нашего Господь, по безконечной благодати Своей, того только и хо-

ищетъ, чтобы мы воспріяли Его въ души наши; Онъ даже стоитъ при заключенныхъ дверехъ сердець нашихъ, толчетъ и зоветъ, дабы мы, услышавъ гласъ Его, отверзли двери Ему, и Онъ бы вошелъ и вселился въ насъ. *Се стою при дверехъ и толку, вѣщаетъ Онъ таинственно къ каждому изъ насъ, аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему и вечераю съ нимъ и той со Мною.* (Апок. 3, 20.). Кто же изъ насъ не возжелаетъ принять въ домъ души своея Спасителя и Господа, принять сокрушеніемъ о грѣхахъ, очищеніемъ неправдъ, направленіемъ сердца, преслѣяніемъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, особенно въ самоотверженіи, кротости, смиреніи? Царя славы, кроткаго и смиреннаго сердцемъ нельзя принять безъ кротости и самоотверженія въ сердцѣ.

Такъ, изъ примѣра Божественной кротости и смиренія Господа, Царя и Спасителя нашего, научимся кротости, которой и Самъ Онъ явленно научаетъ насъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обратите покой душамъ вашимъ* (Мато. 11, 29.). Взирая на сей Божественный примѣръ и внимая только же Божественному наставленію Апостола Павла, потщимся стяжать тотъ христіанскій правъ и свойство, чтобы *кротость наша разумна была вслѣдъ челоукомъ* (Фил. 4, 5.).

Въ сей кротости и самоотверженіи сопроводимъ Спасителя нашего на Божественный по-

двигъ страстей Его за насъ; въ сей кротости, сокрушеніи и смиреніи послѣдуемъ за Нимъ на Голгооу; въ сей кротости и преданности въ волю Божию будемъ шествовать въ слѣдъ Его и во всѣхъ стезяхъ жизни нашей. И мы истинно обрящемъ и временный и вѣчный покой душамъ нашимъ. Аминь.

СЛОВО І.

ВЪ ПЕДѢЛЮ ВАІЙ.

КАКЪ МЫ ДОЛЖНЫ СОПРОВОЖДАТЬ СПАСИТЕЛЯ НА СТРАДАНИЕ.

*Да исходимъ къ Иему въ стана, попошеніе
Его носяще (Евр. 13, 13.).*

Пышѣ чтенное Евангеліе представляетъ намъ торжественное вшествіе Спасителя въ Иерусалимъ, какъ Царя Израилева, Который, по мнѣнію народа, шествовалъ въ столицу Іудейскую воспріять открыто царство Давида, Отца Своего (Лук. 19, 11), а потому, какъ будущій побѣдитель враговъ народа Израильскаго, въ Которомъ исполнялись все долговременныя ожиданія его, и встрѣченъ былъ всенародно съ ваіями, вѣтвями и радостными привѣтственными восклицаніями: осанна сыну Давидову! Каковое вшествіе толь свѣтло и празднуеть пышѣ святая Церковь.

Христіане! Встрѣтимъ съ ваіями любви, съ вѣтвями добрыхъ дѣлъ, съ восклицаніями благоговѣйнаго послушанія, кроткаго Царя Израилева, Христа Господа, грядущаго во имя Отца Своего воцариться не въ чувствennomъ Іерусалимѣ надъ плотскимъ Израилемъ, которымъ Онъ вскорѣ отвергнуть, осудить, и, какъ злодѣй, преданъ поносной смерти; но шествующаго воцариться въ духовномъ Іерусалимѣ, въ Церкви Своей, надъ душами вѣрными; встрѣтимъ, и въ знаменіе безпредѣльной преданности нашей къ Нему, постелемъ предъ Нимъ не ризы, а сердца и души наши, дабы Онъ пришелъ и воцарился въ насъ благодатно Своею.

Но не забудемъ сперва сопроводить Господа на подвигъ спасительныхъ страданій Его за насъ, сопроводить по примѣру Маріи, изліяніемъ мѹра на позѣ Его, мѹра преданности, любви, благоговѣнія нашего къ Нему, какъ Искупителю нашему, не токмо во Іерусалимѣ, но и на Голгооу, нося поношеніе Его и идя въ слѣдъ Его, путемъ креста Его. Мы и не можемъ торжественно срѣтить Грядущаго духовно царствовать въ насъ, если прежде не сопроводимъ Его на поносныя страданія и смерть, которыя Онъ претерпѣлъ за насъ и возвелъ со славою въ царство Отца Своего. Если мы не будемъ сопровождать Его на крестномъ пути страданій и хотя издалека не потщимся видѣть

кончипу Его: то лишимся радости узрѣть славу воскресенія Его.

Какъ же мы должны сопровождать Подвигоположника нашего на крестномъ пути спасительныхъ за насъ страданій Его?

Да исходимъ къ Нему вѣнъ стана, поношеніе Его посяще. Не иначе мы должны сопровождать Иисуса на крестномъ пути страданій Его, какъ сострадая Ему и сраспинаясь съ Нимъ. И не въ сѣн токмо священные дни Христоподражательной скорби должны мы страдать со Христомъ; но и во всѣ дни, во всѣхъ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни нашей и въ болѣзняхъ тѣла, и въ немощахъ души, и въ уничиженіи чести, и въ лишеніи благъ, и въ неблагопріятствѣ высшихъ, и въ нерасположенности нисшихъ, и въ сопротивленіи чуждыхъ, и въ нестроеніяхъ ближнихъ нашихъ, словомъ: во всѣхъ внутреннихъ и вѣншнихъ скорбяхъ должны мы со Христомъ страдать и распинаться.

А дабы страдая со Христомъ, и прославиться съ Нимъ, надлежитъ намъ въ такомъ же расположеніи духа принимать и переносить скорби и страданія наши, въ какомъ расположеніи духа совершалъ свои страданія Христосъ. Какъ же страдалъ Христосъ? Возьмемъ нѣкоторыя черты изъ обстоятельствъ послѣдняго времени Его; и посмотримъ, какъ исходилъ Иисусъ на крестныя страданія и съ какимъ расположеніемъ принималъ оныя?

Исходъ Иисуса на страданія былъ послѣ тайной вечери съ учениками. Это была для Иисуса послѣдняя вечеря въ земной жизни Его, которую Онъ Самъ особенно желалъ вкушать съ учениками Своими (Лук. 22, 15.). На сей таинственной вечери Онъ въ залогъ безпредѣльной любви Своей къ намъ, заповѣдалъ и предлагалъ ученикамъ Своимъ въ спасительную пищу плоть и кровь Свою подъ видомъ хлѣба и вина, готовясь тотчасъ же принести всего Себя за насъ на крестномъ жертвенникѣ; на ней не безъ скорби указалъ и предателя Своего; отселѣ съ учениками Своими пошелъ прямо на ожидавшія Его страданія. Въ какомъ же расположеніи пошелъ Иисусъ съ учениками съ вечера? И *воспльвшие*, говоритъ Евангелистъ Матсей (26, 30) и Маркъ (14, 26.), *изыдоша въ гору Елеонскую*. Итакъ вотъ Иисусъ пошелъ пить чашу страданій, чашу горчайшую, отъ которой человечество Его приходило въ трепетъ и изнеможеніе, и однакожъ идетъ благодушно съ пѣніемъ. Не можетъ быть пѣли ученики, а Иисусъ молчалъ. Запѣли ли бы ученики безъ Иисуса? Если бы Божественное лице Учителя не сіяло радостію и уста не отверзались къ благохваленію, гдѣ бы могли взять себѣ ученики радости и пѣнопѣнія? Итакъ Иисусъ и ученики вкушъ *воспльвшие изыдоша*, а посему Иисусъ въ благодушій, а паче въ радости и веселіи пошелъ на страданія.

И мы въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи будемъ встрѣчать прилучающіяся намъ скорби. Если онѣ легки, мы спокойствіемъ сдѣлаемъ ихъ еще легче; если тяжки, облегчимъ ихъ; если онѣ могутъ быть отклонены, мы въ спокойномъ состояніи способны будемъ предпринять мѣры къ отклоненію ихъ; если неизбѣжны, приготовимся къ твердому и благодушному перенесенію ихъ. Если попущены для испытанія нашего терпѣнія, для искушенія нашей вѣры и упованія, при спокойствіи мы будемъ къ себѣ внимательнѣе, въ обстоящихъ насъ противностяхъ благоразсудительнѣе; въ отношеніи къ испытующему насъ преданію и въ упованіи на Него непоколебимѣе. Если скорби посланы для очищенія нашей грѣховности, для пробужденія насъ отъ самозабвенія: то при спокойствіи духа, яснѣе сознавая множество душевныхъ болѣзней своихъ, живѣе будемъ чувствовать благодѣтельность скорбнаго врачеванія, и благоговѣнно не повѣдуя правоту судовъ Божіихъ въ наказаніи неправдъ нашихъ, тверже будемъ полагать и вѣрнѣе исполнять предъ Богомъ намѣреніе о нашемъ исправленіи. Въ спокойномъ состояніи, и среди тяжкихъ скорбей, мы способны будемъ и благомыслию разсуждать, и благочестиво чувствовать, и право поступать. А это и составляетъ цѣль, для которой посылаются на насъ скорби, чтобы ввести насъ въ сознаніе нашей грѣховности, научить

благодушному терпѣнію, какъ спасительному средству очищенія, и укрѣпить въ христіанскомъ унованіи и преданности въ волю Божію, дабы *искушеніе нашея вѣры многочестнѣйшее злата гибнуща, огнемъ же искушена обрѣлось въ похвалу и честь и славу, во откровеніи Іисуса Христовъ* (1 Пет. 1, 7.). Душевный миръ и спокойствіе есть твердое огражденіе житейской храмины нашея противу бурь и вѣтровъ заключеній.

Но дабы и при разлитіи рѣкъ, и при возвѣяніи сильныхъ вѣтровъ душевная храмина наша въ самомъ основаніи своемъ была тверда; дабы мы при всякихъ прекословіяхъ и противодѣйствіи намъ, при всякихъ напастяхъ и злключеніяхъ могли соблюсти благочестивое разсужденіе въ нашемъ умѣ, благоговѣйное чувство въ сердцѣ, внутреннюю предъ Богомъ правоту въ дѣйствіи и благоустроенность въ самомъ словѣ: для сего необходимо намъ привести себя въ то самое чувствованіе, въ которомъ воспріялъ, понесъ и претерпѣлъ за насъ все страданія Христосъ.

Въ какомъ же чувствованіи претерпѣвалъ Спаситель нашъ все страданія за насъ? Страданія всего лучше показываютъ, чѣмъ исполнено сердце. И все состояніе уничиженія Спасителя показываетъ, что Онъ изъ любви истощилъ Себя ради насъ. Но послѣднія крестныя страданія Его всего яснѣе показываютъ, что и въ сіе мрачное время владычества злобы человѣ-

ческой надъ Богочеловѣкомъ любовію исполнено было сердце Его. Хотя Спаситель страдалъ за насъ, какъ Ходатай и Споручникъ нашъ, чтобы по благодѣланію Своему спасти насъ; однакожь представимъ, за кого Онъ страдалъ? Вообще страдалъ за неблагодарный и злоправный міръ, который Имъ сотворенъ, но который Его,—Творца своего, не позналъ; частіе страдалъ за Свой избранный, возлюбленный народъ, который Его цѣлыя тысячелѣтія нетерпѣливо ожидалъ; а когда Онъ, какъ тихій свѣтъ святыя славы, какъ утѣха Израилева, къ нему пришелъ, не принялъ Его, но отвергъ и Благодѣтеля, какъ злодѣя, неправеднымъ судомъ осудивъ, съ разбойниками пригвоздивъ ко кресту; далѣе страдалъ за будущихъ своихъ послѣдователей, — христіанъ, которые своими преступленіями, враждами, пороками будутъ тысящекратно распинать Его жестокае Іудеевъ и язычниковъ. Но, нѣдя страдать за лежащій во злѣ міръ; — страдать за враговъ и за тѣхъ, которые жесточайшимъ образомъ будутъ враждовать и противу Него и между собою, о чемъ Онъ въ послѣднія, предсмертныя минуты всего болѣе говоритъ съ учениками Своими? Всего болѣе говоритъ о любви; говоритъ, что хотя міръ Его ненавидитъ (Іоан. 15, 18.), но міръ долженъ разумѣть, что Онъ любитъ его; ибо любитъ Отца, Который по любви къ міру послалъ Его для спасенія міра, и все, что

Онъ ни творить вразсужденіи міра, творить по заповѣди Отца, т. е. по заповѣди любви (14, 31.); что по сей заповѣди Онъ полагаетъ дупіу Свою и за друзей и за ненавидящихъ (15, 13. 24), что и всѣмъ послѣдователямъ своимъ первою и главнѣйшею заповѣдію оставляетъ любовь. Наконецъ продолжительную Свою послѣднюю бесѣду, въ которой преимущественно говоритъ о любви, чѣмъ Онъ заключилъ почти при видѣ уже приближающихся къ Нему враговъ? Заключилъ пламениѣйшею молитвою къ Отцу, дабы Онъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него привелъ въ единеніе и любовь, дабы и самый міръ чрезъ сіе могъ быть приведенъ въ чувство вѣры и любви. Такимъ образомъ исполненный любовью къ Богу и человѣкамъ Иисусъ, приступая къ страданіямъ, и предателя Своего, подошедшаго къ Нему съ лстивымъ лобзаніемъ, встрѣтилъ взоромъ и привѣтомъ дружественнымъ: *друзе! твори на неже еси пришелъ* (Матѣ. 26, 50.); *пришедшимъ съ оружіемъ и дрекольми взять Его предавъ Себя добровольно: не мене ищите, оставите сихъ ити* (Іоан. 18, 3.). И весь крестный путь до самой смерти совершилъ въ такомъ Божественномъ незлобіи и кротости, что, по Апостолу, *укоряемый противу неукоряше, страда не прещаше*: по и неправду судившихъ Его и поношенія поносившихъ предавалъ Отцу Своему, Судіи Праведному (1 Пет. 2, 23.), а самъ даже и на крестѣ

молился за Своихъ распинателей: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23. 34), молился и за всѣхъ насъ, какъ за падшее твореніе Свое, какъ за непослушныхъ рабовъ, какъ за неблагодарныхъ сыновъ. Божественная зиждительная любовь низвела Его на землю; она же усаждала для Него и всѣ страданія за насъ.

Будемъ и мы въ незлобїи принимать и въ любви терпѣть и заслуженныя и попущенныя, и малыя и великія, и отъ чуждыхъ и отъ своихъ наносимыя намъ огорченія и злословія. Въ любви будемъ терпѣть скорби заслуженныя, какъ плату за долгъ, какъ врачевство въ недугахъ, какъ средство возбужденія, употребляемое рукою благодати, дабы намъ возстать и исправиться. Скорби попущенныя станемъ сносить бодренно, какъ искушеніе нашей вѣры, испытаніе упованія, какъ упражненіе въ самоотверженіи. Въ любви легкія огорченія будемъ переносить легко, тяжкія безъ возмущенія; будемъ переносить отъ своихъ, какъ отъ своихъ, которыхъ необходимо должны любить, отъ чуждыхъ, какъ отъ такихъ, которыхъ, по ученію Христову, должны стараться любить; вообще же будемъ умѣть пзвинять оскорбляющихъ насъ въ принимаемыхъ намъ оскорбленіяхъ общимъ всѣмъ намъ невѣдѣніемъ, обыкновенною человѣческою слабостію, неизбѣжнымъ дѣйствіемъ страстей, возбуждаемыхъ общимъ врагомъ христіанскаго мира и согласія; будемъ умѣть укрѣплять себя

въ благорасположеніи и къ нерасположеннымъ къ намъ, укрѣплять тѣмъ, что мы нашею любовію можемъ приобрѣсти ихъ себѣ, приобрѣсти Богу, приобрѣсти имъ самимъ, если благимъ дѣйствіемъ нашимъ смягчимъ ихъ сердца, — приведемъ ихъ въ благое чувство и въ благоустроенное дѣйствованіе. Сколь много и сколь долго терпѣть намъ Богъ по благодати Своей, дабы привести насъ въ сознаніе самихъ себя? И мы должны благодушно терпѣть скорби и незлобиво прощать озлобляющихъ насъ, дабы всячески себя исправить и кого либо *приобрѣсти Богу и спасти*. Вотъ сила и крѣпость Христоподражательнаго терпѣнія, вотъ сладостная награда въ страданіяхъ для христіанской любви !

Но дабы намъ по примѣру Спасителя нашего совершиться въ терпѣніи : то, по Его же примѣру, будемъ просить себѣ силы свыше для утвержденія насъ въ терпѣніи. Спаситель, вступая во всемірный подвигъ страданій, какъ человекъ, Ходатай Бога и человекъ, трижды съ воплемъ крѣпкимъ и слезами (Евр. 5, 7.), преклонивъ колѣна, молился къ Отцу Своему, молился съ такою силою, что кровавыя капли падали на землю. Онъ молилъ Отца Своего, что если возможно, благоволилъ бы пронести мимо Его чашу страданій; а впрочемъ совершенно предавался въ волю Отца Своего. Среди молитвы явился Ему съ небесъ Ангелъ для

укрѣпленія Его, однакожъ и послѣ того Онъ еще прилежнѣ молился (Лук. 22, 44.).

Если Самъ Подвигоположникъ нашъ, будучи въ подвигѣ страданій, пламенно молился: то какъ не молиться намъ въ страданіяхъ своихъ? Какъ не молиться намъ тѣмъ постояннѣ и неослабнѣ, чѣмъ больше и тягостнѣ обременяютъ насъ страданія? Какъ не молиться умиленно и сокрушенно Господу, по благому и премудрому строенію Котораго постигаютъ насъ всѣ скорби, чтобы Онъ ниспослалъ свѣтъ нашему уму, миръ сердцу, твердость волѣ, дабы мы въ тишинѣ духа срътали, въ преданности Святой волѣ Его переносили и болѣзни тѣла, и уныніе духа, и тѣсноту дѣлъ, и всякія скорбныя обстоянія жизни, и все это какъ къ послѣдней цѣли направляли къ исправленію нашему? Когда мы постоянно будемъ укрѣплять себя молитвою и въ молитвенномъ расположеніи ума и сердца во всемъ предаваться въ Святую волю Божию: тогда, если и посреди сѣни смертныя пойдемъ, не убоимся зла, не поколеблемся на пути христіанскаго терпѣнія. Жезлъ силы Божіей и мышца защищенія будутъ насъ ограждать, укрѣплять, спасать. *Тако, отложивши всяку горестъ, и гнѣвъ, и ярость и кличъ и хулу со всякою злобою* (Еф. 4, 31.), съ терпѣніемъ да исходимъ за Христомъ внѣ стана житейскаго малодушія, легкомыслія и тщеславія, *попошеніе Христова носяще* (Евр. 15, 13.).

И да вѣдаемъ къ великому утѣшенію нашему, что, если мы всякія приключаются намъ огорченія будемъ встрѣчать въ спокойствіи духа, принимать въ любви къ Богу и ближнимъ, переносить въ силѣ Божіей, непрестанно моляся о укрѣпленіи насъ въ скорбяхъ и о прощеніи оскорбляющихъ насъ: тогда и мы, подобно Маріи, будемъ воздвигать многоцѣнное муро на главу Іисусову, и отирать власами своими ноги Его; и мы, подобно Іосифу Аримаосйскому, плащаницею чистою будемъ обвивать и благоуханными вонями будемъ помазывать пречистое тѣло Іисусово. Аминь.

С Л О В О И.

О Т О М Ъ ,

ЧТО ИСУСЪ ХРИСТОСЪ

СОДѢЛЫВАЕТЪ ВЪ НАСЪ

СПАСЕНІЕ ПРАВДОЮ И КРОТОСТІЮ.

Радуйся зъло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Иерусалимля: се Царь твой грядетъ тебѣ праведенъ, и спасаай, той кротокъ, и вселѣ на подъяремника и жребца юна. (Зах. 9, 9.).

Какъ было не радоваться, какъ не проповѣдать о своей радости дщери Сіоновой, когда по благовѣстію пророческому шествовалъ къ ней Царь Праведный, Царь-Спаситель, давно ей обѣщанный и давно ею ожидаемый, Царь, пришествіе Котораго время отъ времени непрестанно становилось для народа Божія нужнѣе, необходимѣе. Народъ Божій также, какъ и язычники страдалъ отъ неправдъ и беззаконій. Четырнадцать лѣтъ гибнущъ Израиль за преступ-

лсїя въ пустыни. И въ землѣ обѣтованной частовременно стеналъ подъ игомъ порабощенїя Ханансевъ за идолопоклонство. При Давидѣ видѣлъ плоды праведнаго царствованїя. Но при преемникахъ Давидовыхъ за неправды свои Израиль отверженъ, а Иуда преданъ въ плѣнъ вавилонскій. Во времена Пророка Захарїи хотя возвращенъ былъ плѣнъ Сїонъ изъ Вавилона, но слѣды плѣна долго не изглаждались. Иерусалимъ и послѣ возстановленїя долго оставался безъ устройства. Устроился, но неправды народа вскорѣ опять слѣлами его добычею сильныхъ враговъ; неправды умножались, умножались и враги и наконецъ подвергли Иерусалимъ владычеству Римлянъ. Какъ же было не радоваться, какъ не торжествовать дочери Сїоновой, когда Пророкъ, такъ сказать, перстомъ указывалъ ей шествіе и приближеніе Царя праведнаго, Спасителя: *Се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасающій.*

Но можно ли было вполне радоваться дочери Сїоновой о Спасителѣ своемъ и о своемъ спасенїи въ немъ? Царь Праведный, Царь Спаситель шелъ къ ней въ кротости, и въ знаменїе кротости возсѣдалъ на подъяремникѣ и юномъ жребцѣ, или какъ сказано у Евангелистовъ, возсѣдалъ на ослицѣ (Матт. 21, 5) и жребяти осли (Іоан. 12, 15.)? Что шелъ Царь Праведный и шелъ спасти, въ этомъ отношенїи было о чемъ радоваться дочери Сїоновой и чадамъ

ся. Царь Праведный могъ возстановить въ силѣ законъ, исправить поврежденіе правовъ, изгнать неправды изъ судовъ, обманъ съ торжнщъ, безчиніе съ стогнъ, злонавіе изъ домовъ, неблагочестіе изъ храма, роскошь изъ градовъ, строптивость изъ вссей, губительство съ путей пустынныхъ и всюду водворить правоту и порядокъ. Шествіе Царя Праведнаго не могло не радовать дочеръ Сіона. Но Царь кроткій, Царь миролюбивый, возсѣдающій на жребяти осли, какъ нѣкогда ѣздили для умпротворенія Израіля мирные Судіи Израілевы (Суд. 5, 10.), что могъ сдѣлать противу полчищъ враждебныхъ народовъ, противу коней и колесницъ египетскихъ, противу лука и копія сурскаго, противу крѣпкаго оружія елліискаго, а еще крѣпчайшаго оружія римскаго, начинавшаго уже поработать всю вселенную?

И такъ благовѣствующій гласъ дочери Сіоновой о Царѣ праведномъ, Спасителѣ, по Спасителѣ кроткомъ, удовлетворялъ ли ожиданіямъ чадъ озлобленнаго Іерусалима, изъ состоянія Іудеевъ, современныхъ Пророку Захаріи, видѣть неудобно; а удовлетворилъ ли дѣйствительно кроткій Царь Спаситель самымъ пришествіемъ своимъ ожиданіямъ чадъ поработеннаго Римлянами Сіона, это довольно извѣстно изъ того, какъ Онъ принятъ былъ чадами Сіона. Какъ Онъ былъ принятъ? *Во своя пріиде, и свои Его не пріяша* (Іоан. 1, 11.). А хотя малымъ чи-

сломъ кроткихъ и на жребяти осли Онъ принятъ былъ, какъ сынъ Давидовъ, какъ Царь, грядущій во имя Господне, но отъ князей и мудрыхъ вѣка сего былъ презрѣнъ и отвергнутъ.

Посему видно, что и изъ отдаленія не слишкомъ веселилъ чадъ бѣдствующаго Иерусалима пророческій гласъ о Царѣ кроткомъ. И въ самомъ принествіи кроткій Царь нерадостно былъ принятъ, а еще хуже того выпровожденъ изъ области царства Своего, изъ среды народа Своего. Извѣстно, какъ Онъ былъ выпровожденъ; былъ выпровожденъ оплеваніями, заушеніями, бичеваніемъ, выпровожденъ увѣчанный терновымъ вѣнцемъ, напоенный желчію, вознесенный вмѣсто престола на крестъ по среди разбойниковъ.

Какъ же согласить торжественный пророческій гласъ, возбуждающій дочь Сіонову къ радости: *радуйся зѣло, дщи Сіоня, проповѣдуй дщи Иерусалимля: се царь твой грядетъ тебѣ праведенъ и спасаѣй, той кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна*, какъ согласить съ тѣмъ нерадостнымъ расположеніемъ, съ которымъ дочь Сіонова приняла праведнаго, кроткаго Царя своего, Спасителя? Кроткій ли Царь не представлялъ въ Себѣ утѣшительной силы къ спасенію бѣдствовавшей дочери Сіона, бѣдствовавшихъ отъ вѣншихъ, а паче внутреннихъ нестроений Иудеевъ? Или обремененные бѣдствіями Иудеи не поняли кроткаго своего

Царя, Спасителя и не умѣли воспользоваться кроткимъ, спасительнымъ посѣщеніемъ Его?

Опытъ вѣковъ доказалъ, что Иудеи не поняли кроткаго Царя своего, Спасителя, соблазнились смиреннымъ видомъ Его, и, отвергнувъ Его, какъ камень непригодный къ строенію, лишили себя благъ принесеннаго Имъ спасенія. Для князей вѣка сего, для книжниковъ и фарисеевъ, которые Премудрость Божию, кроткаго и смиреннаго сердцемъ Иисуса не уразумѣли, и не уразумѣвъ Господа славы распяли (1 Кор. 2, 8.), для этихъ гордыхъ сыновъ синагоги больше было бы радости, если бы Царь Праведный пришелъ къ нимъ со славою и силою многою, пришелъ на конехъ и колесницахъ, дабы явленіемъ славы Своея поразить внѣшнихъ враговъ Иерусалима, вознестн избранный народъ на верхъ славы, и содѣлать его княземъ и повелителемъ по всей землѣ.

Дѣйствительно Иудеи по плотскимъ понятіямъ ожидали себѣ славнаго Мессію и съ Имъ наступленія золотаго вѣка, — внѣшняго, жптейскаго, гражданскаго благоденствія. Но это помышленія человѣческія о минимомъ благѣ своемъ, а не совѣтъ Божій о спасеніи человѣческомъ. Богъ спасаетъ насъ силою Своею. Но въ насъ содѣлываетъ спасеніе наше правдою и кротостію. Почтимъ смиреннымъ размышленіемъ о семъ настоящемъ свѣтломъ торжествѣ.

Не похвалимся тотчасъ, христіане, предъ Іудеями лучшими расположеніями къ Спасителю нашему. Мнѣніе Іудеевъ о Христѣ, кроткомъ Спасителѣ, есть общее мнѣніе всеѣхъ плотскихъ человѣковъ. Іудей, не думая о внутреннемъ не-правленіи своихъ правовъ, объ очищеніи ума и сердца, дабы въ правдѣ и смиреніи служить Богу, ожидали себѣ Мессію, Царя сильнаго, побѣдителя враговъ, который, какъ глава ихъ, вознесетъ ихъ съ собою на верхъ славы. Они думали только о участіи въ славѣ Мессіи. А о томъ, достойны ли были славы, и какъ достойно могутъ участвовать въ славѣ Мессіи, не думали. Потому имъ и не понравился кроткій, смиренный Мессія.

Мы сами по плотскимъ мыслямъ и расположеніямъ не таковы ли же, какъ Іудей? Всеѣ любимъ Іисуса, Побѣдителя, Избавителя, Искупителя, Спасителя! Но также ли любимъ Іисуса Подвигоположника, Іисуса Обличителя, Наказателя, Исправителя, Очистителя? И мы съ Іудеями удивляемся чудесамъ Іисусовымъ, восхищаемся медоточнымъ ученіемъ Его; въ сонмѣ слушателей, во множествѣ одержимыхъ недугами, ходимъ за великимъ Пророкомъ и Учителемъ Израилевымъ по градамъ и всеямъ, присуствуемъ за вечерами Его въ храмахъ, за бесѣдами въ домахъ, вездѣ, гдѣ Іисусъ является окруженнымъ множествомъ почитателей. Но любя славу, утѣшенія, величіе Іисусово, многіе ли

изъ насъ любятъ нищету, уничиженіе, крестъ, самоотверженіе Иисусово? Многіе ли послѣ вѣчерн утѣшенія идутъ съ Иисусомъ въ Геосенманскій садъ, и тамъ скорбятъ, тужатъ, среди потоковъ слезъ молятся съ Нимъ о грѣхахъ своихъ? Тѣмъ паче многіе ли остаются при Иисусѣ, когда со оружіемъ и дрекольми берутъ Иисуса: какъ разбойника, связаннаго ведутъ на судъ начальниковъ іудейскихъ, фарисеевъ и саддукеевъ, лицемеровъ и самолюбцевъ, этихъ заклятыхъ враговъ Иисусовыхъ? Многіе ли слѣдуютъ за Иисусомъ, когда ведутъ невиннаго Иисуса къ Ироду на посмѣяніе, къ Пилату на осужденіе? Многіе ли съ плачемъ идутъ за Иисусомъ, подъ тяжкимъ крестомъ среди толпы ругающихся, идущимъ по улицамъ іерусалимскимъ, въ изнеможеніи идущимъ на Голгоуу для распятія? Многіе ли на Голгоѣ съ Матеріею Иисусовою и возлюбленнымъ ученикомъ Его, стоя въ глубокой горести при крестѣ Его, состраждутъ Иисусу, срапинаются съ Нимъ страстями своимъ, умираютъ своею любогрѣховностію, и спогребаются Ему, совлекаясь ветхаго челоуѣка съ растлѣнными дѣяньми его, дабы воскреснуть съ Нимъ въ жизнь правды и чистоты, въ жизнь добродѣтелей и христіанскаго совершенства?

Такъ истинно, мы любимъ Иисуса, какъ Искупителя и Спасителя нашего, любимъ силу и славу, утѣшенія и дары Его; но не любимъ креста Христова, скорбей и страданій ради цар-

ства Его, которыми надлежитъ намъ очищаться, дабы уподобиться Христу и войти съ Нимъ въ славу Его. По плотскому человѣку нашему мы желали бы, чтобы Спаситель нашъ былъ Царь сильный и совершалъ въ насъ спасеніе съ крѣпостію и славою многою; чтобы велъ насъ путемъ спасенія не среди знаменій униженія и смиренія, но велъ среди свободы, независимости, чести, среди обилія и наслажденій, по крайней мѣрѣ среди довольства, тишины и непркосовенности отъ бѣдъ и скорбей. Скорби, болѣзни, тѣснота, униженіе, лишеніе, это пререканіе и соблазнъ для плотскаго нашего человѣка, хотя въ самомъ дѣлѣ онѣ суть вѣрный путь къ внутреннему совершенству нашему, къ познанію себя и своихъ слабостей, къ очищенію сердца, къ преспѣянію въ добрѣ, къ пріобрѣтенію христіанской правоты, къ стяжанію небснаго блаженства Іисусава. Когда постигаютъ насъ противности, мы подъемлемъ ропотъ противу праведнаго и кроткаго Спасителя, что Онъ путемъ скорбей и униженія ведетъ насъ къ спасенію. Мы желали бы быть совершенными, не трудясь надъ усовершеніемъ себя; желали бы обладать блаженствомъ, не подвизаясь для пріобрѣтенія блаженства; желали бы, чтобы жизнь наша текла въ мирѣ, дѣла въ благословеніи, и чтобы это безъ нашихъ усилій совершалъ Іисусъ силою Своею внѣ насъ, безъ насъ. Такъ мы легкомысленно думаемъ о

спасеніи по плотскому человѣку нашему. Но да вѣдаемъ по истинному разуму святой и совершенной воли Божіей, что Царь нашъ, содѣлавшій спасеніе міра на крестѣ посреди земли въ удовлетвореніе правосудію Божію, и въ насъ самихъ содѣлываетъ спасеніе правдою и кротостію.

Спасеніе наше не есть дѣло внѣшнее, которое могло бы внѣ насъ начаться и внѣ насъ совершиться; нѣтъ! Бывъ начато внѣ насъ Начальникомъ спасенія, должно за тѣмъ начаться и совершиться въ насъ, какъ въ новомъ твореніи Его, какъ въ чадахъ благодати Его, какъ въ ученикахъ небснаго ученія Его, какъ послѣдователяхъ Божественной жизни Его. Что—если бы солнце, это лучезарное свѣтло дня, вдалекѣ отъ насъ блистало въ полномъ сіяніи, но въ близости не озаряло насъ свѣтомъ своимъ, не согрѣвало теплотою, было ли бы такъ благотворно, такъ сладостно для насъ? И духовное солнце правды, Христосъ, сколько бы само въ себѣ ни было лучезарно, какою бы ни исполнено было добротою совершенствъ, если бы не сообщалось намъ своими дѣйствіями, мы не могли бы ощущать въ себѣ умнаго свѣта Его, непытывать небесныхъ добротъ Его, принимать жнеотворное вліяніе силы Его. Христосъ оставался бы въ Своей славѣ и величій внѣ насъ, а мы въ праздномъ созерцаніи оставались бы въ своемъ уничиженіи внѣ Его. Спаситель міра

пришелъ къ намъ не для того, чтобы возсіяты Божественными добротами внѣ насъ. Онъ прежде вѣкъ имѣлъ славу у Отца, и выну сіяеть Своими совершенствами внѣ насъ. Иѣтъ! Сыиъ Божій пришелъ спасти насъ; пришелъ явить Свои совершенства въ насъ, явить Свой свѣтъ въ умѣ нашемъ, Свою жизнь въ сердцѣ нашемъ, силу правды и святости въ волѣ нашей. Спасеніе, содѣваемое Спасителемъ нашимъ, есть благодатное обновленіе падшаго и растлѣннаго грѣхомъ естества нашего, есть возстановленіе въ насъ образа Божія, Божественныхъ свойствъ въ духовномъ существѣ и силахъ души нашей; возстановленіе истины Божіей въ умѣ, истиннаго добра въ сердцѣ, возстановленіе силы къ совершенію добра въ волѣ. Въ естественномъ состояніи растлѣнные грѣхомъ мы омрачены для истины смысломъ, окаменѣны для добра сердцемъ, немощны для совершенія благой воли Божіей въ волѣ. Въ благодатномъ состояніи во Христѣ, какъ въ премудрости, правдѣ и силѣ Божіей намъ во спасеніе, облакаясь въ новаго человека, созданнаго по Богу въ праведности и святости, мы просвѣщаемся въ нашемъ умѣ истиннымъ познаніемъ Бога; очищаемся въ сердцѣ любовію къ Богу, укрѣпляемся въ волѣ къ творенію благой и совершенной воли Божіей.

Спаситель, дабы обратитъ насъ отъ тмы къ свѣту, отъ области сатанины къ Богу, и утвердитъ въ хожденіи предъ Богомъ истинною и

правдою, снисшедши въ долыя, какъ востокъ съ высоты, озарилъ насъ во тмѣ невѣденія свѣтомъ Божественнаго ученія Своего; какъ небесная теплота явилася намъ живымъ примѣромъ добродѣтелей Своихъ, и Своею смертію возстановивъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніями, возсіялъ намъ воскресеніемъ, какъ сила Божія для укрѣпленія нашего на пути къ Богоподобию совершенству. Для сего Сынъ Божій воспріятіемъ нашего естества, низвелъ Себя въ нашу ограниченность, дабы безпредѣльнымъ приближеніемъ къ намъ, сколько возможно, приблизивъ насъ къ Себѣ, вселиться въ насъ Своею благодатію, вообразиться свойствамъ, дѣйствовать Своею силою, и являть Свои совершенства. Какъ же Спаситель нашъ все сіе совершилъ во спасеніе наше? О глубина премудрости и благодати Божіей! Пріискренивъ пріобщившись нашего естества, совершилъ съ безпредѣльнымъ снисхожденіемъ, кротостію, долготерпѣніемъ, — совершилъ крестомъ и крестною смертію.

Чада новоблагодатнаго Сіона! Радуетесь ли мы, что спасающій насъ правдою Своею, совершеннымъ неомыслимымъ воли о насъ Отца Небеснаго, Царь нашъ только кротокъ, что отъ яслей, въ которыхъ по рожденіи былъ положенъ, до креста, на которомъ за насъ распятъ, и до гроба, въ которомъ, яко мертвъ, заключенъ, во всю жизнь непрестанно пещоца въ Себя для спасенія нашего? И можетъ ли быть ра-

дость для насъ больше той радости, что Праведный Царь нашъ, Спаситель, безконечно кротокъ и благъ? Мы сами по себѣ неоплатные должники предъ Правосудіемъ Божіимъ; токмо вѣчная Правда, Сынъ Божій могъ принести и принесть за насъ достойную жертву правосудію Божію. Непреложная правда Его требуетъ, чтобы и мы, послѣдую примѣру Его, также святы были, какъ Онъ святъ (1 Пет. 1, 16.). Требованіе для нашей грѣховности невыполнимое. Но вотъ крѣпость нашей вѣры, утвержденіе надежды, сила любви! Спаситель нашъ праведенъ, но вкупѣ *кротокъ*, и, какъ Самъ о Себѣ говоритъ, *смирень сердцемъ* (Матт. 11, 29.); кротокъ, и некушенный по всяческимъ вѣдаетъ человѣческую немощь; и потому непрестанно призываетъ къ Себѣ грѣшниковъ, приближаетъ удаляющихся, принимаетъ обращающихся, прощаетъ и оправдываетъ кающихся.

Итакъ, сынове Сіони, не только вы, правдою и кротостію взыскующіе славу Сіона, и по слѣдамъ праведнаго Царя-Спасителя право шествующіе путемъ спасенія; но паче вы, обремененные грѣхами, уничиженные неправдами, скорбящіе о своемъ уклоненіи на стропотныя стези и оплакивающіе своевольное удаленіе отъ спасенія, ободритесь, утѣшьте, возвеселитесь! Се Спаситель нашъ праведенъ и кротокъ. Правдою Своею Онъ призываетъ насъ къ Себѣ, какъ Источникъ исцѣленій и Податель пріобрѣтен-

ныхъ намъ благъ; а кротостію Своею всемѣрно приспособляясь къ грѣховнымъ немощамъ нашимъ, и приспособляя немощь нашу къ пріятію спасительныхъ дѣйствій Своихъ, какъ небесный Врачъ и Цѣлитель, готовъ приложить пластырь милосердія на раны и язвы наши, сколько бы ни тяжки, ни смертоносны были, только бы мы принесли и открыли предъ Нимъ душевныя болѣзни наши. Какими бы кто ни болѣзновалъ душевными недугами, какими бы ни связанъ былъ грѣховными узами, прійди къ Нему, какъ пришла грѣшница, прикоснись вѣрою, какъ кровоточивая, воззови съ сокрушеніемъ, какъ мытарь, восплачь о паденіи своемъ, какъ Петръ, обратись и реки съ упованіемъ, какъ разбойникъ на крестѣ, и ты будешь разрѣшенъ, оправданъ, помилованъ и благосердо воспріять кроткимъ и милосердымъ Спасителемъ въ царство благодати Его.

Сынове и дщери новоблагодатнаго Сіона, Церкви Христовой, стяжанной кровію Его! Праведный и кроткій Царь нашъ, Спаситель, пришелъ къ намъ не съ силою плотскаго оружія низложить враговъ нашихъ, какъ чувственно воображали себѣ плотскіе Іудеи; но пришелъ спасти насъ правдою и возвысить кротостію Своею, дабы просвѣтитъ, исправитъ и укрѣпитъ благодатию сердца наши, и силою внутренней Своей правды и мира побѣдитъ и внутрь и внѣ обдержанія насъ неправды и зло, и такимъ образомъ

содѣлать насъ правыми и благими, вѣрными Богу и преданными въ святую волю Его. По-
тщимся быть достойными праведнаго и кроткаго Спасителя нашего. Спасая насъ безконечною правдою Своею, Онъ принесъ Себя въ жертву Правосудію Божию, дабы избавить насъ отъ всякаго беззаконія и очистить Себѣ народъ избранный, ревностный къ добрымъ дѣламъ (Тим. 2, 14.). Спасая насъ кротостію Своею, и кроткимъ гласомъ милосердія непрестанно призывая насъ къ Себѣ отъ обременяющихъ насъ суетъ и страстей, Онъ хочетъ, чтобы мы, непрестанно падающіе и паденіями своимъ отъ Него удаляющіеся, ежечасно обращались къ Нему, и получали отъ Него милость и прощеніе.

Почему грѣшимъ мы противу правды и кротости Спасителя нашего, когда съ упорствомъ и нераскаянностію сердца предаемся растлѣннымъ нашимъ привычкамъ и страстямъ, хотя по безпредѣльной кротости и долготерпѣнію Своему и долго ожидаетъ нашего обращенія Господь? Но если мы, не внимая тому, что благодать Его на покаяніе насъ ведетъ, безпечно продолжаемъ нашими грѣхами огорчать Его милосердіе, и не ищемъ помилванія покаяніемъ: то правда Его обращается противу насъ въ правосудіе, и кротость въ праведный гнѣвъ. И тогда мы собираемъ себѣ гнѣвъ на день гнѣва и откровенія праведнаго Суда Божія (Рим. 2, 4. 5.).

Нынѣ, когда св. Церковъ апостольскимъ гласомъ заповѣдуетъ намъ и радоваться: *радуйтесь всегда о Господь и нажи реку: радуйтесь*, и быть кроткими такъ, чтобы кротость наша понятна была всеѣмъ человѣкамъ (Фил. 4, 4. 5.), нынѣ особенно правдою и кротостію уготовимъ сердца наши грядущему въ оныя праведному и кроткому Спасителю нашему. Нынѣ Господь грядетъ въ правдѣ и кротости на вольныя за насъ страданія, дабы чрезъ Него и въ насъ милость и истина срѣтлись, правда и миръ облобызались. Итакъ нынѣ, когда Господь близъ насъ, особенно пребудемъ въ правдѣ и кротости, и праведный, кроткій Спаситель нашъ Самъ возвеселитъ насъ въ день воскресенія Своего внутреннимъ вѣщаніемъ радости: *радуйтесь*. Аминь.

СЛОВО III.

О СВОЙСТВѢ И ДѢЙСТВІИ

КРОТОСТИ.

*Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ
человѣкомъ. Господь близъ. (Фил. 4, 5. 6.).*

Какъ это апостольское, слышанное нами на-
ставленіе о кротости, удивительно согласуетъ
съ пророческимъ, въ чтенномъ нынѣ Евангеліи
слышаннымъ возвѣщеніемъ дщери Сіоновой о
шествіи къ ней кроткаго Царя-Спасителя: *ра-
дуйся зпло дщи Сіоня: се Царь твой грядетъ
тебѣ кротокъ!*

Апостоль даетъ намъ наставленіе быть крот-
кими, такъ, чтобы кротость наша была извѣст-
на всѣмъ человѣкамъ, и присовокупляетъ:
*Господь близъ, Господь близко, Господь готовъ
прийти къ намъ, пріосѣнить насъ Своєю благо-
датію, посему намъ надлежитъ быть въ тихомъ,*

благоговѣйномъ расположеніи, чтобы достойно принять Господа и быть въ благодатномъ общеніи съ Нимъ.

А Пророкъ Захарія въ Евангеліи восторгаетъ нынѣ радостию дочеръ Сіонову, народъ Іудейскій, что грядетъ къ нему Спаситель, — Царь кроткій: *радуися злыо дщи Сіоня: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ*: Іудей, давно ожидающаго обѣщаннаго Избавителя Сіона (Рим. 11, 26.), который прекратитъ все бѣдствія народа Божія и возставитъ царство Давидово (Дѣян. 15, 16.), не сомнѣвался, что сильный крѣпостию Избавитель содѣластъ народъ Іудейскій господствующимъ народомъ въ мірѣ. Но при помышленіи о величіи Мессіи, давали мѣсто и той мысли, что сдѣла ли будетъ Онъ въ величіи Своемъ ко всѣмъ равно близокъ, для всѣхъ любособщителенъ, доступенъ? Пророкъ и на это тайное помышленіе отвѣтствуетъ, воззывая народъ Іудейскій, въ особенности жителей Іерусалима, къ радости, что ожидаемый ими Избавитель идетъ уже близко: *се Царь твой грядетъ*, идетъ для спасенія ихъ со славою и силою, но вмѣстѣ и въ благодатной кротости, по которой будетъ близокъ ко всѣмъ, и къ самымъ бѣднымъ, простымъ и униженнымъ, и всѣхъ приближающихся къ Нему будетъ благовоительно приближать къ Себѣ, а будучи ко всѣмъ близокъ, будетъ общимъ утѣшителемъ, помощникомъ, защитникомъ, другомъ: *радуися*

а́зъ Дщи Сио́ня: се Царь твой грядетъ тебѣ кротокъ.

Таковъ и былъ возлюбленный Сынъ Небеснаго Отца, Иису́съ, пришедшій утѣшить всѣхъ плачущихъ, исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣннымъ отпущеніе, связанныхъ разрѣшить на свободу (Иса. 61, 1. 2.). Онъ принималъ приходящихъ къ Нему, Самъ благосердо призывалъ къ себѣ всѣхъ скорбящихъ, призывалъ обремененныхъ грѣхамъ къ покаянію, сокрушенныхъ сердцемъ къ исцѣленію. *Приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы: возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обряцете покой душамъ вашимъ.* (Матѹ. 11, 28. 29.).

Послѣдователи кроткаго Иису́са! Господь Иису́съ, спасній и спасающій насъ безпредѣльною кротостію и любовію, примѣромъ Своимъ и насъ паучаетъ кротости, чтобы мы, кротостію создавая себя и другихъ, достигали въ блаженный покой мира и радости о Душѣ Святѣ.

Дабы по примѣру Спасителя нашего быть намъ кроткими и смиренными сердцемъ всегда и ко всѣмъ, а особенно въ сін священные дни, когда Спаситель нашъ снисшелъ Божественною кротостію Своею до креста, и смирилъ Себя до смерти рад и насъ: поучимся истинной кротости, и для сего познаемъ свойство и дѣйствіе кротости.

Кротость есть тихое, спокойное, въ высшей степени незлобивое, миролюбивое расположеніе духа. Обладающій таковымъ свойствомъ, для возможнаго соблюденія и въ самомъ себѣ и внѣ себя ненаружимаго мира, тихо и спокойно располагаетъ все свои поступки и дѣйствія. Отвѣкая въ себѣ всякое самолюбіе, въ обыкновенномъ порядкѣ отношеній воздастъ всеѣмъ свое должное, высшимъ оказываетъ не дѣстное почитеніе, равнымъ отдастъ даже предпочтеніе, съ низшими поступаетъ, какъ равный имъ. А дабы блюсти миръ и съ немирными и содержать себя въ мирномъ расположеніи и въ разсужденіи различныхъ прекословіи и противоположеній: то часто для сего въ самыхъ существенныхъ правахъ бываетъ уступивъ, и въ самыхъ справедливыхъ требованіяхъ незыскателемъ, и, при постоянномъ обладаніи самимъ собою, и тяжкія оскорбленія принимаетъ безъ огорченія, и явное противленіе безъ раздраженія, и презрѣніе безъ смущенія и личныя непріятности безъ малодушія, но съ незлобіемъ и простотою всепрощающаго сердца; принимаетъ оскорбленіе отъ высшихъ, какъ вразумленіе, отъ равныхъ, какъ предостереженіе, отъ низшихъ, какъ дѣйствіе обыкновенной слабости человѣческой, по которой люди всегда склоняе къ персудамъ и осужденію, нежели къ безпристрастному саморазсужденію. Когда же причиняемое поношеніе, упадая на лице его, распространяетъ уни-

чиженіе на доброе имя и достоинство званія его, и обращается въ соблазнъ и предосудженіе: тогда онъ и частно и открыто защищаетъ честь имени и званія своего, но защищаетъ такъ, что даетъ говорить за себя одной чистой истинѣ, говорить голосомъ сильнымъ, безтрепетнымъ, но спокойнымъ и чуждымъ всякаго рвенія и пристрастія.

Такъ дѣйствуетъ кроткій въ частномъ отношеніи, такъ и въ общественномъ, съ тою только разностію, что послѣдствія въ общественномъ отношеніи дѣйствія его должны простираться во благо многихъ: то при обязанности направлять силы и свои и другихъ къ распространенію добра и къ обузданію зла, человекъ кроткій уже съ дальновиднымъ благоразуміемъ и съ предусмотрительными намѣреніями учреждаетъ все дѣйствія свои. Уступаетъ сопротивленію, дабы послѣ успѣшнѣе воздѣйствовать ко благу и самыхъ противниковъ; терпитъ великое зло, дабы внезапнымъ переломомъ не подавить вмѣстѣ и добра, сноситъ непорядки и преступленія, дабы постепеннымъ исправленіемъ, и своевременнымъ—выждаемымъ воздѣйствіемъ смягчить самое ожесточеніе, привести въ чувство уснувшую разсѣянность и расположить самихъ непорочныхъ къ добровольному заглаженію своихъ порочныхъ склонностей. Такъ кроткій все предпріимаетъ и производитъ осмотрительно, спо-

койно, разсудительно, дабы все совершать въ тишинѣ и къ общему благу.

Прежде нежели увидимъ силу кроткаго дѣйствованія въ челоѣкахъ и надъ челоѣками, замѣтимъ, что образъ онаго находится въ цѣлой природѣ. Немного видимъ и слышимъ тамъ грозныхъ, потрясающихъ явленій. Онѣ есть; но бывають по особеннымъ необычайнымъ причинамъ. Всегдашнее теченіе въ природѣ совершается безмолвно, тихо, спокойно. Безмолвно протекають надъ нами необъятныя небесныя свѣтила. Тихо происходятъ въ общемъ и повсеместномъ дѣлательницѣ естества разнообразныя стихійныя работы. Спокойно въ сокровенной храмницѣ своей творить и создаетъ неутомимая художница природа. Любообильно износятся произведенія изъ плодотворныхъ недръ своихъ, но уже въ полномъ или предначатомъ образованіи.

Скажемъ болѣе: таково дѣйствованіе Самаго Бога. Всесильный и Всемогуцій дѣйствуетъ пресмиренно и прекротно. Всегдашній—обыкновенный образъ дѣйствованія Его на непокорныя твари, есть долготерпѣніе и кротость. Сими болѣе способами править и приводить Онъ подъ Свое владычество разумную, но непокорную нашу природу. Посему-то *Образъ Упостаси* (Евр. 1, 5.) небеснаго Отца, Единородный Сынъ Божій, *Божія сила и прелюдность* (1 Кор. 1, 24.) въ знаменіе koliko всемірной искупитель-

ной жертвы, толико и безконечной Божественной кротости преимущественно носить именованіе *Агнца*. И почудимся, какъ сей Божественный Агнецъ, прежде чуждый и невѣдомый строптивому міру, сдѣлася Господомъ и Христомъ. Сдѣлася Господомъ не избоденіемъ и сотреніемъ противныхъ, но кротостію и долготерпѣніемъ. Агнчесю кротостію, какъ представляетъ намъ въ своемъ тайнозрѣніи Богословъ, побѣждаетъ Онъ свирѣпыхъ звѣрей, страшныхъ драконовъ (Ап. 17, 14.), и такимъ образомъ въ знаменіе всепобѣждающей силы является уже въ вѣщественномъ изображеніи льва (Ап. 5, 5.). И кто не видитъ въ агнцѣ семь дѣйствій львиной силы и крѣпости?

Теперь посмотримъ на дѣйствіе кротости въ кругѣ болѣе простомъ и къ намъ близкомъ, — въ обыкновенныхъ отношеніяхъ начальниковъ къ подчиненнымъ, домовладыкъ къ домоладчамъ, и еще въ простѣйшихъ, — общежительныхъ нашихъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Кротость, говоритъ одинъ (*) изъ извѣдавшихъ внутреннюю силу кротости, есть облаченіе Божества, смиреннаго до воспріятія уничиженнаго человѣчества, дабы безпрепятственнѣе приблизиться къ человѣку и приблизить въ общеніе съ собою человѣка. И такъ если кротость есть облаченіе Божества, то въ крото-

(*) Исаакъ Сиринъ.

сти есть свойство и сила Божества. Въ самомъ дѣлѣ никакое свойство въ человѣкѣ не плѣняетъ и не привлекаетъ насъ столько, какъ кротость. Другія, даже и достоуважаемыя нами качества дѣйствуютъ на насъ нѣкоторою силою принужденія; но кротость тихимъ вліяніемъ своимъ непринужденно располагаетъ къ себѣ сердца наши. Мы уважаемъ пропипательность, но отъ зоркихъ взоровъ также искусно стараемся и закрыть себя. Почитаемъ строгость жизни, ревнующую о исполненіи долга, и уступаемъ неотступному на насъ дѣйствию ея во благо наше, но не безъ внутренняго принужденія. Не можемъ не любить благодѣтельность, но не безъ примѣси тонкаго своекорыстія. До благоговѣнія уважаемъ великія дарованія ума и сердца, а часто остаемся при одномъ холодномъ уваженіи. Но кротость почитаемъ непринужденно, любимъ некрепко, слушаемъ охотно, разверзаемъ предъ нею сердца наши съ довѣренностію. Сердце наше, не смотря на пріобрѣтенную скрытность и лѣсть, пося въ себѣ неизгладимое чувство простоты и свободы, любитъ простоту и откровенность, любитъ безъ закрытія, иногда предаваться изліянію внутреннихъ чувствъ. Посему когда обрѣтаетъ пріятное, дружественное на него дѣйствіе не стѣняющее его свободы, не выводящее его изъ состоянія покоя, не доводящее до горькаго чувствованія униженія и рабства, оно повинуется со всею преданностію,

тогда какъ напряженное, усиленное, принужденное на него дѣйствіе, возбуждая въ немъ чувство неволи, естественно не можетъ не быть для него тягостно. Важный и суровый видъ, строгое и грозное повелѣніе, открытое обнаруженіе власти, если и пріемлется, то съ уваженіемъ недовѣрчивымъ, съ расположеніемъ боязни, съ чувствованіемъ стѣсненія. Отселѣ у слишкомъ строгихъ начальниковъ и домовладыкъ больше, по видимому, виѣшняго порядка, но также принужденія и рабства; равно внутренняго непослушанія, а нерѣдко нестроенія и безпорядковъ. Истинный миръ и спокойствіе,—это доброе и красное, по Псалмопѣвцу, достояніе совокупной жизни, не безъ труда тамъ обитають, между тѣмъ какъ Ангелъ мира пріосѣняетъ надъ достояніемъ кроткихъ начальниковъ. Сердца ихъ подчиненныхъ оживлены радостію, уста исполнены благословеній, свобода чувствованій и глубокое благопокореніе сливаются въ восхищительное согласіе и внутреннихъ и виѣшнихъ ихъ дѣйствій. Встрѣчая съ радостію послушную ревность, съ искреннимъ собогѣзнованіемъ слабость, чистымъ взоромъ любви укрощая дерзость, молчаніемъ и тихимъ успокоеніемъ быстрое возбужденіе страсти, смирненіемъ постыжая гордость, уваженіемъ вознося смиренную, безъотвѣтную тихость, со всеміи соединяясь безпритворнымъ примѣненіемъ себя къ свойствамъ каждаго, кроткіе сплюю неспособнаго въ

терпѣніи, всегда мирнаго, ничѣмъ невозмущаемаго духа все объемлють, всемъ овладѣваютъ, на все распространяютъ могущественное вліяніе, производя въ однихъ новую ревность, въ другихъ благопокорность, во всехъ искренность и преданность сердца. Итъ! не бойтесь, кроткіе и мирные начальники! не бойтесь своеволія отъ вашей кротости, или утраты важности отъ благоснисхожденія. Сближаясь съ подчиненными смиренномудріемъ, но далеко отстоя отъ ихъ слабостей, вы никогда съ ними не смѣшаетесь. Порокъ ничего столько не уважаетъ и не страшится, какъ тихой, непорочной, но и неусыпно бдящей надъ нимъ власти. Часто ожесточаясь отъ тяжкихъ наказаній, онъ растаеваешь отъ искренняго о немъ сердоболія. Кто изъ насъ не испыталъ сего или во вліяніи на другихъ или во вліяніи отъ другихъ?

Если столь могущественно вліяніе кротости въ порядкѣ власти и подчиненія: то въ простыхъ, обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ кротость еще могущественнѣе дѣйствуетъ на сердца наши. Въ каждомъ свободномъ кругѣ и отдѣльномъ обществѣ умный дѣйствуетъ на мнѣнія знаніями, знатный уваженіемъ, богатый великолѣпіемъ, сильный могуществомъ, а кроткій и смиренный общему довѣренностію на сердца. Съ кроткимъ у насъ мирная, назидательная беседа, искренній совѣтъ, прямая откровенность, свободное обращеніе, внутреннее утѣшеніе и отрада духа.

Но кого, противовѣщаетъ намъ опытъ, кого также болѣе и ненаказаніе притѣняютъ дерзкіе, угнѣтають сильные, поносятъ несмысленные, какъ не смиренныхъ и кроткихъ? Не рѣдко одніѣ обиды достаются имъ въ послѣдіе, и уничтоженіе становится землею ихъ достоянія.

Не смущаемся. Есть у кроткихъ благословенная земля послѣдія, дарованная имъ Отцемъ небеснымъ, куда они безопасно удаляются отъ вѣхъ нападеній, и гдѣ не досягаютъ ихъ возмутительныя прираженія. Эта земля есть умирное, благоустроенное и въ Богѣ утвержденное ихъ сердце.

Христіанская кротость, какъ сказали, есть мирное состояніе духа. Она пріобрѣтается долговременнымъ усмиреніемъ гнѣвныхъ, раздражительныхъ движеній духа, обыкновенно возникающаго отъ мнимаго оскорбленія нашего самолюбія, не терпящаго себѣ противнаго, и есть плодъ трудныхъ надъ сердцемъ побѣдъ до совершеннаго его покоренія разуму Христову; отчего умирное сердце по какому бы направленію скорбей ни было ведено, идетъ въ духѣ смиренія и терпѣнія Христова. Привыкнуши уступать сопротивленію и, подобно воску, умягчившись отъ злостраданій, некушенное въ горнилѣ скорбей сердце становится наконецъ способнымъ удерживать въ себѣ одніѣ токмо впечатлѣнія добра, а всякое прираженіе зла пропускаетъ мимо забвеніемъ. Таково сердце кроткое. Это

подлинный отпечатокъ кроткаго и смиреннаго сердца Иисусова; также *не преречетъ* упорнымъ противорѣчіемъ, *не возопіетъ* гнѣвнымъ обличеніемъ, *не услышится* на распутіяхъ ни въ ронотномъ гласѣ негодованія, ни въ шумномъ противоугроженія, *сокрушенныя трости* противленія *не сломаются*, *куращагося льна* поношенія *не погаситъ* (Матѳ. 12, 19, 20.); но побѣждаетъ все терпѣніемъ, правотою, миромъ, благодѣтельностью и благоразуміемъ. Кто же опустошитъ эту мирнымъ пріосѣщеніемъ Св. Духа огражденную землю? *Господь даруетъ смиреннымъ* внутреннюю, утѣнительную *благодать*, по которой они, не только съ терпѣніемъ переносятъ огорченія, съ радостію нѣютъ горестъ скорбей, какъ сладость, но отъ избытка любви болѣзнуютъ паче о своихъ оскорбителяхъ. Возмущенію противу ихъ обоганіемъ, злорѣчіемъ однихъ, они возобладаютъ довѣріемъ надъ другими. Пожени смиреннаго изъ одного мѣста въ другое. Господь дастъ ему благодать и тамъ. Сердце, неполненное внутренняго мира, всюду принесетъ миръ, и вездѣ найдетъ миръ и въ палатахъ и въ хижинахъ и въ градѣ и въ пустыняхъ. Или лучше: мирное съ собою, мирное съ ненавидящими мира, — сплюю любви оно излѣнитъ во взаимную любовь самыхъ враговъ своихъ. Отселе собственное благословенное послѣдіе кроткихъ есть земля безмятежія. *Кротцыи, говорятъ Псаломъвецъ, наследуютъ землю и*

наслаждаются множествомъ мира. (Псал. 36, 11.). И самъ Господь, противящійся гордымъ, и благоволительно признающій на смиренныхъ, не оставляетъ жезла гордыхъ на жребій смиренныхъ. Часто возноситъ ихъ изъ уничиженія и посаждаетъ съ Царями, какъ Иосифа, низлагаетъ предъ ними враговъ ихъ, какъ Амана предъ Мардохеемъ, даетъ имъ силу Своего могущества торжествовать надъ вознесенной гордыней, какъ Давиду надъ Голиафомъ, и, по мѣрѣ смиренія, даетъ кроткимъ въ обиліи Свою благодать. За кротость Моисей содѣлался вождемъ и законодателемъ народа Божія, Давидъ отъ стадъ овецъ царемъ надъ всѣмъ Израилемъ, благословенная въ женахъ Марія за кротость и смиреніе содѣлалась Матерію Бога Слова.

Послѣдователи кроткаго Иисуса! По примѣру Божественнаго Учителя нашего, всѣмъ намъ заповѣдано— со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію терпѣть другъ друга любовію, и тщиться блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. 4, 23.); заповѣдано обещися, яко избраннымъ Божиимъ, въ смиреніе, кротость, долготерпѣніе и прощать другъ друга, ежели кто имѣстъ на кого пореченіе (Кол. 3, 12, 13.); повелѣно никого не злословить, не быть сварливыми, но тихими и оказывать кротость всѣмъ человѣкамъ (Тим. 3, 2.), духомъ же кротости исправлять и впадающихъ въ преступленія (Гал. 6, 1.).

Въ духѣ благодатной кротости послѣдуемъ за Подвигположникомъ нашимъ на крестныя Его подвиги за насъ. Въ эти особенно дни не про-
речемъ, не возонемъ, и да не услышится отъ насъ гласъ малодушія, жалобы, а коими паче гнѣва, осужденія, вражды, противодѣйствія, такъ какъ и Спаситель нашъ въ подвигѣ страданія за насъ, будучи укоряемъ, взаимно не укорялъ, страдая не угрожалъ, но все предавалъ праведному Судіи (1 Пет. 2, 25.) Богу Отцу. Если по слабости и небреженію нашему въ теченіе поприща Св. четырехдесятницы мы не пріобщались страданій Господа нашего подвигами поста, молитвы, и распинанія страстей нашихъ: то хотя въ эти святыя дни пріобщимся страданій Христовыхъ кротостію и смиреніемъ; да съ кроткими и смиренными внидемъ въ радость воскресенія Господа нашего. Аминь.

ПОНЕДЕЛЬНИКЪ

СТРАСТНЫЯ СЕДМИЦЫ.

Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ. (Филпп. 2, 5.).

Для насъ, христіане, которымъ предъ очами вышу преднаписуется Христосъ, и притомъ распятый, и во всякое время первымъ предметомъ помысленій и главнѣйшею цѣлю дѣйствій должно быть то, чтобы сообразоваться со Христомъ и уподобляться Ему участіемъ въ страданіяхъ Его. Но въ то время, когда Подвигположникъ спасенія нашего совершалъ самый подвигъ спасительныхъ страданій за насъ, когда скорбѣлъ и сердцемъ, и обливался кровавымъ потомъ за насъ, когда, обремененный внутреннимъ крестомъ, изнемогалъ и подъ тяжестію вѣшняго, когда поруганный, оплеванный, уязвленный, на крестѣ какъ злодѣй между двумя разбойниками истощалъ самую жизнь Свою

ради насъ , въ сіе священное время печали и сѣтованія по Божѣ, чѣмъ должно быть прене-полнено все существо наше , какъ не однимъ чувствомъ страданій Господа нашего ?

И таково настоящее время , сіи священные дни великой седмицы страданій Господа нашего, когда Онъ, уготовляясь къ совершенію спасенія нашего на крестѣ, день отъ дня приближался къ поднятію всемірныхъ страданій и крестной смерти за насъ. Какими же намъ теперь паче всего непониматься мыслями , какими мыслиться чувствованіями, какъ не тѣми, что Господь нашъ идетъ нынѣ на вольныя страданія за насъ, что Спаситель нашъ, какъ Агнецъ непорочный, уготовляетъ Себя въ жертву заколенія за насъ , что небесный Посѣтитель душъ нашихъ проводить послѣдніе дни земной жизни среди насъ? И какъ проводить? До дня послѣдней вечери проводить дни въ церкви , преподавая въ величественнѣйшихъ изображеніяхъ послѣднія наставленія Свои; проводить ночи—въ уединеніи на горѣ Элеонетѣй. А народъ, привлекаемый сладостію Божественнаго ученія Его, весь народъ съ утра приходилъ къ Нему въ церковь послушать Его (Лук. 21, 57, 38.). Какъ же мы отклонимъ взоръ отъ Спасителя нашего, какъ оставимъ Его одного скорбѣть и тужить, и до кроваваго пота молиться за насъ ? Какъ мы не поскорбимъ, не поболѣзуемъ, не постраждемъ вкупѣ съ Нимъ ? Нынѣ паче все-

го да мудрствуется въ насъ, еже и во Христа Иисуса.

Остановимся напимъ вниманіемъ на томъ, съ какими особенно расположеніями мы должны сопровождать Господа на спасительныя страданія Его за насъ, дабы и намъ приобщиться спасительныхъ страданій Его?

Съ какими расположеніями мы должны сопровождать Господа на спасительныя страданія Его, вѣрною наставницею въ семъ есть для насъ св. Церковь.

Ведя насъ за Подвигонположникомъ Иисусомъ на страданія Его, св. Церковь въ самомъ преддверіи страданій Христовыхъ, — въ первые три дни седмицы преднаписуетъ намъ три особенные урока, въ каждый день преподая особый урокъ и въ каждомъ изъ нихъ указуя особую степень духовнаго нествія за Иисусомъ. Раздѣлимъ на три дня эти великіе уроки, и потщимся обратить оныя въ дѣятельный путь послѣдованія за Иисусомъ.

Въ первый день великія седмицы страстей св. Церковь преднаписуетъ намъ особенно примѣръ цѣломудреннаго Иосифа. Изложимъ кратко происшествіе и изъяснимъ знаменованіе его.

Иосифъ, любимый сынъ патріарха Іакова, столь же прекрасный тѣлеснымъ зракомъ лица, какъ и душевною добротою ума и сердца, былъ предметомъ любви и небснаго Отца. Напрасно вознепавидѣнный братьями за сны, предзнамено-

вавиліе будущее величіе его, и за двадцать злати-
 ниць проданный изманильскимъ купцамъ въ Еги-
 петь, благодатный Іосифъ, вскорѣ въ дому го-
 сподина изъ купленнаго раба сдѣлался вѣрнымъ
 домоправителемъ и любимымъ домочадцемъ Пен-
 тефрія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный Іосифъ,
 сдѣлавшись предметомъ необузданной страсти
 жены Пентефріевой, изъ искушенія горькаго
 перешелъ къ искушенію обольстительному, все-
 го болѣе для чистоты его опасному. Полно-
 властный правитель дома Пентефріева, но и вмѣ-
 стѣ рабъ, всегда зависящій отъ маіи госпожи
 дома, Іосифъ, безвозвратно отторгнутый отъ
 благословеннаго дома отеческаго, пришлецъ въ
 чуждой землѣ языческой, видѣвшій нецѣломуд-
 ріе Египтянъ и самаго двора египетскаго, юный,
 въ цвѣтущемъ возрастѣ и красотѣ, Іосифъ не-
 престапно преслѣдуемъ былъ тайными ловлені-
 ями, и явными ласкательствами и обольщеніями
 госпожи. Но доблестный Іосифъ среди всѣхъ
 обуреваній мужественно защищается правыми
 мыслями, цѣломудренными расположеніями, а
 паче всего чувствомъ благочестія, которымъ
 напитаиъ былъ въ дому отеческомъ, и которое
 соблюдалъ какъ единственную драгоценность до-
 стоянія отеческаго. *Како сотворю глаголъ злый
 сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. 39, 9.)?
 отвѣтствуетъ онъ на всѣ коварныя предложенія
 обольстительницы. *Како сотворю глаголъ злый
 сей?* Если измѣню я, говорилъ онъ, довѣренно-

сти господина моего, который все въ дому своемъ вручилъ охраненію моему, какимъ взоромъ буду смотрѣть на него, какъ спесу степенный взоръ его? И иложимъ, что тайна можетъ сокрыться отъ пронизательности человѣческой, но утаится ли отъ всевидящаго ока Божія? Пѣтъ! *Какъ сотворю глаголъ злый сей и согрѣшу предъ Богомъ?* Такъ побѣдоносно отражая нецѣломудренныя обольщенія силою Богобоязненнаго цѣломудрія, когда навѣтницею сдѣлано открыто неистовое нападеніе на него, онъ, оставивъ одежду въ рукахъ ея, какъ птица исторгся отъ тенетъ и спасся бѣгствомъ. Какое торжество Богобоязненности! Какой высокой примѣръ цѣломудрія не только въ сѣвновной церкви плотскаго Израіля, но и въ новоблагodatной Церкви духовнаго Израіля! Какой достоподражательный примѣръ въ побѣжденіи лести юныхъ похотей не только для юношей, но и для крѣпкихъ мужей и маститыхъ старцевъ!

Подвижника цѣломудрія преслѣдуетъ клевета, воспріемлютъ темница и узы. Но побѣдитель страстей и въ темницѣ есть владыка. Невинный, цѣломудренный узникъ въ темницѣ еще паче просвѣтляется мудростію, укрѣпляется въ терпѣніи и упованіи на Бога. Мудрость его просіяваетъ и въ темницѣ; домоправитель Пентефріевъ послѣ темницы содѣлывается пророкомъ Фараона и властителемъ всего Египта, и тогда какъ, поетъ нынѣ въ похвалу его св. Церковь,

тогда какъ Іаковъ въ Хананѣ рыдалъ еще о лишеніи Іосифа, доблій во Египтѣ возсѣдалъ уже на колесницѣ и на престолѣ, яко царь почитаемъ. Не поработавъ бо сластемъ Египтянъ, онъ былъ воспрославленъ отъ Сердцевѣдца и увѣнчанъ вѣнцемъ нетлѣннымъ.

Какая же цѣль и намѣреніе св. Церкви въ представленіи намъ примѣра цѣломудрія, страданій и славы Іосифова въ предверіи подвига страданій Христовыхъ? Цѣль многообразная и многозначительная. Примѣръ Іосифа живописуетъ намъ и райское состояніе невинности въ любви Отца небеснаго, и лишеніе онаго завистию діавольскою и проданіе въ рабство грѣховное, и лесть змииную, которую и мы, какъ некогда наши Прародители, каждый обрѣтаемъ въ собственныхъ похотяхъ грѣхолюбивой плоти и которую, подобно Іосифу, должны побѣждать цѣломудренными расположеніями, а не страхомъ Божиимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ примѣрѣ невинно проданнаго за двадцать златницъ своими братьями Іосифа, и потомъ сдѣлавшагося благодѣтелемъ рода своего, живописуется Божественный, сладчайшій Іисусъ, первородный въ братіяхъ, проданный нашими неправдами въ рабство и побѣдившій за насъ лесть міра и искушенія діавола. Хотя злобою человѣческою Онъ заключенъ былъ во гробъ и низведенъ въ узилище смерти, по внутреннею силою Божества изшелъ изъ преисподнихъ, и воцарился

надъ мысленнымъ Египтомъ, надъ всеѣмъ родомъ человѣческимъ, истаевающимъ отъ глада духовнаго, дабы хлѣбомъ небеснымъ питать всеѣхъ приходящихъ къ Нему съ вѣрою. Въ примѣрѣ страданій и славы Іосифа ясно выразился образъ страданій Христовыхъ и славы Его: *не тако ли подобаше пострадати Христу и взити во славу Свою?* (Лук. 24, 26.).

И такъ первая стезя, которую преднаписуетъ намъ св. Церковь въ послѣдованіи за Спасителемъ на страданія Его, есть чистота, и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпость и мужество въ побѣжденіи плотскихъ страстей, воюющихъ на душу нашу. За Божественнымъ Подвигоположникомъ, ведущимъ насъ путемъ очистительныхъ скорбей въ первобытное состояніе правоты и блаженства, не лзя иначе слѣдовать, какъ препоясавъ чресла наши чистотою, и стягнувъ распинаніемъ плоти со страстьми и похотьми. Теперь-то особенно—въ подвигѣ послѣдованія за Христомъ на страданія Его—надлежитъ намъ распинать плоть со страстьми и похотьми! *Сіе да мудрствуется въ насъ, еже и во Христѣ Іисусѣ. Аминь.*

ВТОРИКЪ СТРАСТНЫЯ СЕДМИЦЫ.

*Да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣ-
тильницы горящія. (Лук. 12, 35.).*

Во второй день великія Седмицы страстей Христовыхъ св. Церковь преднаписуетъ къ наставленію нашему особенно примѣръ десяти дѣвъ, заимствованный изъ Евангельской притчи Спасителя (Матт. 25.). По сказанію притчи евангельской, пять дѣвъ были *мудрыя*,—были разумныя, бодрственныя, дѣятельныя, всякому доброму искусству научены и во всякомъ благомъ и полезномъ дѣланіи искусны. Другія пять дѣвъ были *юродивыя*, были неразумныя, недѣятельныя, безпечныя, никакому полезному художеству не навывкшія и ни въ какомъ благопотребномъ дѣланіи не были искусны. Тѣ и другія ожидали великаго достоинствомъ, славою и добротами Жениха, какъ Домовладыки и Царя,

ожидали, чтобы, сѣтивъ Его съ подобающею честію и торжествомъ, удостоиться войти съ Нимъ въ брачный чертогъ великолѣпнаго пира и веселія. Дѣвы мудрыя, тщательно готовясь къ сѣтенію Жениха, отъ трудолюбнаго дѣланія благоприлично снарядили себя, на пришествіе Жениха въ ночи, благолѣпно украсили и свѣтло возягли свѣтильники свои, и во всей готовности, какой требовало величіе брачнаго торжества, ожидали пришествія Жениха. Юродивыя также взяли свѣтильники, но не украсили ни себя, ни свои свѣтильники. Не занимаясь никакимъ благимъ дѣланіемъ, онѣ не только не приготовили на себя приличнаго брачному торжеству одѣянія, но по своей разсѣянности и невнимательности не запаслись достаточно и елеемъ для своихъ свѣтильниковъ. Женихъ замедлилъ прибытіемъ. Долго и много бодрствуя и готовясь къ сѣтенію Жениха, и мудрыя бодрственныя дѣвы въ часъ глубокой ночи задремали и объаты были сномъ. Вдругъ въ полночь раздается торжественный кликъ: *Се Женихъ грядетъ, исходите въ сѣтеніе Ему!* Мудрыя дѣвы, будучи благолѣпно украшены и имѣя горящіе свѣтильники, встали и были готовы сѣтить и принять шествовавшаго въ великолѣпнѣи и славѣ Жениха. Но дѣвы юродивыя, кромѣ того, что и на себѣ не имѣли приличнаго одѣянія, пробудившись, увидѣли, что свѣтильники ихъ отъ недостатка елея угасаютъ. Въ тревогѣ

и безпокойствѣ онѣ просить сѣя у мудрыхъ дѣвъ, говоря, что свѣтильники наши угасаютъ. Мудрыя дѣвы имъ отказываютъ. Подите, говорятъ имъ, подите, не теряя времени на торжище и купите. Мы теперь васъ достаточно не снабдимъ, а самихъ себя легко можемъ лишити потребнаго. Подите лучше къ продающимъ и купите. И время ли имъ было въ столь важныя, нетерпящія никакого промедленія минуты снабжать ихъ? Безпечныя прежде—съ заботливостію пошли промышлять сѣя; пошли, но въ тоже время къ брачному чертогу, въ преддверіи котораго ожидали дѣвы, со славою и торжествомъ пришелъ Женихъ. Готовыя благоукрашенныя дѣвы, съ горящими свѣтильниками, при торжественномъ гласѣ радованія вошли съ Женихомъ въ брачный чертогъ, и двери затворились. Спустя нѣсколько времени пришли съ тусклыми свѣтильниками и тѣ безпечныя дѣвы, и начали взывать: Господи, Господи, отверзи намъ. Но уже было поздно. Двери были заключены. Въ наказаніе за безпечность имъ сказано: ступайте, вамъ здѣсь нѣтъ мѣста; вы благовременно не попеклись приготовить, и я не могу принять васъ. Ступайте: я не знаю васъ. Вотъ разительный и страшный урокъ втораго дня великой Седмицы страстей!

Не нужно много говорить, что значать дѣвы-невѣсты, что значить величественный Женихъ, Царь и Господь, что значить въ ночи

приходь Его на брачное торжество, и что суть свѣтильники, необходимы для срътенія Его? Дѣвы-невѣсты суть наши души; величественный Женихъ есть Христосъ, безмертвый Женихъ душъ; ночь, въ которую дѣвы ожидаютъ пришествія Жениха, есть ночь жизни нашей, темной и мрачной въ теченіи ея; приходъ Жениха въ ночь есть неизвѣстность пришествія Христа и кончины нашей; свѣтильники, съ которыми дѣвы ожидаютъ Жениха, суть наши естественныя силы и благодатныя дарованія, долженствующія свѣтить въ насъ отъ благаго употребленія; елей—суть правыя и благія дѣла, въ которыхъ должны являть свѣтъ и сіяніе свое дарованныя намъ естественныя и благодатныя силы. Мудрыя дѣвы суть души дѣятельныя на всякое время къ срътенію Жениха, къ смертному часу и будущему блаженству правою и благою дѣятельностію себя уготовляющія; дѣвы юродивыя суть души безпечныя, лѣстною житейскою увлекающіяся, о украшеніи себя благими дѣлами не заботящіяся, и о уготовленіи къ смертному часу небрегущія. И вотъ приходитъ Женихъ въ полнощи, постигаетъ кончина людей, и съ готовностію ожидавшіе смертнаго часа переходятъ въ блаженную жизнь, а умирающіе безпечно, нераскаянно, исключаются отъ чертога славы и блаженства. Поучительнѣйшая притча! Она изображаетъ намъ всѣхъ людей, всю жизнь нашу, цѣли дѣла, и воздая-

ніе за дѣла, и особенно требуетъ отъ насъ духовной бодрственности. *Бдите*, заключаетъ Спаситель сію притчу въ Евангеліи, *бдите яко не вѣстѣ дне, ни часа, въ онѣ же Сынъ человѣческій придетъ*. (Матт. 25, 15.).

Съ какимъ же намѣреніемъ во второй день Седмицы страстей предлагается намъ во второй урокъ и наставленіе притча о десяти дѣвахъ, притча требующая отъ насъ особенно бодрственности?

И когда нужнѣе трудъ, какъ не при великости дѣла? Когда необходимѣе бодрствованіе, благопотребнѣе трезвеніе, какъ не при трудности подвига и опасности искушеній? По время страстей Христовыхъ, время, когда Господь нашъ Своимъ трудомъ, Своимъ терпѣніемъ, крестною смертію содѣлывалъ спасеніе наше, и для каждаго изъ насъ должно быть временемъ особеннаго дѣланія спасенія, временемъ особеннаго подвига сообразованія съ Подвигоположникомъ нашимъ, тѣмъ болѣе, что и для насъ это важное по отношенію къ спасенію нашему время есть время искушенія, въ которое паче всего свирѣпствуетъ противу насъ духъ тьмы, и, какъ рыкающій левъ, ищетъ восхитить насъ грѣхомъ, отторгнуть отъ Христа беззаконіемъ и содѣлать добычею своею чрезъ поработеніе господствующимъ въ насъ похотямъ. Посему въ сіе особенно время надлежитъ намъ трудолюбно дѣлать ввѣренный намъ та-

лаптъ нашихъ дѣлъ и обязанностей, надлежитъ трезвиться по повелѣнію Господа, Который, Самъ въ сіе время подвизаясь за насъ до кроваваго пота въ молитвѣ, и намъ зановѣдалъ не спать, но бодрствовать и молиться, дабы не впасть во искушеніе (Лук. 22, 40.). Духъ тьмы въ темную годину его, въ мрачное время тяжкаго духовнаго испытанія, самыхъ учениковъ Христовыхъ замышлялъ сѣять какъ пшеницу сотрясаемую въ решетѣ и кознями своими достигъ того, что одинъ ученикъ сдѣлался предателемъ, а другаго и притомъ первѣйшаго доведши до того, что онъ трижды отрекся отъ Христа, могъ бы довести вовсе и до отпаденія отъ Христа, если бы Самъ Христосъ не молился, дабы не оскудѣла вѣра его. (Лук. 22, 31. 32.). Какъ же мы безъ трезвенія, безъ бодрствованія, безъ трудолюбнаго дѣланія можемъ избѣгнуть ловленія его?

И такъ другая стезя, которую преднаписуетъ намъ Церковь въ послѣдованіи за Христомъ на подвижъ страданій Его, есть трезвеніе, бодрствованіе, трудолюбное дѣланіе съ подвизающимся до смерти Подвигоположникомъ нашимъ. Потому-то св. Церковь, въ сіе священное время побуждая насъ къ духовному бодрствованію, къ молитвенному трезвенію, къ трудолюбному дѣланію спасенія, нѣсенію, особенно въ настоящіе дни поемою, сколько трогательною, столько же и поучительною нѣсенію оглашаетъ слухъ нашъ: «Се

Женихъ грядетъ въ полунощи и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща, недостойнъ же пакн, его же обрящетъ *унывающа*, т. е. обрящетъ праздна, разсѣянна, безчинствующа, спяща; и примѣняя полунощный, неизвѣстный, печальный приходъ Жениха-Господа къ намъ, обращаетъ пѣснь въ собственное наше заботливое чувство, по которому уже каждый возбуждаетъ душу свою къ бодрствениости, *блуди убо душе моя*; возбуждаетъ, чтобы грѣховнымъ сномъ не отяготилась она, *да не сномъ отяготишиися*, чтобы не предана была духовной смерти, *да не смерти предана будеши*, и чтобы не затворилось для нсе царство небесное, *и царствія внѣ затворишиися*. Равно и другою, единственно въ въ сей день поемою пѣнію возбуждаетъ въ насъ помышленіе о внезапности послѣдняго конца чрезъ представленіе о страшномъ опредѣленіи посѣщенія смоковницы. Господишъ винограда уже хотѣлъ посѣщи смоковницу за безплодіе, но былъ умоленъ вертоградаремъ—оставить еще на лѣто для испытанія, чтобы, если и послѣ сего не принесетъ плода, невозвратно посѣщи ее. Этою пѣнію о посѣщеніи смоковницы равно возбуждаетъ насъ св. Церковь къ духовному бодрствованію и дѣятельности, дабы не быть внезапно посѣченными во грѣхахъ смертію и не лишиться чертога Христова. Часъ, душе, конца помысливши и посѣщенія смоковницы убоявшись, данный тебѣ талантъ трудолюбно

дѣлай, окаянная, бодрствующи и зовущи: да не пребудемъ въ чертога Христова.

Будемъ въ сіе священное время съ мудрыми дѣвами бодрствовать, будемъ молиться, трудиться. *Да будутъ чресла наши, всѣ силы духа и тѣла препоясаны бодрственностію, и свѣтильники, свѣтильники добрыхъ мыслей, расположеній, дѣйствій горящи, и мы подобни будемъ челоуѣкамъ чающимъ Господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и оттолкнувшу требованіемъ отчета, отверземъ Ему послушаніемъ души, готовностію сердца наши* (Лук. 12, 35. 36.). Аминь.

СРЕДА

СТРАСТНЫЯ СЕДМИЦЫ.

Паче блудницы Блаже, беззаконновавъ, слезъ тучи никакоже Тебѣ принесохъ. Но молчаніемъ моляся припадаю Ти, любовію обლობязая пречистлы Твои нозъ: яко да оставленіе мнѣ, яко Владыка, подаси долговъ, зовущу Ти, Спасе, отъ скесрныхъ дѣлъ моихъ избави мя. (Конд. въ Среду стр. Седмицы.).

Въ третій урокъ при сопровожденіи Господа нашего на искушительныя страданія Его предназначается намъ Церковію примѣръ жены блудницы, омывшей слезами своими нозѣ Господа, и отершей власами главы своей.

Ни время, ни цѣль нашего краткаго, болѣе смиренномудраго, нежели любомудраго собесѣдованія не позволяютъ намъ входить въ изслѣдованіе, кто эта жена блудница?

Святая Церковь въ трогательныхъ умиленныхъ пѣсняхъ своихъ представляетъ эту жену грѣшницу, и одинаковыми чертами изображаетъ ее съ женою, о которой повѣствуетъ Евангелистъ Лука въ 7-й главѣ Евангелія своего ст. 37—50. И та описывается, какъ и эта представляется великою грѣшницею; и здѣсь, какъ тамъ, дѣйствіе происходитъ въ дому Сумона; и эта, какъ и та, ставши создаи при ногахъ Иисусовыхъ и утоная въ слезахъ, омывала слезами ноги Иисусовы, отирала оныя власами своими, цѣловала и помазывала драгоцѣннымъ муромъ; и эта, какъ та милосердо Господомъ принята, милосердо одобрена и благовоительно сподоблена отпущенія грѣховъ, и тогда какъ фарисей тайно соблазнялся и негодовалъ на допущеніе Иисусомъ къ Себѣ великой грѣшницы, Господь въ дѣйствіи орошенія ея слезами своими ногъ Его, въ отертіи ихъ власами и помазаніи муромъ открыто показалъ глубину раскаянія ея и полноту любви, содѣлавшія ея достойною милосердаго принятія и прощенія.

Что же эту жену, великую грѣшницу, привело ко Иисусу, и повергло къ ногамъ Его съ потоками слезъ, съ горькимъ терзаніемъ сердца, и вмѣстѣ съ крѣпкою вѣрою, съ несомнѣнною надеждою, съ пламенною любовію, засвидѣтельствованными изліяніемъ съ слезами многоцѣннаго мурѧ на ноги Иисусовы? Церковь въ пѣсняхъ своихъ объясняетъ, что блудница въ Сынѣ

Дѣвы познала Бога,—Спасителя міра, Который облекся въ чловѣчество, и вмѣстѣ въ безконечное милосердіе, дабы взыскать заблудшихъ, обрѣсти грѣшныхъ, спасти погибающихъ.

Откуда же великая грѣшница познала въ Сынѣ Дѣвы Богочеловѣка, пришедшаго взыскать и спасти погибшаго? Кто ищетъ, тотъ находитъ. Больной находитъ врача, бѣдный благотворителя, невѣдущій обрѣтаетъ наставника, и истинно кающійся грѣшникъ находитъ душевнаго врача. Такъ и грѣшная, чувствовавшая всю тяжесть множества грѣховъ своихъ, нашла врача, нашла Спасителя. Какимъ же путемъ нашла Его? Тѣмъ именно путемъ, какимъ больные находятъ врача, бѣдные благотѣтеля, невѣдущіе наставника. Свѣтъ дастъ видѣть и находитъ себя тѣмъ, благотѣтельность нуждѣ, цѣлебность болѣзненности, источникъ жаждѣ. И свѣтъ Іисусъ, Цѣлитель Христосъ давалъ Себя видѣть и осязать во спасеніе. Женѣ грѣшницѣ не могли быть неизвѣстны многіе, получившіе отъ Христа отпущеніе грѣховъ и исправившіеся, также какъ многіе больные исцѣленные. Знала она, что многіе изъ долговременно и нецѣлѣбно больныхъ однимъ словомъ Христовымъ сдѣлались здоровыми; равно знала, что многіе изъ тяжкихъ, обремененныхъ всѣми беззаконіями грѣшниковъ, получивъ прощеніе отъ Христа, обратились къ покаянію и путемъ правды уже текли къ царствію небесному. На этой стезѣ путеказателями ей были мытари, грѣш-

тики, съ которыми Иисусъ ялъ и пилъ, которымъ явилъ себѣ благодѣтельность милосердія Божія, не отвергающаго самыхъ тяжкихъ грѣшниковъ, явилъ въ Себѣ кроткимъ гласомъ небеснаго друга, утѣшителя, явилъ вѣденіемъ таинъ сердечныхъ вѣдущаго человѣческаго естества немощь сердцеѣдца, откровеніемъ страшной участи нераскаяннымъ грѣшникамъ, явилъ въ Себѣ всевѣдца. Такъ—множество мытарей и грѣшниковъ, призванныхъ и обращенныхъ Иисусомъ на путь спасенія, были для имѣвшихъ очи видѣть и уши слышать тайными и явными проповѣдниками, кто былъ Иисусъ: были проповѣдниками, что Иисусъ есть Учитель благодѣтельности Божіей, Пророкъ милосердія небеснаго, что это посланникъ отъ Бога, пришедшій призвать грѣшниковъ на покаяніе, что это Врачъ душъ и тѣлесъ. Эта-то проповѣдь исцѣленныхъ, исправленныхъ, обращенныхъ на путь покаянія и спасенія достигла и до жены-грѣшницы. Какъ бы то ни было, только жена грѣшная, жена, по пѣсенному выраженію Церкви, злосмрадная и оскверненная обрѣла Господа, взыскала Спасителя, пришла къ Нему съ болѣзненнымъ покаяніемъ, приступила съ горьчайшими потоками слезъ и съ крѣпкою вѣрою, съ пламенною любовію изъ глубины всего существа вопіяла къ Нему: «Ты воздвигнувый изъ гроба четверодневнаго Лазаря, воскреси меня умершую изъ глубины грѣховной, прими мя

окаянную, не презри ради дѣяній отчаянную, спаси, душеспасче, погибающую.»

Иѣтъ нужды говорить, что эта блаженная жена, омывшая слезами своими позѣ Иисусовы, отершая оныя власами своими, съ упованіемъ лобызавшая, съ любовію помазавшая многоцѣннымъ муромъ, отпущена отъ Врача душъ съ миромъ, отпущена омытою покаяніемъ, оправданною вѣрою, утѣшенною разрѣшеніемъ, укрѣпленною благодатію, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее жить время.

Что же за причина, что св. Церковь въ самомъ преддверіи страстей Христовыхъ, въ третій напутственный урокъ представляетъ намъ блудницу, оскверненную всякими грѣховными нечистотами, пришедшую къ Спасителю съ горькими слезами, съ болѣзненнымъ сокрушеніемъ, съ горячимъ, пламеннымъ покаяніемъ? Причина очевидна: Церковь Божія хочетъ, чтобы и мы сопровождали Спасителя нашего на крестный подвигъ Его также съ горькими слезами, съ болѣзненнымъ сокрушеніемъ, съ пламеннымъ покаяніемъ во грѣхахъ нашихъ, сопровождали какъ великіе грѣшники, тяжкіе преступники, безъотвѣтные беззаконники, сопровождали Спасителя нашего, Который идетъ страдать за наши неправды, идетъ на мученія, бленія, поруганія за наши беззаконія, идетъ быть распятымъ, пригвожденнымъ ко кресту, желчію и оцтомъ

напосинымъ, копіемъ въ ребра прободеннымъ за наши нечистоты, за наше плотоугодіе и сладострастіе, за нашу жестокость и памятозлобіе, за наше объяденіе, пїянство, плотскія утѣхи и увеселенія. Потому-то св. Церковь, представляя предъ очи наши лежащую у ногъ Иисусовыхъ грѣшницу и въ горькихъ слезахъ, въ болѣзни сердца просящую себѣ помилованія, преднаписуетъ въ примѣръ ся каждому изъ насъ глубокое чувство тяжкой своей грѣховности, сердечное болѣзнованіе, съ каковымъ мы теперь все должны повергнуться и лежать у ногъ Иисусовыхъ.

Кто изъ насъ похвалится чисто имѣти не только сердце, но и тѣло? Все мы предъ Богомъ, Создателемъ и Спасителемъ нашимъ, преступники закона Его, презрители св. воли Его, достойные всего гнѣва Его; все мы и предъ ближними нашими несправедливы обидами, притѣвленіями, жестокостями, а паче соблазнами и примѣромъ законопреступныхъ дѣлъ, которыми многіе изъ насъ ближнихъ своихъ соблазняли, развращали, привлекали ко грѣху; тѣмъ болѣе все нечисты, гнусны, порочны въ самихъ себѣ, такъ порочны, что истинно пѣтъ грѣха и беззаконія, пѣтъ непотребства и мерзости, которыхъ бы каждый изъ насъ не совершилъ, если не самымъ дѣломъ, то нечистымъ намѣреніемъ, непотребнымъ вожделѣніемъ, безмѣстною похотію, законопреступнымъ покушеніемъ и само-

хотнымъ, неистовымъ стремленіемъ. И такъ, будучи всѣ мы великіе грѣшники, непотребные предъ Богомъ, неправедные предъ ближними, нечистые въ собствѣнныхъ глазахъ своихъ, съ какими расположеніями должны провождать Спасителя нашего на страданія за насъ? О! не съ иными расположеніями, какъ съ расположеніями грѣшниковъ, горько плачущихъ, болѣзненно припадающихъ и въ сердечномъ сокрушеніи отпущенія себѣ просящихъ! Каждый изъ насъ, по примѣру жены грѣшницы, долженъ теперь припасть къ стопамъ Спасителя, шествующаго на страданія за грѣхи наши, припасть съ сокрушенными помысленіями ума, съ болѣзненными чувствованіями сердца, съ пламенными расположеніями любви, и всею силою, всею крѣпостію молить страждущаго Спасителя, чтобы Онъ, каждаго изъ насъ недостойныхъ объявъ искупительными страданіями Своими, пріосѣнивъ растѣнныхъ спасительными язвами Своими, воскресивъ на безжизненныхъ съ животворящаго креста Своего капли безцѣнной крови и воды во измовеніе грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ, чтобы каждаго изъ насъ помянулъ Своимъ милосердіемъ и на крестѣ, въ безпредѣльныхъ страданіяхъ Своихъ, помянулъ и въ живопріемномъ гробѣ Своемъ насъ мертвыхъ прегрѣшеніями и погребшихъ страстями Божественный Образъ въ Себѣ, помянулъ и въ пренеподобныхъ ада, какъ побѣдитель смерти, дабы

изведши насъ низвергшихся во дно адово противуестественными нашими преступленіями, помянулъ насъ и тогда, когда какъ Божественный Женихъ душъ изыдетъ изъ гроба, яко изъ чертога, живою радостію воскресенія блистающа, осіялъ бы насъ потемнѣнныхъ страстями, какъ солнце приносящимъ свѣтомъ правды Своея, согрѣлъ насъ хладныхъ теплотою Божественной жизни Своей, рекъ и намъ, влающимъ сустами и мятущимся лестію житейскою, и намъ пригвожденнымъ къ землѣ и похотѣніямъ плоти, рекъ бы и намъ въ духъ и силѣ слово жизни, радости, спасенія, рекъ, и вселилъ бы въ насъ живое и дѣйственное расположеніе и помышлять, и желать и дѣйствовать то единственно, чтобы шествовать за Нимъ путемъ креста Его, путемъ правды и спасенія въ рай.

Возопіемъ же къ Исху изъ глубины всего существа нашего покаяннымъ гласомъ блудницы, воззовемъ крѣпкимъ, молитвеннымъ гласомъ разбойника: помяни насъ грѣшныхъ, Господи, и на крестѣ Твоемъ, и во царствіи Твоемъ. Аминь.

СЛОВО І

ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРТОКЪ

НА УМОВЕНІЕ НОГЪ.

Желаніємъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не прииму мукъ. (Лук. 22, 15.).

И всегда, когда мы ни совершаемъ въ Божественной Литургіи жертву хвалы и благодаренія, приобщаясь тѣла и крови Христовой, и всегда воспоминаемъ жертву безпредѣльной любви къ намъ Единороднаго Сына Божія, принесшаго всего Себя за насъ въ жертву Богу Отцу. Но когда совершаемъ тайную вечерю въ тотъ день, который служитъ для насъ незабвеннымъ памятникомъ самаго установленія тайной вечери: тогда при благоговѣйномъ воспоминаніи о совершеніи ея Самимъ Божественнымъ Установителемъ, и сами съ особенною торжественностію совершаемъ великую тайну благочестія. Но не-

обыкновенному дѣйствию на насъ священнаго времени, мы, въ живомъ чувствѣ вѣры и любви, какъ бы обрѣтаемся въ самой Сіонской горницѣ, какъ бы соприсутствуемъ той Божественной вечери, которую Самъ Спаситель нашъ, окончивая послѣдніе часы земной жизни Своей, совершаетъ и съ особеннымъ расположеніемъ, и съ особенными дѣйствіями безпредѣльной любви Своей.

Въ честь великаго, пріснопамятнаго дня установленія Святой вечери и для живѣйшаго впечатлѣнія въ умахъ и сердцахъ нашихъ священнѣйшихъ дѣйствій установленія велией тайны благочестія, послѣдуя Евангельскому повѣствованію, предложимъ въ самыхъ главныхъ обстоятельствахъ о томъ, какъ происходила послѣдняя вечеря у Господа съ учениками.

ЧАСТЬ I.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ, И УМОВЕНІИ НОГЪ.

Намѣреваясь совершить послѣднюю вечерю, какъ особенную, Господь особенное даетъ распоряженіе и о приготовленіи ся. Для приготовленія вечера, какъ повѣствуетъ Евангелистъ Лука (22, 8.), Самъ непосредственно посылаетъ двухъ первѣйшихъ учениковъ Петра и Іоанна, крѣпкаго вѣрою Петра, и пламеннаго въ любви Іоанна, дабы они, по точной мысли и намѣренію Его, приготовили мѣсто для совершенія, и все нужное для предложенія вечера. Агнецъ, вземлющій грѣхи всего міра и вѣчнымъ предопредѣленіемъ благодати закланный прежде сложенія міра, долженствовалъ быть совершенно принесенъ на крестномъ жертвенникѣ самымъ существомъ и истиною въ то именно время, когда у Іудеевъ закалаемъ былъ прообразовательный пасхальный агнецъ, дабы знаменіе встрѣтилось съ знаменуемымъ, образъ съ образуемымъ, тѣнь прешла въ существо, и на мѣ-

сто гаданій возсіяла истина. Посему и надлежало совершить Господу безкровную жертву Свою однимъ днемъ прежде вечера іудейскія пасхи, дабы преданіе Его на страданіе, самыя искушительныя страданія, распятіе на Голгооѣ и крестная смерть совершились въ то время, когда пасхальный прообразовательный Агнецъ, предварительно закланный и испеченный огнемъ, снѣдаемъ былъ Іудеями. Такъ и было. Когда Господь введенъ былъ въ преторъ для рѣшительнаго осужденія и преданъ Пилату для пронятія: тогда начальники іудейскіе, книжники и фарисеи, утромъ произнеши рѣшительное опредѣленіе о преданіи Иисуса крестной смерти, сами не вошли въ преторъ, въ судебное мѣсто римскаго правителя, да не осквернятся, какъ сказано Евангелистомъ Іоанномъ, *но да ядятъ пасху* (Іоан. 18, 28.). Посему Господь и совершилъ вечерю Свою на капунѣ іудейской пасхи, за день до оной. А какъ и само по себѣ настоящее время совершенія пасхи: то и ученики, какъ повѣствуютъ св. Евангелисты Матеей (26, 17.) и Марко (14, 12), предварительно спрашивали Господа, гдѣ Онъ велитъ имъ приготовить для Него пасху. Господь, нарочито посылая Петра и Іоанна, сказалъ имъ: ступайте въ городъ, и коль скоро войдете въ него, тотчасъ встрѣтитесь съ человѣкомъ, несущимъ въ кувшинѣ воду. Ступайте, говорилъ Господь, уже предварившій хозяина дома о приготовленіи гор-

ницы, ступайте за тѣмъ человекомъ въ домъ, въ который онъ войдетъ. Въ домѣ скажите хозяину: такъ говоритъ тебѣ Учитель, гдѣ та горница, въ которой Онъ будетъ совершать съ учениками Своими пасху? Хозяинъ дома покажетъ вамъ большую убранныю горницу, тамъ приготовьте;—ученики пошли, сдѣлали какъ повелѣлъ имъ Учитель, нашли домъ и приготовили пасху.

Замѣчательно, что Господь, посылая учениковъ по указаннымъ признакамъ найти домъ, не именуетъ имъ хозяина дома, а означаетъ домъ по встрѣчѣ человека: можетъ быть это сдѣлать для того, чтобы Иуда, услышавъ о назначеніи мѣста для вечера, не сказалъ о томъ фарисеямъ, которые уже составили рѣшительный советъ на Иисуса, и враждебнымъ образомъ подсматривали за всѣми дѣйствіями Его, почему и могли помѣшать мирному совершенію вечера Божественной любви.

Кто же былъ этотъ счастливый домовладыка, удостоившійся по расположенію Самаго Господа уготовить Ему въ дому своемъ для вечера горницу, которая въ слѣдъ за тѣмъ была первою горницею общаго собранія учениковъ Христовыхъ, и первою христіанскою церковію, гдѣ ученики Христовы всѣ имѣли радость увидѣть воскреснаго Господа и по вознесеніи Его тамъ же въ постѣ и молитвѣ, ожидая обѣщаннаго Утѣшителя, сподобились воспріять Духа Святаго

Утѣшителя? Преданіе говоритъ намъ, что это былъ Зеведей, отецъ Іакова и Іоанна, человекъ достаточный, близкій къ Господу и по внѣшнему родству имѣя въ родствѣ Саломію, дочь Іосифа праведнаго отъ перваго супружества, а еще болѣе близкій по благодатному родству, по вѣрѣ и любви къ Господу Іисусу, какъ Сыну Божию; по этому благодатному родству два сына Зеведесвы, Іаковъ и Іоаннъ, были пзъ числа первѣйшихъ учениковъ, а Іоаннъ еще любимымъ ученикомъ.

Пѣтъ нужды говорить, что послѣдняя вечеря была совершаема Господомъ съ учениками по обряду іудейской пасхи. Былъ ли на ней сѣдаемъ пасхальный агнецъ, изъ евангельскаго повѣствованія не видно. Кончивъ эту вечерю, предопредѣленный отъ вѣка Ходатай новаго завета установилъ новый завѣтъ Своею кровію, имѣвшею изліяться на крестномъ жертвенникѣ, и предстоящимъ принесеніемъ Самаго Себя во всемірную жертву учреждалъ новую безкровную жертву плоти и крови Своей подъ видомъ хлѣба и вина для всегданяго приношенія за грѣхи міра, и спасительнаго питанія вѣрующихъ, съ чѣмъ вмѣстѣ долженствовали прекратиться все кровавыя прообразовательныя жертвы. Поэтому и пасхальный, прообразовательный агнецъ послѣ того былъ уже тѣнь безъ существа, знакъ безъ знаменованія, образъ безъ силы и дѣйст-

вія. На мѣсто его поступалъ самый Первообразъ, самая существенная истина.

И такъ ученики приготовили вечерю. И вотъ таинственный чертогъ украшенъ, священная горница для тайной вечери убрана, все пужное къ предложенію на вечери готово. Пришелъ вечеръ; наступилъ часъ вечери; это былъ вечеръ четвертка предварающій вечеръ пятка, канунъ пасхи іудейской. Божественный Гость и Домовладыка прибылъ съ святымъ Своимъ обществомъ на прощальную вечерю. Когда по обычаю іудейскому возлесть на вечери съ учениками; то прежде всего изліянiемъ наполнявшихъ Его Божественныхъ чувствованій сдѣлалъ, такъ сказать, предисловіе къ таинственному учрежденію: *желаніемъ возжелѣхъ*, говоритъ Онъ возлегши на вечери, *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами прежде даже не прииму мукъ*. Господь выразилъ ученикамъ исполнявшее его чувство, что Онъ необыкновеннымъ образомъ желалъ вкушать съ ними эту вечерю и теперь съ необыкновеннымъ участіемъ раздѣляетъ оную; вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ и глубину исполнявшаго Его чувства, открылъ, что эта вечеря есть для Него съ ними прощальная; послѣ этой вечери Онъ пойдетъ на вольное страданіе и смерть.—Послѣ смерти, чрезъ которую предложитъ тѣло и кровь Свою въ благодатную снѣдь и питіе, и послѣ славнаго воскресенія, которымъ войдетъ въ славу Отца Своего и со-

вершитъ устроеніе благодатнаго царства Своего на земли, Онъ уже не будетъ съ ними такъ жить, какъ теперь живетъ. И по воскресеніи Онъ будетъ еще съ ними ясть и пить, но только для удостовѣренія ихъ, что Онъ возсталъ и будетъ въ несповѣдимой славѣ Отца съ тѣмъ же, но уже безпредѣльно прославленнымъ тѣломъ Своимъ. Глаголю вамъ, яко отселе не имамъ ясти отъ нея, дождеже скончаются въ царствіи Божіи. *Глаголю бо вамъ, яко не имамъ пити отъ плода лознаго дождеже царствіе Божіе приидетъ* (16. 18.).

Поняли ли это ученики, нельзя утвердительно сказать о вѣхъ. Продолженіе вечера показало, что не поняли. Потому что между учениками возникъ споръ о томъ, кто изъ нихъ долженъ почитаться бѣльшимъ. *Бысть же и прѣвъ нихъ, кій мнѣтся ихъ быти бѣльшій*-(ст. 24.). Можно подивиться: время ли, мѣсто ли было ученикамъ заводить споръ о первенствѣ? Но что дѣлать? И въ ученикахъ при ихъ простотѣ господствовала мысль, что Учитель ихъ пришелъ во Іерусалимъ пріять царство, по понятію Іудеевъ, земное, состоящее въ господствѣ надъ всеми народами земли, во Іерусалимѣ, какъ средоточіи вселенныя и столицѣ міра. При такой мысли удивительно ли, что зашелъ между учениками и споръ о первенствѣ, поводомъ къ которому въ это время могло послужить некажіе первовозлежанія на столь важной и вели-

чественной вечера при занятіи ими мѣстъ приготовленныхъ для возлежанія (Мато. 20. 21.). Вѣрно исکانіе одними первовозлежанія подаѣ и вблизи къ Учителю подало другимъ сдѣлать замѣчаніе о томъ, и такимъ образомъ между учениками могъ зайти споръ, кто изъ нихъ имѣетъ право на первенство и старшинство. Этотъ споръ, воспослѣдовавшій въ началѣ вечера, открылъ Божественному Учителю случай преподать имъ самый поразительный примѣръ смиренія и кротости посредствомъ умовенія ногъ имъ.

При возникшемъ разногласіи у учениковъ, Господь вдругъ встаетъ съ Своего мѣста, снимаетъ съ Себя верхнюю одежду, беретъ полотенце, препоясывается имъ, потомъ вливаетъ воду во умывальницу, и начинаетъ умывать ноги ученикамъ, и отирать полотенцомъ, которымъ былъ препоясанъ. Съ кого началъ Господь умовеніе ногъ, изъ евангельскаго повѣствованія не видно. Только Петръ въ благоговѣйномъ страхѣ взиралъ на рабское служеніе Господа и Божественнаго Учителя Своимъ рабамъ ученикамъ. Когда Господь подошелъ къ нему и хотѣлъ умывать ноги у него: то онъ въ безпредѣльномъ чувствѣ благоговѣнія отвѣтствовалъ: Господи! возможно ли, чтобы Ты умывалъ ноги у меня, Твоего раба и слуги? Господь первое обнаруженіе несогласія Петромъ хотѣлъ устранить легко тѣмъ, что онъ теперь не зна-

еть цѣли этого дѣйствія, а послѣ узнать. Но когда Петръ съ видомъ рѣшительнымъ сказалъ: нѣтъ, Господи! этого никогда не будетъ: невозможно, чтобы Ты умывалъ ноги у меня, Твоего раба и слуги; то Господь твердымъ голосомъ сказалъ Петру, что если Я не умою у тебя ногъ, ты не будешь имѣть части со Мною. Петръ, услышавъ это слово, съ столь же пламеннымъ чувствомъ рабскаго повиновенія служенію Господа, съ какимъ благоговѣніемъ и отрицался отъ онаго, сказалъ: Господи! умой у меня не только ноги, но и руки и главу. Примѣръ благоговѣйнаго, но бесполезнаго отрицанія Петра отъ пріятія умовенія послужилъ для прочихъ побужденіемъ къ непрекословному повиновенію рабскому служенію Господа и Учителя своего. Онъ далъ имъ почувствовать всю важность необходимости такого служенія Господа для всѣхъ и cadaго изъ послѣдователей Его. Дѣйствительно, когда Господь сказалъ Петру: что если онъ не приметъ отъ Него служенія, не будетъ имѣть и части съ Нимъ: то показалъ, что рабское смиренное служеніе, показанное Имъ въ омовеніи ногъ ихъ, вообще относится къ дѣлу служенія Его спасенію человѣческому, по которому Онъ пришелъ не для того, чтобы Ему служили, но пришелъ (Мар. 10, 45) Самъ служить и положить животъ Свой для спасенія человѣческаго; слѣдовательно, кто не будетъ участникомъ спасительнаго служенія

Его, тотъ не будетъ оправданъ отъ грѣховъ, избавленъ отъ осужденія и не получитъ спасенія и жизни вѣчной.

Когда Господь умылъ ноги ученикамъ: то опять надѣлъ одежду Свою и, возлегши на Свое мѣсто, съ такимъ же Божественнымъ величіемъ, съ какимъ уничиженіемъ совершалъ умовеніе ногъ и съ такою же властію Божественнаго Наставника изъяснилъ имъ намѣреніе, съ какимъ умывалъ ноги ихъ. Вотъ вы называете Меня Господомъ и Учителемъ своимъ, говорилъ Господь, и справедливо. Но если я Господь вашъ, Учитель вашъ, умылъ у васъ ноги, умылъ у всѣхъ васъ: то научитесь изъ моего примѣра, что и вы съ такимъ же самоуниженіемъ должны другъ другу служить, также кротко и смиренно другъ съ другомъ поступать, съ такимъ же самоотверженіемъ другъ другу помогать. И если я Господь, Сынъ и непосредственный посланникъ Отца Небеснаго, такъ служу вамъ: то вы, Мои посланники, Мои служители, также должны посвятить себя на служеніе ближнимъ своимъ, братіи своей, близкимъ и дальнимъ.

ЧАСТЬ II.

О ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ.

Послѣ такого Божественнаго примѣра кротости и наставленія о кротости, представленныхъ Господомъ, послѣдовала самая вечеря, вечеря Божественной любви и сердечнаго наслажденія. Ученики, тронутые безпредѣльною кротостію Господа, и вразумленные паставленіемъ Божественнаго своего Учителя, погруженные въ себя, въ тишинѣ и безмолвіи начали вкушать предложенную вечерю. Но мирную тишину учениковъ и сладостную, утѣшительную бесѣду Учителя скоро смѣнили скорбь и смущеніе. Вотъ ученики вкушали съ необыкновенною сладостію вечерю, а Божественный Учитель, бесѣдуя съ ними, говорилъ о небесной наградѣ, ожидающей ихъ, какъ послѣдователей Его, въ Царствѣ Славы, гдѣ они вмѣсто кратковременнаго возлѣжанія будутъ возсѣдать на 12-ти престолахъ и судить дванадцати колѣномъ Израилевымъ (Лук. 22, 28—30), приготовлялъ также

учениковъ, а въ особенности Петра къ тому, чтобы не оскудѣла вѣра его въ приближающемся тяжкомъ искушеніи и паденіи (Лук. 22, 31—37); какъ вдругъ посреди бесѣды съ смущеннымъ видомъ объявляетъ имъ ужасную тайну, которая потрясла всѣ чувства ихъ, тайну, что одинъ изъ двѣнадцати, которые теперь ядять съ Нимъ на трапезѣ, предастъ Его. Ученики пораженные скорбію въ смятенномъ, безотчетномъ чувствѣ одинъ послѣ другаго стали говорить: не я ли, Господи, не я ли (Матт. 26, 21, 22.). Сердцевѣденіе Господа не позволяло имъ сомнѣваться въ истинѣ сказаннаго. Но и безпредѣльная ихъ преданность къ Нему не позволяла имъ молчать о чистотѣ своихъ расположеній. По этой внутренней безпредѣльной преданности, каждый изъ нихъ, когда вопрошалъ: не я ли, Господи, не я ли предамъ Тебя? тоже самое выражалъ: Господи! Надобно быть невообразимому несчастію, надобно случиться непомерному злополучію, чтобы дойти намъ до такого ужаснаго состоянія, дабы кто либо изъ насъ предалъ Тебя, Тебя — нашу жизнь, нашу радость. На ряду съ прочими учениками не устыдился сказать и Іуда: не я ли, Господи? Господь какъ бы подтвердилъ вопросъ его, отвѣчая ему: самъ ты говоришь сіе. Но Іуда, уже не ученикъ, а наѣтникъ, не другъ, а рабъ и льстецъ, Іуда, омраченный сребролюбіемъ, Іуда, злоумышленный участникъ Богоубійственнаго

совѣта враговъ Иисусовыхъ, уже не разумѣлъ и не хотѣлъ разумѣть глагола сего. Въ эти горестныя минуты любимый ученикъ Иисусовъ лежалъ у груди Иисуса. Петръ далъ Иоанну знакъ спросить: кто этотъ несчастный, о комъ говорить Господь? Тотъ, сказалъ Господь Иоанну, кому Я, обмакнувъ, подамъ кусокъ, и обмакнувъ кусокъ подамъ Иудѣ, примолвивъ: что ты рѣшился дѣлать, дѣлай скорѣе. *По хлѣбъ томъ*, повѣствуетъ Евангелистъ Иоаннъ (15, 27), *вошелъ въ Иуду сатана*, т. е. что Иуда, еще и прежде отдавшій сердце свое навожденію дьявольскому, отселъ съ такимъ ожесточеніемъ предался злодѣйскому намѣренію предательства, что по отверженіи послѣдняго гласа призыванія своего Спасителя сдѣлался совершеннымъ орудіемъ духа тьмы, а Господь словами: *еже твориши, твори скоро*, далъ Иудѣ разумѣть, что Онъ теперь вполне дастъ ему волю дѣйствовать по начинаніямъ сердца своего. Изъ учениковъ, которые все были въ глубокой скорби и недоумѣніи, никто не понялъ, къ чему это Господь сказалъ, и ни одинъ изъ нихъ не узналъ, кто этотъ тайный предатель Его, кромѣ Иоанна.

Но Господь въ истинное успокоеніе смущенныхъ и въ благодатное укрѣпленіе встревоженныхъ Своихъ учениковъ предлагаетъ имъ Божественное утѣшеніе на таинственной трапезѣ вѣры и любви. Въ то время, когда уже вечера

приближалась къ концу, Господь беретъ хлѣбъ, безъ сомнѣнія особенный и особенно приготовленный, возвелъ очи горѣ, воздавъ надъ хлѣбомъ молитвенную хвалу Богу Отцу, благословилъ хлѣбъ, преломилъ, и съ чувствомъ безпредѣльной любви раздавая оный ученикамъ, произнесъ Божественнымъ голосомъ, который впечатлѣвалъ коинко благоговѣнїе, только же и сладость сердечнаго умиленїя, произнесъ слѣдующія таинственныя слова: *прїимите, ядите, сїе есть тѣло Мое, еже за вы дается: сїе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19.). Ученики, которые не довольно понимали имѣющую немедленно послѣдовать смерть Учителя и Господа своего, хотя не могли тогда понять всей глубины Божественныхъ словъ и завѣщанїя Господа: но приняли это таинственное завѣщаніе и необычайное раздаяніе тѣла подъ видомъ хлѣба съ благоговѣніемъ, и потому вкушали раздѣленное имъ съ чувствомъ небесной сладости, какъ Божественный даръ, чего до сего Божественный Учитель ихъ такъ необычайнымъ образомъ не дѣлалъ и при вкушенїи трапезы никогда только таинственныхъ словъ не произносилъ. Когда поданный и раздѣленный даръ сѣдѣнъ и яденіе кончилось, Господь подобнымъ образомъ взявъ чашу, воздавъ молитвенную хвалу Богу Отцу, благословилъ ее и произнесъ сїи Божественныя слова: *пійте отъ нея вси, сїя чаша новый завѣтъ Моею кровїю, яже за*

вы проливается (Лук. 22, 26.), Примите ее, говорить Господь гласомъ Божественной сладости и любви, примите и раздѣлите, пейте одинъ послѣ другаго.

Неизъяснима сила и сладость этихъ словъ Спасителя нашего, безконечна живопитательность установленнаго Имъ таинства плоти и крови. Этимъ таинствомъ всѣ мы, со времени благодатнаго рожденія въ таинственной купели питаемся, имъ въ христіанской жизни укрѣпляемся; имъ надѣемся и по смерти временной ожить этимъ бrenнымъ тѣломъ нашимъ и наслаждаться блаженною жизнію въ вѣчности.

Довольно; кончимъ наше обозрѣніе обстоятельствъ тайной Христовой вечери съ учениками. Чѣмъ же кончимъ и заключимъ? Заключимъ краткимъ примѣненіемъ этого повѣствованія о совершеніи Спасителемъ тайной вечери, — какъ и мы должны приступать къ этой Божественной вечери и совершать оную, дабы она истинно служила намъ въ оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Видимъ, что тайная вечеря приготовлена была по повелѣнію Господа Петромъ и Иоанномъ; приготовлена въ горницѣ, въ горницѣ посланной; предназначена примѣромъ смиренія Христова и омовеніемъ ногъ учениковъ въ знаменіе благодатнаго омовенія ихъ чистотою Духа Его. И мы должны приступать ко вкушенію Божественной вечери съ возможнымъ приготовленіемъ, должны приступать съ вѣрою

Петровою, съ любовію Іоанновою, да *искуша-
емъ* себе: и тако *отъ хлѣба да ядимъ и отъ
чаши да пѣмъ*; должны приближаться къ таин-
ственной трапезѣ съ возвышеніемъ горѣ ума и
сердца и въ благоукрашеніи нашей тѣлесной
горницы трезвеніемъ, умиреніемъ, собранностію
всѣхъ внѣшнихъ чувствъ; должны приступать въ
смиреніи, умиленіи и сокрушеніи сердца, при-
ступать въ чистотѣ отъ всякія скверны плоти
и духа, дабы святое принимать въ возможной
чистотѣ и святости; дабы и намъ по пріобще-
ніи тѣла и крови Христовой и по выходѣ съ
вечери тотчасъ, подобно Іудѣ, не предать Хри-
ста, тотчасъ не оставить Его, подобно разбѣ-
жавшимся ученикамъ, нашею вѣрою и любовію,
не оставить Его одного на пути страданій Его
и, удалившись отъ Него преступнымъ возвра-
щеніемъ на прежнія наши грѣховныя привычки,
слабости и пороки, не поругаться Ему, не за-
ушить, не оплевать Его, съ Іудеями, не отдать
Его на пропятіе, съ Пилатомъ, и не довести до
смерти въ самомъ существѣ духовной жизни
нашей. Аминь.

С Л О В О

НА ПРИОБЩЕНИЕ

ТѢЛА И КРОВИ ХРИСТОВОЙ.

Сія чаша новѣй завѣтъ Моею кровію, яже за вы проливается (Лук. 22, 20.).

Когда мы приобщаемся тѣла и крови Христовой, то всегда воспоминаемъ жертву безпредѣльной любви къ намъ Сына Божія, принесшаго Себя на крестномъ жертвенникѣ за грѣхи наши. Но когда приобщаемся тайной вечери въ этотъ день, который служитъ для насъ священнымъ памятникомъ самаго установленія оной: тогда по необыкновенному дѣйствию на насъ сего священнаго времени, мы, въ живомъ чувствѣ вѣры и любви, какъ бы сопредусутствуемъ въ самой Сіонской горницѣ на Божественной вечери, которую Спаситель, окончивая послѣднее время земной жизни Своей, совершаетъ съ особеннымъ Божественнымъ и желаніемъ и дѣйст-

віями. На вечері Онъ возлежить посередѣ учениковъ, какъ исполненный любовію Отець посреди чадъ, возлежа поуласть ихъ и словомъ, а паче примѣромъ глубочайшаго смиренія, каковое показали въ умовеніи ногъ ихъ; наконецъ съ неизглаголанною любовію раздѣляетъ съ ними вечерю.

По умовеніи ногъ, когда Спаситель оный возлегъ на вечері: тогда выразилъ наполнявшее Его Божественное чувство, съ какимъ совершалъ Онъ сію вечерю: *желаніемъ возжелѣхъ*, говорятъ Онъ ученикамъ съ пламеннымъ чувствомъ, *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами, прежде даже не прииму мукъ* (Лук. 22, 15.), и съ неизглаголанною любовію раздѣляя съ ними таинственную вечерю, пріемлетъ сперва хлѣбъ, потомъ вино, и особеннымъ Божественнымъ дѣйствіемъ благословля оныя, подъ видомъ благословеннаго хлѣба предлагаетъ ученикамъ въ таинственную спѣдь—тѣло Свое, которое немедленно имѣлъ вознести на крестъ, и подъ видомъ благословеннаго вина—кровь Свою, которую въ крестныхъ страданіяхъ имѣлъ излить въ очищеніе грѣховъ всего міра.

Итакъ это была и прощальная и завітная вечеря. Была прощальная вечеря Учителя съ возлюбленными учениками, Божественнаго Утѣшителя и Друга съ избранными послѣдователями и друзьями, была прощальная вечеря, но не скорби и печали, а Божественнаго утѣшенія и

любви. Но это особенно была вечеря заветная, въ которой Спаситель, въ отмѣну ветхаго завета и прообразовательныхъ кровавыхъ жертвъ (Исход. 24, 8.), заветцавъ новый заветъ, гдѣ таинственно подъ видами хлѣба и вина предложилъ пречистое тѣло Свое и пресвятую кровь въ искупительную жертву Богу Отцу о очищеніи грѣховъ міра и спасительную снѣдь вѣрнымъ до скончанія вѣка.

Христіане, общинники трапезы Господней! Сынь Божій, возлюбившій насъ до смерти, не могъ больше принести жертвы за насъ, какъ положивъ душу свою за насъ (Іоан. 15, 15.); не могъ и драгоцѣннѣе оставить залога, который бы полнѣе свидѣтельствовалъ о безпредѣльной любви Его къ Намъ, какъ залогъ священной трапезы, въ которой Самого Себя предложилъ намъ въ таинственное брашно и питіе.

Дабы съ священнымъ желаніемъ пріобщаться намъ трапезы Господней, пріобщаться устами и сердцемъ во спасеніе наше, употребимъ нѣсколько минутъ на размышленіе о томъ, съ какимъ расположеніемъ должны мы приступать къ таинственной трапезѣ тѣла и крови Христовой, дабы пріобщеніе оной было для насъ во спасеніе?

Чтобы достойно причащаться трапезы Господней, мы должны приступать къ вкушенію источника безсмертнаго, по гласу Церкви, съ вѣрою и любовію, съ благоговѣніемъ и чистотою.

*Сія чаша новый завѣтъ въ Моей крови, за-
вѣщаетъ намъ Спаситель, яже за вы проли-
вается.*

Новымъ завѣтомъ, который объемлетъ все новозавѣтное строительство спасенія, здѣсь Спа-ситель преимущественно именуетъ таинство тѣла и крови Своей, и *чашею*, употребленною Имъ по приспособленію къ синайскому завѣту, при которомъ Моисей, окропивъ народъ жертвенною кровію, сказалъ: *се кровь завѣта, его же завѣща Господь къ вамъ* (Исход. 24, 8.), означа-етъ вообще завѣтную чашу тѣла и крови Своей. Итакъ *таинство евхаристіи* преимуще-ственно составляетъ *новый завѣтъ*, составля-етъ, какъ совокупность, какъ сокращеніе и осо-бенный залогъ всего того, что Божественный Искупитель сдѣлалъ для насъ, что, оставляя намъ, какъ драгоценное наслѣдіе, запечатлѣлъ Своею кровію, и смертію Своею завѣщалъ намъ хранить оставленный отъ Него залогъ до сконча-нія вѣка.

Во исполненіе чего всякой разъ, когда мы ядимъ таинственный хлѣбъ сей и пьемъ таинст-венную чашу сію, *смерть Господню возвѣща-емъ, дондеже приидетъ*. (1 Кор. 11, 26.).

Что же завѣщалъ намъ Господь въ завѣтѣ чаши Своея, которая есть Завѣтъ крови Его? завѣщалъ великую волю Троичнаго совѣта, за-вѣщалъ тайну Божественнаго схождения Своего

на землю, что Онъ Единородный Сынъ Божій, Господь сынъ всѣхъ, оставивъ престолъ славы, снисшелъ къ намъ долу, какъ человекъ, открылъ намъ волю Отца Своего, пострадалъ до смерти крестныя и въ крестныхъ страданіяхъ излилъ Божественную кровь Свою за насъ. Помыслимъ же: для чего было Творцу принимать на Себя естество человека, Безпредѣльному изводить Себя въ предѣлы времени, Высочайшему унижаться до зрака раба, Господу славы бѣдствовать и страдать, Сыну Отца небеснаго быть въ состояніи проклятiя и отверженiя? Для чего было Богу предавать Себя на всесвѣтное позорище распятiя, умирать среди злодѣевъ на крестѣ, бездыханному быть заключену во гробъ? Для кого Онъ творилъ и творитъ эти чудеса благодети, долготерпѣнія, милосердія и любви? Здѣсь то, христiане, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ мы должны зрѣть тайну завѣта крови Христовой и таинственную силу страданій Его. Все это воочеловѣчившійся Сынъ Божій, Богъ и Господь нашъ, сотворилъ и творитъ ради насъ и для насъ. Мы согрѣшили, беззаконновали, неправдовали и неправдуемъ предъ Богомъ, а Онъ, Праведный и Святый, подъялъ на Себя неправды наши, вознесъ въ тѣлѣ Своемъ на древо грѣхъ нашихъ, пролилъ Божественную кровь Свою въ очищеніе наше, и истощилъ самую жизнь Свою, дабы избавить насъ отъ смерти, грѣха и проклятiя.

Итакъ *чаша новаго завета* въ крови Иску-
пителя нашего, которая за насъ пролита и не-
престанно проливается, совмѣщаетъ для насъ
все, что сдѣлать для насъ Богочеловѣкъ, Сынъ
Божій, Искупитель и Спаситель нашъ. —

Какъ же мы должны приступать къ таинст-
венной чашѣ завета нашего съ Богомъ, къ ча-
шѣ нашего искупленія и спасенія? Должны при-
ступать съ живою вѣрою, и въ живой вѣрѣ
устаами исповѣдывать и сердцемъ усвоить все тѣ
благодатныя обѣтованія, въ участіе которыхъ
мы входимъ заветомъ крови Сына Божія. Мы
должны отъ всего сердца вѣровать и отъ пол-
ноты чувства исповѣдывать, что мы величай-
шіе грѣшники во всемъ существѣ нашемъ, въ
тѣлѣ и душѣ, во всѣхъ помышленіяхъ и дѣлахъ,
что мы, какъ безотвѣтные, ежеминутно повин-
ны осужденію смерти, и сами по себѣ недо-
стойны никакихъ отъ Бога благъ, что Сынъ
Божій, пришедши спасти лежащій во злѣ міръ,
Своею смертію спасъ и насъ отъ осужденія и
гнѣва Божія, и Своими заслугами оправдавъ насъ
предъ Богомъ, примирилъ и соединилъ насъ съ
Нимъ. А чтобы мы не умирали грѣхомъ, по
жили Умершему за насъ и содѣлывались достой-
ными наследія уготованныхъ благъ, то Онъ
оставилъ намъ залогъ безсмертія, тѣло и кровь
Свою, на таинственномъ жертвенникѣ священ-
подѣиствуемая и выну въ спасительное спѣде-
ніе намъ предлагаемая. И вотъ мы устами и

сердцемъ ядя тѣло Его и пія Божественную кровь Его, свидѣтельствуемъ, что мы хотимъ жить жизнью Икупителя нашего, что для того питаемся пречистымъ тѣломъ Его, дабы по-треблять въ себѣ грѣховное тѣлѣніе, для того пїемъ кровь Его, дабы, очищаясь сею жертвою, стяжевать въ себѣ начатки Духа Св. во обру-ченіе жизни вѣчныя.

И такъ съ живымъ чувствомъ своей грѣхов-ности, съ живымъ исповѣданіемъ искупительной смерти и ходатайственныхъ заслугъ Спасителя нашего, должны мы приступить къ трапезѣ Гос-подней, дабы содѣлаться общниками спаситель-ныхъ плодовъ смерти и заслугъ Его. Съ вѣрою да приступаемъ.

Приступая съ живою вѣрою, должны присту-пать и съ пламенною любовію. Можно ли и приступать безъ любви къ пріобщенію того, что есть дѣло высочайшей любви? Что низвело Сына Божія съ высоты престола Отца Его долу, что заставило въ зракѣ раба служить намъ, тру-диться дѣя насъ, страдать за насъ, наконецъ про-лить кровь Свою, истощить на крестѣ и выну истощать за насъ самую жизнь Свою? Низвела любовь къ намъ любовь къ Своему образу, стра-стями въ насъ истлѣвшему, дабы пакн восстано-вить оный въ первую доброту. Какъ же онъ воз-становляетъ въ насъ образъ Свой, свѣтъ истины Своя въ умѣ нашемъ, жизнь правды Своя въ сердцѣ нашемъ? Возстановляетъ не прещеніями,

не проклятіями, не казнями, но тихостію и кротостію; возстановляетъ мирнымъ словомъ премудрости и разума, возстановляетъ совершеннѣйшимъ исполненіемъ воли Отца Своего за насъ, Который былъ послушливъ для насъ до смерти крестныя. А дабы мы еще живѣе, постоянно чувствовали любовь Его къ намъ: то предложилъ намъ Самаго Себя, Свое тѣло, воспріятос Имъ въ вочеловѣченіи, Свою кровь, излитую Имъ въ страданіяхъ за насъ, предложилъ, да ядимъ и пьемъ на трапезѣ Его, яко чада Его, яко ближніи и присніи Его, дабы, питаясь жизнію Его во времени, наслаждаться блаженствомъ жизни Его въ вѣчности. Съ какимъ же чувствомъ приступимъ къ источнику благодати и любви, какъ не съ чувствомъ безпредѣльной благодарности и любви? А хотя впостасная любовь Отчая предлагаетъ Себя всеѣмъ, всюду, всегда—такъ благоволительно и любвеобильно, что предлагаетъ Себя подъ самыми простыми, эмпирическими видами хлѣба и вина. Но *да никтоже, о вѣрніи, Владычнійя вечера тайно не наученъ, предостерегаетъ насъ Церковь и вразумляетъ, никто же отнюдь, яко Иуда льстиво не приступитъ къ трапезѣ* (*). Взвѣсивъ на видимое, будемъ паче взирать на невидимое, сокрытое подъ священными видами и созерцаемое взоромъ вѣры. Кто же это подъ священ-

(*) Стихъ на стиховѣѣ утра въ вел. четвертокѣ.

ными видами хлѣба и вина? Это Единородный Сынъ Божій, пріискренне пріобщившійся плоти и крови; это Господь всѣхъ, умалившійся до зрака раба; это Творецъ всяческихъ, низведшій Себя въ образъ твари; это Богъ крѣпкій, Царь славы, воспріявшій немощи человѣческаго естества и въ подобіи плоти грѣха безславный и беззрачный являющійся. Кратко: это сіяніе славы Отца, сладость Ангеловъ, красивый добротою нѣче всѣхъ человѣкъ, но любовію таинственно претворивъ Себя въ духовное питаніе благодатной жизни нашей, брашно и питіе, да пріискреннѣ пріобщитъ къ Себѣ брѣнность нашу, на крестѣ не имѣетъ ни вида, ниже доброты, а внутри весь совершенство, весь доброта, весь утѣшеніе, весь сладость. И такъ, со страхомъ и трепетомъ должны мы приступать къ благоутробному Господу, съ такимъ смреніемъ дарующему намъ Себя въ предлагающихъ тайнахъ, дабы возвыситъ насъ смреніемъ Своимъ, обогатитъ ницетою Своею, прославитъ уничиженіемъ Своимъ. Въ смренныхъ и съ сыновнимъ страхомъ трепещущихъ словесъ Его Господь всеяется обиліемъ благодати Своею, — миромъ и радостію о Душѣ Святѣ.

Съ благоговѣніемъ приступая къ кроткому и смренному Господу, нечелемъ и о томъ, чтобы приступать къ источнику чистоты въ чистотѣ духа и тѣла. Кроткій и смренный Господь нашъ есть вкушѣ и Святѣйшій Святыхъ,

на славу святости Котораго и самыя Ангелы, не смѣя взирать, отъ велелѣнія совершенствъ Его закрываютъ лица свои. Но Тотъ, Котораго сіянія славы не вмѣщаютъ небо и земля, какъ тихій свѣтъ, подъ завѣсою плоти явившійся для спасенія нашего на земли, и подъ священными видами хлѣба и вина предлагаетъ намъ Себя въ таинственную снѣдь для того, чтобы, не омрачая нашей темноты, освѣтитъ насъ, не потребляя насъ за нечистоту, потребить въ насъ нечистоту, не сокрушая нашей немощи, укрѣпить насъ силою Своею во спасеніе наше. И koliko благоволительно и премудро предлагаетъ намъ Себя подъ таинственными видами, чтобы мы бранные, пріемля Его въ себя устами и сердцемъ, по чувству самаго вещественнаго сопребыванія Его съ нами и въ насъ, постепенно становились внимательнѣе къ себѣ, старались ходить достойно небеснаго званія своего, тѣлились возвышаться надъ скоропреходящими благами, некоренять въ себѣ грѣховныя привычки, укрѣплять благія расположенія, пронзращать плоды благодѣанія! Когда въ таинственной трапезѣ мы ядимъ тѣло Христова и пьемъ кровь Его; то, по слову Его, *Онъ въ насъ пребываетъ, и мы въ Немъ* (Іоан. 6, 56.). Посему пріемля такого Обитателя, Который для того входитъ въ насъ, чтобы, исполнивъ умъ нашъ истиною, сердце правотою, волю силою къ исполненію воли Его, устроить насъ въ живой храмъ духа

Своего, ужели не позаботимся о томъ, чтобы не препятствовать Ему совершать въ насъ дѣло спасенія нашего? А это требуетъ съ нашей стороны того, чтобы мы, омывъ покаяніемъ сердца наши, паки ихъ не оскверняли; сознавъ въ себѣ порочныя склонности, осудивъ незаконныя дѣла, къ нимъ не обращались; познавъ грѣховныя недуги и болѣзни, всего болѣе воздержаніемъ ихъ врачевали, а при чувствованіи духовной немощи своею къ Нему же, — Источнику духовныхъ дарованій и силъ съ непрестанною молитвою обращались. Если мы не можемъ къ Источнику чистоты приступать въ потребной чистотѣ: будемъ всемѣрно заботиться о томъ, чтобы, по принятіи дара святости и чистоты, блюсти себя въ чистотѣ. Это существенная цѣль таинственного общенія нашего съ Господемъ, чтобы, прилѣпляясь Господеву, быть едины духъ съ Господемъ (1 Кор. 6, 17.); чтобы тѣ же впечатлѣвались въ насъ чувствованія и расположенія, тотъ же образъ дѣйствованія, какія и въ Христѣ Иисусѣ. А чувствованія и расположенія во Христѣ Иисусѣ суть духъ премудрости и разума, духъ правды и святости, дѣло Его для совершенія насъ въ правдѣ и святости есть долготерпѣніе, благость, милосердіе, любовь.

Итакъ, чтобы достойно приступать намъ къ общенію съ Господомъ, въ Божественныхъ тайнахъ Его: то святыя чувствованія и располо-

женія вѣры, любви, благоговѣнія и чистоты должны исполнять насъ; онѣ же, какъ токи живой воды, должны истекать изъ ума и сердца нашего чрезъ достойное пріятіе Господа.

Господи, Иисусе Христе, правда, избавленіе и освященіе наше! Въ день установленія Тобою Божественной вечери Твоей, пріобщаясь съ вѣрою, любовію и благоговѣніемъ таинства Твоего, тою же вѣрою и любовію молимъ Тебя, пріиде нынѣ благодатию Твоею къ намъ, и, какъ на тайной вечери возлегъ Ты посреде учениковъ Твоихъ, такъ возлязи въ сердцахъ нашихъ; и, какъ Божественный Наставникъ, возжги въ умѣ нашемъ слово вѣры Твоея; какъ Божественный Дѣлатель, воспламени въ сердцахъ нашихъ любовь къ заповѣдямъ Твоимъ; какъ Господь крѣпкій, дай силу Твою немоци нашей, дабы хотя издавеча могли мы слѣдовать за Тобою путемъ креста Твоего. Тогда Твое желаніе о насъ, и наша радость о Тебѣ исполнятся. Аминь.

С Л О В О 1

ВЪ СВЯТЫХЪ

ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

О ВИНОВНИКАХЪ СТРАДАНІЙ И СМЕРТИ
ХРИСТОВОЙ.

Онѣже излиха вопіяху, да пропятъ будетъ
(Мато. 27. 23.).

Кто же такъ неспово, такъ злобно вопіеть
противу Тебя, Божественная Невинность, без-
конечная Благодѣль, вѣчная Правда и Святость?
Кто такъ жадно, такъ ненасытимо алчетъ смер-
ти Твоей, и смерти крестной, поносной, Жизнь
и Радость всѣхъ тварей?

Такъ вопіяли противу Тебя въ злобѣ своей
Иудеи, возлюбленный некогда народъ Твой, но
и всегдашній протпвникъ Духу Твоему (Дѣян.
7, 57.), Иудеи, чрезъ вѣроломнаго ученика Тво-
его Тебя купившіе, подъ предводительствомъ
его со оружіемъ и дрекольми взявшіе, на без-
законномъ соборницѣ своемъ на поносную казнь
осудившіе, и наконецъ съ наглыми воплями

крестной смерти Твоей у Пилата требовавшіе: *ониже излиха вопіяху, да прѣлѣтъ будетъ.*

Сребролюбіе Іуды послужило къ успѣшному началу, а человекоугодіе Пилатова къ конечному исполненію неистовыхъ устремленій ихъ противу Тебя, и Ты безцѣнный, *въ Коемъ все сокровища премудрости и разума сокровенны,* (Кол. 2, 5.), за цѣну раба продавъ; Ты, Святыи Божій, какъ богохульникъ, избить, поругать, осужденъ, Ты, ненавидящій беззаконія, какъ злодѣй, пригвожденъ ко кресту, и вмѣненъ съ беззаконными.

Небо зрѣло на земли ужаснѣйшее злодѣяніе человеческое, — Богоубійство, и обложилось тьмою; земля тяготѣла подъ бременемъ злобы человеческой и отъ нестерпимой тяжести потряслась въ своихъ основаніяхъ: камни ощущали жестокосердіе человеческое и распались.

Но для чего, Ты, оклеветанная Невинность, возненавидѣнная Истина, умерщвленная Святость, чрезъ столько вѣковъ представляешься еще и чувственно и мысленно предъ взоры наши въ томъ же печальномъ состояніи, до какого довела Тебя злоба Іудеевъ? Не даешь ли Ты намъ чувствовать, что все мы, не только по общей грѣховности естества нашего, вмѣстѣ съ главными виновниками виноваты въ Твоихъ страданіяхъ и смерти; но даже и нынѣ все и каждый въ особенностяхъ, самъ собою, собственными своими дѣйствіями, какъ невѣр-

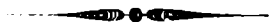
ный ученикъ, предаемъ Тебя врагамъ Твоимъ, какъ неблагодарный, недостойный народъ Твой, осуждаемъ Тебя и, подобно Пилату, отдаемъ на пропятіе?

Странно, ужасно быть въ числѣ Богоборцевъ и Богоубійць. Почему стоить всего нашего вниманія разсмотрѣть при семъ обличительномъ для неправдъ человѣческихъ образѣ страждущаго Иисуса: не бываемъ ли и мы нынѣ виною страданій и смерти Господа Иисуса, а слѣдовательно и мы не въ числѣ ли дѣйствительныхъ враговъ Его?

Не будемъ удивляться тому, что и нынѣ можно быть виною смертельныхъ страданій Безстрастнаго и въ вѣчной славѣ безсмертно царствующаго Иисуса. Доколѣ Онъ не покоритъ подъ ноги Свои враговъ Своихъ, дотолѣ въ небесной истинѣ Своей, которою борется съ нашимъ противленіемъ, и въ вѣрныхъ Своихъ, которыми свидѣтельствуешь о истинѣ Своей, будетъ и гонимъ, какъ нѣкогда Самъ съ небесъ возвалъ къ Савлу: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. 9, 4.); будетъ и распинаемъ такъ какъ, по слову Апостола, дѣйствительно есть *второе распинающіе Сына Божія и попирающіе*. (Евр. 6, 6. 10, 29.). Посему если и мы также поступаемъ съ истинною Христовою и съ вѣрными свидѣтелями истины Христовой, какъ поступали съ Самимъ Христомъ главные виновники стра-

даній и смерти Его: то и мы также бываемъ виною страданій и смерти Христовой.

Кто же главные виновники страданій и смерти Христовой, и какъ они поступили со Христомъ? Трое главныхъ виновниковъ страданій и смерти Христовой: Иуда, Иудеи и Пилать; по сему и тройкое особенно видимъ дѣйствіе страстей въ дѣйствіи Богоубійства. Въ Иудѣ дѣйствовало корыстолюбіе, въ Иудеяхъ зависть и злоба, въ Пилатѣ слабодупіе и челоуѣкоугодіе. Разсмотримъ сіи Богоубійственныя дѣйствія и по онымъ изслѣдуемъ и собственныя дѣйствія наши: не предаемъ ли, не осуждаемъ ли, не распинаемъ ли и мы Иисуса?

ЧАСТЬ I.

Что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ Его (Матѣ. 26. 15.). Приходитъ сребролюбивый ученикъ къ архіереямъ, предлагаетъ имъ услуги свои въ содѣйствованіи злему намѣренію ихъ о погубленіи Іисуса, условливается съ ними о платѣ за свое предательство, получаетъ тридцать сребренниковъ, *ищетъ удобнаго случая предать* (ст. 16.) и предастъ Іудеямъ лъстивымъ лобзаніемъ Учителя и Господа своего.

О! Избави насъ, Господи, Іудина окаянства. И кто бы изъ насъ не ужаснулся открыто за мзду продать Христа, несоціенное сокровище неба и земли? Но выйдемъ глубже въ дѣйствія свои и посмотримъ: сіе корыстолюбивое условіе: *что ми хотите дати и азъ вамъ предамъ Его*, не служитъ ли для многихъ изъ насъ правиломъ самыхъ по видимому добрыхъ побужденій и дѣйствій, а вмѣстѣ и неисчерпаемымъ

истинномъ предательствѣ Христа и истины
Христовой

Дѣйствительно растлѣнная природа наша такъ заражена своекорыстіемъ и самонекательствомъ, что мы часто дѣлаемъ и доброе для Бога, для людей, для себя по корыстолюбивому уговору о мздѣ и платѣ. Намъ рѣваемся приняться за пость, за молитву, за дѣла благочестія, хотимъ оказать требующему подаяніе, слабому защиту бѣдствующему помощь, рѣшаемся совершить въ сокровенности отъ взоровъ человѣческихъ тайныя дѣла самоотверженія, во всѣхъ сихъ случаяхъ лукавое своекорыстіе наше, еще до начатія дѣла, ведетъ уже свои переговоры, *что мы хотите дать*, и вступать въ рядъ то съ Богомъ о душевныхъ и тѣлесныхъ благахъ, то съ людьми, въ чаяніи себѣ похвалъ и славы, то съ внутреннимъ чувствомъ самоуслажденія, требуя отъ него самохваленія и самооправданія. Корысть и самонекательство, примѣшиваясь ко всѣмъ нашимъ мыслямъ и расположеніямъ, и во взаимныхъ отношеніяхъ заставляеть насъ видѣть и искать самихъ себя, и мы часто для того хвалимъ другихъ, чтобы самимъ быть хвалимымъ; если кому даемъ, то чтобы самимъ лишне воспріять; если кому служимъ, то чтобы вяще намъ служили. Такимъ образомъ и въ самыхъ лучшихъ дѣйствіяхъ своихъ мы не что иное, какъ корыстолюбцы и наем-

ники, которые, вмѣсто того, чтобы во всемъ искать единственно воли и славы Божіей, пользы и спасенія ближайшихъ нашихъ, славу другъ отъ друга пріемлемъ (Іоан. 5, 44), а славы, яже отъ единого Бога, не ищемъ, и ищемъ вѣсь токмо своихъ си (Фил. 2, 21.), а неже Христа Іисуса. А при таковыхъ расположеніяхъ далеко ли мы отстоимъ отъ Іудина предательства? Лишь только чаемая корысть измѣнитъ нашимъ ожиданіямъ: то и мы, подобно Іудѣ, который подъ предлогомъ попеченія о нищихъ, обнаружилъ ропоть въ разсужденіи изліяннаго Марією на главу и ноги Іисусовы драгоцѣннаго мѣра, какъ напрасной потери, и мы при неудачахъ подъ разными предлогами ропщемъ на Бога, ближнихъ нашихъ и собственную участь.

Нечего намъ и спрашивать, кто изъ насъ особенно предаетъ Христа: *еда азъ, еда азъ?* Дабы видѣть, какъ мы вѣсь самымъ дѣломъ измѣняемъ Христу и каждый за свою корысть предаемъ Его: то приведемъ на память тѣ случаи, когда льстивые соблазны и искушенія, поставляя духъ нашъ, блюдуцій въ себѣ истину и правду Христову, въ протпвоборство плоти и страстямъ, открывали намъ нарочитые опыты защищать Христа, сражаться за Христа: и такимъ образомъ свидѣтельствовать вѣрность свою Христу. Чтоже? Когда похоть плоти льстивыми своими искушеніями разставляла сѣти для невинности и чистоты нашей, отражали ли ее му-

жественнымъ, богобоязненнымъ гласомъ Іосифа: *како сотворю глаголь злій сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. 39, 9.) ? Когда похоть очесъ блескомъ злата и серебра затмѣвала свѣтъ истины и правоты въ совѣсти нашей, отвѣтствовали мы не словами только, но дѣйствительнымъ безкорыстіемъ на обольстительныя обѣщанія міра: *аще ми дастъ Валакъ полну храмину злата и серебра, не могу преступити слова Господа Бога, еже сотворити то мало или велико въ разумъ моемъ* (Числ. 22, 18.) ? Когда гордость житейская высокою земнаго величія и славы обольщала насъ измѣнить смиренію и кротости Христовой, то, презирая призраки, *изволяли ли мы, подобно Моисею, нечестно страдать съ модями Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость*. (Евр. 11, 24, 25.). Ахъ! вспомнимъ: мы не только при нападеніи сильныхъ искушеній не противились страстямъ нашимъ, но часто даже сами произвольно изыскивали и изыскиваемъ средства къ постыдному удовлетворенію онымъ: многократно жертвовали сладострастію своею невинностію, корыстолюбію правотою долга и совѣсти, честолюбію славою Божіею, благосостояніемъ ближнихъ нашихъ и самыми священнѣйшими узами родства и дружбы. Посему при каждомъ беззаконномъ дѣлѣ, содѣваемомъ нами съ поправленіемъ совѣсти, долга, истины Христовой, теплѣ и течемъ съ Іудею къ іудейскому беззаконному соимъщцу

міра, договариваемся съ нимъ о цѣнѣ, что мы *хотите дати*, и, удовлетворяя неистовству страстей нашихъ, продаемъ Безцѣннаго на суетной цѣнѣ капли меда, — горсти блестящаго праха, пустаго призрака славы, и обременяемъ себя тяжкимъ грѣхомъ предательства Христа и правды Христовой.

ЧАСТЬ II

Послѣ Іуды, послужившаго ужаснымъ орудіемъ злобы діавольской въ преданіи Іисуса Іудеямъ, Іуден, частию простой народъ, дѣйствовавшій по невѣжеству и наущенію, а болѣе книжники и фарисен, дѣйствовавшіе по злоумышленію противу Іисуса, — князи и старѣйшины іудейскіе были главные виновники и осужденія и всѣхъ страданій и самой смерти Господа Іисуса. Безумно завидуя Божественному величію Іисуса, по которому Онъ училъ и творилъ все со властію, предъ которою исчезала вся суетная важность книжниковъ и фарисеевъ, ненавидя святаго ученія Его, несовмѣстнаго съ плотскими понятіями ихъ, злобствуя на Него за обличеніе лицемерія, — ложной праведности и сокрошенныхъ пороковъ ихъ, Іуден, — книжники и фарисен во всю жизнь Іисуса и въ словахъ и въ дѣлахъ преслѣдовали Іисуса. Но не могши ни въ чемъ уловить Божественнаго Праведника, наконецъ составляютъ сдинодушный

совѣтъ непременно, какъ бы то ни было, погубить Его: *совѣщаша, да Иисуса лествію имутъ и убіютъ* (Мат. 26, 54.). И посредствомъ вѣроломнаго ученика во время ночи тайно съ оружіемъ и дрекольми взяли Иисуса на незаконное судище свое, чрезъ нарочныхъ лжесвидѣтелей оклеветали въ небывалыхъ преступленіяхъ, какъ за дѣйствительныя осудили, и въ слѣдъ за тѣмъ какъ уже уличеннаго преступника, покрывъ всякаго рода поруганіями и безчестіемъ, представляютъ Пилату; и то клеветою, то угрозами, то явнымъ насиліемъ принудивъ Пилата привести въ дѣйствіе опредѣленіе свое, распинаютъ Божественную Невинность, Правду и Святость,—Иисуса.

Вотъ что дѣлаетъ раздраженное самолюбіе. Изъ огорченія перерождается въ негодованіе и зависть, изъ зависти во вражду, изъ вражды въ злобу, а злоба, сіе адское порожденіе, доколе не успокоится, доколе не убіетъ и не погубитъ, или по крайнѣй мѣрѣ насильственно не удалитъ отъ взоровъ своихъ ненавидимый предметъ, кто бы онъ ни былъ, хотя бы это былъ Праведникъ, хотя Святый Божій и истинный другъ самыхъ злобствующихъ. *Они же возглаголюще: распни, распни Его.*

Избави насъ, Господи, отъ окашества и злобы Иудеевъ, какую они показали противу Тебя.

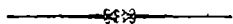
Но, христіане, испытаемъ самихъ себя, не гнѣздится ли въ комъ изъ насъ злоба, сіе ад-

ское изчадіе, не вовлекаетъ ли и насъ въ преступленія, подобныя преступленіямъ Іудеевъ? Внемлемъ: есть у каждаго изъ насъ своя особенная болѣзнь самолюбія, своя любимая страсть, составляющая главнаго двигателя нашихъ дѣйствій. Мы бываемъ спокойны, доколѣ никто изъ члѣвъ противнымъ не коснулся нашего самолюбія. Но только коснись кто открытымъ раздраженіемъ больнаго въ насъ мѣста любимой страсти нашей: тогда гесина открывается въ сердцѣ нашемъ, скорбь, досада, негодованіе, гнѣвъ, попеременно заступая мѣсто, возжигаютъ мрачный огонь во всемъ существѣ нашемъ. И если къ несчастію оскорбленія будутъ усилены новыми оскорбленіями, но не будутъ обузданы внутреннею силою страха Божія и перейдутъ въ ожесточеніе и злобу: тогда не рѣдко доходитъ чловѣкъ до того ужаснаго состоянія, въ которомъ находились Каній братоубійца и Іуден Богоубійцы, и которое дѣлаетъ орудіемъ злобы діавола и враговъ истины.

Теперь пусть каждый изъ насъ безпристрастно изслѣдуетъ самаго себя по своему состоянію и званію, по своимъ дѣламъ и отношеніямъ къ ближнимъ своимъ, не ищетъ ли онъ противу бого несправедливаго гнѣва и ненависти; не преслѣдуетъ ли кого злобою единственно по дѣйствию раздраженнаго самолюбія, и такимъ образомъ въ лицѣ брата, ближняго своего, несправедливо имъ ненавидимаго, и перѣдко до смер-

тельной скорби доводимого, не несправедливо ли, не гонить ли, не готовить ли на смерть Иисуса? Вотъ ты начальникъ, и если различными способами гнѣтешь своего подчиненнаго,—оскорбляешь его частно, унижаешь открыто, преслѣдуешь словомъ и дѣломъ, и единственно потому, что онъ имѣлъ несчастіе раздражить твое самолюбіе: то ты находишься въ сонмѣ Іудеевъ, и сѣднись на сѣдалищѣ губителей. А ты подчиненный, и ежели обносилъ своего начальника клеветою, злословіемъ, безчестіемъ, и собственно потому, что онъ по долгу своему коснулся слабой стороны твоей, возсталъ на закоренѣлую привычку твою и требуетъ отъ тебя строгаго исполненія того, что прежде ты не считалъ даже и своею обязанностію: то ты примѣняешься къ совѣту Іудеевъ и дерзновенно подаешь голосъ на осужденіе Иисуса. А тебя мучать великія дарованія и добрыя качества клеветы и сообщника дѣлъ и жизни твоей, неоднократно предвосхищавшаго у тебя честь и преимущество; и если ты, вмѣсто того, чтобы ревновать ему въ добрѣ, снѣдаясь завистію, злобно перетолковываешь полезныя намѣренія, пересуждаешь добрые поступки его, и при всякомъ случаѣ неблагопріятными отзывами стараешься приве-
сти его въ подозрѣніе у высшихъ, въ неуваженіе у низшихъ, въ презрѣніе у равныхъ: то ты точно, подущая и другихъ на брата твоего, что вамъ мнится, и самъ подавая рѣшительный го-

люсь: повиненъ есть смерти, въ лицѣ брата твоего осуждаешь на смерть Иисуса—Праведника. Такъ! если мы, по слову Ап. Іакова, *убиваемъ и завидуемъ, сваряемся и боремся* (Іак. 4, 2.), если *зависть горьку ильемъ и рвеніе въ сердцахъ нашихъ* (—3, 14.), и токмо по ярости самолюбія нашего гнѣваемся и ненавидимъ братію нашу: то да не хвалимся и не лжемъ на истину; мы во тьмѣ находимся и во тьмѣ ходимъ, и не знаемъ, куда идемъ и что дѣлаемъ (1 Іоан. 2, 11.); мы не отъ кроткаго стада Христова, но отъ Богоубійственнаго сонмища іудейскаго. И думаешь ли, что Іудси грѣшнѣйши паче насъ? Нѣтъ! если не покаемся отъ злобъ нашихъ: то также, какъ и они, погибнемъ.

ЧАСТЬ III.

Третій виновникъ страданій и смерти Господа Иисуса, менѣе по видимому прочихъ виновный, есть Пилать. По суду Самаго Спасителя, Пилать менѣе виновенъ, нежели Иуда: *сего ради предавый Мя тебѣ*, говоритъ ему Спаситель, *боліи грѣхъ имать* (Іоан. 19, 11.). Менѣе виновенъ Пилать и по сравненію съ Иудеями. Хотя онъ Иудеямъ окончательно предалъ Иисуса на распятіе; онъ же, какъ главный начальникъ и судія, по власти своей могъ и не допустить сего; но уступивши насильственнымъ требованіямъ буйной, разъяренной толпы, поступилъ такъ по неволѣ, по крайности, и не прежде, какъ по употребленіи возможныхъ по видимому способовъ къ освобожденію Иисуса.

Въ самомъ дѣлѣ, при взглядѣ на дѣйствіе Пилата въ отношеніи къ Иисусу, нельзя не видѣть, что онъ старался по видимому держать сторону Иисуса противу Иудеевъ; во первыхъ зная, что Иудеи изъ зависти предали ему Иисуса: *яко за-*

вести ради предаша Его (Матт. 27, 18.), онъ вовсе отклоняетъ отъ себя дѣло объ Иисусѣ: *поймите Его вы* (Юан. 18, 31), говоритъ Иудеямъ, *и по закону вашему судите Емю*. Потомъ, когда Иудеи настоятельно обвиняли Иисуса, — что Онъ злодѣй, и долженъ умереть (30), Пилать самолично съ надлежащею обстоятельностью входитъ въ положеніе Иисуса, допрашиваетъ Его Самаго о возносимомъ на Него Иудеями обвиненіи въ присвоеніи царства и, по учиненіи личнаго вопроса Иисусу въ преторѣ, вышедши сказалъ Иудеямъ: *азъ ни единыя вины обрѣтаю въ Немъ* (ст. 38.); даже съ негодованіемъ упрекалъ ихъ въ напрасномъ обвиненіи Иисуса: *приведосте ми чловѣка сего, яко развращающа люди: и се азъ предъ вами истязавъ, ни единыя же обрѣтаю въ чловѣцѣ семъ вины, яже на Нь вадите* (Лук. 23, 14, 15.); оправдывалъ притомъ невинность Иисусову и поступкомъ Прода, который также ничего не нашелъ въ Иисусѣ достойнаго смерти. Когда же сіи свидѣтельства его о невинности Иисуса предъ Иудеями остались безуспѣшны: то, для избавленія Иисуса, онъ прибѣгаетъ уже къ самымъ крайнимъ средствамъ. Во первыхъ ставитъ Его рядомъ съ Вараввою разбойникомъ въ томъ намѣреніи, чтобы сами Иудеи почувствовали свою несправедливость и постыдились просить свободы разбойнику, а невиннаго Иисуса требовать на распятіе. Когда и сіе не помогло: то нарочно велитъ воинамъ

бить Иисуса, возложить терновый вѣнецъ на главу Его, облечь въ багряницу, и избитаго, обезображеннаго, въ видѣ достойномъ жалости и соболѣзнованія представляетъ предъ взоры жестокосердыхъ враговъ, — жертву злобы ихъ, говоря: *се человекъ*, дабы такимъ достопащевнымъ зрѣлищемъ показать и несообразность вноси-
мыхъ ими обвиненій на Иисуса во властолюбіи, и смягчить жестокость ихъ. Но когда, вмѣсто чаемаго смягченія, начало возрастать смятеніе, поднялись крики и вопли: *возми, распни, распни Его* (Лук. 23, 18. 21.), и изъ шумной толпы народа стали и ему самому угрожать опасно-
стію: *аще сегопустиши, нѣси другъ кесаревъ*: тогда уже наконецъ беретъ воду, умываетъ предъ народомъ руки свои и, торжественнымъ засвидѣтельствомъ о невинности своей въ крови Праведника: *неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго сего: вы узрите* (Матѳ. 27, 24.), сложивши съ себя виновность на народъ, который и снялъ на себя и на потомство свое ужасную вину сію: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (ст. 25.), предастъ Иудеямъ Иисуса на распятіе. Столько-то употреблялъ Пилать старанія о защищеніи невиннаго, Праведнаго Иисуса!

Ахъ! не такъ ли и всѣ мы подвизаемся въ защищеніи невинно гонимой и страждущей истины Божіей? Если такъ: то всѣ мы похожи на Пилата и всѣхъ насъ ожидаетъ участь, по-

добная Пилатовой. Нѣтъ! Сколько сдѣлано Пилатомъ мнимыхъ защищеній въ пользу Иисуса, — столько же учинено открытыхъ несправедливостей противу истины и противу неповиннаго — Страдальца Иисуса.

Зналъ Пилатъ, что Иудеи позависти предали ему Иисуса, вполне былъ увѣренъ въ невинности Иисусовой изъ личныхъ Ему допросовъ, изъ поступка съ Нимъ Продова, изъ важнаго предостереженія женою, которая нарочно посылала къ нему, чтобы онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ этому Праведнику: *ничто же тебѣ и Праведнику тому*, потому, что она во снѣ много пострадала за Него: *много пострадахъ днесъ во снѣ Его ради* (ст. 19.); послѣ сего даже самъ страшился осудить въ Иисусѣ или Сына Божія, или какого великаго Праведника, *егда убо слыша Пилатъ сіе слово* (Іоан. 19, 7. 8.), т. е. обвиненіе Иудеями Иисуса въ томъ, что Онъ называетъ себя Сыномъ Божиимъ (12), *паче убоися*, а посему и мыслилъ отпустить Его; и однакожъ, не смотря на все сіе, садится на судейское мѣсто, чтобы судить Иисуса; употребляетъ онъ и власть свою къ защищенію Иисуса. Но какъ? Ставить неповиннаго на ряду съ разбойникомъ. Употребляетъ и мѣру для возбужденія жалости къ Иисусу. Но какую? Предастъ Праведника неистовству вонновъ, и позволяетъ имъ такъ жестоко бить Его, что сей усердный защитникъ болѣе ругался надъ неповиннымъ Страдальцемъ, нежели старался о

освобожденіи Его. Наконецъ, въ знакъ невинности своей въ осужденіи Неповиннаго, умываетъ руки свои предъ народомъ. Но развѣ судіѣ, помощи котораго оставленъ есть инициѣ и заступленію убогій, надлежало допускать очевидную несправедливость? Надлежало ли въ своемъ собственномъ дѣлѣ поступать, какъ бы вовсе въ постороннемъ, и подъ благовиднымъ предлогомъ невинности своей предавать истину неправдѣ? Такими и подобными предлогами намъ можно бы было оправдать себя и во всѣхъ неправдахъ. Гдѣ же будетъ святая ревность по истинѣ, гдѣ любовь къ человѣчеству? На него возсталъ все сонмище іудейское. Но если бы онъ и дѣйствительно не могъ устоять одинъ въ защищеніи Неповиннаго противу пенстовой толпы, то могъ бы съ судилища правосудія воззвать о помощи къ друзьямъ и ревнителямъ истины, — ибо не всѣ пристали къ совѣту и дѣлу Іудеевъ; а если бы и не нашлось ни одного поборника по истинѣ, надлежало бы пострадать за истину, или умереть вмѣстѣ съ истиною, а не выдавать истины. Но Пилать ничего такого не сдѣлалъ. А почему? Потому что хотѣлъ *хотѣніе сотворить народу* (Мар. 15, 15.); хотѣлъ лучше быть другомъ кесаревымъ, нежели другомъ Божиимъ: *аще сего пустиши, нѣси другъ кесаревъ* (Іоан. 10, 12). За сіе то слабый, челоукоугодный судія несправедливо осужденнымъ отъ Него Божественнымъ Судією, въ виновности

Богоубійства и поставленъ рядомъ подлѣ Іуды: *сего ради предавый Мя тебѣ болій грѣхъ имать.* О! избави насъ, неповинно осужденный за насъ Господи, отъ Пилатова неправосудія, и отъ измѣны истинѣ Твоей по примѣру челоуѣкоугодія и раболѣпства его! Пусть здѣсь уже сами себя судятъ начальники и князи, *князи*, по Пророку, *общницы татемъ, любящии дары, гонящии воздаяніе, сирымъ несудящии, и суду вдовицъ невнимающии* (Исаин 1, 23.). Пусть судятъ себя судін, *мишуищии лукавство, уклоняющии судъ убогихъ, восхищающии судъ нищихъ людей, комъ вдовицы въ расхищеніе и сироты въ разграбленіе* (10, 2.).

Примѣнимъ поступки Пилатовы къ самимъ себѣ, и посмотримъ, лучше ли мы поступаемъ Пилата при рѣшительныхъ случаяхъ въ защищеніи истины. Можно о многихъ изъ насъ сказать, что мы любимъ истину, утѣшаемся истиною, желаемъ ея видѣть въ себѣ, желаемъ сообщить другимъ; въ отзывѣхъ нашихъ хвалимъ истину, и подвизающихся о истинѣ. И вотъ доходитъ дѣло намъ защищать истину предъ людьми въ несправедно гонимыхъ, притѣсняемыхъ, лишаемыхъ собственности, чести; или истину вѣры нашей противу открытыхъ презрителей вѣры. Что же? Мы съ ревностію и сильными доказательствами защищаемъ вѣру нашу при состязаніяхъ съ разномыслящими; даемъ, по должности нашей, самые

лучшіе отвѣты, употребляемъ самыя усердныя просьбы въ пользу невинныхъ; подъедемъ даже различныя труды, безпокойства, огорченія, не-удовольствія въ ходатайствѣ о нихъ. Но вотъ за-щищеніе истины становится затруднительнымъ; дѣло доходитъ до угрозъ, до опасностей, до не-милостей, до различныхъ пожертвованій иму-ществомъ, честію, до различныхъ страданій и гоненій за истину: тогда то и мы, подобно Пи-лату, ложнымъ самооправданіемъ и самоизвине-ніемъ умываемъ *руки предъ народомъ*, открыто говоримъ, что мы правы, что мы съ своей стороны все сдѣлали для защищенія истины, и оставляемъ истину во власти гонителей ея; ос-тавляемъ одного Іисуса терпѣть страданія, идти на Голгофу, нести крестъ, оставляемъ Его и разбѣгаемся. А если и идемъ издалеча за страж-дущимъ Іисусомъ видѣти кончину: то, при пер-вомъ судебномъ спросѣ, что и мы были съ Іи-сусомъ Пазаряниномъ, что и мы изъ числа уче-никовъ Его, тотчасъ отрицаемся отъ Іисуса, говоримъ, что мы и не знаемъ, и не понимаемъ того, о чемъ намъ говорятъ, что мы не знаемъ *того человека*, даже клянемся и божимся, что *не знаемъ сего человека*. И чтожь это за лю-бовь къ Іисусу,—во время благопріятное вѣро-вать въ Него, а во время напасти отпадать; во дни славы Его, во дни спокойной и безбѣдной жизни нашей почитать Его Господемъ и Учи-телемъ нашимъ, а при гоненіяхъ ради Его и

правды Его—оставлять Его и отстаться отъ Него?

Не такъ поступали вѣрные Христовы; они лучше хотѣли лишиться всѣхъ благъ и самой жизни, нежели измѣнить истинѣ Божіей и Правдѣ Христовой. Соглашались Пророка Михея вмѣстѣ съ лжепророками изъ челоуѣкоугодія прорицать въ пользу царя Ахава: *се нынѣ вси Пророцы усты едиными глаголютъ добрая о царѣ, буди убо и ты въ словесахъ твоихъ по словесемъ единаго отъ сихъ и глаголи добрая. По Михею отвѣтствовалъ: живѣ Господь, яко яже речетъ Господь ко мнѣ, сія возглаголю, хотя зналъ, что за сіе опять посадятъ его въ темницу и будутъ кормить хлѣбомъ печальнымъ и водою печальною (3 Цар. 22, 13. 14, 27.).* Спрашиваетъ Навуходоносоръ въ ярости и гнѣвъ Ананію, Азарію и Мисаила: *аще во истину Седрахъ, Мисахъ и Авденаго, богомъ моимъ не служите, и тѣмъ златому, еже поставихъ, не покланяетесь?* И истинные Богочтецы не боязненно отвѣтствуютъ: *вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣмъ златому, еже поставилъ еси, не кланяемся (Дан. 3. 14. 18. 21.),* хотя знали, что за пренебреженіе повелѣнія царскаго уже огненная печь готова для сожженія ихъ. Запрещаютъ архіереи іудейскіе Апостоламъ проповѣдывать иучить о имени Христовомъ, и Апостолы отвѣтствуютъ: *аще праведно есть предъ Богомъ*

васъ послушати насъ, нежели Бога, судите. Вотъ какъ говорятъ и дѣйствуютъ истинные ревнители и защитники истины Божіей. Имъ угрожаютъ за истину немилостію, глѣвомъ, казнію,—они отвѣтствуютъ: истина Божія для насъ столько же выше всего и драгоценнѣе, сколько выше и досточтимѣе всего Богъ.

Послѣ сего ужели будемъ думать, что для насъ достаточно исповѣдать открыто Христа и истину Его здѣсь посредѣ церкви и посредѣ братій нашихъ; а въ прочихъ случаяхъ довольно не быть явными противниками истины? Чтоже будетъ съ нами, если и намъ прилучится среди страховъ и опасностей свидѣтельствовать о Христѣ и истинѣ Его, какъ свидѣтельствовали о Немъ святые мученики и исповѣдники?

О! будемъ молить Божественнаго Страдальца, чтобы Онъ пощадилъ нашу слабость, избавилъ насъ отъ тяжкихъ искушеній, дабы къ стыду и осужденію нашему не открылась нагота нашей невѣрности къ Нему, и не оказалось, что мы только челоуѣкоугодники, а не рабы Христовы, исполняющіе волю Божію отъ души, въ простотѣ сердца, какъ предъ Богомъ Сердцевѣдцемъ, и дабы за отреченіе отъ Него предъ челоуѣками, Онъ Самъ не отрекся отъ насъ предъ Небеснымъ Отцемъ и предъ Ангелами Своими, когда прійдетъ во славу Своей и Отчей и Святыхъ Ангелъ.

Но мы повинны и все́мъ Богоубійственнымъ дѣйствіямъ, въ пролитіи крови Праведнаго сего. Посему все́ и каждый будемъ умолять Его съ горькими слезами покаянія, да избавитъ насъ и отъ сребролюбія Іудина, и злобы іудейской и человекоугодливости Пилатовой: Онъ и предѣлитъ нынѣ намъ дѣя очищенія нашего. Только мы сами не поглумимся, непрестанно на то же обращаться, да нѣкогда вмѣстѣ съ Богоубійцами въ ту же притчу противленія и гибели впадемъ, дабы, тогда какъ явится знаменіе Сына человѣческаго, уже уничиженнаго и обезславленнаго, но грядущаго на облацѣхъ со славою и силою *и узритъ Его всяко око, и иже Его прободоша* (Апок. 1, 7.), и намъ не возрыдать вмѣстѣ со все́ми колѣнами земными, если не очистимся отъ грѣха Богоубійственнаго.

А дабы очиститься отъ великаго грѣха Богоубійства: то, всемірно распиная въ себѣ страсти, будемъ въ каждомъ постыдномъ требованіи нашего корыстолюбія, сластолюбія и славолубія слышать оный страшный предательскій договоръ: *что вы хотите дать, и азъ вамъ предаю Его*, и, приводя симъ въ трепеть самыя страсти наши, будемъ смирять въ себѣ всякое корыстолюбіе и самоискательство примѣромъ нищеты и самоуничиженія Христова, Который, *богатъ сый, насъ ради обнища, и въ образъ Божій сый, Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, смирилъ Себе; послушавъ бывъ даже до смерти*

смерти же крестныя (Фил. 2, 6 — 8.). А въ каждомъ гнѣвномъ, мстительномъ и враждебномъ устремленіи противу ближняго нашего будемъ слышать оное ужасное іудейское изступленіе злобы: *возми, возми, распни Его*, и, обуздывая снмъ горькое рвеніе сердца нашего, будемъ смягчать оное примѣромъ смиренія и незлобія Христова, Который, терпя отъ грѣшниковъ всѣ возможныя прекословія, *укоряемъ противу неукоряше, стражди не прещаете: предающе же судящему праведно* (1 Петр. 2, 2. 3.). Когда же необходимость потребуеть отъ насъ стать за истину до крове, и человѣческой страхъ, или человѣкоугодіе будутъ преклонять насъ къ двоедушію противу истины: то вспомнимъ о Пилатѣ, который изъ угожденія народу отпустилъ Варавву, а Иисуса предалъ на распятіе, вспомнимъ по словамъ Псалмопѣвца, что *Богъ разсылетъ кости человѣкоугодниковъ* (Псал. 52, 7.), и, какъ ученики истины, одушевимся въ вѣрности къ истинѣ, примѣромъ Спасителя нашего, воплощенной Истины, Который *на то и родился, какъ Самъ о Себѣ говоритъ, на то и пришелъ въ міръ, да свидѣтельствуеть истину* (Іоан. 18, 37.).

Христе, Спасителю нашъ, долготерпѣливе пріемый лъстивое преданіе, несправедное осужденіе, и поносное распятіе и смерть! Дажь намъ истиннымъ исправленіемъ очистить уста наши отъ лъсти, руки отъ лжонства, сердце

отъ неправды, совѣсть отъ лукавства и двоедушія. Пусть мы повинны грѣхами нашими въ пролитіи безцѣнной Крови Твоей, Божественный Праведникъ. Но ради безконечныхъ заслугъ Твоихъ, слезами сердечнаго покаянія, очисти насъ отъ великаго грѣха Богоубійства; и, какъ чающихъ единственно отъ Тебе спасенія, сопричисли къ лику вѣрныхъ Твоихъ, очищенныхъ безцѣнною Твоею кровію. Аминь.

СЛОВО II

ВЪ ВЕЛИКІИ ПЯТОКЪ.

*Аще Сынъ еси Божій, снуди со Креста.
(Мато. 27, 40).*

Такъ ругался надъ Иисусомъ, распятымъ между двумя разбойниками и пригвожденнымъ на крестъ: ругался народъ, во множествѣ пришедшій за Иисусомъ отъ мѣста судилища до мѣста распятія; ругался первосвященники и книжники, также пришедшіе за Иисусомъ на злобное мѣсто.

Чему же еще ругаются надъ Иисусомъ, всюду поруганнымъ и уничиженнымъ, — надъ Иисусомъ, кажется, всѣми оставленнымъ, оставленнымъ не только учениками, отъ Него бѣжавшими, но, что всего наче, оставленнымъ и отъ Отца Своего? Только и славы, только и утѣшенія было у Иисуса между людьми на

земли, что Онъ посланъ Отцемъ, творитъ волю Отца, любитъ Отца и любимъ отъ Отца; что Отецъ Его съ Нимъ и неразлученъ отъ Него (Иоан. 16, 52); удостовѣряетъ даже, что Отецъ Его въ Немъ и Онъ въ Отцѣ, и что Онъ едино есть со Отцемъ (17, 21.). А теперь крѣпкимъ воплемъ жалобы, еще въ первый разъ изъ устъ Иисуса слышимой, теперь самъ Иисусъ вопіетъ ко Отцу на крестѣ: *Боже мой, Боже мой, вскую еси Мя оставилъ* (Мат. 27, 46.). Чему же еще ругаются надъ Иисусомъ враги Иисусовы?

Ругаются тому, что собственно крестною смертію намѣревались въ Иисусѣ уничтожить и поругать; что по вѣншему образу, казалось имъ, они уже и сдѣлали, но вѣрно еще не были увѣрены, сдѣлали ль то самую вещь? Ругаются надъ распятымъ Иисусомъ тому, что въ Распятомъ было выше разума ихъ, сильнѣе могущества ихъ, что было недоступно власти ихъ, ругаются надъ Иисусомъ тайному, недовѣdomому, непостижимому, что во время жизни Его они ясно въ Немъ видѣли и не хотѣли разумѣть; теперь не видятъ, но желали бы видѣть, и хотятъ разумѣть, словомъ: ругаются враги Иисусовы во Иисусѣ надъ достоинствомъ Сына Божія, чего Онъ о Себѣ никогда не отрицалъ, и хотятъ, чтобы Распятый, какъ Сынъ Божій, съ креста показалъ силу Божества Своего и крѣпость могущественной власти Своей: *аще Сынъ еси Божій, скиди со креста.*

Кто же подѣмлетъ на Иисуса ругательный вопль? Кто еще не насытилъ злобы своей надъ Иисусомъ, всѣми, и виѣшними и внутренними обремененнымъ страданіями, надъ Иисусомъ, не имѣющимъ ни вида, ниже доброты, между землею и небомъ висѣющимъ на древѣ проклятія, и Самимъ небеснымъ Отцемъ оставленнымъ? Ругаются надъ Иисусомъ народъ и книжники, простые и разумные.

ЧАСТЬ I.

НА ГОЛГОФѢ РУГАНІЕМЪ ЗОВУТЬ ИИСУСА СОЙТИ СО КРЕСТА.

а) ПРОСТОЙ НАРОДЪ ПО НЕВѢЖЕСТВУ.

Мимо ходящій же гудяху Его, повѣствуетъ Св. Евангелистъ Матсей, покиваяюще главами своими, и глаголюще: *раззоряй церковь и три дни созидай, спасися Самъ: аще Сынъ еси Божій, спиди со креста.* Такъ ругается надъ Иисусомъ простой народъ. Конечно это толпа неблагодарныхъ, изъ которыхъ всѣ недавно видѣли, а иные и на самихъ себѣ испытали Божественныя благодѣянія Иисусовы; толпа легкомысленныхъ, которые недавно при входѣ Иисуса въ Иерусалимъ, съ побѣдными знаменіями сѣтая Его, яко Царя Израилева, восклицали: *Осанна сыну Давидову* (Матт. 21. 9.): *благословенъ грядый Царь во имя Господне* (Лук. 19, 28.); и еще прежде многократно искали силою восхитить и сдѣлать Его Царемъ.

Своимъ (Іоан. 6, 15.). А теперь неистово вопиють: *Христосъ Царь Израилевъ да снидетъ нынѣ со креста, да видимъ и въру имъ Емѹ* (Мар. 15, 32.). Впрочемъ это толпа невѣжествующихъ, толпа,—орудіе умысленныхъ дѣйствователей, тѣхъ, которые незадолго предъ симъ на судищи архіереевомъ лжесвидѣтельствовали противу Іисуса: *мы слышахомъ Его глаголюща, яко Азъ разорю церковь сію рукотворенную, и трети деньми ину нерукотворенну созижду* (Мар. 14, 58.). Какъ при осужденіи на распятіе злонамѣренныя напустили народъ просить крестной смерти Іисусу (Мат. 27, 21.), такъ и здѣсь легкомысленные во слѣдъ за подбуждителями начали издѣваться надъ Распятымъ и неистовыми движеніями: *покиваяюще главами, и буйными восклицаніями: уа,—какъ описываетъ простонародный крикъ Евангелистъ Маркъ: Уа, раззоряй церковь и трети деньми созидай* (Мар. 15. 29.). Но какъ народъ дѣлалъ сіе болѣе по невѣдѣнію, нежели по злобѣ, то болѣе жалокъ и менѣе виновенъ; и Божественный Страдалецъ Самъ на крестѣ молилъ небеснаго Отца Своего о прощеніи тѣхъ, которые сами не вѣдали, что дѣлали. *Отче! отпусти имъ: не вѣдѣютъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34.).

б) **ЗАКОННИКИ СЪ УМЫСЛОМЪ ДЛЯ ПОСМѢЯНІЯ.**

Но вотъ слышатся смышленные ругатели. Та-кожде и архіереи, ругающіеся съ книжники и старицы и фарисеи, глаголаху: иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти? Аще Царь Израилевъ есть; да скидетъ нынѣ со креста, и вѣрнемъ въ Него. Упова на Бога: да избавитъ нынѣ Его, аще хочетъ Ему. Рече бо, яко Божій есмь Сынъ. (Мат. 27, 41—43.). Здѣсь видно ругательство обдуманное. Эти ругатели точно видѣли опыты въ жизни Іисусовой, что Онъ спасалъ другихъ, видѣли въ Немъ истинныя знаменія Мессіи, Царя Израилева, видѣли безпредѣльную преданность Его Богу, видѣли даже и особенное благоволеніе къ Нему Божіе, свидѣтельствовавшее дѣлами и гласомъ свыше. Потому и поносятъ Іисуса самыми досточтимыми дѣйствіями Его, и къ поношеніямъ прилагаютъ еще кощунство, потому что поносятъ пророчесвенными словами Псалмопѣвца: *Упова на Бога, да избавитъ нынѣ Его, аще хочетъ Ему* (Псал. 21, 9.). Но въ то же время, какъ выражаютъ чувство злобной радости, они объемяются и мучительнымъ чувствомъ тайной боязни и трепета, чтобы сей Распятый, пригвожденный ими ко кресту, не подвигся Своею силою, не воззрѣлъ на нихъ очима Своима, чтобы не подвигнулъ рукъ и ногъ Своихъ и не сошелъ къ нимъ со креста. Эти поносители

тайно боялись силы Распятаго; а потому послѣ того, какъ солнце померкло, земля потряслась и каменіе распалось, и они безъ сомнѣнія, какъ и всѣ пришедшіе на позоръ сей, *бѣюще перси своя* (Лук. 23, 48.) возвращались съ позорища. Они боялись силы Распятаго Иисуса, даже и мертваго во гробѣ, когда просили Пилата и всячески старались печатями и стражею утвердить гробъ (Мат. 27, 63. 66.), особенно потому, что боялись силы Распятаго, которую одинакожъ къ несчастію своему самыми своими печатями и стражею только болѣе дознали и засвидѣтельствовали.

Такъ первосвященники и книжники злословіями своими звали Иисуса со креста: *еще Сынъ еси Божій, спиди со Креста*, а сами тренетали, чтобы въ самомъ дѣлѣ къ ужасу ихъ не сошелъ Иисусъ со креста. Но, осудившіе на крестную смерть Иисуса! вы конечно не хотите, чтобы Онъ сошелъ со креста! Не страшитесь же и не пекушайте Иисуса: Иисусъ по долготерпѣнію не сойдетъ теперь къ ужасу вашему со креста.

Но въ шумныхъ кликахъ толпы слышится на Голгофѣ еще чей-то голосъ, дикій и ужасный, голосъ злобно выражающій рѣшительное желаніе, чтобы сошелъ Иисусъ со креста.

В) ДІАВОЛЪ ВЪ ЗЛОБѢ ДЛЯ ИСКУШЕНІЯ.

Гдѣ же такой голосъ слышится? Слышится въ томъ же шумѣ ругающейся толпы, и именно слышится въ сихъ словахъ: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста*; слышится голосъ злорадный, зложелательный, голосъ раздражающій, чтобы Іисусъ дѣйствительно подвигся Божественною Своею силою, какъ Богочеловѣкъ, какъ сынъ Вышняго, и сошелъ открыто со креста. Что дѣйствительно такой голосъ слышится, мы явственно отличимъ и обличимъ его.

Вспомнимъ о искушеніи, бывшемъ послѣ сорокадневнаго поста, выдержаннаго Іисусомъ въ пустынѣ. Когда *постився дній четыредесять, и ноцій четыредесять*, на послѣдокъ Онъ взвѣдалъ: кто тогда приступилъ и говорилъ Ему: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да камене сіе хлѣбы будутъ* (Мат. 4, 5.)? Кто потомъ, поставивъ Его на крыль церковнѣмъ, также говорилъ Ему: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу* (6.)? Говорилъ тогда искушитель, діаволъ, говорилъ великому Подвижнику, безгрѣшно совершившему необыкновенный подвигъ воздержанія до послѣдняго предѣла возможности; а когда Онъ изнемогъ по человѣческому естеству, то искушитель вызывалъ Его къ нетерпѣливому обнаруженію Божественной силы

Его, для собственнаго вспомоцствованія Своего. Не ясно ли, что и на Голгооѣ тотъ же искушитель, тотъ же лютый змѣй, діаволь, только устами орудій своихъ говоритъ : *аще Сынъ еси Божій, спиди со креста.*

Что же онъ такое говоритъ? И къ чему Распятаго на крестѣ своими адскими, раздражительными подстрѣканіями вызываетъ? Вызываетъ къ ужасному дѣлу. Вызываетъ всемірнаго Страдальца, по человѣческому естеству, за весь грѣховный міръ, веѣмъ пламенемъ непреложнаго правосудія Божія всеожигаемаго, вызываетъ ругательствомъ явить всемогущую силу къ избавленію потопляемаго въ безднѣ мученій Своего человѣчества.

Чего же искушитель желать отъ Христа, когда адскимъ воплемъ вызывалъ : *аще Сынъ еси Божій, спиди со креста?* Желать ужаснаго! Это была рѣшительная минута, когда область телная (Лук. 22, 55.) долженствовала быть въ конецъ разрушена въ самой пренеподней снискненствіемъ Сына Божія во адъ и освобожденіемъ узниковъ отъ вѣчныхъ оковъ. И такъ среди крестныхъ страданій Богочеловѣка, среди крайняго уничиженія, покрывавшаго Божественное достоинство лица Его, діаволь мнилъ еще нѣчто успѣть (Іоан. 16, 50.) злохитренностію искушеній своихъ, а потому посредствомъ орудій своихъ всею ѣдкостію ругательствъ раздражалъ,

уязвлялъ, поражалъ Божественнаго Страдальца:
аще Сынъ еси Божій, сходи со креста.

Ужели дѣйствительно желалъ искушитель, чтобы Христосъ сошелъ со креста? А если бы и сошелъ, то ужли бы сошелъ на радость ему? Если бы разгнѣванный Иисусъ сошелъ со креста, тогда расточились и бѣжали бы отъ лица Его враги Его, исчезли бы, яко дымъ, истаяли бы, яко воскъ отъ лица огня. Но что же было бы тогда? О! тогда было бы торжество діаволу! Сынъ Божій, сошедши съ креста Своимъ Бого-человѣчествомъ, спасъ бы только свое личное человѣчество, спасъ бы только человѣка-Иисуса, а все прочее—свое бѣдное, падшее, подъ державою грѣха стелящее и подъ владычествомъ смерти держимое человѣчество оставилъ въ грѣхѣ, въ осужденіи, въ смерти, въ вѣчной погибели.

Что же было бы тогда съ нами грѣшниками, падшими и непрестанно падающими, тлѣющими и умирающими человѣками?

Ахъ нѣтъ! Спасителю нашъ, Господи, Иисусе Сыне Божій! Не сходи со креста! Мы вѣруемъ въ Тебя отъ всего сердца нашего; вѣруемъ, что Ты Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, и спасти именно крестомъ, крестными страданіями, крестною смертію, потомъ погребеніемъ и тридневнымъ воскресеніемъ. И такъ пребуди Божественнымъ долготерпѣніемъ

Твоимъ недвижимъ, непоколебимъ, непреложенъ на крестѣ; пребуди въ безконечныхъ очистительныхъ страданіяхъ Твоихъ за насъ, грѣшныхъ рабовъ Твоихъ, за Твое падшее, растлѣнное, но на Тебя уповающее и отъ Тебя чающее спасенія созданіе Твое.

ЧАСТЬ II.

БОЖЕСТВЕННОСТЬ ДОЛГОТЕРПѢНІЯ ИСУСОВА НА КРЕСТѢ.

Но, слава Тебѣ, Божественному Другу и вѣрному до смерти Посѣтителю и Спасителю душъ нашихъ! Ты Божественнымъ долготерпѣніемъ Твоимъ на крестѣ безмолвно, а по воскресеніи Самъ явственнымъ удостовѣреніемъ возглаголавъ къ неизглаголанному утѣшенію нашему: *яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день* (Лук. 24, 46.).

И такъ, прочь лукавый сатана съ твоими соблазнительными искушеніями! Прочь, духъ омраченный! Ты вознепщевалъ беззаконіе, что Сынъ Вышняго будетъ подобенъ тебѣ. Ты не мыслишь Божіе, и даже человѣческое, но мыслишь діавольское (Мат. 16, 25.). Забудетъ ли Богъ благодѣ Свою? Оставитъ ли Всеблагій милосердіе Своё? Измѣнитъ ли Неизмѣнный долготерпѣніе свое, и оставитъ ли попользшееся лютымъ навітомъ твоимъ человѣческое есте-

ство въ грѣхѣ и погибелѣ? Прочь духъ отверженный! Сынъ Божій не спидеть со креста. Не для себя Сынъ Божій спсходилъ на землю; не для Себя страданіями восходилъ на крестъ, не Свое содѣлывалъ спасеніе на крестѣ, но сходилъ на землю, и на крестъ нашего ради спасенія, и нашего ради спасенія подобало Ему умереть на крестѣ, потомъ сняту быть со креста; за симъ въ третій день Божественною силою Своєю воскреснуть и по сорока днхъ побѣдоноснаго воскресенія и свѣтоноснаго пребыванія Своего на земли, взыти со славою на небо во славу Свою. (Лук. 24, 26, 46.).

Да разсыплются козни демонскія крестною силою! Не спидеть Сынъ Божій со креста. *Не яко чловѣкъ Богъ колеблется, ниже яко сынъ чловѣческій измѣняется: той глаголаше, не сотворитъ ли? речетъ не пребудетъ ли* (Числ. 23, 19.)? А Онъ рекъ изъ книги судебъ предвѣчнаго совѣта Отца Своего: *яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день.*

Велія Твоя милость и долготерпѣніе на насъ, Сыне Отца небеснаго, Господи Іисусе Христе! Ты сошелъ на землю ради насъ, истощилъ Себя ради насъ, смирилъ Себя до смерти, смерти же крестныя ради насъ, всего Себя на крестномъ жертвенникѣ принесъ Богу Отцу во всесожеженіе за насъ, дабы быть Агнцемъ, выну закалаемымъ за насъ; быть очистительною жертвою,

выну приносимою за грѣхи наши, быть во гробѣ для оживленія нашего, психодить въ пренеподнюю для изведенія насъ отъ плѣна ада, выну быть нашимъ воскресеніемъ отъ растлѣнія, непрестанно умерщвляющаго насъ; быть выну нашимъ миромъ для примиренія насъ съ Богомъ, выну быть нашимъ Ходатаемъ для приближенія насъ къ престолу благодати; словомъ: Ты и вчера и днесь и до скончанія вѣка на крестѣ за насъ, чтобы спасти крестомъ лежащихъ во злѣ міръ и всѣхъ насъ. (Іоан. 5, 19.).

Вотъ почему нынѣ толико прелюбезенъ, толико превосходѣнъ крестъ Христовъ, что Онъ есть непобѣдимое оружіе мира, что на Немъ безконечнымъ долготерпѣніемъ Сына Божія побѣждена сила вражія, и мы приведены въ свободу славы чадъ Божіихъ.

ЧАСТЬ III.

СПАСИТЕЛЬНОСТЬ ТЕРПѢЛИВАГО НЕСЕНІЯ КРЕСТА.

Посему крестъ, какъ древо всемірной жизни противу древа всеродной смерти, какъ жезлъ крѣпости противу враговъ, какъ оружіе очищенія противу грѣховъ, какъ путь спасенія, возводящій къ небеси, оставленъ всеѣмъ намъ отъ Христа въ непремѣнное наслѣдіе, дабы и мы къ неистощимой полнотѣ долготерпѣнія Сына Божія, явленнаго на крестѣ во спасеніе наше, прилагали посильное терпѣніе отъ собственной нашей немощи и лишенія, и терпѣніемъ стяжывали души наши во спасеніе.

Напечатлѣемъ въ нашихъ умахъ и сердцахъ и во всемъ существѣ нашемъ слово крѣпкой, пламенной, неотпадающей любви ко кресту, чтобы разумѣть силу креста, необходимость нести крестъ, и въ силѣ Христовой всемірно побѣждать врага нашего крестомъ, чтобы и намъ, при встрѣчающихся противностяхъ, при потеряхъ и лишеніяхъ, при скорбяхъ и стра-

даніяхъ, при обольщеніяхъ и искушеніяхъ, великихъ и малыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, отъ своихъ и отъ чуждыхъ, чтобы и намъ не сходить терпѣніемъ со креста. Долоѣ мы терпѣніемъ яри крестѣ и у креста, додолѣ мы сильны противу страстей, крѣпки противу искушеній, непоколебимы противу соблазновъ. Когда сластолюбіе манитъ насъ пресыщеніемъ, сладострастіе воспламеняетъ похотію, ярость и гнѣвъ устремляетъ къ мщенію, самолюбіе напыщаетъ гордостію, любостыжаніе влечетъ къ хищенію и злопріобрѣтенію: вспомнимъ тогда о крестѣ, и съ Сыномъ Божіимъ пребудемъ терпѣніемъ на крестѣ, и прелесть исчезнетъ, наважденіе бѣсовское разсыплется. Чтò во славу Христа стерпимъ, чтò перенесемъ, въ чемъ себѣ откажемъ, чего себя лишимъ, то и благо для насъ; тогда мы не далеки отъ Христа, тогда при крестѣ и у креста Его; тогда искушитель бореть, смущаетъ, волнуеть, но не прикасается насъ; и когда мы остаемся при крестѣ, когда не исполняемъ плотскаго хотѣнія своего, отказываемъ въ удовольственіи грѣховной воли своей: тогда діаволъ бѣжитъ отъ насъ, и Христосъ приближается къ намъ. Такъ сила и крѣпость наша, защищеніе и спасеніе, миръ и безопасность, жизнь и блаженство въ крестѣ, въ крестѣ, мужественномъ несеніи противополостей, въ твердомъ терпѣніи злочлоченій, въ неослабномъ отверженіи лести похотей и страстей.

Будемъ же помнить, чтобы ни въ тяжкихъ искушеніяхъ, ни въ обольстительныхъ навітахъ и подстреканіяхъ не сходить терпѣніемъ со креста.

Когда силою Христовою будемъ укрѣпляться въ терпѣніи противу искушеній, и рабобѣствомъ страстямъ, покорствомъ похотямъ не будемъ сходить со креста: тогда мы, какъ сынове Вышняго, побѣдимъ врага, воскреснемъ отъ грѣха, будемъ проходить путемъ жизни непреткновенно среди сѣтей міра и грѣха, и наконецъ въ слѣдъ за Божественнымъ Подвигоположникомъ креста войдемъ во славу Его путемъ креста. Аминь.

СЛОВО III.

О СНЯТИИ СО КРЕСТА

и

ПОГРЕБЕНИИ ТѢЛА ИСУСОВА.

И уже поздѣ бывшу, (понеже бѣ пяткъ, ежесть къ субботѣ) прииде Иосифъ, уже отъ Аримаея, благообразенъ совѣтникъ, уже и той бѣ чая царствія Божія : дерзнувъ видѣ къ Пилату, и проси тѣла Иусова. (Мар. 15, 42. 43.).

Вечеръ великаго пятка представляетъ намъ умилительные для христіанскаго чувства подвиги Иосифа и Никодима, прежде потаенныхъ учениковъ Иусовыхъ, а въ это время, когда всѣмъ оставленъ былъ умиравшій и въ мучительныхъ страданіяхъ умершій на крестѣ Иусъ, они, одушевленные любовію къ Божественному Страдальцу, открыто явили себя достойными учениками и преданнѣйшими читателями Его.

Въ священномъ чинѣ Церкви воспоминая о искупительной смерти и погребеніи Спасителя нашего, мы нынѣ, какъ-будто на самой Голгофѣ, среди сердечной скорби вкупѣ съ Иосифомъ и Никодимомъ совершаемъ снятіе со креста и погребеніе тѣла Иисусова; съ тѣмъ вмѣстѣ прославляемъ и христіанскіе подвиги этихъ святыхъ, праведныхъ мужей, совершившихъ принопамятное дѣло благочестія для всей христіанской Церкви.

Какъ, послѣ жестокаго сраженія и кровопролитной побѣды надъ лютымъ врагомъ, и самымъ царемъ и его вѣрными соучастниками всѣ мужественно сражавшіеся изыскиваются для достойной награды, а въ особенности увѣнчиваются честью тѣ изъ подвижниковъ, которые на попрощѣ кровавыхъ подвиговъ царя явили преимущественную доблесть, и особенно послужили къ величію торжества. Такъ и послѣ великаго сраженія Царя славы, Христа съ неконнымъ врагомъ за спасеніе всего міра, особенною почтены славою тѣ, которые среди самаго смертельнаго пораженія всѣмъ оставленнаго Царя, явились подлѣ Царя, собрали, сокрушенные крѣпкими ударами, досиѣхъ Его, воспріяли въ свои объятія кровавою борьбою утомленнаго, и мирно упокоили преклоненнаго смертнымъ сномъ бессмертнаго Царя.

И таковыми подвижниками во время искупни-

тельныхъ страданій Спасителя міра явили себя благообразный Іосифъ и Никодимъ.

Почтимъ приснопамятныхъ и присноблаженныхъ краткимъ изложеніемъ христіанскаго доблестнаго ихъ подвига, котораго никогда недостоянню восхвалять невозможно.

По истинѣ крестныя страданія и смерть Спасителя суть не что иное, какъ великое сраженіе съ неконнымъ врагомъ Бога и челоуѣка. Въ этомъ сраженіи единородный Сынъ Божій, Богочелоуѣкъ, по вѣчному опредѣленію Бога Отца испещенъ на всемірное попріице искупленія грѣховъ всего челоуѣчества, обремененный всероднымъ крестомъ челоуѣческихъ преступленій, испилъ горчайшую чашу правосудія Божія, потопилъ на себѣ всѣ адекія стрѣлы злобы пренеподнія, и подвизался на всеродномъ крестѣ до пролитія крови и поношенія смерти крестныя.

По совѣтамъ Божественной благодати, долготерпѣнія и любви предавъ Себя торжеству злобы челоуѣческой и ярости князя тьмы, положилъ душу Свою за спасеніе міра, дабы накупивъ воспріять ее для оживленія умершихъ во грѣхахъ, и уснулъ сномъ смертнымъ на крестѣ, яко левъ. Въ минуту могущественной — животворящей смерти Его, когда завѣса церковная раздралась на двое отъ вышняго края до нижняго, солнце померкло, земля потряслася, каменіе распалось, многіе умершіе возстали изъ гробовъ, и враги Его, видимые и невидимые

расточились. Онъ одинъ подвижался на поприщѣ очищенія грѣховъ, одинъ нилъ чашу гнѣва Божія, одинъ и на Голгоѣ остался, какъ побѣдитель грѣха, смерти и ада. Такъ,—Онъ побѣдилъ неблагодарность и злобу долготерпѣніемъ благодати и любви; но въ этой Божественной побѣдѣ истощенный до обпаженія, оставленный Небеснымъ Отцемъ, поруганный людьми, напоенный желчію всякой горечи; остался на полѣ брани распятымъ между злодѣями яко злодѣй, висѣя между землею и небомъ, какъ предметъ небеснаго и земнаго проклятiя. Враги со злобою и ожесточеніемъ вознесли на крестъ Иисуса, съ поруганіемъ звали сойти со креста Иисуса. Онъ не подвигся съ креста долготерпѣніемъ. Ктоже сниметъ со креста Иисуса? Ужели Иисусъ руками враговъ безчестно вознесенный на крестъ, руками же враговъ презрѣнно долженъ быть и сверженъ съ древа крестнаго? Нѣтъ!

Ктоже поруганнаго, пригвожденнаго ко кресту Иисуса благоговѣнно сниметъ съ поноснаго креста. Двѣнадцать Его учениковъ, близкіе Его, искренніе Его, всюду за Нимъ слѣдовавшіе, непрестанно Его окружавшіе, впрочемъ люди слабые, безсильные, при первомъ взятiи Его, въ страхъ отъ человѣческой власти, подобно овцамъ, разбѣжались. Когда вели Его на пронытіе, многія благочестивыя, сострадательныя жены съ горькими слезами и плачемъ сопровож-

дали Его: но все участіе ихъ одними слезами и кончилось. Теперь при самомъ крестѣ Распятаго стоять только пронзенная оружіемъ скорби Матерь Его съ одной, любимый ученикъ съ другой стороны, пригвожденные одна съ Сыномъ, другой съ возлюбленнымъ Учителемъ ко кресту горестію; слышать изъ устъ Его послѣдною волю Его о нихъ, принимаютъ послѣднее дыханіе Его. И оставленный Богомъ и людьми Иисусъ умеръ на крестѣ въ тяжкихъ мученіяхъ.

Ктоже среди всеобщаго оставленія вспомнить висящаго на крестѣ между двумя разбойниками Иисуса? Кто руками преданности и прикосновениемъ любви сниметъ Его съ поспѣшнаго креста?

Вотъ уже настала вечеръ, вечеръ пятка предъ субботою, предъ днемъ пасхи. Дабы не остался тѣла распятыхъ на крестѣ въ самую субботу, въ первый день пасхи, дабы не осквернить тѣмъ великаго дня пасхи, Иудеи просили Пилата ускорить смерть распятыхъ, — перебить у нихъ голени и снять со креста. Пришли воины и у перваго перебили голени и у другаго распятаго со Иисусомъ. Но подойдя къ Иисусу, и увидѣвъ, что Онъ умеръ, не перебили у Него голени, а одинъ изъ воиновъ пронзилъ Его коніемъ въ бокъ; и вдругъ потекла кровь и вода. После того двоихъ умершихъ злодѣевъ начинаютъ уже безчестно совлечь со крестовъ. Не та ли же участь угрожаетъ и Иисусу?

Не страшимся. Иисусъ, и на крестѣ умершій, не безъ друзей. Открытые друзья Его, — ученики въ страхѣ разбѣжались отъ Него. Но вотъ въ важныя, рѣшительныя минуты являются неустрашимо для дѣйствія прежде тайные ученики, — это Иосифъ и Никодимъ, они вступаются за умершаго Иисуса. *И уже поздѣ бывшу, — прииде Иосифъ, иже отъ Аримаѳея, благообразенъ совѣтникъ, — дерзнувъ оиде къ Пилату, и проси тѣлесе Иисусова.* Такъ — въ это время, когда и Иисусу наравнѣ съ двумя распятыми разбойниками угрожало безчестное снятіе со креста, приходитъ Иосифъ Аримаоейскій, *благообразный*, знаменитый между Иудеями совѣтникъ, тайный ученикъ Иисусовъ и проситъ Пилата, чтобы позволилъ снять тѣло Иисусово.

Каковъ былъ Иосифъ Аримаоейскій, повѣствованія Евангелистовъ даютъ намъ ясное о немъ понятіе: Евангелистъ Матѳей называетъ его *человѣкомъ богатымъ* (26, 27), Лука *мужемъ благимъ и праведнымъ* (25, 50), Марко, *благообразнымъ*, — знаменитымъ, почтеннымъ совѣтникомъ великаго сннедріона, верховнаго совѣта іудейскаго; всѣ называютъ его тайнымъ ученикомъ Иисусовымъ, который чаялъ царствія Божія т. е. взиралъ на Иисуса, какъ на Посланника небеснаго, какъ на Мессію, Которымъ должно открыться Царствіе Божіе, но изъ страха Іудеевъ скрывалъ свою преданность къ Иисусу. Этотъ то человѣкъ, знаменитый по своему

состоянію и званію, почтенный по его благо-
 разумію, а еще болѣе по его честности и до-
 бродѣтелямъ, и безъ сомнѣнія уважаемый самимъ
 Платомъ, этотъ доселѣ потаенный ученикъ
 Иисусовъ изъ страха Іудеевъ, Іосифъ Аримаоей-
 скій является открытымъ другомъ и защитни-
 комъ умершаго Иисуса, является вмѣстѣ съ Ни-
 кодимомъ; а Никодимъ былъ изъ числа князей,
 начальниковъ іудейскаго синадріона, верховна-
 го судьи, и также былъ потаенный ученикъ
 Иисусовъ. Въ одинъ разъ онъ приходилъ ночью
 ко Иисусу, имѣлъ съ Нимъ важную бесѣду о ду-
 ховномъ возрожденіи, и о перемѣнѣ вѣры въ
 обѣтованнаго на вѣру въ пришедшаго Мессію
 (Іоан. 3.). Послушавши однажды Иисуса, безъ
 сомнѣнія навсегда предался Божественному уче-
 нію Его и вѣръ въ Него; не показывалъ себя
 явнымъ послѣдователемъ Иисуса изъ страха фа-
 рисеевъ, дабы не быть отлученнымъ отъ сина-
 гогъ (12, 42.), но и не былъ равнодушенъ, ког-
 да видѣлъ открытую неправду и несправедливое го-
 неніе на Праведника (7, 50. 51.). Эти двое пота-
 енные ученики и сокровенные послѣдователи
 Иисусовы, одинъ знаменитый совѣтникъ, другой
 изъ числа начальниковъ синагоги, не приста-
 вали къ Богопротивному іудейскому совѣту осуж-
 денія и Богоубійственному дѣлу распятія Иису-
 са, но и не предпринимали никакихъ мѣръ про-
 тиву синагоги іудейскаго. Въ злобѣ и несправе-
 дливости начальники іудейскіе дѣйствовали судеб-

нымъ порядкомъ противу Иисуса. Посему не было возможности устоять противу неистовства раздраженной власти. Однакожь они все наблюдали, все видѣли, о всемъ, что ни происходило по несправедливому опредѣленію архіереевъ, по челоукоугодливому суду Пилата, освѣдомлялись, и наконецъ узнали, что Святый неповинный крестоносецъ, вознесенный на крестъ между злодѣями, умеръ; но въ ту минуту, какъ Онъ съ необыкновенно сильнымъ, подобно грому, все поколебавшимъ гласомъ испустилъ последнее дыханіе Свое, солнце померкло, земля потряслась, множество возстало мертвыхъ изъ гробовъ (27, 51.). Все это они видѣли; пронзенные горестію, но вполне чувствуя всю важность происходившаго, они въ эти нетерпѣвшія медленности минуты отвергаютъ страхъ, забываютъ неприличіе, не знаютъ опасности, и вступаютъ за оставленнаго всѣми Иисуса. Безъ сомнѣнія по взаимному согласію съ Никодимомъ Иосифъ идетъ къ Пилату, идетъ, одушевившись бодростію, *дерзнувъ*, какъ сказано у Евангелиста, *виде къ Пилату*.

Чегоже было страшиться? Какъ было и не страшиться Иосифу ходатайствовать за Иисуса въ такомъ плачевномъ состояніи? Если онъ боялся быть открытымъ ученикомъ Иисуса, Иисуса великаго Пророка, Учителя Израилева, небеснаго Посланика и общаго благодѣтеля бѣдствующихъ: то какъ не бояться открыто показать

себя ученикомъ и послѣдователемъ Иисуса, все-народнымъ судомъ отъ іудейскихъ начальниковъ на позорную смерть осужденнаго, какъ богохульника и возмутителя общественнаго покоя? Если и прежде, когда Иисусъ былъ въ любви и уваженіи у народа, было запрещено Іудеями отнюдь не признавать Его за Христа, подѣ страхомъ отлученія отъ синагоги: то чего было ожидать отъ нихъ за приверженность ко Иисусу теперь, когда они осудили Его, какъ церковнаго и гражданскаго преступника? И при полученіи дозволенія отъ Пилата снять тѣло Иисусово, что могло обѣщать это, хотя само по себѣ благотворное дѣйствіе, при тогдашнемъ состояніи мрака и ужаса, кромѣ обнаруженія бесполезнаго состраданія? Но никакіе страхи и опасенія не поколебали Іосифа въ благомъ дерзновеніи испросить у Пилата тѣло Иисусово.

И подлинно Іосифъ съ полнымъ дерзновеніемъ просилъ у Пилата тѣла Иисусова, и много имѣлъ непререкаемыхъ причинъ къ убѣжденію Пилата. Позволь, просилъ онъ благодерзновенно Пилата, позволь мнѣ, почтенный правитель, снять съ креста тѣло Иисусово. Тебѣ самому извѣстно, что Его предали тебѣ на осужденіе изъ зависти (Матѣ. 27, 18.); ты самъ открыто говорилъ на судилищѣ противу обвинителей, что не находишь въ Немъ никакой вины (Іоан. 18, 58. 19, 6.); извѣстно и то, что въ самое судилище присылала къ тебѣ жена твоя сказать,

чтобы ты ничего не дѣлалъ этому праведнику, изъ за неповинныхъ страданій Котораго она цѣлую ночь мучима была ужасными сновидѣніями (Мато. 27, 19.). А хотя ты и уступилъ буйному волненію ожесточенныхъ враговъ Его; но ты предъ самымъ осужденіемъ, всенародно признавъ невиннымъ Его, умылъ руки свои во свидѣтельство невинности твоей въ крови праведника, и слышалъ, какъ весь народъ въ одинъ голосъ снималъ на себя всю отвѣтственность: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (24, 25.). Послѣ такихъ важныхъ причинъ Іосифъ со всею силою могъ перемѣнить голосъ судебного убѣжденія на голосъ трогательнаго прошенія, и, по повелѣнному гласу Церкви, представъ предъ Пилата, онъ такъ жалостно, такъ плачевно просилъ у Пилата Живота всѣхъ: « даждь ми сего « Страшнаго, Который не имѣетъ гдѣ главы под- « клошть ; даждь ми сего Страшнаго, Его же « ученикъ лукавый на смерть предаде; даждь ми « сего Страшнаго, Его же мати зрящи на крестѣ « висяща рыдающи вопіетъ и матерски восклицаетъ: Увы мнѣ, чадо мое ! Увы мнѣ, свѣте « мой и утроба моя возлюбленная!» (*)

Пилать, который не былъ личнымъ врагомъ Іисуса и чувствовалъ всю невинность Іисусову, теперь какъ бы въ заглаженіе своей несправедливости съ Нимъ, снѣвшилъ исполнить проше-

(*) Угр. вел. субб. стих. на цѣлов. плащамъ.

ніе Іосифа; спросивъ съ удивленіемъ, ужели уже Онъ умеръ,—и узнавъ отъ сотника, что умеръ, онъ благоволиительно изъявилъ Іосифу согласіе на снятіе со креста тѣла Іисусова.

Когда Іосифъ получилъ позволеніе снять тѣло Іисусово со креста: то вмѣстѣ съ Никодимомъ, другомъ и споспѣшникомъ своимъ, который, въ увѣренности о успѣхѣ ходатайства Іосифова, ожидалъ его на Голгоотѣ, принесши съ собою множество мѹра и ароматовъ для помазанія тѣла Іисусова, пренесенныя чувствованіями любви и сердечнаго болѣзнованія приступили къ священному дѣлу снятія со креста бездыханнаго, но животноснаго, нетѣннаго тѣла Іисусова. Приставивъ ко кресту лѣстницу, прежде всего снимають терновый вѣнецъ съ Божественной, произенной и окровавленной главы, потомъ исторгають гвозди изъ пречистыхъ рукъ, исторгають гвозди изъ пречистыхъ ногъ; за тѣмъ пребожественное тѣло облагають чистою, тонкою плащаницею и обвитое плащаницею, орошенною ароматами, берутъ благоговѣнно на руки, съ любовію и болѣзнію сердца пріемлютъ въ объятія свои. Не нужно говорить, съ какою свящебною благопоспѣшностію, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ эти благочестивые мужи совершали пребожественное снятіе со креста тѣла Іисусова! Но нельзя умолчать о томъ, какія сладостныя пѣсни изливались изъ ихъ сокрушенныхъ сердець, изъ ихъ Богомудрыхъ

успенъ! По исторженіи гвоздей изъ пречистыхъ рукъ и ногъ, когда они обвилн чистою плащаницею и умастили благовошными мурами пречистое тѣло Иисусово: тогда предались вѣмъ скорбнымъ чувствованіямъ священнаго сѣтованія, какое любовь и благоговѣніе ко Иисусу могли внушать имъ. Увы мнѣ, сладчайшій Иисусе, влагаетъ св. Церковь въ уста Іосифу благосердый, сердобольный плачь, каковой онъ вмѣстѣ съ Никодимомъ воспріялъ надъ одѣвающимся свѣтомъ, яко ризою, по снятіи со креста пречистаго тѣла Его; улы мнѣ, сладчайшій Иисусе: коль скоро солнце увидѣло Тебя на крестѣ висящимъ, обложилось мракомъ, земля страхомъ колебалась, церковная завѣса раздралась. Вижу, ясно вижу, что Ты для меня добровольно подъялъ смерть. Какъ я погребу Тебя, Боже мой? Какою плащаницею обвию? Какими руками прикоснуся къ нетлѣнному Твоему тѣлу? Какія пѣсни воспую въ честь кончины Твоей, Божественный Благодѣтель? Величая Твои страданія, пѣснопслова погребеніе, могу только славить Тебя Тобою Самимъ (*).

Когда Благообразный съ Никодимомъ въ сладостномъ умиленіи сердець занимались Божественнымъ дѣломъ снятія со креста тѣла Иисусова, взявъ подлинно райскій плодъ съ древа крестнаго, какъ съ древа жизни, и приѣмля об-

(*) Вечер. вел. пятка стих. стихов.

витаго плацанницею въ объятія свои, какъ Царя съ престола, какъ побѣдителя съ торжественной колесеницы: тогда, открывъ свободный доступъ приблизиться къ Иисусу приближеннымъ Иисуса, стоявшимъ при крестѣ Его, пронзенной оружіемъ скорби Матери Его, сестры Матери Его, Маріи Клеоповой, Маріи Магдалины, еще другой Маріи и возлюбленному ученику, открыли и сердца ихъ къ свободному изліянію болѣзненныхъ рыданій. Стѣсняемые страхомъ враговъ Иисусовыхъ въ самой горести своей, они теперь вполне предались скорбнымъ чувствованіямъ сердца, и потоками горячихъ слезъ, среди пламенныхъ объятій тѣла Иисусова, какъ многоцѣннымъ муромъ орошали и умащали оное. Голгооа, страшное мѣсто казни, гдѣ обыкновенно раздавались проклятія умирающихъ въ тяжкихъ мукахъ преступниковъ, Голгооа сдѣлалась теперь священнымъ мѣстомъ Боголѣннаго плача и оглашалась чистѣйшими гласами сътовующихъ о Иисусѣ друзей Иисусовыхъ, съ которыми совокупно шли надгробную пѣснь Живодавцу и Ангелы.

Но обвитіи тѣла Иисусова чистотою, благоволеніями намащенною плацанницею, Іосифъ и Никодимъ въ сопровожденіи рыдающихъ соучастницъ погребенія, съ боголѣпнымъ плачемъ и священнымъ сътованіемъ перенесли пречистое тѣло на раменахъ своихъ, какъ на престолѣ херувимскомъ, въ находившійся близъ Голгооы

садъ, принадлежавшій Иосифу. Тамъ у Иосифа былъ высѣченъ для себя въ камешной горѣ новый гробъ, въ которомъ никто до того времени не былъ положенъ (Лук. 23, 55.). Гробъ былъ на подобіе погребальной хранины; имѣлъ входъ и двери, которыми можно была входить. Въ этомъ-то покоищѣ, какъ въ царскомъ чертогѣ, благоговѣнно положили тѣло Иисусово. Положивъ во гробъ, обложили Его принесенными Никодимомъ во множествѣ драгоценными ароматами. Ароматы, составленные изъ лучшихъ частей смирны и алая въ количествѣ ста фунтовъ при ихъ множествѣ, крѣпости и добротѣ, производили сильное благоуханіе и далеко распространяли оное. Имъ покрыто и обложено было все тѣло Иисусово въ знаменіе безпредѣльной любви и благоговѣнія къ Иисусу, какъ къ источнику жизни, источавшему благоуханіе спасенія, дабы проникнутое вопианіемъ тѣло Иисусово пребывало непричастно вони тлѣнія.

Такъ Животъ всѣхъ, руками беззаконныхъ вознесенный на крестъ и умерщвленный для спасенія всѣхъ, праведными и непорочными руками Иосифа и Никодима со креста снятъ, слезами священной скорби орошенъ и облитый въ множествѣ благовонными мурами и ароматами, во гробъ для всеобщей жизни и безсмертія съ вѣрою и любовію положенъ.

Какое блаженство быть ученикомъ и послѣдователемъ висящаго на крестѣ, всѣмъ остав-

ленного Иисуса, благоговѣть предъ Нимъ въ самомъ глубокомъ униженіи Его, употреблять и силу и богатство и трудъ въ защиту Его при общемъ поношеніи Его! И таковой достославный подвигъ показали въ снятіи со креста и погребеніи тѣла Иисусова подлинно благообразный Иосифъ и припомянутый Никодимъ!

Ублажая приноблаженныхъ Иосифа и Никодима, будемъ по возможности и сами подражать имъ въ святомъ дерзновеніи предстательствовать за униженного Христа въ лицѣ меньшей братіи Его, предстательствовать за несчастныхъ, осужденныхъ, лишенныхъ помощи, озлобленныхъ, гонимыхъ. Будемъ подражать припомянутымъ въ снятіи со креста тѣла Иисусова посѣщеніемъ въ духѣ христіанскаго состраданія темницъ и заключенныхъ въ темницахъ, посѣщеніемъ жилищъ бѣдности, болѣзни, безродства, вообще домовъ плача и печали, также какъ виталищъ раздора, вражды, смятеній, и, по мѣрѣ возможности и силъ нашихъ, являть отраду бѣдствующимъ, утѣшеніе страждущимъ, приносить миръ и успокоеніе не имѣющимъ мира и покоя. Таковыми дѣйствіями защищенія невинности противу угнетенія, вспоможенія бѣдности, мпротворенія раздоровъ и несогласія, всего лучшее мы можемъ подражать припомянутымъ, и подобно имъ обвинять чистою плащаницею и облагать мурами тѣло Иисусово.

Будемъ въ духѣ священной скорби и печали

посѣщать и мѣста погребенія умершихъ, гробы усопшихъ отцевъ, братій и ближнихъ нашихъ, чтобы тамъ еѣтовать о грѣхахъ нашихъ. И гдѣ мы лучше можемъ утишать наши страсти, воспоминавать свою брѣнность, и скоротечность жизни, учиться незлобію, терпѣнію, отрѣшенію отъ житейскаго, учиться жить для Бога и спасенія души, чтобы и умереть во Христѣ, какъ не у гроба Іисусова, какъ не при могилахъ умершихъ братій и ближнихъ, подобострастныхъ намъ челоувѣковъ?

При внутреннемъ плачѣ о себѣ и грѣхахъ своихъ, при сердечномъ участіи въ печали и еѣтованіи скорбящихъ и плачущихъ, и мы съ праведными Іосифомъ и Никодимомъ и съ святыми муропосенцами сподобимся услышать сладостный гласъ воскресшаго изъ мертвыхъ Господа: *радуйтесь. Аминь.*

СЛОВО IV.

О ВШНОВНОСТИ НАШЕЙ

(и нынѣ)

ВЪ СТРАДАНИЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ.

Сей грѣхи наши носитъ, и о насъ болѣзнуетъ (Исаи 53, 4.).

Когда ни представляется святою Церковію это, сколько величественное, столько же печальное зрѣлище страданій Богочеловѣка, всегда представляется предъ взоры наши съ такою поразительною силою, что потрясаетъ всю внутренность нашу неизъяснимымъ чувствомъ священной скорби и болѣзнованія.

Отъ чего же священная скорбь объемлетъ сердца наши при взорѣ и на одинъ образъ страданій Богочеловѣка? Конечно и отъ скорбнаго помышленія о буйствѣ и жестокосердіи человѣческомъ, что Свидѣтель Небесной истины, Который на то родился, и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ (Іоан. 18, 38), обвиненъ въ мірѣ, какъ оболъбитель и лжецъ (7. 12.); что Божественный Праведникъ,

Который грѣха не сотворилъ, и во устахъ Котораго не было лести (1 Пет. 2, 22.), какъ беззаконникъ, несправедно осужденъ; что Благодѣтель челоѣчества, Который ходилъ благодѣтельствуя и нецѣлая насилуемыхъ отъ діавола (Дѣян. 10, 38.), умерщвленъ какъ злодѣй, (Юан. 18, 30); что Святый Божій, агнецъ кроткій, Который и тогда, когда веденъ былъ на закланіе, былъ какъ овча противу стригущаго его безгласенъ, безчелоѣчно распятъ и ко кресту пригвожденъ. Подлинно при помысленіи о невинныхъ страданіяхъ Богочеловѣка, и о великой злобѣ челоѣческой не можно не исполниться слезъ и сѣтованія. Но сіи помысленія не объемлютъ всей глубины печали, которая пригвождаетъ насъ скорбію къ зрѣлищу страданій Богочеловѣка.

Чтоже такъ крѣпко, такъ могущественно связуетъ насъ священною печалію съ страданіями Богочеловѣка? Связуетъ внутренній — сокровенный союзъ безпредѣльной Его къ намъ любви, тотъ Божественный союзъ, что Онъ, истощивъ Себе ради насъ, грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ, что мы вмѣнихомъ Его быти въ трудъ, и въ язвъ отъ Бога и озлобленіи, что Онъ язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе міра нашего на немъ (Иса. 53, 45.). Вотъ истинная причина сердечной скорби нашей при взорѣ на страданія Богочеловѣка! Онъ страдаетъ за насъ,

страждеть за наши неправды, за наши грѣхи. Можно ли намъ не страдать, не скорбѣть съ страдающимъ за насъ Богочеловѣкомъ? *Сей грѣхъъ нашихъ носитъ и о насъ болѣзнуетъ.*

Но ужели Божественный Страдалецъ и доселѣ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ? Ужели и послѣ побѣды надъ грѣхомъ и смертію распинается, и по воспріятіи власти надъ небомъ и землею страждеть, и по вознествіи на небо въ мертвецѣхъ вмѣняется, и послѣ торжественнаго воцаренія надъ горою Сіономъ безчествуется? Но прикоснется ли какое неистовое устремленіе до Неприкосновеннаго и существомъ и славою и могуществомъ?

Чтоже значитъ сіе величественное и вкупѣ печальное зрѣлище страданій Богочеловѣка? Ужели святая Церковь для одного токмо воспоминанія представляетъ намъ сіи погребальныя знаменія зримаго въ мертвецѣхъ и повитаго плащаницею Іисуса? Нѣтъ! Она истинно стѣдуетъ и скорбитъ о Іисусѣ, истинно состраждеть, сраспинается со Іисусомъ, и это для того, дабы и мы стѣвовали и скорбѣли, и мы сострадали и сраспинались Іисусу.

Убо и нынѣ носитъ грѣхи наши, и нынѣ несетъ за насъ крестъ, подъемлетъ о насъ подвиги, труды, болѣзни, сладчайшій Спаситель нашъ!

Подумаемъ о семъ предъ страдающимъ и вкупѣ преславно владычествующимъ Іисусомъ, и

поскорбимъ, посягнемъ, горько посягнемъ о томъ, что мы и нынѣ виною болѣзненнаго несенія грѣховъ нашихъ Спасителемъ нашимъ.

Дѣлю спасенія нашего Сыномъ Божиимъ вѣ насъ совершенно. Но оно въ силѣ и дѣйствіи должно открыться въ насъ силою Духа Христова. Спаситель нашъ хотя съ Божественною силою возшелъ на небо, возшелъ, какъ Господь неба и земли, какъ Побѣдитель грѣха и смерти, какъ Искупитель всѣхъ человѣковъ, но вкупѣ возшелъ къ Отцу Своему и какъ Ходатай нашъ, какъ Очиститель грѣховъ нашихъ, какъ Глава наша. У этой Божественной Главы мы, искупленные Имъ человѣки, какъ худые и болѣзненные, разсѣянные и расточенные члены, воспріятыые Имъ въ благодатное наслѣдіе, остаемся на земли, которыхъ Онъ поручился Отцу Своему съ высоты небесъ силою Духа Святаго Своего отвоюду благовѣствованіемъ въ Церковь Свою собирать, словомъ истинны просвѣщать, изъ чадъ грѣха и осужденія въ чадъ вѣры и послушанія обращать, очистительнымъ путемъ креста по слѣдамъ Своимъ отъ земли на небо возводить, и на престолѣ славы Своея съ Собою посадить.

Помыслимъ же, сколько у Спасителя нашего съ нами труда, съ нами призванными въ вѣру, и невѣрными, приводимыми въ послушаніе, и непослушными, исполняемыми благодатию, и безблагодатными, и отъ безблагодатности и къ

самому Божественному Благодѣтелю душъ нашихъ неблагодарными? Божественный Посѣтителъ душъ нашихъ непрестанно зоветъ насъ къ Себѣ гласомъ истины, и мы не слушаемъ; влечетъ насъ благодатию Своею, и мы противимся; преслѣдуетъ насъ любовію Своею, и мы отвергаемъ любовь Его для любви мира. Посреди сего непрестаннаго призванія и непослушанія, влеченія и противленія, преслѣдованія любовію и отверженія Божественной любви любовію міра, не носитъ ли Спасительъ грѣховъ нашихъ? Не болѣзнуетъ ли о насъ, когда мы непрестанно даемъ ему труды, язвы, озлобленія?

По истинѣ Спасительъ и нынѣ носитъ грѣхи наши, носитъ какъ Ходатай нашъ, какъ Очиститель грѣховъ нашихъ, какъ Глава наша. Носитъ Спасительъ грѣхи наши, какъ Ходатай нашъ. *Ходатая имамы къ Отцу Иисуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2, 1.).

Въ чемъ состоитъ дѣло Ходатая? Ходатай есть посредникъ между двумя разъединенными сторонами, между высшею, которая, бывъ раздражена отъ нищей, служебной, кромѣ отъятія отъ виновныхъ благъ, требуетъ себѣ въ удовлетвореніе суда и казни ихъ; и между нищею, виновною, отъ виновности своей бѣдствующею, и по самому бѣдственному состоянію требующею милости и прощенія. Ходатай, будучи доступенъ и къ величію стороны оскорбленной, но также близокъ состраданіемъ и соучастіемъ

и къ бѣдственной участи стороны виновной, пріемлетъ на себя сѣрдобольный трудъ, умолять разгнѣванную правду о раствореніи суда милостію къ достойнымъ казни, но въ чувствѣ виновности единственно отъ милосердія чающимъ помилованія себѣ.

Какъ же ходатай виновныхъ предстаетъ предъ лице ими оскорбленное? Предстая въ лицѣ виновныхъ, поставляетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ въ состояніе ихъ. Тѣ виновны, онъ усвоитъ себѣ вину ихъ; тѣ преступны, онъ возьметъ на себя преступленіе ихъ; съ благодерзновеніемъ умоляетъ за виновныхъ, когда обрѣтаетъ что къ защитѣ ихъ; повергается вкупѣ съ ними въ милосердіе оскорбленной правды, когда ничего не находитъ къ оправданію ихъ. Такъ обыкновенно ходатайствуютъ человѣки предъ человѣками за человѣковъ.

Также и Богочеловѣкъ ходатайствуетъ о насъ предъ Богомъ Отцемъ ! И Онъ также является за насъ лицу Божію въ лицѣ нашемъ, также поставляетъ Себя въ состояніе наше. Или паче: кто могъ быть такимъ Искушителемъ нашимъ на землѣ, какъ Иисусъ ? Кто можетъ быть такимъ и Ходатаемъ о насъ на небесѣ, какъ Ходатай Бога и человѣковъ Иисусъ ? Искушенный во всяческомъ по подобію развѣ грѣха, и вѣдущій всю немощь человѣческаго естества, Онъ Единъ вѣдаетъ, какъ и искушаемымъ помощи. Предстая о насъ Богу Отцу съ безконечными

Своими заслугами, и Своимъ всемогуществомъ врачуя наше немощное, полнотою благодати Своея восполняя оскудѣвающее, Онъ вѣдаетъ нашу немощь преобразать въ крѣпость заслугъ Своихъ, нашу скудость препоясывать силою добродѣтелей Своихъ. *Ходатая илѣмы къ Отцу Иисуса Христа праведника.*

Пося грѣхи наши, какъ Ходатай нашъ, Спаситель носить оныя, какъ Очиститель грѣховъ нашихъ и всего міра. *И той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ, не нашихъ же толико, но и всего міра* (1 Іоан. 2, 12.).

Силенъ, доступенъ къ престолу благодати Ходатай нашъ. Ибо и Самъ на престолѣ славы возсѣдитъ одесную Бога Отца, и ходатайствуетъ о насъ. Но не легко и ходатайствовать за челоуѣковъ предъ правосудіемъ Божиимъ даже Богу. Богъ есть свѣтъ и тьмы въ немъ нѣтъ ни единыя (1 Іоан. 1, 5.). Очи Его тьмами темъ свѣтлѣйшии солнца суть. Онъ ненавидитъ беззаконія, не приселится къ Нему лукавица, ни же пребудутъ беззаконницы предъ очами Его (Псал. 5, 4. 5.). Таковъ же и Самъ Ходатай нашъ. Хотя Онъ до безпредѣльности любитъ грѣшниковъ, которыхъ спешель съ высоты престола Отца Своего взыскать и спасти, и за которыхъ, какъ за друзей и душу Свою положилъ: но любитъ грѣшниковъ кающихся и исправляющихся. Каковы же тѣ, за которыхъ Онъ ходатайствуетъ, и которыхъ оправдываетъ

Своимъ ходатайствомъ? Не нужно говорить, что это все безъ исключенія грѣшники. Но какіе грѣшники? Такіе грѣшники, которые ни помыслить, ни пожелать сами по себѣ неспособны что либо доброе кромѣ злаго, которые такъ удобоуполнозновенны и преклонны на зло, такъ способны раздражать и раздражаться, что Божественнымъ Ходатаемъ, вѣдущимъ немощнаго естества, велѣно намъ другъ другу прощать во взаимныхъ огорченіяхъ до семьдесятъ кратъ седмицею.

Если же Ходатай нашъ намъ—нестерпѣливымъ, гнѣвливымъ, раздражительнымъ—повелѣлъ терпѣть, сносить, прощать ближнимъ нашимъ до семьдесятъ кратъ седмицею: то мы не можемъ и представить себѣ мѣры долготы, глубины, высоты и широты долготерпѣнія Его къ намъ. Одна для сего безпредѣльная мѣра,—неизмѣримое богатство благодати и милосердія Его къ намъ грѣшнымъ.

И такъ хотя Іисусъ на небесномъ жертвенникѣ предъ Отцемъ Своимъ очищаетъ грѣхи наши не такимъ уже жертвоприношеніемъ, какое совершилъ за насъ на землѣ,—не лїаніемъ вновь потоковъ пречистыя крове Своея, какъ лилъ ее на крестѣ изъ пронзенныхъ рукъ и ногъ и прободеннаго ребра; прославленное Божественное словою челоуѣчество уже непричастно болѣе никакаго страданія. Но дѣйствительно, непреложно, очищаетъ грѣхи наши тѣмъ-же Божествен-

нымъ жертвоприношеніемъ, послѣду, единожды принесши Себя въ жертву, всегда подъемлетъ на Себѣ грѣхи наши (Еф. 9, 2), единожды съ кровію Своею введши во святая, выну является о насъ лицу Божию (ст. 24.); единожды приобрѣтши намъ вѣчное искупленіе (—12), выну Духомъ Святымъ очищаетъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, дабы мы непорочно служили Богу живому и истинному (ст. 14.).

Почему туже всегда принося жертву для уничтоженія грѣховъ нашихъ, не болѣзнуетъ ли и Божественный Споручникъ Іисусъ (7, 22.), какъ Ходатай нашъ, о насъ, непадающихъ изъ благодати Его неправдами? Не болѣзнуетъ ли въ Божественной ревности, какъ Очиститель грѣховъ нашихъ, о возвращеніи нашемъ къ прежнимъ нечистотамъ? Не болѣзнуетъ ли въ преполненномъ Божественною любовію сердцѣ, какъ Глава наша, въ членахъ Своихъ и раждающійся и умирающій, и растущій и малящійся и возмогающій въ силѣ и оскудѣвающій, и славимый и безчестуемый, и царствующій въ несповѣдимомъ блаженствѣ и бѣдствующій во всеродныхъ озлобленіяхъ; не болѣзнуетъ ли о членахъ Своихъ, многообразными заблужденіями и паденіями отъ состава тѣла Его отторгающихся? Онъ также болѣзнуетъ въ пронзенномъ любовію сердцѣ о нашихъ беззаконіяхъ и грѣхахъ, какъ и радуется съ Отцемъ и Духомъ

Своими и со святыми Ангелами Своими по одному обращаемся грѣшникѣ (Лук. 15, 10.).

И какъ болѣзнуеть, какъ терпитъ отъ насъ и о насъ Божественный Иисусъ, какъ Глава наша и въ славѣ Своей на небесн: то вотъ какія поразительнѣйшія изображенія сего находимъ въ писаніи. Іоаннъ Богословъ въ откровеніи своемъ видитъ Иисуса и на небесн среди самаго Престола Божества агнцемъ, и агнцемъ заколеннымъ. *И видѣхъ, говоритъ, и се посреди престола и четырехъ животныхъ и посреди старецъ агнецъ стоящъ, яко заколенъ* (Апок. 5, 6.). Въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ Господь Иисусъ съ высоты небесъ дышащему прещеніемъ и убійствомъ на учениковъ Его Савлу произноситъ жалобу на его самаго въ томъ, что гонитъ Его: *Савле, Савле! что мя гониши*. Пораженный небеснымъ глазомъ Савлъ въ трепетѣ вопрошаетъ: *кто еси Господи?* Господь отвѣтствуетъ: *Азъ есмь Иисусъ, Его же ты гониши* (Дѣян. 26, 14, 15.). Опять Самъ же Господь, какъ повѣствуетъ бытописаніе христіанской Церкви, жалуется, что Аріій раздралъ ризу Его. Если присовокупимъ къ сему, что не только въ мірѣ, но и среди вѣрующихъ во Христа есть много противниковъ Христу, такъ какъ много было антихристовъ и во времена Апостоловъ (Іоан. 2, 18); что между самыми просвѣщенными и вкусившими дара небеснаго и причастниками Духа Святаго есть отпадшіе, второе, какъ го-

ворить Апостолъ, распинающіе Сына Божія себѣ, и обличающіе (Евр. 6, 6.), что и самое теперь сѣденіе Богочеловѣка одесную Бога Отца есть не что иное, какъ ходатайственное строеніе спасенія вѣрныхъ и покоренія враговъ Своихъ (1 Кор. 15, 25.), и слѣдовательно непрестанное дѣло (Іоан. 5, 17.), непрестанный подвигъ для Подвигоположника (Евр. 10, 13.); то что скажемъ? Не въ трудѣ ли, поношеніи и униженіи Господь нашъ за насъ на самомъ престолѣ всемірнаго ходатайства Своего (Матт. 25, 55, 56.)?

И такъ, Спасителю нашъ, кроткій Божественный Агнецъ, вземлющій грѣхи всего міра, Ты и на небеси одесную величества Отца, долготерпя о нашихъ согрѣшеніяхъ, подъемлешь труды, несешь униженіе за насъ! Безмолвно нынѣ глаголющій намъ, Онъ речетъ некогда о семъ во услышаніе всей вселенной, когда придетъ во всей славѣ Своей и Отца Своего. А развѣ теперь Онъ не во всей, не въ полной славѣ? Въ полной по отношенію къ міру горнему, но дѣйствительно не въ полной славѣ по отношенію къ міру дольному.

Почему же Іисусъ не въ полной славѣ по отношенію къ міру дольному? Потому, что терпитъ, защищаетъ, ограждаетъ лежащій во злѣ міръ, потому что ищетъ, зоветъ, обращаетъ отъ тьмы въ свѣтъ невѣрныхъ людей; потому что хранитъ, милуетъ, спасаетъ отъ непріяз-

ненности міродержца искупленныхъ и усвоенныхъ Имъ благодатныхъ чадъ. Еслибы Онъ облакся во все сіяніе славы: тогда бы ниспровергся отъ лица Его исполненный беззаконія міръ, тогда бы исчезли ходящіе во тьмѣ ума, помраченные смысломъ, отчужденные отъ жизни Божіей языки; тогда бы погибли во грѣхахъ и беззаконіяхъ безпечно и пераскайшно живущіе хрістіане. Міръ, люди, хрістіане! Чувствуемъ ли мы, что Христось, Сынъ Божій, Сіяніе славы Отція, для того не облакается во все величіе сіянія Своего, для того сокращаетъ права Божественной власти Своей, для того и въ самой славѣ отрывается отъ славы, дабы не убить насъ явленіемъ величія Своего?

Понимаемъ ли же, какъ терпитъ, какъ болѣзнуетъ о насъ и отъ насъ Іисусъ? Терпитъ отъ нашихъ неправдъ и противленія, болѣзнуетъ о нашей пераскайшности и исключимости. Не говоря о томъ, сколько Онъ терпитъ и вообще въ тѣлѣ Своемъ,—въ Церкви Своей, гдѣ всякіе расколы, раздоры, раздѣленія суть раздиранія пречистой ризы—плоти Его, есть, по яеному слову Апостола, и нынѣ изъ просвѣтившихся и причастниковъ Духа Святаго, есть снова распинающіе Сына Божія (Евр. 6, 6.). Посему не говоря о невѣдующихъ истиннаго Бога и Христа Его, Спасителя міра, какъ нѣкогда отъ возлюбленнаго Израіля, такъ и нынѣ отъ возлюбленныхъ хрістіанъ—Іисусъ терпитъ тѣже страданія,

только въ другомъ видѣ. Гдѣ нѣтъ, кому неизвѣстно, что и нынѣ корыстолюбіе продастъ невинность, зависть и злоба преслѣдуютъ добродѣтель, человѣкоугодивость измѣняетъ истинѣ, буйство и суетумудріе ругаются надъ Божественнымъ и священнымъ? Убо и между христіанами есть своего рода ученики предатели, есть Иудеи ругатели, есть Пилаты распинатели. Тайное хищеніе и явное грабительство и нынѣ совлекаютъ одѣяніе со Іисуса: лесть и лицемеріе, коварство и ласкательство и нынѣ, *преклоняясь на колѣну*, ругаются Іисусу. Суетумудріе и лжеумудрованіе, изощряя языкъ противу вѣры и Церкви, и нынѣ біютъ по главѣ тростию Іисуса; гордость и надменіе и нынѣ возлагаютъ вѣнецъ отъ тернія на главу Іисуса; сладострастіе и плотоугодіе, нечистота и слаголюбіе и нынѣ плочутъ въ лице и пакости дѣютъ Іисусу; суетныя забавы и увеселенія, нетрезвость и невоздержаніе и нынѣ напаяютъ желчію и оцтомъ Іисуса; нераскаянность и закосненіе и нынѣ ведутъ на пропятіе Іисуса; нарушеніе клятвъ и присягъ, пренебреженіе вѣрности и священныхъ обѣтовъ и нынѣ предають на мученіе и пропятіе и пригвождають ко кресту Іисуса. И что о явныхъ преступленіяхъ? Часто самое цѣлованіе Іисуса есть предательство Іисуса, и дружеское лобзаніе есть пронзеніе пречистаго ребра Его и уязвленіе сердца Его. О! Да не возглаголють уста наша собственныхъ неправдъ нашихъ ко-

ими мы многообразно терзаемъ исполненное
нужности сердце Иисусово. Сами исповѣдаемъ
на себя беззаконія наша, дабы онѣ не явились
предъ всѣмъ міромъ и мы не осуждены нѣкогда
съ міромъ.

И такъ, Божественный Искупитель, Ты, воз-
носяся на небо во славу къ Отцу Твоему, вѣр-
но взялъ съ Собою и крестъ Твой. Такъ, — Ты
взялъ крестъ хотя не страданія, но долготер-
пѣнія, взялъ какъ знаменіе побѣды любви, да-
бы являть въ вѣщяхъ грядущихъ презѣльное бо-
гатство благодати Твоея (Еф. 1, 7), и Божест-
венною Твоею благодію торжествовать надъ
злобою человѣческою. Но вкупѣ Ты взялъ крестъ
Твой и для того, чтобы нѣкогда сею мѣрою
безконечной любви Твоей къ намъ измѣрять
всю нашу неблагодарность и взвѣсить тяжесть
противу Тебя содѣянныхъ, но покаяніемъ неиз-
глаженныхъ, беззаконій нашихъ.

Доколь же, Божественный Страдалецъ, Ты бу-
дешь терпѣть? Дотоль, доколь не прииду во сла-
ву Моей сотворить судъ и правду посредѣ зем-
ли, вѣнцать Онъ въ словѣ Своемъ. Что же тог-
да будетъ? Ахъ! христіане, тогда Онъ пока-
жетъ все безконечное величіе Свое, величіе Бо-
га, Царя, Судии и сотворитъ месть врагамъ Сво-
имъ. Тогда сей кроткій и смиренный Иисусъ —
теперь на земли безчестуемый, а на небесахъ
ходатайствующій, здѣсь оскорбляемый, тамъ
прощающій, здѣсь ненавидимый, тамъ любящій,

тогда возстанетъ *яко шумень и силенъ отъ вина*, возстанетъ и разсыплются враги Его, побѣгнутъ въ бездну отъ лица Его ненавидящій Его, какъ дымъ исчезнутъ, какъ воскъ растаютъ.

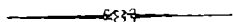
Но для чего намъ испытывать страшныя судьбы и какъ бы желать конца времени, кротости и долготерпѣнія Божія, тогда какъ мы всего болѣе имѣемъ пужду въ долготерпѣніи Божіемъ? Продолжи, Премилосердый, продолжи то, что всего необходимѣе для насъ, продолжи для грѣшниковъ время кротости и долготерпѣнія Твоего, спасительное время долготерпѣнія, въ которое Ты повелѣлъ намъ прощать другъ другу до сѣмидесять кратъ седмицею, Самъ все готовый простить покаянію. Укосни еще приходитъ состязатися о словесахъ съ рабы Твоими, доколѣ благодать и милосердіе Твое не умягчатъ, не сокрушатъ сердецъ нашихъ, и доколѣ слезами покаянія мы не обмоемъ нашей противу Тебя неблагодарности. И слава долготерпѣнію Божественнаго Ходатая нашего! Не смотря на собственное Его грозное возвѣщеніе—*прійми скоро воздать комуждо по дѣломъ Его* (— 22, 12.), человеколюбивый Господь все еще медлитъ. Да не мнятъ однакожъ *неправедные*, безнечно *продолжающіе неправдовать*, да не мнятъ нечистые, неустержимо *продолжающіе сквернить себя* (ст. 11.), да не мнятъ, *яко коснитъ Господь исполненіемъ обѣтованія*. Онъ не коснитъ, но дол-

готерпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе приидутъ (2 Петр. 3, 9.). Не вознерадимъ же о богатствѣ благодети, кротости и долготерпѣнія Ходатая нашего, зовущаго насъ къ покаянію. Ожесточеніемъ и нераскаяннымъ сердцемъ мы собираемъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго Суда Божія (Рим. 2, 45.). Можетъ быть правосудіе, взирая на наше безплодіе, давно вопіетъ къ ходатайствующей о насъ Благодети: *послѣку ихъ, вскую упражняютъ и землю; отнелъже прихожду ища плода отъ нихъ, и не обрѣтаю, и Благодѣть умоляетъ: потерпи, дондеже окопаю окрестъ ихъ* (Лук. 13, 7. 8.); потерпи, доколѣ еще употреблю все возможные средства и пути къ обращенію ихъ. Когда и послѣ всего того останутся безплодны: тогда, какъ изсохшія вѣтви, сами себя готовятъ къ посѣченію.

Умилмся толикимъ милосердіемъ и долготерпѣніемъ Господа; предадимся со всею покорностію Божественной благопопечительности Его, въ дѣлѣ спасенія нашего. Но да боимся, да трепещемъ и внезапнаго посѣченія. Для сего будемъ жить, какъ чада, какъ вѣрные, чтобы не оскорблять, а утѣшать Спасителя нашего. Онъ воспріялъ и долготерпѣніемъ носитъ грѣхи наши, мы съ радостію воспримемъ Его правду и освященіе и въ терпѣніи будемъ носить крестъ Его. Онъ страдалъ за насъ. Теперь наша чре-

да страдать съ Нимъ за Него и для Него. Только страданіе можетъ ввести въ истинную жизнь и славу воскресенія.

Долготерпѣливе и многомилостиве Господи, носяи тяжкое бремя грѣховъ всего міра! Научи и укрѣпи насъ нести это благое и легкое Твое. Болѣзновавшій за насъ и болѣзную о насъ! Даруй намъ познать сладость страданій Твоихъ и съ любовію страдать за Тебя, да страдая съ Тобою, будемъ и радоваться живою радостію воскресенія Твоего. Аминь.

СЛОВО V.

О ЧЕМЪ МЫ ДОЛЖНЫ ПЛАКАТЬ

ПРИ ВЗОРѢ

НА СТРАЖДУЩАГО ИСКУПИТЕЛЯ.

Дщери іерусалимски, не плачитес яо Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ. (Лук. 23, 28.).

Такъ нѣкогда Бож. Страдалецъ, поруганный и оплеванный, изъязвленный и измученный, обремененный и вѣншнею, а паче того внутреннею тяжестію всероднаго креста, и ведомый на позорныя страданія креста,—Страдалецъ,—предметъ скорби и ужаса не только для земли, но и для неба, такъ говорилъ, обратившись къ слѣдовавшимъ за Нимъ плакавшимъ и рыдавшимъ женамъ: *дщери іерусалимски, не плачитеся о Мнѣ, обаче себе плачите и чадъ вашихъ.*

Что Ты вѣщаешь Бож. Страдалецъ? О комъ же и плакать, какъ не о Тебѣ, краснѣйшій па-

че всѣхъ сыновъ человѣческихъ? какъ не о Тебѣ, свѣтъ міра, жизнь тварей, сладость церковная, наслажденіе Ангеловъ? О комъ же и плакать, какъ не о Тебѣ, высочайшій предметъ благоволенія Неб. Отца, радость и веселіе Св. Духа, теперь и обезображенный, и преогорченный до смерти, и содѣлавшійся въ рукахъ беззаконныхъ, *ископавшихъ руки и ноги Твои*, поношеніемъ человѣковъ, и униженіемъ народа, и служацій чудомъ для всѣхъ видящихъ Тебя? Ежели померкшее солнце, потрясаемая земля, распавшіеся камни живо изображали нестерпимую о Тебѣ горестъ всей неодушевленной твари: то ужели разумныя твари, Твоими страданіями спасаемыя, должны оставаться равнодушными при горестномъ видѣ оныхъ?

И много ли, утѣха Израилева, плачущихъ о Тебѣ? Не говоря о благословенной Твоей Матери, пораженной скорбію, какъ оружіемъ, о женахъ, служившихъ Тебѣ въ земной жизни Твоей, какъ Учителю и Господу своему, положимъ многія изъ жепъ іерусалимскихъ, пронзасмыя и естественнымъ сердоболіемъ, а паче глубокимъ чувствомъ Твоей праведности и благодѣтельности, плакали и рыдали о Тебѣ: но что значило сіе число плачущихъ противъ тмочисленнаго сонма беззаконныхъ, въ пенетовомъ торжествѣ сопровождавшихъ Тебя? Что значило противъ скопища буйной толпы, или дышавшихъ противъ Тебя возбужденною злобою, или привле-

ченныхъ празднымъ желаніемъ видѣть печаль-по-величественное зрѣлище страданій Твоихъ? И тогда какъ одни ругаются, или истоцаютъ надъ Тобою злобу свою, Ты молчишь; а когда другіе плачутъ и рыдаютъ о Тебѣ, Ты воспрещася имъ плакать о Себѣ.

Что же? И мы, сопровождавшіе Бож. Страдальца, въ печальномъ шествіи и теперь окружающіе Его еще въ печальнѣйшемъ подвигѣ голгофскаго, крестнаго страданія, въ какихъ находимся, и въ какихъ должны находиться расположеніяхъ? Знаемъ, что нѣтъ между нами враговъ Иисусовыхъ. Желательно, чтобы не было и пришедшихъ для празднаго созерцанія. Много ли между нами, хотя не открыто, то сокровенно, внутренно плачущихъ о Иисусѣ? Не прилично намъ, ученики Господа Иисуса, неприлично уступить въ чувствительности и болѣзнованіи о Немъ женамъ іерусалимскимъ.

Но вотъ! не плакать намъ о Сладчайшемъ невозможно; а плакать, по видимому, не должно. *Сыны и дщери Церкви Моея*, скажетъ и намъ жалобнопретительнымъ голосомъ Бож. Страдалецъ, *не о Мнѣ плачьте, плачьте о себѣ и дѣтяхъ вашихъ*.

Божественная радость наша! Ежели въ Твоихъ страданіяхъ наше исцѣленіе, въ Твоемъ крестѣ похвала, въ Твоей смерти животъ: то въ слезахъ о Тебѣ и для Тебя заключается единственный источникъ радостей. Не плакать о

Тебѣ, значить преступно отвергаться святой радости, не хотѣть спасительнаго утѣшенія, уклоняться отъ блаженнаго наслажденія. Какъ же не плакать о Тебѣ? *Не о мнѣ, о себѣ плачьте*, повторяетъ намъ гласъ Бож. Страдальца!

Скорбящіе христіане! не воспрещаетъ намъ Божественный Страдалецъ плакать и рыдать. Только на другой предметъ обращаетъ наши рыданія. Вонмемъ со умиленіемъ умильному гласу, и, при подножіи креста Спасителя, поучимся, о чемъ мы должны плакать при взорѣ на Божественныя страданія Искупителя нашего?

ЧАСТЬ I.

**ПРИ ВЗОРѢ НА СТРАЖДУЮЩАГО ИСКУПИТЕЛЯ—МЫ
ДОЛЖНЫ ПЛАКАТЬ О ГРѢХАХЪ ЯВНЫХЪ И
ТАЙНЫХЪ.**

*Дщери іерусалимски, — себе плачите и чадъ
вашихъ. Было о чемъ плакать дщерямъ іеруса-
лимскимъ, не исключительно одиѣмъ плакав-
шимъ, но вообще всѣмъ жителямъ Іерусалима,
и мужамъ и женамъ, и отцамъ и матерямъ, и
сынамъ и дщерамъ. Іисусъ Христосъ обращает-
ся къ однимъ плакавшимъ потому, что онѣ од-
нѣ способны были слышать кроткій, вразуми-
тельный гласъ милосердія, въ послѣдній разъ
простиравшагося къ нераскаяннымъ. Когда Самъ
Спаситель плакалъ о Іерусалимѣ: то было о чемъ
плакать Іерусалиму. Не только не уразумѣвшій
кроткаго, спасающаго посѣщенія, но неблаго-
дарно, безчеловѣчно убившій Самаго Божест-
веннаго Посѣтителя, и оттолѣ непрестанно при-
лагавшій зло къ злу и беззаконіе къ беззаконію,
наконцѣ градъ, прежде обитель и поконще
правды, исполнивъ мѣру неправдъ своихъ и пра-*

веднаго гнѣва Божія , нещадно преданъ былъ всей жестокости враговъ, которые обложили его окопами, окружили, стѣнили отсюда, раззорили до основанія , побили дѣтей его посреди его и не оставили въ немъ камня на камнѣ (Лук. 19, 41—44.). И такъ было о чемъ плакать цѣлому Іерусалиму.

Христіане! когда, мысленно взирая теперь на Голгооу, видимъ тамъ посреди двоихъ разбойниковъ распятаго Сына Божія, при тяжкихъ крестныхъ страданіяхъ еще отсюда оглашаемаго ругательными воплями, еще прободасмага въ пречистыя ребра, еще напояемаго огтомъ и желчію, и такимъ образомъ безотрадно висящаго среди неба и земли, и умирающаго среди зельныхъ мученій за нечестія неблагодарной земли: то есть о чемъ плакать каждому изъ насъ.

Не Іудино должны мы проклинать вѣроломство, не фарисейскую окаевать злѣбу, не распинателей поносить жестокосердіе! Все это мы должны обратитъ противъ самихъ себя , противъ собственнаго вѣроломства и неправдъ. За что столь тяжело, столь ужасно страдаетъ сей Праведникъ и самыми жесвиждѣтелями не обвиненный, и судомъ Пилата оправданный, и по ужасному признанію предателя невинный, Праведникъ, *Который не сотворилъ никакого грѣха, и во устахъ Котораго не было лжи* (1 Пет. 2, 22.) ? Ахъ христіане, наше противу Бога вѣроломство Его предало , наше дерзновен-

ное восхищеніе славы Божіей Его связало, наша злоба и ярость избилъ, срамословіе оплевало, суетная пышность обнажила, гордость тернами увѣнчала, сладострастіе ко кресту пригвоздило, пресыщеніе и пьянство желчію и оцтомъ напоило, наше разновѣріе и расколы пречистыя ребра пронзили, наши внутреннія мерзости, и вышнее нестерпимое лицемѣріе радостотворное лице затмили и свѣтлѣйшіе солнца очи закрыли, а въ совокупности наши неправды и нечистоты, отяготѣвъ на пречистомъ верху, пребожественную главу долу преклонили. *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Ис. 53, 5.). Пусть хотя одинъ не изъ сего токмо собранія, но изъ всего рода человѣческаго изыдетъ на среду и скажетъ: я не продавалъ сего Страдальца моимъ корыстолюбіемъ, не измѣнялъ Ему клятвопреступленіемъ, не билъ Его жестокосердіемъ, не ругался Ему злословіемъ, не осуждалъ Его на крестъ несправедливостію, не прободалъ Его злобою и завистію, пусть скажетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, предъ своею совѣстію, предъ Симъ страждущимъ Всевѣдцемъ, и ему не нужно будетъ плакать. А мы, сознающіе себя преступными и слѣд. виновниками невинныхъ страданій, мы, при видѣ оныхъ, должны горько, болѣзненно о себѣ и своихъ беззаконіяхъ плакать; плакать тѣмъ болѣе, когда каждый, обратившись къ особеннымъ своимъ слабостемъ, и къ осо-

беннымъ Божественнымъ посѣщеніямъ, прилежнѣе рассмотримъ, сколько было намъ ясныхъ, ощутительныхъ Божественныхъ призываній и какъ-бы невольныхъ влеченій къ переменѣ грѣховной жизни, къ исправленію укоренившихся навыковъ, къ начатію новаго благодатнаго жительства ?

Что значить сіе, толикократно представляемое намъ Церковію поразительное зрѣлище, какъ не самое трогательное воззваніе къ болѣзнованію о грѣхахъ нашихъ? А сколько разъ всеблагая рука Божія посѣщала насъ *и милостію*, благоустроая пути жизни нашей, благопоспѣшая начинаніямъ, ограждая миромъ наше состояніе? Сколько испытывала *и судомъ*, посылая сперва легкія встрѣчи неудачъ, за тѣмъ болѣе грозныя вѣстники,—различныя потери и лишенія, далѣе ощутительнѣйшія явленія гнѣва Своего,—тяжкія болѣзни и злосюченія, и все это премудро приспособляя къ нашимъ грѣховнымъ недугамъ и болѣзнямъ души нашей? Ты предашь пороку неводержанія, гнѣва, гордости. Вспомни, сколько ты слышалъ трогательнѣйшихъ совѣтовъ и увѣщаній, сколько тяготился внутренно своимъ положеніемъ; сколько разъ проклиналъ свою слабость, сколько терпѣлъ отъ того чувствительнѣйшихъ униженій, стыда и поношенія, поставлявшихъ тебя ниже не только твоего состоянія, но низлагавшихъ до состоянія безсловесныхъ? Пусть каждый изъ насъ

зло, разнообразными нечистыми потоками непрестанно лиющееся изъ сердець нашихъ.

Какъ же утвердиться намъ въ печали о Господѣ и открыть въ себѣ живой источникъ слезъ очистительныхъ? У заключеннаго въ мрачномъ узилищѣ, обремененнаго тяжкими оковами узника много ли веселій и радостей, много ли торжествъ и ликованій? Таковымъ узилищемъ и домомъ плача содѣлаемъ мы для себя сердце наше, дабы тамъ втайнѣ и непримѣтнымъ для другихъ образомъ непрестанно могли плакать о грѣхахъ нашихъ, плакать и среди внѣшняго веселія и прензливающихся радостей. Тамъ и должно употреблять противудіе, гдѣ особенно дѣйствуютъ гибель и ядъ. Сердце наше есть то исходнище, откуда текутъ потоки нечистыхъ мыслей и желаній, и проторгаясь въ дѣйствія производятъ тоlikое наводненіе пороковъ и беззаконій, наполняющихъ землю и живущихъ на ней. *Отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, татьбы, лихоимства, обиды, лукавства, леть, хула, гордыня, безумство, и все непотребство.* (Мар. 7, 21, 22.). И если взойдемъ самоуглубленіемъ въ сіе гнѣздилище зла и съ свѣтильникомъ строгаго испытанія осмотримъ мрачныя углубленія онаго: то и мы, какъ плакалъ нѣкогда Іеремія надъ опустошеннымъ Іерусалимомъ и о беззаконіяхъ людей своихъ, будемъ плакать о беззаконіяхъ сердца нашего. Сядемъ же на рѣкахъ

вавилонскихъ и посмотримъ на стремнины зла, разливающегося изъ береговъ сердца нашего. Намъ будетъ о чемъ плакать и рыдать. Оставимъ дни дѣтства, когда почти по необходимому естественному направленію дѣйствуютъ силы наши и способности. Посмотримъ на теченіе жизни подъ управленіемъ самовластия нашего: какое пресвратное теченіе! Еще въ отрочествѣ возмущается въ насъ чистая вода и естественныхъ и благодатныхъ дарованій напитанностію нечистыхъ навыковъ и вліяніемъ вредныхъ примѣровъ. Наступаетъ юность, разширяется теченіе, и вотъ воздвигаются волны юныхъ похотей, несутъ насъ по стремнинамъ и пропастямъ; входимъ въ лѣта мужества, и тутъ то терпимъ кораблекрушенія то отъ гнѣва и зависти, то отъ корыстолюбія и гордости, то отъ житейскихъ попеченій и безразсудной привязанности къ тѣнѣ; а сокрушенные, ослабленные, изможденные отъ страстей, вступаемъ и въ лѣта старости, не какъ въ пристанище тихое и спокойное, но какъ въ благомутное и тинистое. О море житейское, воздвигаемое бурями страстей и похотей! Кто исчислитъ всѣ сокрушенія, претерпѣваемые нами во время бурнаго плаванія по волнамъ твоимъ! Если мы юны, кружимся въ вихрѣ похотей, въ суствѣ козней и льщенія; если богаты и славны: то приливы и отливы корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ замысловъ мнутъ умъ и сердце

наше; если убоги, въ гоненіи, въ рабствѣ: то кипѣніе ропота, хулы, нетерпѣнія непрестанно мятутъ и погружаютъ долу духъ нашъ. О, кто дастъ главѣ нашей воду и очесемъ нашимъ источникъ слезъ (Іер. 9, 1.), дабы во всей живости воображая тайно и явно учиненныя нами преступленія предъ Богомъ и людьми, горько плакать о растлѣніи сердца нашего.

ЧАСТЬ II.

**ВНУТРЕННИМЪ ПРОТИВОВОРСТВОМЪ СТРАСТЯМЪ
ДОЛЖНЫ ОЧИЩАТЬ ГРѢХИ НАШИ.**

Но можно чувствовать зло, плакать о злѣ, и не исправлять зла и неисправляться отъ зла, какъ мы обыкновенно и дѣлаемъ. Считаемъ себя грѣшниками, воздыхаемъ о томъ и остаемся по прежнему неисправленными грѣшниками. Нѣтъ ! Однѣ самопризнательныя слова, одни безжизненные вздохи не остановятъ потока грѣховнаго. При непрестанномъ глубокомъ чувствѣ грѣховности нашей, мы должны внутреннія слезы сокрушенія содѣлать огненными струями, которыя бы изсушали самый источникъ зла, сердце наше обратить въ плавленную, гдѣ бы переплавлялись все наши мысли и желанія, гдѣ бы ни одно побужденіе не минуло спасительнаго освѣщенія, ни одно намѣреніе не приходило въ дѣйствіе, не прошедъ огня очистительнаго.

Выйдемъ изъ непрестаннаго разсѣянія по вѣщнымъ предметамъ, заключимся крѣпкимъ,

неисходнымъ пребываніемъ въ сердцѣ нашемъ;
 будемъ жить сокровенною жизнію въ самихъ
 себѣ и трудолюбно очищать внутреннее наше.
 Съ свѣтильникомъ сознанія будемъ въ особен-
 ныхъ случаяхъ разсматривать всякое движеніе
 сердца и ума нашего безъ пристрастія. Роди-
 лось нечистое побужденіе, возстань законопре-
 ступные помыслы, возопіемъ на нихъ грознымъ
 голосомъ самоукоренія, обличимъ, явимъ ихъ
 непотребство, будемъ преслѣдовать свѣтомъ ис-
 тины, доколѣ не разсѣются. Пробудилась лю-
 бимая страсть, мятеть, повелительно требуетъ
 обыкновеннаго себѣ удовлетворенія, соберемъ
 противу ся всѣ силы. Кромѣ гнусности требо-
 ваній противопоставимъ ей проникающее безд-
 ны око Всевидца, страхъ суда и геснны, бу-
 демъ отражать всѣми оружіями правды. Увлек-
 ла страсть, преодолѣла, и среди паденія будемъ
 сознавать гнусность паденія, безобразіе стра-
 стей, преступность наслажденія и, по оплака-
 ніи паденія, соберемъ всѣ силы встать и испра-
 виться. Такъ будемъ поступать въ борьбѣ съ
 укоренившимися привычками при тысящекрат-
 ныхъ паденіяхъ. Сколько бы, по видимому ни
 владычествовали надъ нами грѣховныя склон-
 ности, съ какою бы силою ни увлекали насъ,
 никогда не престанемъ въ духѣ противиться
 имъ, обнажать ихъ гнусность и питать къ нимъ
 отвращеніе. Ни на минуту не позволимъ себѣ
 оставаться въ безпечности и въ законопреступ-

номъ миръ съ собою, но каждое намѣреніе потщимся предварять размышленіемъ, при каждомъ дѣйствіи ограждать себя предосторожностію, всюду слѣдовать за собою неослабнымъ вниманіемъ и, при каждомъ возвращеніи въ себя, встрѣчать себя строгимъ испытаніемъ.

Но гдѣ намъ взять такой силы для самоиспытанія? И возможна ли непрерывная брань съ самими собою? Не превратится ли и безъ того горестная жизнь наша въ темницу и мракъ?

Гдѣ намъ взять силы для непрестаннаго самоиспытанія! Отъ чего же мы сильны для зла, а слабы для добра? Отъ чего слишкомъ прозорливы и успѣшны въ суетахъ, а недалъновидны и безуспѣшны въ очищеніи совѣсти предъ Богомъ и людьми? Отъ того, что въ первомъ случаѣ дѣйствуемъ со всюю неослабностію и усиліемъ, въ послѣднемъ не хотимъ, и не позволяемъ себѣ быть заботливыми. Подвигнемъ и естественную и благодатную ревность противу разсѣянности и безпечности нашей, и мы увидимъ, какъ начнетъ таять сердце наше. Самъ Духъ, споспѣшествующій духу нашему, совоздыхающій и соболѣзнуюющій намъ въ немощахъ нашихъ, будетъ содѣйствовать намъ. И сообразно ли намъ спрашивать о возможности для насъ непрерывной брани съ самими собою, когда слово Божіе ни о чемъ столь часто не говоритъ намъ, какъ о необходимости пудить себя ради царствія Божія; ни къ чему столь сильно не

побуждаетъ, какъ къ непрерывному бодрствованію надъ собою и противоборству духовнымъ врагамъ нашимъ ; когда и Подвигоположникъ спасенія нашего ясно возвѣстилъ намъ, что Онъ пришелъ воврещи *мечь и огнь* въ растлѣнную природу нашу, дабы раззорить и пожечь ее до основанія, и на развалинахъ ея воздвигнуть *новаго челоуѣка*, созданнаго по Богу въ правдѣ; а посему повелѣлъ *возненавидѣть все* для любви Божіей *и нести ежедневно крестъ свой* ? Что была жизнь Самаго Спасителя нашего, какъ не цѣль непрерывныхъ скорбей, съ продолженіемъ времени великаго служенія Его непрестанно возраставшихъ и увеличивавшихся ? Пресбывая съ Божественною кротостію среди печетыхъ, буйныхъ, неправедныхъ челоуѣковъ , Онъ непрестанно терпѣлъ невѣжество и предразсудки народа, маловѣріе и простоту Своихъ учениковъ, лицемѣріе и злоумышленія фарисеевъ и книжниковъ. Сколько же Оною Божественною Душею перенесено оскорбленій, сколько пролито молитвъ за сопротивленіе, сколько до конечнаго креста принято внутреннихъ крестовъ и мученій ? *Сія же да мудрствуется и въ насъ, еже и во Христѣ Иисусѣ*. Тѣ же мысли, тѣ же чувствованія должны одушевлять и насъ, какими преисполненъ былъ Господь нашъ. Какъ рождіе, заимствующее корень, соки и силу отъ лозы, мы должны быть насаждены, жить и дѣйствовать въ Христѣ. Вступивъ на путь очи-

щенія, должны устрани́ться отъ общей жизни, въ безмолвіи скорбѣтъ о неправдахъ нашихъ; неутомимо сражаться съ собственнымъ невѣжествомъ, съ предразсудками насъ обуревающими, съ страстями долговременною привычкою воспитанными; нещадно раззорять ветхое зданіе наше, потрясти основанія, и слезами покаянія смыть нечистоты съ мѣста ихъ. Отъ внутренняго сотрясенія не можетъ не возмутиться растлѣнная природа наша. Востанутъ наши привычки, возмутятся укоренившіяся пристрастія, когда твердое станемъ полагать обузданіе и на слухъ, и на зрѣніе, и на языкъ и на всѣ чувства наши. Но когда послѣ многотрудныхъ подвиговъ возвысятся наши мысли, очистятся желанія, ублагоустроятся стремленія, и умягченное сердце само собою начнетъ источать воду умиленія: о! тогда исцѣляющій сокрушенныя сердцемъ и утѣшающій *вся плачущія* Господь дастъ *плачущимъ Сіона славу; влѣсто пепела помазаніе веселія; украшеніе славы влѣсто духа унынія* (Исаіи 61, 1. 2. 3.). Тогда проторжется вода въ пустыни, безводная будетъ во езера, и на жаждущей земли источникъ водный будетъ (35, 6. 7.) и влѣсто драціа взыдетъ кипарисъ, и влѣсто кропивы взыдетъ мирсина (53, 13.). Такъ! когда возвратитъ насъ Господь изъ плѣна грѣховнаго и прольетъ токи благодатныхъ утѣшеній въ сокрушенныя сердца наши: тогда исполнятся радости уста наша

и языкъ нашъ веселія; тогда все перемѣнится въ насъ и вокругъ насъ: благоустроится жизнь наша, исправятся дѣла рукъ нашихъ, скорби будутъ для насъ очищеніемъ, злключенія свидѣтельствомъ любви къ намъ Божіей; утѣхи жизни нашей будутъ святы, радости непорочны, слова и поступки благодатію запечатлѣны. Жизнь съ Богомъ, миръ сердца, чистая совѣсть просвѣтятъ лице наше; свѣтъ и радость разольются на все вокругъ насъ. *Слющимъ слезами радостію пожнутъ.* (Псал. 125, 5.). Если и послѣ сего будемъ еще воздыхать и сѣтовать: то будемъ уже сѣтовать о продолженіи странствованія нашего, воздыхать отъ желанія разрѣшиться, быть со Христомъ и явиться лицу Божію.

Приблизимся къ страждущему Спасителю нашему слезами и скорбію, и Онъ приблизится къ намъ утѣшеніемъ, воскреснетъ въ насъ благодатію, и таинственно речетъ намъ въ духѣ нашемъ: *радуйтесь.* Аминь.

СЛОВО VI

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Аще въ суровѣ—зеленѣ—древѣ сія творятъ, въ сусѣ что будетъ (Лук. 23, 31.) ?

Слыша Божественнаго Крестоносца, вѣщающаго тако о Самомъ Себѣ, видя Его изнемогающаго подъ тяжестію крестнаго древа, зря пригвожденнымъ и висящимъ на крестномъ дрѣвѣ, видимъ, какое это зеленое древо.

Это то *красное въ видѣніе и доброе въ смѣдѣ древо жизни* (Быт. 2, 9.), которое насаждено посредѣ рая, составляетъ красоту и жизнь рая и долженствовало преисполнить первосозданнаго блаженною жизнію рая. Это то сладкоплодовитое древо, которое, и по вкушеніи нами *угоднаго очима видѣти*, но смертоноснаго во вкушеніи *древа познанія добра и зла*, услаждаетъ для насъ въ пустынѣ жизни *горькія воды*

(Исх. 15, 25.) проклятія. Это та лоза (Іоан. 15, 1.) благоплодная, та добрая маслина (Рим. 11, 24.), отъ причастія корене и масти которой произрасъ Богоносный садъ Патріарховъ, Пророковъ, Апостоловъ, добропобѣдныхъ Мучениковъ, Дѣвственниковъ и вся полнота благоплодія Церкви. Это то дерево животное, которое нынѣ стоитъ посредѣ Церкви Божія, равно какъ посредѣ Іерусалима небеснаго, *на кійждо мѣсяцъ приносѣ плодъ свой*, коего самое *листвіе* и здѣсь и тамъ суть во исцѣленіе языковъ (Апок. 22, 2.), и отъ плодовъ Его не только здѣсь долу питаются души чистыя, но и тамъ горѣ насыщаются соимы духовъ праведныхъ и лики блаженныхъ Ангеловъ. По истинѣ это зеленое дерево !

Что же такое творять, или что сотворено съ этимъ зеленымъ деревомъ?

Се оно обнажено красоты своей: обиты вѣтви Его, оттрясено листвіе Его благоцвѣтное, разсыпанъ плодъ Его многій. Се посѣчено, низложено оно; точно отрасль коренія Его въ землѣ оставлена.

Какая рука, какая сѣкира возмогла низложить это великое, крѣпкое, всю вселенную пріосѣняющее и питающее дерево? Кто кромѣ Всемогущаго могъ сотворить сіе. Онъ крѣпко возгласилъ съ небеси: *поспыйте дерево сіе*. Самъ подъялъ высокую мышцу Свою, и тяжкою сѣкирою суда Своего поразилъ дерево сіе.

За что же, Ты, Домовладыка и Божественный Вертоградарь, за что премудрый, небесный Дѣлатель грозно вознесъ крѣпкую руку Твою и гнѣвно поразилъ возлюбленную лозу винограда Твоего?

О милосердѣ Ты еси, Отче небесный, къ намъ,—недостойному насажденію рукъ Твоихъ! Ради нашего неплодія, ради нашей сухости, ради нашего тлѣнія тако сотворилъ Ты сіе. Мы обольстились ложною красотою запрещеннаго дерева, за то обнажилъ Ты красоты Своей сіе приноцвѣтущее Древо. Мы дерзновенно простерли руку для взятія и вкушенія отъ запрещеннаго дерева; за то простеръ Ты въ судѣ крѣпкую руку Твою на сіе благоплодное дерево. Мы вкусили, и, отъ смертопоснаго вкушенія, какъ отторгшесся отъ своєю лозы рождіе, увяли и изсохли; и Ты Домовладыка, премудрый Вертоградарь, для оживотворенія нашего устѣкнулъ сіе Древо животное, дабы мы — *дерева осеннія, безплодныя*, многожды умершія, искорененныя, чрезъ таинственное привитіе къ сей живоносной Лозѣ содѣлавшись причастниками корени и сока Опой, произникли изъ тлѣнія, процвѣли и опять исполнились жизни.

Милосердѣ и благъ Ты еси, Господи! обаче и страшныя судьбы Твои возглаголемъ Тебѣ! Если Ты для очищенія нашей виновности осудилъ и наказалъ не только невиннаго и праведнаго, но Твоего Единороднаго, возлюблен-

наго : то что̀ будетъ съ нами — чадами гнѣва, съ нами—сосудами погибели, если не спасетъ насъ безконечное милосердіе Твое? *Аще въ суровъ древь сія творятъ; въ сусъ что̀ будетъ?*

Дабы намъ избѣжать лютыхъ, праведно ожидающихъ насъ за грѣхи наши, то при подножїи креста Страждущаго за насъ Спасителя, внимая гласу Его, которымъ Онъ въ лицѣ плакавшихъ о Немъ женъ вѣщаетъ и намъ, чтобы мы о себѣ плакали, а не о Немъ (Лук. 23, 28.), помыслимъ: какъ мы, послѣдуя за Христомъ крестнымъ путемъ, должны участвовать въ спасительныхъ страданїяхъ Его?

Ч А С Т Ъ I.

ДОЛЖНЫ УЧАСТВОВАТЬ ВЪ СТРАДАНИЯХЪ ХРИСТОВЫХЪ

а.) ВЛАГОДУШНЫМЪ ТЕРПѢНІЕМЪ ВНЕШНИХЪ СКОРБЕЙ.

Таковъ законъ вѣчной Правды, что по оному неспреложно опредѣлено благимъ и праведнымъ благо и блаженство, злымъ и грѣшнымъ зло и страданіе. *Слава и честь и миръ всякому дѣлающему благое, скорбь и тѣснота на всякую душу человека, творящаго злое* (Римл. 2, 9. 10).

Не смотря на частные случаи благоденствія злыхъ и злключенія добрыхъ, часто въ причинахъ своихъ ясныя, а чаще сокрывающіеся во глубинѣ судебъ Божіихъ, общій законъ правды неспреложно таковъ: *нѣсть радоватися нечестивымъ* (Исаи 48, 22.); терпѣть, скорбѣть, страдать, вотъ собственная участь грѣшниковъ. Такъ и должно быть. Сообразованіе съ законами Божественной премудрости, правды, свято-

сти, есть свѣтъ, благо, веселіе, жизнь; уклоненіе отъ законовъ Божественной премудрости, правды, святости есть тьма, разрушеніе, пагуба, смерть.

Но кто изъ насъ праведенъ предъ Богомъ? *кто похвалится чисто имѣти сердце? или кто дерзнетъ реици о себе чиста быти отъ грѣховъ* (Прит. 20, 9.)? Не по прирожденному только растлѣнію никто изъ насъ не чистъ предъ Богомъ, *аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 4. 5.), но по собственнымъ грѣховнымъ и преступнымъ дѣйствіямъ. И если разсмотримъ жизнь нашу, изслѣдуемъ поступки свои, взвѣсимъ расположенія, испытаемъ глубокое по грѣховнымъ тайнамъ сердце наше, вникнемъ въ самую, часто лукавую совѣсть нашу, тогда истинно найдемъ, что въ насъ нѣтъ цѣлости, найдемъ, что мы во всѣхъ отношеніяхъ преступны предъ Богомъ, неправы предъ близкими, виновны въ самихъ себѣ, и еслибы Богъ Своею правдою воздавалъ какъ за неправды наши: то мы или бы истреблены были дѣйствіемъ правосудія, или стонали подъ ударами праведнаго наказанія. Но Господь не по беззаконіямъ нашимъ творить; вмаѣ касается насъ наказаніемъ, а впрочемъ долго терпитъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидемъ.

По сему различные неблагопріятные случаи и зоключенія: болѣзни, потери, лишенія, го-

ненія, уничиженія мы должны принимать и нести благодушно, утѣшая себя тою мыслию, что онѣ въ путяхъ Божественнаго Провидѣнія не иное что суть, какъ спасительныя средства для пробужденія насъ отъ грѣховнаго усыпленія, и для введенія въ самихъ себя, дабы мы оттрясли мракъ заблужденія отъ ума, суету обольщенія отъ сердца нашего, и очистили совесть нашу для чувства правоты и страха Божія, для истиннаго различенія добра и зла въ себѣ и другихъ.

Посланку же различныя скорби въ спасающей рукѣ Провидѣнія, будучи не столько наказаніемъ для насъ слабыхъ, сколько вразумленіемъ въ нашихъ невѣрностяхъ, и возбужденіемъ отъ самозабвенія, составляютъ крестъ, возлагаемый на насъ рукою благодати для очищенія душевныхъ недуговъ нашихъ: то мы должны нести оный смиренно, безропотно, какъ нашу часть, нашъ жребій и достояніе. Не будемъ же возлагать и этотъ крестъ на Спасителя нашего, не позволимъ себѣ думать, что когда Божественный Хотадай нашъ пострадалъ и умеръ за грѣхи наши, и какъ Побѣдитель грѣха и смерти, — воскресъ въ вѣчную жизнь и славу: то и мы уже освобождены отъ грѣха и отъ страданій; и можемъ жить въ земныхъ утѣшеніяхъ и прохладахъ. Если такъ, то значитъ, *что и плоть и кровь Царствіе Божіе наследити могутъ* (1 Кор. 15, 50.), *что въ него войдетъ*

всяко скверно, и творяй мерзость и лжу
 (Апок. 21, 27.). Не вознесемъ хулу на Бога;
 избытка благодати Божіей не обратимъ въ по-
 творство плотской безпечности нашей; Богъ ми-
 лосердѣ, но не любитъ беззаконія; Онъ ми-
 луетъ, но въ судѣ; прощаетъ, но съ правдою;
 щедритъ, но не расточаетъ; даетъ туне, но
 числомъ, вѣсомъ и мѣрою.

ЧАСТЬ II.

6. СООБРАЗОВАНИЕМЪ ВО ВНУТРЕННИХЪ ОЧИСТИТЕЛЬНЫХЪ СКОРБЯХЪ.

Мы исцѣлены во Христѣ, какъ во Главѣ нашей, отъ грѣховъ, избавлены отъ смерти и предъуготовлены къ славѣ и блаженству, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы страданія, смерть и воскресеніе Христова и въ насъ совершились, что бы мы, насажденные во Христѣ подобіемъ смерти Его (Рим. 6, 5.), страда со Христомъ, со Христомъ и прославились, и такимъ образомъ правда Божія, во всей строгости исполнявшаяся на Христѣ, открылась въ возможной мѣрѣ и въ насъ, чрезъ то и въ насъ милость и правда Божія встрѣтились, правда и миръ облюбызались.

Божественный Споручникъ нашъ цѣною безцѣнныхъ заслугъ Своихъ неоплатные долги наши заплатилъ, и насъ отчужденныхъ въ благоволеніе Отца Своего привелъ. При всемъ томъ мы сами по себѣ остаемся и нищи, и бѣдны, и

21*

наги, подобны тѣмъ должникамъ, которымъ хотя прощенъ долгъ, но которые кромѣ бѣднаго существа ничего не имѣютъ; подобны тѣмъ узникамъ, которые хотя освобождены изъ неволи и узъ, но которые отъ долговременной неволи измождены въ силахъ, обременены недугами, погружены въ крайнюю нищету. И такъ въ самомъ состояніи благодатнаго искупленія намъ необходимо нужно силою Искупителя уврачевать долговременные грѣховныя недуги, измѣнить одежду ветхаго челоѣка, переобразоваться изъ образа преступнаго Адама въ образъ небеснаго. Подобно больнымъ, требующимъ горькихъ врачествъ для своего исцѣленія, въ скорби и печали по Богѣ долженствуя страданіями очищать грѣхи жизни прошедшей, исправлять настоящей, предотвращать грѣхи жизни послѣдующей, мы должны начать грѣховное врачеваніе съ господствующихъ въ насъ порочныхъ привычекъ и склонностей, изъ которыхъ, какъ изъ корня, происходятъ совершаемыя нами порочныя дѣйствія и которыя, какъ уже мы должимъ, влекутъ за собою множество страстей и похотей; отъ сего мы непрестанно обращаемся вспять на прежній путь суетной жизни отъ праваго пути послѣдованія за Христомъ.

Преставъ убо *отъ лукавствъ нашихъ*, — прекративъ въ самихъ себѣ ближайшія причины господствующаго въ насъ зла, въ силѣ Господа укрѣпимъ разслабленныя руки и разслаблен

ныя коѣна наши и съ твердостію станемъ расторгать узы пристрастія, разсѣкать узы привязанности, свергать съ себя иго порабощенія суетностямъ и престанемъ *привлечать грѣхи, яко уземъ долгиѣмъ, и яко ига юнчи на ремениѣ беззаконія своя* (Исаіи 5, 18.). Хотя бы *правое око, правая рука, правая нога* (Мат. 5, 29. 30.), хотя бы самый близкій къ намъ человѣкъ, самое великое для насъ благо, самая сильнѣйшая въ насъ привязанность служили намъ препятствіемъ къ послѣдованію за Христомъ, съ твердою рѣшительностію отсѣчемъ отъ самихъ себя всѣ поводы грѣховной привязанности, сколько бы сіе болѣзненно для насъ ни было. Исткнемъ око гордыни, отторгнемъ руку лихоиманія, отсѣчемъ ногу хожденія въ похотехъ; по примѣру Господа Іисуса, Который, будучи во образѣ Божіемъ, смирилъ Себя даже до смерти, будучи богатъ, насъ ради обнищавъ, возлюбимъ смиреніе, обнимемъ нищету и будемъ всемірно очищать себя, *якоже Онъ чистъ есть* (Іоан. 3, 3.). Измемъ отъ себя и всякую горечь, и гнѣвъ, и ярость и клѣвь и хулу со всякою злобою. Насъ оскорбили;—простимъ отъ сердца оскорбившимъ насъ; мы оскорбили, — поспѣшимъ съ оскорбленными отъ насъ примириться не только словомъ смиренного признанія предъ ними своей вины, но на чѣ дѣломъ, по примѣру Закхея мытаря, который въ минуты рѣшительнаго обращенія своего

ко Господу обѣщавъ *четверницею* воздать обѣ-
 жненнымъ отъ него и исполнилъ (Лук. 19, 8.).
 Прекратимъ тѣтворное вліяніе и внѣшнихъ
 соблазновъ для ближнихъ нашихъ, и, по при-
 мѣру Апостола, поставимъ для себя непремѣн-
 нымъ правиломъ—не касаться и невинныхъ ве-
 щей, если онѣ служатъ преткновеніемъ для
 брата нашего (1 Кор. 8, 15.). Исторгая корни
 зла, будемъ въ покаяніи неизмѣнномъ оплаки-
 вать оное, по примѣру Ап. Петра, который о
 своемъ отреченіи отъ Христа горько плакалъ
 не только по изшествіи изъ двора архіерсева,
 но, какъ извѣствуетъ преданіе, и во всю по-
 слѣдующую жизнь. И мы въ непрестанной скор-
 би сердца воспоминая прошедшую грѣховную
 жизнь, какъ потерю жизни, какъ устраненіе
 отъ Бога, какъ злоупотребленіе благодати, бу-
 демъ горько сѣтовать о многоразличномъ и
 многообразномъ оставленіи нами своего Госпо-
 да, объ отреченіи отъ своего возлюбленнаго и,
 при распинаніи плоти со страстьми и похотьми,
 будемъ неослабно погашать въ себѣ сластопо-
 біе обузданіемъ, славолубіе униженіемъ, пре-
 сыщеніе лишеніемъ.

ЧАСТЬ III.

в.) ПОСТОЯННЫМЪ САМООТВЕРЖЕНІЕМЪ.

Но дабы непрестанно исторгать корни, непрестанно въ выпрь прозябающаго зла и заграждать устѣ смраднаго источника сердца, источающаго горечь и нечистоту: то всегдашняя жизнь наша должна быть не пнымъ чѣмъ, какъ постояннымъ самоотверженіемъ, и бодрствованіемъ на стражѣ вниманія самимъ себѣ. Чистота сердца, чтобы все дѣлать токмо для славы Божіей, должна быть началомъ и концемъ всѣхъ начинаній нашихъ. Строгое храненіе устъ, дабы не исходило изъ оныхъ ни одного слова неразтвореннаго солю благодати, должно отверзать и заключать уста наши. Требованіе отчета въ собственныхъ поступкахъ у самихъ себя предъ Господемъ, какъ необходимое дѣло очищенія совѣсти; неопустительно должно начинать каждый день и оканчивать, дабы, по наставленію Апостола, могли мы непрестанно искушать себя, въ вѣрѣ ли мы (2 Кор. 13, 5.), въ правотѣ ли ходимъ предъ Господемъ, и не-

тишнымъ разсужденіемъ самихъ себя предотвращать отъ себя будущее осужденіе. Прилагая труды къ трудамъ и подвиги къ подвигамъ, дабы *сокровиществовать себѣ основаніе добра въ будущее* (1 Тим. 6, 19.), будемъ укрѣплять себя въ благой рѣшимости, не измѣнять истинѣ Божіей при самыхъ крайнихъ искушеніяхъ, но стоять до крове за правоту совѣсти, и тѣшиться съ продолженіемъ жизни възгрѣвать въ себѣ огонь святой ревности въ пріискрениѣишемъ сообразованіи страданіямъ и смерти Христовой (Фил. 3, 10.).

Такъ въ крѣпости духа должны мы подвизаться въ исправленіи жизни своей, чтобы не озираясь вспять, непрестанно простираться впередъ; и предавши души своя Господеву, во всѣхъ какъ добровольныхъ очистительныхъ, такъ и свыше для очищенія нашего посылаемыхъ страданійхъ не унывать, но радоваться, что мы ими *исполняемъ мученіе скорбей Христовыхъ во плоти нашей* (Кол. 1, 24.). Всякую мысль, всякое внушеніе, отвращающее насъ отъ страданій, будемъ считать прелестію духа лестча, старающагося совратить насъ съ пути истины; напротивъ всѣмъ удостовѣреніями убѣждаться въ той истинѣ, что страданія для насъ необходимы: какъ праведная казнь для преступниковъ, какъ узы для необузданныхъ грѣшниковъ, какъ горькое, но спасительное врачество для опасно болѣзнующихъ, какъ средство очищенія для

погруженныхъ въ печистоты, какъ путь совершенства для преобразующихся въ образъ Божественный. Если будемъ убѣгать отъ страданій, онѣ будутъ постигать и горше обременять насъ; если же въ силѣ Божіей съ терпѣніемъ будемъ принимать оныя, и онѣ будутъ для насъ легче; а когда при горькомъ врачеваніи будемъ ощущать внутреннее исцѣленіе, при вѣншемъ изнеможеніи духовное укрѣпленіе: тогда онѣ содѣлаются для насъ даже пріятными. Страждущіе для Христа упоеваются неизрѣченною сладостію при сей одной мысли, что они страданіями уподобляются Спасителю, Своими страданіями пріобрѣтшему намъ спасеніе. Кто изъ насъ сладостиѣ вкуситъ силу и славу воскресенія Христова и во днешній радостный день воскресенія и нѣкогда въ невечернемъ дни царствія Его? Не тотъ ли, кто вмѣстѣ съ Христомъ страдалъ, со Христомъ распинался, со Христомъ умиралъ и спогребался?

Христіане ! Или *сотворимъ*, по слову Спасителя, *древо добро и плодъ его добръ* (Мат. 12, 33.), привьемся спасительными страданіями къ сей живоносной Лозѣ; тогда будемъ и здѣсь, яко древа, насажденные при исходящихъ водахъ, яко маслины плодовитыя въ дому Божіи, и тамъ во царствіи Христовомъ, яко рожденія новаго винограда, будемъ расти, процвѣтать и плодъ приносить силою живоноснаго Древа, при живыхъ водахъ чистой рѣки, исходящей отъ пре-

стола Божія и Агнца (Апок. 22, 1.). Или со-
творимъ древо зло и плоды злы, и тогда при
видимомъ угобзеніи, будемъ, какъ вѣтви отдѣ-
лившіяся отъ своей лозы, только изсыхать;
сѣкира гнѣва Божія будетъ лежать при корени
нашемъ и огонь правосудія Божія, возгнѣтенный
уже для бесплодныхъ деревьевъ, будетъ ожидать
насъ для пожженія.

Напечатлѣмъ сіе глубже и въ мысляхъ и
сердцахъ нашихъ, что *еще праведникъ* многими
скорбями и страданіями *едва спасается* (1 Пет.
4, 18.), то мы грѣшные, гдѣ явимся безъ стра-
даній? *Еще въ суровъ дрѣвь сія творятъ, въ*
сушь что будетъ?

О, сладчайшій, насъ ради возпесенный на
крестъ Іисусе! Привлечи насъ къ Себѣ благо-
датною Твоею силою, и, какъ рождіе Свое,
посади насъ окрестъ Себе; напитай насъ, су-
хія древа, живоноснымъ сокомъ Твоимъ; и, хо-
тимъ ли мы или нехотимъ, пригвозди насъ къ
животворящему кресту Твоему, и, дѣйствіемъ
страданій Твоихъ въ насъ, отреби насъ для
плодоприношенія Тебѣ. Да съ Тобою умирая,
съ Тобою и оживемъ, съ Тобою терпя, съ То-
бою и воцаримся, съ Тобою страда, съ Тобою
и прославимся. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

О СТОЯНІИ И ПЛАЧѢ БОГОМАТЕРИ

ПРИ КРЕСТѢ,

И ОПЛАКИВАНІИ НАМИ ГРѢХОВЪ СВОИХЪ ПРИ КРЕСТѢ.

Стояху при крестѣ Иисусовъ Мати Его, и сестра Матере Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина (Іоан. 19, 25.).

Стояли и мы при крестѣ Иисусовомъ и въ вечеръ пятка минувнаго дня, мысленно соприутствуя при снятіи со креста Іосифомъ и Никодимомъ тѣла Иисусова; стояли и въ утро сего великаго дня субботы при плащаницѣ тѣла Иисусова, совершая съ тѣми же христілюбивыми мужами боголѣпно погребеніе Живота, за насъ умершаго. Но такъ ли мы стояли и стоимъ при мысленномъ взираніи на гробъ и гробныя пе-

лены умерщвленнаго за насъ Иисуса, какъ стояла при крестѣ Матерь Иисусова, пронзенная оружіемъ скорби во всемъ существѣ Ея?

Дабы возвысить наше должное стояніе при крестѣ Спасителя превышеземнымъ стояніемъ Богоматери, озарить наше безчувственное взираніе на распятаго Иисуса богосвѣтымъ въ самой печали зрѣніемъ Преподобной на бездыханнаго Иисуса, оживить наше хладное помышленіе о погребенномъ за насъ Иисусѣ живоноснымъ помышленіемъ Матери о нетлѣнномъ погребеніи Сына Ея и Бога: то, въ ознаменованіе духовнаго величія дня благословенной субботы, размыслимъ о томъ: какъ стояла при крестѣ Матерь Иисуса? И въ какомъ расположеніи мы должны поставлять себя при крестѣ страждущаго за насъ Иисуса?

Какъ же стояла, и каково было стоять при крестѣ Матери Иисусовой?

ЧАСТЬ I.

О СТОЯНІИ И ПЛАЧѢ БОГОМАТЕРИ ПРИ КРЕСТѢ.

Каково было стоять при крестѣ Иисусовомъ Матери Иисусовой, въ большей или меньшей мѣрѣ понятно и всякому изъ насъ. Но еще понятнѣе, оцутительнѣе матерямъ, матерямъ нѣжнымъ, благочестивымъ, которыя имѣли сыновей, составлявшихъ для нихъ предметъ утѣшенія и радости, славу имени отеческаго, честь рода своего, сыновей разумныхъ, благочестивыхъ, имѣли таковыхъ сыновей, и лишились ихъ самымъ несчастнымъ, горестнымъ, плачевнымъ образомъ.

Но что самые разумные, самые благочестивые, всѣми добрыми качествами ума и сердца украшенные сыны обыкновенныхъ матерей противу Сына Маріина, Иисуса, Божественными совершенствами сіявнаго и небесными доблестями знаменовавшагося, что, какъ не капли противу источника, какъ не некры противу свѣта,

какъ не лучи противу солнца? Какъ Сама Мать Иисусова была Мать необыкновенная, такъ и Сынь Ея былъ единственный. Какъ никто не перенесъ, и не могъ перенести такихъ безпредѣльныхъ страданій, какими обремененъ былъ Иисусъ: такъ и никто не испыталъ такой зельной скорби и туги, какія испытала Матерь Иисусова при крестѣ и погребеніи Сына Ея.

Марія, съ трехъ лѣтъ посвященная Богу, въ благоговѣніи и страхѣ Божіемъ воспитавшаяся въ храмѣ, питаемая отъ руку Ангела, чистая и непорочная Дѣва, — Марія зачала Сына Своего по благовѣстію Архангелову. Архангелъ благовѣствовалъ Ей, что Она, какъ единственная изъ всего рода человѣческаго, Богомъ избранная Дѣва для великаго назначенія, родить по благоволенію Отца нантиемъ Св. Духа Сына, Спасителя міра; что Онъ будетъ Сынь Вышняго, что на Немъ исполнятся всѣ обѣтованія, данныя праротцамъ о искупленіи рода человѣческаго, что Онъ будетъ царствовать въ Израилѣ на престолѣ Давидовомъ безконечно, вѣчно. Итакъ Она будетъ Матерію Сына Божія, Искупителя и Спасителя міра.

Кроткая, смиренная Марія приняла эту великую, неизглаголанную вѣсть въ основаніи сердца съ глубочайшимъ смиреніемъ. И кромѣ того случая, когда въ благодарственной пѣсни выразила великость къ Ней милости Божіей предъ Боговдохновенною Елизаветою, Она хранила эту

тайну въ недоступномъ молчаніи ; только со всевозможнымъ вниманіемъ замѣчала все знаменательное, по рожденіи преестествонно зачатого Ею Сына. Слышала, какъ вполземскіе пастыри, по благовѣстію Ангельскому, возвѣстили о рожденномъ Ею, что это родился Спаситель міра, и что множество Ангеловъ воспѣли хвалебную пѣснь при рожденіи Его ; Сама видѣла , какъ вслѣдъ за тѣмъ восточные мудрецы, приходившіе въ Іерусалимъ съ дарами поклониться новорожденному Царю іудейскому, воздали младенцу Ея—Іисусу прѣвыше человѣческую честь; была очевидною свидѣтельницею , съ какимъ благоговѣніемъ въ храмѣ іерусалимскомъ взялъ сорокаднєвнаго младенца—Іисуса на руки святолѣпный старецъ Сумеонъ , и свѣше вдохновенный какія предрекалъ чудеса и о Немъ и о Ней , предрекалъ , что одни обрѣтутъ въ Немъ жизнь, а другіе смерть, что и Ея самую ожидаетъ тяжкая скорбь ради Его; впечатлѣла въ сердцѣ Своемъ и то, что двѣнадцатилѣтній отрокъ—Іисусъ сказалъ Ей въ храмѣ іерусалимскомъ, гдѣ Она съ Іосифомъ послѣ трехъ дней нашла Его посреди іудейскихъ учителей, что Ему надлежитъ заниматься дѣлами Отца Своего.

Не говоря о томъ, что послѣ того Мать Іисусова видѣла удивительнаго, чуднаго, неистощимаго въ кроткой, мирной, мудрой, послушной домашней жизни, въ занятіяхъ и поведеніи

Иисусовомъ, — вотъ послѣ тридцати лѣтъ Сынъ Ея едва вступилъ въ великое служеніе Своё, тотчасъ ознаменовалъ Себя, какъ великій Учитель и Пророкъ Израилевъ, какъ необыкновенный чудотворецъ и благодѣтель всѣхъ скорбящихъ и болѣзнующихъ. Когда ублажаемъ и славимъ былъ Сынъ, могла ли быть не ублажаема Мать не только отъ матерей, но и отъ всѣхъ видѣвшихъ великое явленіе силы Божіей во Иисусѣ.

Среди радостей о Сынѣ утѣшенія касались по временамъ сердца Ея и тяжкія вѣсти, что Сынъ Ея, до благоговѣнія чтимый и любимый простымъ народомъ, ненавидимъ, гонимъ, преслѣдуемъ жестокою злобою отъ начальниковъ іудейскихъ. У нихъ только и помысленій, чтобы уловить Его въ какомъ либо дѣлѣ и словѣ, обвинить, схватить и предать суду и смерти. Услышала наконецъ Она и о томъ, что Сынъ Ея идетъ въ Іерусалимъ, идетъ, какъ думали ученики, для воспріятія царства Израилева. Торжественная, всенародная встрѣча Иисуса, какъ Царя-побѣдителя съ ваіями, вѣтвми и радостными кликами могла поддерживать это чаяніе. Но вышло совсѣмъ противоположное. Преданный вѣроломнымъ ученикомъ, Иисусъ внезапно врагами съ вооруженными воинами взятъ, повлеченъ на судъ архіереевъ и начальниковъ іудейскихъ, какъ Богохульникъ осужденъ ими на смерть, какъ противникъ кесаревой власти преданъ Пилату,

правителю римскому, для распятія на крестѣ, и избитый, оплеванный, поруганный, обремененный тяжкимъ крестомъ, какъ злодѣй, поведенъ въ сопровожденіи многочисленной толпы ругающихъ на Голгоуу для преданія поносѣйшей, крестной смерти, смерти злодѣевъ и губителей. Къ ужасу узнала о всемъ этомъ и Мать Иисова, и когда обремененный крестомъ Иисусъ веденъ былъ на Голгоуу, подоспѣла и Она къ горестному сопровожденію; порываемая скорбію хотѣла бы подойти къ ведомому злодѣями, но отъ многочисленной, пенстовой толпы не могла приблизиться, и пораженная невыносимымъ зрѣлищемъ, потерявши свѣтъ въ очахъ, пошла вмѣстѣ съ другими знаемыми, плакавшими и рыдавшими о Немъ женами.

Вотъ Крестоносецъ и все множество сопровождавшаго Его народа пришли на Голгоуу, на мѣсто казни. Въ трепетѣ увидѣла Мать Иисова, какъ, по утвержденіи крестнаго древа, повлекли обнаженнаго Сына Ея на крестъ, какъ стали пригвозждать острыми гвоздями руки и ноги Его; каждый ударъ, каждый раздававшійся звукъ молота ударялъ, сокрушалъ, пригвозждалъ Ее Самую во всѣхъ силахъ души, во всѣхъ членахъ тѣла ко кресту.

Когда враги Иисусовы, насытивъ злобу свою позорищемъ и язвительныхъ ругательствъ и смертельныхъ болѣзней Пригвозжденного ко кресту, отступили отъ распятаго между двумя раз-

бойницами Иисуса: тогда убитой горестію Матери, издавша съ соучастницами горести смотрѣвшей на терзавшее Ее зрѣлище, уже не было препятствія подойти къ Распятому, и Она, послѣдую стремленію Своей горести, подошла къ самому кресту Распятаго съ сестрою Своею Марією Клеоповою и Марією Магдалиною, и подошедши стала при крестѣ Иисусовомъ.

Теперь представимъ, если только въ состояніи будемъ представить, каково было стоять Матери Иисусовой при крестѣ Иисусовомъ? Теперь-то вполнѣ совершилось надъ Марією пророчество Сумеопово, теперь во всей силѣ оружіе скорби пронзило, растерзало, проникло всю душу и сердце Ея. Стоя при крестѣ, Она Сама пригвождена была страданіями ко кресту, Сама вносила горестію на крестѣ, Сама распиналась съ Распятымъ между разбойниками на крестѣ. Какъ ужасенъ былъ позоръ, сколь безпредѣльно униженіе, какъ безконечно поносны были страданія Иисусовы, такъ крѣпки, жестоки были страданія Матери при крестѣ распятаго Сына. «О чадо Божественнаго утѣшенія и радости, о Сынь небесной славы и величія, о рожденіе неповѣдимыхъ таинъ и чудесъ», взывала, вопіяла Она въ растерзанной душѣ, какъ всепожарующимъ огнемъ горѣвшей горестію во всемъ существѣ, «тѣмъ ли кончилось Твое неповѣдимое зачатіе, Твое неизглаголанное рожденіе, Твое исполненное Божественной таин-

ественности возрастаніе, Твоя свѣтоносная жизнь, Твое чудодѣйственное служеніе, тѣмъ ли, что Ты преданъ позору всего міра, что обремененъ всесвѣтными поношеніями, что какъ злодѣй вознесенъ среди злодѣевъ на крестъ? Ты ли это, Сынъ Вышняго, провозвѣщенный Архангеломъ, свидѣтельствованный свыше гласомъ Отца, свидѣтельствовавшій Самъ о Себѣ Твоими дѣлами, Ты ли обремененный всѣми богохульствами и поруганіями? Это ли домъ Іаковлевъ, это ли престолъ Давида, отца Твоего, это ли вѣчное царство Твое, что Ты безобразный и безславный, не имѣя вида, ниже доброты, вознесенъ на лобномъ мѣстѣ, вознесенъ на крестъ на Голгоотѣ, что среди мученій истасая въ жизни, умираешь между разбойниками? Что это за таинство, что за непостижимое чудо! Утробою уязвляюся и лютое оружіе сердце мое проходитъ».

Подлинно несказанны были страданія Матери Еммануиловой; отвнѣ окружали Ее ужасъ и пустота, внутри наполняли терзавшія чувства и помысленія, которыя, среди сильныхъ недоумѣній, никакой отрадной мысли, никакого утѣшительнаго чувства не оставляли въ душѣ Ея. Темная, непроницаемая ночь печали о кружала Ее. Какъ Самъ страждущій Сынъ Ея оставленъ былъ на крестѣ по человѣческому естеству поглощавшимъ Его безпредѣльнымъ болѣзнями: въ такомъ же состояніи тяжкаго оставленія была

при крестѣ и Матерь Іисусова. *Стояху при крестѣ Іисусовѣ Мати Его, и сестра Матери Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина.*

За что же, Преслагодѣтельная Дѣва, стоя при крестѣ распятаго Сына Своего, и Сама къ только болѣзненному кресту пригвождена была? За что такъ тяжко страдала Она, Дѣва чистая и пренепорочная? За то, что была чиста и непорочна, что великое имѣла назначеніе и достоинство, что великими обладала духовными силами и дарованіями. Кому много дано, отъ того много и требуется. Отъ Пренепорочныя Дѣвы, Матери Бога Слова, требовались великіе, такіе подвиги, которые дѣйствительно являли въ ней Матерь Сына Божія, Искупителя и Спасителя міра. Пречистая погружена была въ неизглаголанную скорбь при крестѣ, дабы просіять паче солнца, была пресогорчена болѣзнями, дабы содѣлаться подательницею радости, была поражена смертельнымъ страданіемъ, дабы быть достойною Матерію Живота.

ЧАСТЬ II.

ОВЪ ОПЛАКИВАНІИ НАМИ ГРѢХОВЪ НАШИХЪ ПРИ КРЕСТѢ.

Если пречистая Дѣва-Матерь, стоя при крестѣ Иисусовомъ, вмѣстѣ съ Иисусомъ скорбѣла, болѣзновала, страдала и срапшилась, чтобы подобно солнцу просіять, и содѣлаться свѣтлѣе Херувимовъ, огнеобразнѣе Серафимовъ, чтобы содѣлаться Ходатаищицею утѣшенія и радости скорбящихъ: то какъ намъ не стоять при крестѣ, какъ не стоять при гробѣ Иисусовомъ, за которыхъ Христосъ страждетъ, дабы Своимъ уничиженіемъ поднять насъ изъ паденія, Своими язвами насъ исцѣлить, Своимъ распятіемъ и погребеніемъ искупить насъ отъ грѣховъ, и возставить отъ духовной смерти и тлѣнія?

О! приблизимся къ кресту распятаго Спасителя нашего, приблизимся къ живоносному гробу Его, грѣшники, — приблизимся, какъ омраченные къ свѣту, какъ влающіеся къ пристанищу, какъ больные и умирающіе къ источни-

ку исцѣленія и оживленія; приблизимся, грѣшники, не для того, чтобы праздно стоять, но для того, чтобы страдать, слезить и плакать, чтобы обратить грѣховный смѣхъ нашъ въ плачь, и преступную радость въ сѣтованіе, чтобы очистить руки наши грѣшныя, чтобы исправить сердца наши двосудныя.

Приблизившись и ставши при крестѣ Іисусовомъ, есть намъ о чемъ скорбѣть, слезить, плакать. Если мы воззримъ въ сокрушеніи на Распятаго, отъ ногъ до главы изъязвленнаго, и потомъ обратимся къ себѣ съ живымъ, глубокимъ чувствомъ нашей нечистоты, несправедности, грѣховности: то найдемъ, что отъ ногъ до главы пѣтъ въ насъ цѣлости, но одни струны, язвы и раны наляціяся; что и прошедшая и настоящая жизнь наша вся во грѣхахъ и беззаконіяхъ, и если не остановимъ стремленіе наше на грѣховномъ пути крестомъ Христовымъ, то и послѣдующая жизнь пойдетъ, какъ нечистый потокъ, текущій изъ тлѣтворныхъ психодницъ прежней и настоящей грѣховной жизни.

Поставимъ же себя при крестѣ страждущаго за насъ Іисуса и посмотримъ, что мы увидимъ въ себѣ? Къ ужасу увидимъ, что мы со всѣхъ сторонъ окружены, какъ зловредною стихією, собственными нашими грѣхами, неправдами, преступленіями; увидимъ грѣхи позади себя, грѣхи вокругъ себя, грѣхи впереди себя; увидимъ, что мы безъ числа согрѣшили въ жизни прошед-

шей, непрестанно согрѣшаемъ въ жизни настоящей, неудержанно хотимъ грѣшить еще и далѣе въ жизни послѣдующей.

При обзорѣи строгимъ испытаніемъ грѣховной исторіи жизни нашей, нечего намъ перечислять невольные случаи погрѣшностей нашего дѣтства, извѣстные дѣйствія легкомыслія нашей юности, обыкновенные пороки мужества, общія слабости старости.—Пѣть! живымъ, судительнымъ чувствомъ раскроемъ самую внутренность совѣсти нашей, и явственно прочтемъ тайными письменами изображенныя, но писаломъ желѣзнымъ на скрижали сердца нашего начертанныя и крѣпко углубленные преступныя дѣйствія наши. Посмотримъ на тотъ сокроверный путь неправды, гдѣ мы собственно шли и претыкались, гдѣ падали и не вставали, гдѣ исполнялись беззаконныхъ стезь и погибели, и оттолѣ непрестанно шли далѣе злыми навиками отъ пути истины въ пустыни непроходимыя. Изслѣдуемъ каждый себя по своей главной страсти. Если духъ любочестія господствуетъ въ духѣ нашемъ: то вспомнимъ, сколько для суетнаго возвышенія употреблено нами постыдныхъ униженій, лести, лицемерія, а по возвышеніи сколько оказано презрѣнія, обидъ, жестокостей, мщенія противу подобныхъ намъ; сколько даже въ самыхъ дѣлахъ благочестія показано ложнаго благочестія, поддѣльных подвиговъ, притворной ревности о славѣ Божіей,

коими, вмѣсто угожденія Богу, воскуряемъ быль оиміамъ угожденія собетвенному самолюбію. Если любостяжаніе преобладаетъ сердцемъ нашимъ, то помыслимъ, сколько для удовлетворенія сему подолу учинено и тайныхъ и явныхъ, и сокровенныхъ и открытыхъ, насильственныхъ хищеній чуждаго, сколько обнаружено самыхъ жестокихъ подозрѣній, недовѣрчивости, укоризнъ противу самыхъ нескреннихъ ближнихъ нашихъ, и при ненасытимой жадѣ богатѣть въ себя, а не въ Бога, не осквернены ли руки и святотатственными пріобрѣтеніями? Если же нечистый духъ любострастія владычествуетъ въ плоти нашей, то, не касаясь тайныхъ тмы, о чемъ, по Апостолу, нелѣтъ есть и глаголати, мы не найдемъ въ себѣ ни мысли, ни желанія, ни чувства, ни расположенія, ни начинанія, ни дѣйствія; не найдемъ ни времеші, ни мѣста, ничего ни въ себѣ, ни вокругъ себя, чтобы не заражено было въ насъ тлѣтворнымъ дыханіемъ нечистыхъ разженій.

Присовокупимъ къ этому многоразличныя растлѣнныя склонности, изъ главныхъ страстей, какъ вѣтви изъ своихъ корней произрасшія и не только нами въ самихъ себѣ, но вредоноснымъ вліяніемъ и въ другихъ распространенныя, усиленныя: о! тогда подлинно найдемъ ли въ цѣломъ составѣ духовнаго существа нашего хотя одно мѣсто, одинъ малѣйшій членъ цѣлымъ и неповрежденнымъ? Вотъ горестный

образъ протекшей грѣховной жизни и дѣлъ нашихъ.

Посмотримъ, какъ течетъ и настоящая, всегдашняя жизнь наша? Течетъ также въ грѣхахъ, духовномъ нестроеніи, плотской безпечности, какъ текла прошедшая. Ибо течетъ по направленію прежнихъ закоренѣлыхъ навыковъ. Не будемъ уже повторять, какъ дѣйствуютъ въ насъ прежніе, усиленные грѣховные навыки и расположенія; посмотримъ, какъ течетъ обыкновенная жизнь наша, которую едва ли мы не считаемъ невинною? Течетъ подобно суетѣ. Мы обыкновенно живемъ и дѣйствуемъ по правиламъ міра; обращаемся другъ съ другомъ безъ назиданія; говоримъ много празднаго; дѣлаемъ необдуманно; поступаемъ опрометчиво; судимъ и неправедно осуждаемъ; гнѣваемся и немилосердно губимъ и убиваемъ; обличаемъ и жестоко уязвляемъ, веселимся и неправдуемъ, и при нашей разсѣянности, при невнимательности къ себѣ непрестанно и веоду въ самыхъ невинныхъ по видимому дѣйствіяхъ претыкаемся и падаемъ.

При такомъ образѣ прошедшей и настоящей нашей жизни, каковы должны быть наши расположенія и по отношенію къ будущей, дальнѣйшей жизни? Какова причина, таковы и дѣйствія. *Еда древо зло можетъ плоды добры творити* (Матѡ. 7, 18.)? Кто многократно тяжко падалъ въ жизни прошедшей, не престаесть без-

нечино продолжать паденія въ жизни настоящей, то безопасенъ ли отъ паденій и впередъ, въ жизни послѣдующей? О будущемъ каждый мечтаетъ по своимъ страстямъ. Честолюбецъ въ будущемъ видитъ свое величіе, корыстолюбецъ свои корысти, сластолюбецъ наслажденія. А какъ кто думаетъ, желаетъ, предполагаетъ, такъ и исполнится, если Богъ не разрушитъ злыхъ начинаній. Доселѣ мы жили суетно, невоздержно, въ рабствѣ страстей; будемъ жить далѣе, будемъ также жить суетно, легкомысленно, будемъ также рабами страстей, если Господь, умилосердившійся надъ нами, могущественною силою Своею не извлечетъ насъ изъ непрестаннаго круженія въ вихрѣ житейскихъ суетностей. О! да не возглаголютъ уста наша всѣхъ злыхъ дѣлъ и начинаній нашихъ!

Итакъ за грѣхи безъ числа содѣянные, за грѣхи непрестанно содѣваемые, за грѣхи въ нечистыхъ расположеніяхъ преднамѣреваемые мы должны страдать, непрестанно страдать, тяжело страдать—и вѣшно и внутренно, и духомъ и тѣломъ, волею и неволею, въ очистительныхъ скорбяхъ, посылаемыхъ на насъ правосудіемъ Божиимъ и въ ежедневныхъ добровольныхъ распинаніяхъ плоти и умерщвленіяхъ страстей; и страданіями очищать грѣхи прошедшіе, исправлять настоящіе, предотвращать будущіе. Вотъ собственный нашъ крестный подвигъ, гдѣ необходимо намъ страдать со Христомъ, распинать-

ся со Христомъ, умирать тѣлѣнно и воскресать въ плѣтии со Христомъ!

Подобно больнымъ , требующимъ горькихъ врачествъ для своего исцѣленія , въ скорби и печали по Богѣ будемъ страданіями очищать грѣхи наши. Непрестанно каюсь внутренно, и сколько возможно чаще исповѣдуюсь предъ служителями Христовыми во грѣхахъ нашихъ, будемъ очищать грѣхи прошедшей жизни тѣмъ, чтобы единожды оставивши зло, впять не ози- раться на прежнее не возвращаться, — исправ- лять грѣхи настоящей жизни тѣмъ , чтобы у- крѣпляя расслабленныя руки и расслабленныя колѣна, чрезъ распинаніе плоти со страстями и похотями , отымать лукавства отъ душъ на- шихъ; изторгая изъ сердца привычки и при- страстія прежнія, и бодренно обуздывая грѣ- ховныя стремленія настоящаго состоянія, мы въ силѣ Христовой постояннымъ вниманіемъ, воздержаніемъ и трезвеніемъ будемъ предъот- вращать грѣхи и дальнѣйшей нашей жизни. Но безъ трудовъ, безъ усилій, безъ напряженія и слѣд. безъ скорбей и болѣзней самоотверженія этого сдѣлать не можно. Напечатлѣмъ, углу- бимъ въ умахъ и сердцахъ нашихъ, что если праведникъ многими скорбями едва спасается: то мы, грѣшныя и неправедныя, безъ очисти- тельныхъ скорбей и страданій гдѣ явимся?

Не рыдай Мене, Мати, таинственно вѣщающій страждущій Іисусъ и съ креста и изъ гроба къ

утѣшенію скорбящей и болѣзнуюющей Матери Своей, *не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробъ*; встану бо и прославолюся и вознесу славою и тѣхъ, которые подобно Тебѣ съ вѣрою и любовію страждутъ со Мною и ради Меня.

Что намъ вѣщаетъ Спаситель нашъ и съ креста и изъ гроба, намъ грѣшнымъ, и при нашей грѣховности безпечно, несправимо живущимъ не только въ прежнихъ грѣхахъ, но еще, какъ уже мы долгимъ, привлекающимъ новые грѣхи, что нынѣ вѣщаетъ намъ съ креста и изъ гроба Спаситель нашъ? Я рано завтра встану и прославолюся. Но какъ Мы вознести васъ славою, когда вы принимало не сострадали, не сраспинались, не сногребались Мы?

Чающіе, по благодати Господа, радости воскресенія Его! Въ крестѣ Іисусовомъ наша слава, во гробѣ Его наша жизнь и радость. Но если мы доселѣ не стояли и не умѣли стоять при крестѣ Іисусовомъ, если доселѣ не приходили плакать на гробъ Его: то отселѣ будемъ учиться стоять съ Пречистою Матерію Іисусовою при крестѣ Его, учиться съ Марією Магдалиною плакать при гробѣ Его, дабы съ Іисусомъ не медля возстать отъ мертвыхъ дѣлъ къ благодатной жизни правды и святости.

Есть еще способъ скоро приготовить плащаницу для обвитія пречистаго тѣла Іисусова, — это покаяніе; есть средство — скоро уготовать муръ для помазанія живоноснаго тѣла Іисусо-

ва, — это слезы умиленія и сокрушенія о грѣхахъ нашихъ; есть средство скоро срѣтить Исходящаго изъ гроба съ радостію воскресенія, — это твердая рѣшимость исправленія, — дабы, какъ Христосъ восталъ отъ мертвыхъ славою Отчею, такъ и намъ ходить во обновленіи жизни!

Возстани въ насъ, Господи Іисусе, силою живоноснаго воскресенія Твоего, яко да въ исправленіи жизни нашей воспоемъ и поемъ силу Твою! Аминь.

ВЕСЕДА

О СОШЕСТВІИ ВО АДЪ

ИСУСА ХРИСТА,

ИСКУПИТЕЛЯ МІРА.

„Днесъ адъ стена вопієтъ : разрушился моя власть; пріяхъ яко единого отъ умершихъ, сего держати отнюдь не могу, но погубляю съ Имъ, и ниже царствовахъ: азъ имъхъ мертвецы отъ вѣка, но Сей-се всѣхъ воздвизаетъ. Стихира въ вечерню в. суб.

Сія есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день послѣ предшествовавшей печали, постъ нынѣ радостно св. Церковь. Подлинно сія благословенная суббота есть день покоя, есть день упокоенія Сына Божія, послѣ крест-

наго подвига очищенія грѣховъ всего міра, тридневнымъ живоноснымъ сномъ уснувшаго; есть день покоя и для земли, по причинѣ устремленія духа тьмы и вѣхъ непріязненныхъ силъ его въ пренеподную ада. Духи темные въ этотъ день, по гласу князя тьмы, ринулись съ земли со всею злобою во адъ, для того, чтобы совокупными силами противустать могущественному Узнику, Который, сломивъ желѣзныя верени и сокрушивъ мѣдныя врата, могущественно снизшелъ въ узнице вѣчнаго мрака; снизшедши радостотворнымъ свѣтомъ осіялъ пренеподное жилище, благотворною теплою милости согрѣлъ души умершихъ, отъ вѣка еодержимыхъ узниковъ, души не только въ невѣріи и печестіи, но и въ вѣрѣ и покаяніи умершихъ людей.—Когда грѣхъ, какъ заразительная язва, вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть, а смерть простерла свое владычество на вѣхъ людей, потому что вѣе были заражены и заражались грѣхомъ (Рим. 5, 12.): то люди, по общему закону грѣховнаго тлѣнія умирая, вѣе вообще шеходили въ адъ, доколѣ Христосъ, какъ Искупитель вѣхъъ челоѣковъ, не пронелъ безсмертно путь смерти, и не открылъ путь въ райское святилище (Евр. 9, 8.), могущественно и побѣдоносно изъ безднъ адскихъ вошелъ въ самое небо, дабы ходатайствовать о насъ предъ лицемъ Божиимъ (24.). Итакъ вѣе адскія непріязненные силы съ своимъ княземъ тьмы устремли-

лись темною силою своею на необыкновеннаго Узника. Но обрѣтши въ этомъ чудномъ Узникѣ одну небесную истину, одну чистѣйшую правду, одно сіяніе Божественныхъ добродѣтелей, недоступное темному дѣйствію ихъ, напротивъ, какъ заразительную мглу, ихъ разъѣдавшее, какъ зловредный дымъ, рассыпавшее, съ ужасомъ отступили отъ побѣдоноснаго Пѣнника, или паче, отъ имѣвшаго ключи ада и смерти Побѣдителя, въ преисподнюю тьму побѣгли и въ глубинѣ тартара сокрылись. «Отверзошася
« Тебѣ, Господи, ностъ Церковь о славномъ со-
« шествіи во адъ Побѣдителя смерти, отверзо-
« шася страхомъ врата смертная, вратницы же
« адовы видѣвше Тя убояшася: врата бо мѣдная
« сокрушилъ еси, и вери желѣзныя стерлъ еси»
(Стихира воскр. 2 глас. на в. вечерни.).

Кто же это только сильный и могущественный Узникъ, ужасъ для власти темныя, радость для узниковъ смерти, жизнь и веселіе и для всѣхъ живущихъ? Это Сынъ Маріинъ, спшшедшій съ душею во адъ, яко Богъ. Такъ, и по естественному закону смерти, и по общему ученію Церкви, и по ясному свидѣтельству Слова Божія, Искупитель нашъ, Богочловѣкъ Іисусъ, по разрѣшеніи смертію души Его отъ тѣла, во время нетлѣннаго почиванія пречистаго тѣла во гробѣ, Божественною душею по общему закону смертныхъ, шшходилъ въ адъ, въ преисподнее

обиталище душъ по смерти; снисходилъ въ адъ, не какъ узникъ грѣха и плѣнникъ тлѣнія, но какъ Побѣдитель смерти и ада. Умершій плотию, но присно живой Духомъ, Онъ въ силѣ Божественнаго, Животворящаго Духа сошелъ въ преисподняя, и тамъ сперва обезсилилъ, низложилъ Божественною Своею Правдою и Святостію темныя начала и власти, открыто обличилъ немощь и злобу ихъ, и восторжествовалъ надъ ними (Кол. 2, 15.). Поселику князь тьмы не обрѣлъ въ Немъ ничего для темныя своя власти (Іоан. 14, 30.). Разсѣявъ Божественною силою враговъ Своихъ, Христосъ и въ адской темницѣ, до сошествія Его въ адъ содержавшей души всѣхъ умиравшихъ, проповѣдалъ духамъ, какъ говорится въ первомъ посланіи св. Апостола Петра (1 Пет. 5, 18—20.), противившимся иногда ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноевы, въ то время, когда строилъ Ной ковчегъ.

Ужели же Христосъ, Побѣдитель смерти и ада, и Освободитель Праведныхъ душъ изъ узилищъ адовыхъ, проповѣдалъ однимъ допотопнымъ грѣшникамъ, и что Онъ проповѣдалъ? Что проповѣдуетъ царь, когда въ день всеобщей побѣды надъ врагами и побѣднаго величія славы своей простираетъ милость свою и до узилищъ преступниковъ, входитъ въ оныя, обходитъ мрачныя храмины заключенныхъ, что тогда

царь возвѣщаетъ узникамъ? Конечно вообще возвѣщаетъ узникамъ милость свою о облегченіи участи ихъ, если они исправятся, а содержимымъ за легчайшія преступленія возвѣщаетъ даже прощеніе и свободу. Тоже и Царь неба и земли—Христосъ возвѣщаетъ въ адской темницѣ всѣмъ вообще узникамъ милость безконечнаго Своего искупленія, примиреніе съ Богомъ и прощеніе преступленій ихъ ради Божественныхъ заслугъ Его, если они обратятся къ Нему вѣрою и упованіемъ. Въ то же время Онъ, исходя со славою изъ узницъ ада и смерти, вывелъ съ Собою души отъ вѣка вѣрныхъ, издавна видѣвшихъ пришествіе Его, цѣловавшихъ обѣтованія о Немъ, и въ сладкомъ чаяніи спасенія чрезъ обѣтованнаго Избавителя скончавшихъ жизнь свою (Евр. 11, 13. 39.). Тогда же отверзъ и рай для всѣхъ вѣрныхъ душъ, въ который введенъ со всероднымъ праотцемъ Адамомъ и вѣрными праотцами и благоразумный разбойникъ со креста.

Почему же Христосъ—Побѣдитель смерти и ада, общій Искупитель и Избавитель челоѣковъ, представляется проповѣдующимъ въ адской темницѣ милость Свою однимъ душамъ допотопныхъ людей, противившихся долготерпѣнію Божію, простиравшемуся къ нимъ въ проповѣди Нисвой? Потому что допотопные преступники представляются, какъ особенный при-

мѣръ ожесточенныхъ и упорныхъ грѣшниковъ, которые при очевидномъ, продолжительномъ для нихъ дѣйствіи призывавшей ихъ къ обращенію благодати Божіей, оставались пераскаянными и несправимы. Хотя праведный Ной въ продолженіе ста двадцати лѣтъ проповѣдывалъ погрязшимъ въ плотскихъ нечистотахъ своимъ современникамъ о всемірномъ потопѣ, имѣвшемъ въ потребительныхъ водахъ погрузить всю землю, проповѣдывалъ и устнымъ возвѣщеніемъ и необыкновеннымъ строеніемъ огромнаго ковчега и поразительнымъ для взора приготовленіемъ всего пужнаго къ спасенію своего семейства и животныхъ, на сунѣ живущихъ : но обуяніе въ чувственной—скотоподобной жизни были глухи для проповѣди праведника и слѣпы для происходившаго предъ глазами ихъ необыкновеннаго строенія ковчега.

А впрочемъ когда открылся всемірный потопъ и люди, спасая себя отъ потопныхъ водъ на всѣхъ высотахъ, и всюду будучи достигаемы всепоглащающими водами, при ужасѣ очевидной смерти, безъ сомнѣнія, приходили въ чувство своихъ беззаконій и въ слезныхъ вопляхъ каялись предъ Богомъ: отсель они, какъ положившіе при смерти начало къ своему спасенію покаяніемъ, и представляются особенно предметомъ спасительной проповѣди милосердія Искупителя. Если же и самымъ ожесточеннымъ

преступникамъ проповѣдана Спасителемъ въ адѣ милость и обѣтованіе прощенія подѣ условіемъ принятія вѣрою заслугъ Его: то кольми паче прочимъ, менѣе ожесточеннымъ грѣшникамъ благовѣствовано Имъ во адѣ всеобщее искупленіе и чаяніе спасенія.

Что же такое адъ? Что темница адская? Что врата и заклепы адскіе? Адъ, преисподняя, есть мѣсто всегдашняго мрака, мѣсто отсутствія свѣта лица Божія, мѣсто лишенія благодатной теплоты мира, любви и благодати, мѣсто всегдашней печали, унынія, вздоховъ, воплей, отчаянія. Адскія узилища суть различные состоянія скорби и печали, по различному грѣховному состоянію душъ, которыя, по роду пороковъ и преступленій, по мѣрѣ тяжести и множеству содѣянныхъ ими злодѣяній, занимаютъ и сообразныя имъ узилища мрака, хлада и ужаса.

Отсель врата, твердыни, заклепы и веревъ адскія суть та сила злыхъ духовъ, тѣ смертные и противуестественные грѣхи, посредствомъ которыхъ человѣкъ становится плѣнникомъ діавола, какъ то: ожесточенная и пераскайная зависть, злоба, мщеніе, злоухищреніе и коварство, гордость и сребролюбіе, необузданное плотугодіе и сладострастіе, всѣ тѣ ожесточенныя во злѣ расположенія и растлѣнные навыки, не дающіе мѣста умиленію и сокрушенію, покая-

нію и исповѣданію грѣховъ, смиренію и кротости, благожеланію и благотворенію.

Христосъ разрушилъ заклепы злыхъ темныхъ силъ Своимъ безконечнымъ милосердіемъ, веренъ желѣзныя адскаго владычества сломилъ своими безпредѣльными заслугами, и отъ вѣка сѣдѣющихъ во тьмѣ и сѣни смертной извелъ во свѣтъ жизни Своєю благостію и милостію, правдою и святостію, которыя воплѣ въ Немъ соединились и, содѣлавшись очистительною жертвою за всѣхъ людей, прензбыточествовали и на самыхъ великихъ, но не нераскаянныхъ и не ожесточенныхъ грѣшникахъ и силою Своего Божества самого исконнаго врага, дѣлателя всякаго зла, съ его темными силами связалъ узами адскаго мрака, т. е. ограничилъ его въ темной власти и въ злобныхъ злоухищренныхъ дѣйствіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ омрачаетъ и ожесточаетъ людей неправдами и беззаконіями (2 Пет. 2, 4.). Посему нынѣ князь тьмы съ духами злобы поднебесными въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, въ Церкви Его и въ вѣрныхъ не держатъ ничего открыто дѣйствовать, какъ только тонкими злоухищреніями, и всюду именемъ Христовымъ, силою и знаменіемъ креста съ живою вѣрою употребляемыми, прогоняемы бываютъ. Убо сія благословенная суббота есть день благодатнаго новотворенія, въ который Единородный Сынь Божій, побѣдивъ смерть въ

самомъ адѣ, извелъ насъ отъ вратъ смертныхъ Своимъ побѣдоноснымъ шествіемъ изъ ада, за которымъ послѣдовало и живоносное воскресеніе Его.

Послику же начало мысленнаго ада полагается въ нашемъ сердцѣ, въ омраченіи ума, въ потѣмненіи смысла, въ потерѣ благочестія, въ отступленіи духа преступленіями отъ Бога: то будемъ молить Искушителя нашего, Христа Господа, чтобы сошелъ дѣйственно Божественными Своими заслугами въ наше сердце, и благовѣстивъ оправданіе, примиреніе и прощеніе нашему духу, извелъ оный изъ сѣни смертной въ свѣтъ жизни и правды. А если къ ужасу въ основаніи нашего сердца уже положены начатки кромѣшней тьмы, тяжкихъ, закоренѣлыхъ пороковъ, похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской: то будемъ вопіять къ Божественному Побѣдителю смерти и ада, чтобы сошелъ Своєю благодатною силою и крѣпостію въ основанія растлѣннаго существа нашего и тамъ сокрушилъ мѣдныя врата и желѣзныя веры нашихъ господствующихъ, преобладающихъ нами страстей, разсѣялъ въ насъ мысленный мракъ свѣтомъ Божественныя истины Своея, согрѣлъ хладное въ истинной любви къ Богу и ближнимъ сердце наше, растерзалъ узы грѣховныхъ пристрастій и преступныхъ привычекъ нашихъ, извелъ насъ изъ внутренней тьмы и

сѣни смертной, и силою воскресенія Своего
 возставилъ насъ на путь правды и истины, да
 якоже восталъ Онъ самъ славою Отчею, тако
 и мы въ обновленіи жизни ходити воскресені-
 емъ Его начнемъ (Римл. 6, 4.). Аминь.

К О Н Е Ц Ъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П О У Ч Е Н І Й

НА

СВЯТУЮ ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ.

Стр.

І. ПЕРВАЯ СЕДМИЦА ВЕЛИКАГО ПОСТА.

1. Напутствіе въ св. čtyредесятницу	5
2. Гласъ взаимнаго прощенія при вступленіи въ св. čtyредесятницу	11
3. Введеніе въ св. čtyредесятницу — въ навечеріи.	14
4. Понедѣльникъ 1-й недѣли поста.—Съ какими расположеніями надлежитъ вступать въ поприще поста?	17
5. Вторникъ.—Время поста есть самое благопріятное время для врачеванія душевныхъ недуговъ. . . .	24
6. Среда.—Св. čtyредесятница, какъ воспоминаніе čtyредесятидневнаго поста Спасителя, должна быть подражаніемъ примѣру Его	29
7. Четвертокъ.—Время поста, какъ время духовной печали, необходимо для врачеванія душевныхъ недуговъ	35
8. Пятница.—Время поста, какъ время самоиспытанія, есть самое благопріятное къ исправленію. . . .	42

9. Суббота. — О вѣшнемъ и внутреннемъ постѣ . . . 49
 10. Воскресеніе. — Въ чемъ состоитъ постъ благо-
 пріятный Господу? 62

II. В. ПОСТЪ.

11. Беседа въ недѣлю Православія 76

Въ недѣлю православія:

12. Слово 1., о чествованіи св. икопъ 83
 13. — — 2., о храненіи установленій Церкви 98
 14. — — 3., о власти, данной Церкви на непокоря-
 щихся 106

Во 2-ю недѣлю поста.

15. Въ болѣзняхъ надлежитъ напередъ врачевать душу
 нежели тѣло 123

Въ 3-ю недѣлю поста.

16. Беседа о поклоненіи кресту 133
 17. Слово 1., какъ надлежитъ отвергаться себя, по
 примѣру самоотверженія Христова . . . 140
 18. — — 2., о силѣ креста въ укрѣпленіи на крест-
 номъ пути и о необходимости несенія
 креста 157

Въ 4-ю недѣлю поста.

19. О дѣйствіи молитвы и поста въ уврачеваніи ду-
 шевныхъ болѣзней 169

Въ 5-ю недѣлю поста.

20. О совершенномъ преданіи воли нашей въ волю
 Божію 242

Въ день Благовѣщенія:

21. Слово 1., о богатныхъ свойствахъ 185
 22. — — 2., какъ мы можемъ быть утѣшеніемъ для
 ближнихъ? 201
 23. — — 3., что нужно, чтобы благодушно встрѣчать
 скорби? 245

24. Слово 4., о чистотѣ, какъ общемъ христіанскомъ
свойствѣ. 227

25. — — Съ какими чувствованіями должны мы окан-
чивать св. сорокадесятницу? 254

III. СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.

26. Суббота Лазарева .

Сказаніе о воскресеніи Лазаря. 263

27. Беседа о помазаніи Іисуса Марією, сестрою Ла-
заря, на вечери 272

Недѣля Вайй.

28. О торжественномъ вшествіи Іисуса Христа во Іе-
русалимъ. 278

29. Слово 1., Какъ мы должны сопровождать Іисуса
Христа на страданія? 287

30. — — 2., о томъ, что Іисусъ Христосъ содѣлываетъ
ѣ насъ спасеніе правдою и кротостію . . . 299

31. — — 3., о свойствѣ и дѣйстви кротости. . . . 314

32. Понедѣльникъ страстной седмицы: первая стезя
послѣдованія за Христомъ на страданіи — цѣло-
мудріе. 328

33. Вторникъ — во вторыхъ, духовное бодрствованіе. . 335

34. Среда — въ третьихъ, глубокое чувство грѣховно-
сти 343

35. Великій четвергъ.

Слово 1., на умовеніе погъ. 351

36. — — 2., на приобщеніе тѣла и крови Христовой. 368

37. Великій пятокъ.

Слово 1., о виновникахъ страданій и смерти Хри-
стовой. 380

38. — — 2., о Божественномъ долготерпѣніи Іисуса
на крестѣ. 406

39. — — 3., о снятіи со креста и погребеніи тѣла
Іисусова. 423

40. Слово 4., о виновности нашей въ страданіяхъ
Христовыхъ 439
41. — — 5., о чемъ мы должны плакать при взорѣ
на страждущаго Іисуса? 456
42. — — 6., какъ мы можемъ участвовать въ стра-
даніяхъ Христовыхъ? 475
43. Великая суббота : слово о стояніи и плачѣ Бого-
матери при крестѣ и о оплаканіи нами грѣховъ
своихъ при крестѣ. 491
44. Беседа о сошествіи Іисуса Христа во адъ. . . . 514

